

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/2022

Январь — Февраль

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор: А.В. Виноградов, д.полит.н.

Редакционная коллегия:

Островский Андрей Владимирович (д.э.н., проф., заместитель гл. редактора);
Дацышен Владимир Григорьевич (д.и.н., проф.);
Ломанов Александр Владимирович (д.и.н., проф. РАН);
Лукин Александр Владимирович (д.и.н., проф.);
Новоселова Любовь Владимировна (д.э.н.);
Портяков Владимир Яковлевич (д.э.н., проф.);
Салицкий Александр Игоревич (д.э.н.);
Стрельцов Дмитрий Викторович (д.и.н., проф.);
Самойлов Николай Анатольевич (д.и.н., проф.).

Иностранные члены редколлегии:

Одд Арне Вестаф, профессор, Йельский университет, США;
Ивасита Акихиро, профессор, Университет Хоккайдо, Япония;
Ким Сок Хван, профессор, Университет иностранных языков Хангук, Сеул, Южная Корея;
Сунь Чжуанчи, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН, КНР;
Янь Годун, декан факультета западных языков Института иностранных языков, Нанькайский университет, КНР.

Редакционный совет
Председатель В.В. Михеев, академик РАН.

О.Н. Борох, к.э.н.;
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф.;
А.З. Жебин, к.полит.н.;
А.Н. Карнеев, к.и.н.;
В.О. Кистанов, д.и.н.;
А.И. Кобзев, д.ф.н., проф.;
В.Н. Колотов, д.и.н., проф.;
А.Н. Королев, Ph.D.;
В.Л. Ларин, академик РАН.;
Я.В. Лексютина, д.полит.н., проф. РАН;
В.М. Мазырин, д.э.н.;
В.В. Малявин, д.и.н., проф.;
Н.Л. Мамаева, д.и.н.;
И.Ф. Попова, чл.-корр. РАН;
С.В. Уянаев, к.и.н.

Иностранные члены редакционного совета:

Алка Ачария, проф., Института китайских исследований (Нью-Дели, Индия);
Гуань Гуйхай, проф. Пекинский университет (КНР);
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин, КНР);
Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР);
Чжу Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция:

С.Н. Алексахина, к.э.н., *зав. отделом экономики;*
К.В. Асмолов, к.и.н., *зав. отделом Кореи;*
Т.Е. Горчакова, к.э.н., *зав. международным отделом;*
О.И. Казаков, *зав. редакцией;*
А.Н. Карнеев, к.и.н., *зав. отделом истории и внутренней политики;*
В.О. Кистанов, д.и.н., *зав. отделом Японии;*
А.Н. Коробова, к.филол.н., *зав. отделом культуры;*
Р.Ф. Кудакаев, *редактор;*
Е.М. Скворцова, *редактор;*
Д.Б. Славинский, *верстальщик;*
А.Б. Старостина, к.филос.н., *зав. отделом идеологии и философии;*
Л.Л. Сухадольская, *отв. секретарь.*

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32;
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdvjournal@mail.ru; URL: <http://FarEasternAffairs.ru>

Russian Academy of Sciences
Institute of Far Eastern Studies RAS

FAR EASTERN STUDIES

1/2022

January — February

The scientific, social and political journal,
published six times per year in Russian
and quarterly in English.
The first issue was published in March 1972.

Published under the supervision
of the Department of Global
Problems and International
Relations of the Russian
Academy of Sciences

Founders: Russian Academy of Sciences and the Institute of Far Eastern Studies RAS

Editor-in-chief: A.V. Vinogradov, DSc (Political Science)

Russian Editorial Board Members:

Datsyshen V., Dr.Sc. (History);
Lomanov A., Dr.Sc. (History), Prof. of RAS;
Lukin A., Dr.Sc. (History);
Novoselova L., Dr.Sc. (Economics);
Ostrovskiy A., Dr.Sc. (Economics) Deputy Editor-in-Chief;
Portyakov V., Dr.Sc. (Economics);
Salitskii A., Dr.Sc. (Economics);
Streltsov D., Dr.Sc. (History);
Samoilov N., Dr.Sc. (History).

Foreign Editorial Board Members:

Akihiro Iwashita (Hokkaido University, Japan);
Kim Seok Hwan (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea);
Sun Zhuangzhi (Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies,
CASS, PRC);
Odd Arne Westad (Yale University, USA);
Yan Guodong (Nankai University, PRC).

Editorial Council
Chairman Mikheev V., Academician of RAS

Borokh O., Ph.D. (Economics);
Karneev A., Ph.D. (History);
Kistanov V., Dr.Sc. (History);
Kobzev A. Dr.Sc. (Philosophy), Prof.;
Kolotov V., Dr.Sc. (History), Prof.;
Korolev A., Ph.D.;
Larin V., Academician of RAS;
Leksyutina Ya., Dr.Sc. (Political Sciences), Prof. of RAS;
Maliavin V., Dr.Sc. (History), Prof.;
Mamaeva N., Dr.Sc. (History);
Mazyrin V., Dr.Sc. (Economics);
Popova I., Corresponding Member RAS;
Uyanaev S., Ph.D. (History);
Voskresenskiy A., Dr.Sc. (Political Science), Prof.;
Zhebin A., Ph.D. (Political Science).

Foreign Members of the Editorial Council:

Acharia Alka, Prof., Director of the Institute of Chinese Studies (New Delhi, India);
Guan Guihai, Prof. Peking University (Beijing, China);
Hu Angang, Prof., Qinghua University (Beijing, China);
Wu Enyuan, Prof., Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, China);
Zhu Xianping, Prof., Jilin University (Changchun, China).

Editors Office

S.N. Aleksakhina, Ph.D. (Economics), *Head of the Economics Dept.*;
K.V. Asmolov, Ph.D. (History), *Head of the Dept. of Korea*;
T.E. Gorchakova, Ph.D. (Economics), *Head of the International Dept.*;
O.I. Kazakov, *Head of the Editors Office*;
A.N. Karneev, Ph.D. (History), *Head of the Dept. of History and Internal Policies*;
V.O. Kistanov, Dr.Sc. (History), *Head of the Dept. of Japan*;
A.N. Korobova, Ph.D. (Philology), *Head of the Dept. of Culture*;
R.F. Kudakaev, *Editor*;
E.M. Skvortsova, *Editor*;
D.B. Slavinsky, *Layout Designer*;
A.B. Starostina, Ph.D. (Philosophy), *Head of the Dept. of Ideology and History*;
L.L. Sukhadol'skaya, *Executive Secretary*.

Address: 32 Nakhimovsky prospect, Moscow, 117997, Russian Federation
Tel. (499) 124-09-02; E-mail: pdvjjournal@mail.ru; URL: <http://FarEasternAffairs.ru>

Содержание

Круглый стол

Круглый стол «Китаеведение современной России: проблемы и перспективы развития»	7
---	---

ПОЛИТИКА

<i>Вода К.Р.</i> Япония и США: каким будет союз при администрации Дж. Байдена?	40
<i>Игнатов И.А.</i> Монгольская внешнеполитическая концепция «третьего соседа»: история, особенности и перспективы	53
<i>Трунов Ф.О.</i> Особенности стратегического проникновения ФРГ на Дальний Восток в начале 2020-х гг.	68
<i>Рамич М.С., Горбиль П.Р., Коростелева Е.И.</i> Трансформация американоцентричной системы региональной безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе 2012–2020 гг.	81

ЭКОНОМИКА

<i>Вахрушин И.В.</i> Китайские компании на фондовых биржах США в условиях обострения китайско-американских отношений: взаимосвязь рынков, риски делистинга и возможные сценарии	96
<i>Сербина Е.М.</i> Некоторые аспекты деятельности «политических» банков КНР на современном этапе	111
<i>Вэй Лянь, Ван Мэнлин.</i> Практические исследования экспериментальной зоны свободной торговли Фуцзянь в Китае.....	127

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>Чубаров И.Г.</i> Развитие городов Китая в рамках госпрограммы «урбанизации нового типа»	139
<i>Селиверстова Ю.А.</i> Проблемы детей трудовых мигрантов в КНР на современном этапе: обзор китайских и зарубежных исследований.....	149

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

<i>Лебедев В.В.</i> Советская военная администрация и создание органов охраны правопорядка в Северной Корее в 1945 году	163
---	-----

ИСТОРИЯ

<i>Дацьишен В.Г.</i> Проблемы конфликта на КВЖД в трудах советских ученых первой половины XX в.	180
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Лексютина Я.В.</i> Рецензия на учебное пособие: Политика безопасности стран современного Востока / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. 280 с.	192
--	-----

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Юбилей Валентины Петровны Журавлёвой.....	195
---	-----

Contents

ROUND TABLE

Round Table «Sinology in Modern Russia: Problems and Prospects»	7
---	---

POLITICS

<i>Voda K.R.</i> Japan and U.S. in the Indo-Pacific Region under the J. Biden Administration	40
<i>Ignatov I.A.</i> Mongolian "Third Neighbor" Foreign Policy Concept: History, Features and Prospects.....	53
<i>Trunov Ph.O.</i> The Features of German Strategic Pervasion to the Far East in the Early 2020s	68
<i>Ramich M.S., Gorbil P.R., Korosteleva E.I.</i> Shaping of the U.S. Regional Security Framework in the Indo-Pacific Region in 2012–2020.....	81

ECONOMICS

<i>Vakhrushin I.V.</i> Chinese Companies on the US Stock Exchanges in the Context of Aggravation of Sino-American Relations: the Relationship of the National Markets, Delisting Risks and Possible Scenarios.....	96
<i>Serbina E.M.</i> Some Aspects of Chinese Policy Banks' Activity at the Present Time	111
<i>Wei Liyan, Wang Mengling.</i> A Study on the Pilot Experiment of Fujian Pilot Free Trade Zone.....	127

STATE AND SOCIETY

<i>Chubarov I.G.</i> Chinese Urban Development under the “New Type Urbanization”	139
<i>Seliverstova Yu.A.</i> Problems of Children of Internal Labor Migrants in Modern China: Analysis of Recent Studies.....	149

MILITARY BUILD-UP

<i>Lebedev V.V.</i> The Soviet Military Administration and the Creation of the North Korean Police in 1945	163
--	-----

HISTORY

<i>Datsyshen V.G.</i> Problems of the Conflict on the CER in the Works of Soviet Scientists of the First Half of the XX Century	180
---	-----

BOOK REVIEW

<i>Leksyutina Ya.V.</i> Textbook Review: Security Policy of the Countries of the Modern East / ed. D.V. Streltsov. Moscow: Publishing House “Aspect Press”, 2021. 280 p.	192
---	-----

SCHOLAR JUBILEE

Anniversary of Valentina Petrovna Zhuravleva	195
--	-----

КРУГЛЫЙ СТОЛ / ROUND TABLE

Круглый стол «Китаеведение современной России: проблемы и перспективы развития» Round Table «Sinology in Modern Russia: Problems and Prospects»

8 ноября 2021 г. журнал «Проблемы Дальнего Востока» провел круглый стол, посвященный 50-летию журнала, на тему: «Китаеведение современной России: проблемы и перспективы развития». В круглом столе приняли участие:

К.М. Барский, к.и.н., посол по особым поручениям МИД России, старшее должностное лицо России в АТЭС, профессор кафедры дипломатии МГИМО (У) МИД России, профессор кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО (У) МИД России, заместитель Председателя Общества российско-китайской дружбы;

А.В. Виноградов, д.полит.н., главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока», руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, профессор РУДН;

Т.Л. Гурулева, д.пед.н., в.н.с. Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, профессор кафедры дальневосточных языков Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

В.Г. Дацышен, д.и.н., профессор, профессор Сибирского федерального университета, Институт востоковедения РАН;

А.Н. Карнеев, к.и.н., руководитель Школы востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

А.И. Кобзев, д.филол.н., профессор, г.н.с. Центра изучения языка, литературы и культуры России Хэйлунцзянского университета; заведующий отделом Китая Института востоковедения РАН; директор, руководитель Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, департамент философии Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт»; руководитель Учебно-научного центра «Философия Востока» Российского государственного гуманитарного университета;

В.Л. Ларин, д.и.н., академик РАН, г.н.с., руководитель Центра глобальных и региональных исследований ИИАЭ ДВО РАН;

А.В. Лукин, д.и.н., профессор, руководитель департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД России;

А.В. Ломанов, д.и.н., профессор РАН, руководитель Центра Азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник ИДВ РАН;

В.В. Малявин, д.и.н., профессор департамента зарубежного регионоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

А.В. Островский, д.э.н., профессор, руководитель Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока»;

В.Я. Портяков, д.э.н., профессор, г.н.с. Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН;

А.И. Салицкий, д.э.н., г.н.с. Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН им. Е.М.Примакова;

Н.А. Самойлов, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой теории общественно-го развития стран Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ;

Янь Годун, декан факультета западных языков Института иностранных языков Нанькайского университета (КНР).

«Китай такая страна, которая заслуживает своего института»

С.Л. Тихвинский

К.М. Барский. Китайская цивилизация как один из наиболее самобытных и живучих феноменов в истории человечества должна заслуживать особого внимания со стороны мирового научного сообщества.

Переосмысление в первой четверти XXI в. роли государства в обеспечении национальной и международной безопасности, социально-экономического развития общества, морально-этического и духовного бытия человека, сделанный большинством исследователей вывод о возможности сосуществования различных моделей общественного устройства и различных путей развития, неминуемо повысит интерес к изучению Китая как носителя альтернативной Западу идеологии.

Формирование многополярного мира будет одновременно означать формирование «китайского мира», что в случае значительного усиления Китая как второй мировой державы может привести к складыванию «китаецентричного» миропорядка. Это предопределяет особое место китаеведения в современном социогуманитарном знании, диктует объективную востребованность китаеведения, а следовательно, требует углубленного изучения всех сторон жизни современного Китая и вновь возникающих политических и экономических реалий, а также китайской политической культуры, общественно-политической мысли, менталитета, ценностей и поведенческой психологии китайской нации в новых условиях.

В США и Европе изучению Китая уделялось и уделяется всевозрастающее внимание, однако Запад никогда не мог до конца понять Китай. Россия с ее уникальной способностью «обнимать» иные цивилизации и культуры, с интернационалистским менталитетом ее народа и мощнейшей школой синологии отличалась и фундаментальным знанием, и глубоким пониманием Китая.

А.В. Островский. Роль китаеведения в мире всегда была значительной хотя бы в силу того, что Китай занимает 1-е место в мире по общей численности населения, а история Китая насчитывает свыше 4 000 лет.

Китай постепенно становится центром притяжения для многих развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Уже в конце XX в. некоторые страны стали перенимать китайский опыт: Вьетнам, Сирия, Алжир. Иными словами, опыт строительства социализма «с китайской спецификой» получил широкое распространение. В этой связи чрезвычайно важным направлением остается подготовка кадров по проблемам китайского права и экономики, которые могли бы обеспечивать сопровождение российско-китайских контрактов в сфере экономического сотрудничества.

А.Н. Карнеев. Российское китаеведение всегда давало важнейшие средства для понимания нашего соседа, для диалога цивилизаций, тем самым создавая механизм для налаживания и развития связей между странами и народами. Все эти качества нашей профессии становятся особенно актуальными в условиях нового качества глобальной роли Китая. Начиная с 19-го съезда КПК, в Китае говорят о наступлении «новой эпохи», что было перенесено в том числе и на сферу российско-китайских отношений. В 2018 г. Си Цзиньпином была выдвинута концепция «беспрецедентных перемен, происходящих один раз в сто лет». В каком-то смысле слова эти и подобные им концепты призваны популяризовать, прежде всего в сознании китайских граждан, представления о том, что мир с неизбежностью вступает в «век Китая». При этом меняется подход китайской стороны

к контактам, в том числе с китаеоведами. В Китае выделяются большие деньги на изучение зарубежных китаеведов, в том числе российских. Также, как считают некоторые аналитики, постепенно растет и давление в плане влияния на содержание исследований, особенно по политике и экономике, чтобы они стали более соответствующими линии Пекина. Напористость во внешней политике проецируется и на эту область. Это требует от китаеведов более систематических обсуждений о том, где и в каком состоянии находится отечественная синология как научная и образовательная сфера, какие задачи должны ставиться перед ней обществом и государством.

А.В. Виноградов. Говоря о китаецентричности, мы часто забываем, что современный мир уже несколько сот лет западнцентричный. Этот период закономерно подошел к концу. Стремительный рост Китая, Японии, азиатских «драконов» и «тигров» привел к формированию на Дальнем Востоке сначала экономического, а затем и политического полюса мира. Выяснилось, что догнав Запад по экономическим показателям, Восток не потерял своей идентичности, закономерности его общественного развития по-прежнему отличаются от европейских, а переход в цифровую эпоху открывает для него новые возможности. Необходимость познания старых и новых закономерностей повышает роль китаеведения и востоковедения в целом. Вслед за этим Восток неизбежно превратится и в интеллектуальный полюс мира. Похоже, что не астрономы и космонавты, как ожидалось, а скорее китаеведы и другие востоковеды смогут открыть новые, точнее, вероятно, затерянные пару столетий назад миры, что неизбежно отразится на понимании сущности и законов человеческой цивилизации в целом. Роль в этом повороте изучения Китая и Тихоокеанской конфуцианской Азии исключительно велика.

А.И. Кобзев. Ныне вновь обострился вопрос о научном и педагогическом статусе или даже самом существовании востоковедения как якобы устарелой недонауки или идеологизированной псевдонауки¹. Подобная тематика обсуждалась в российской синологии еще с XIX в., поскольку из всех высокоразвитых культур Востока китайская является самой синкретичной, а наука о ней – самой синтетичной. Стоящая за этим реальная науковедческая, культурологическая и даже геополитическая проблема нуждается в глубоком рассмотрении. Востоковедение (ориенталистика, ориентализм) пока не составляет с западноведением (оксиденталистикой, оксидентализмом) равноценной пары, но предложения о введении таковой в научный оборот уже прозвучали.

Русский термин «востоковедение» может максимально соответствовать его псевдомарксистскому и европоцентристскому пониманию как «западных концепций Востока», поскольку «ведение» в современном языке означает в первую очередь «управление», а не «знание». Связанная с этим лингвистическим фактом и до сих пор внятно не объясненная претензия руководства КНР к названиям Института востоковедения и Института китаеведения АН СССР привела в июле 1960 г. к переименованию первого и упразднению второго.

Согласно этой бюрократической логике, видимо царящей в директивных инстанциях и поныне, Институт китаеведения предназначался для решения «простых вопросов», а такая простота поистине хуже воровства, поскольку может оборачиваться катастрофами. Так и произошло, когда мираж «великой дружбы» и «вечного братства» рассеялся, и противостояние двух коммунистических гигантов дошло до пролития крови в столкновении на границе 2–15 марта 1969 г., а уже 28 марта Постановление Президиума АН СССР № 263 вновь преобразовало Институт народов Азии в Институт востоковедения, однако без восстановления Института китаеведения, поскольку уже с 1966 г. существовал заменивший его Институт Дальнего Востока АН СССР. В советское время, по

1. См. об этом подробно: *Кобзев А.И.* Научный статус востоковедения и судьба российской китаистики // *Проблемы Дальнего Востока*, 2021. № 6. С. 77–104.

словам А.В. Лукина, он «постепенно превратился в специализированное учреждение по «критике маоизма», которой занимались десятки его сотрудников (в шутку прозванных в научных кругах «китобоями»), публикуя свои труды в многочисленных открытых, но чаще всего закрытых изданиях»².

Исторически сформировавшийся со времен Петра I привилегированный статус востоковедения и особенно синологии как государственной дисциплины, связанной с достижением важных внешнеполитических целей, имеет и весьма негативную обратную сторону. При легкости решаемых задач государственное внимание к этой сфере ослабевает, а при сложности – ее максимально политизирует, отчего в обоих случаях понижается научный уровень исследований, которые перерождаются в справочные материалы и экспертные оценки, в производстве которых на смену ученым легко приходят практики и журналисты. В СССР научность востоковедения и синологии поддерживалась инерцией традиционного академизма, которая и в советское время уменьшалась, а за постсоветское тридцатилетие совсем ослабела, особенно в безвременье 1990-х, когда число профессионалов тут уменьшилось в разы и рассеялось целое поколение ученых. Дело дошло до публикаций в СМИ, утверждающих, что в России «государство ушло из китаистики», где «остались пенсионеры, дебилы и сумасшедшие» или, еще хуже, «шарлатаны, шаманы и шайтаны». Действительно, для востоковедения и синологии опасна как слишком тесная, удушающая связь с государством, так и обездоливающая полная отстраненность от него, особенно если она никак не компенсируется хорошо известными в мировой практике механизмами поддержки, тем более что последние, подобно РГНФ, на нашей почве также плохо приживаются.

В противовес такому исследовательскому разброду и шатанию Восток, и прежде всего Китай из состояния «отсталости навсегда», как утверждали некоторые мудрецы еще полвека назад, превратился в один из главных центров мирового развития, для подлинно научного осмысления чего в России требуется не только новая институализация востоковедения и синологии, но и выработка для них новой методологии, поскольку ранее общепринятая в СССР себя дискредитировала как теоретически, противопоставив «советскую» науку «буржуазной», так и практически, что ярко показал пример с ликвидацией Института востоковедения.

Состояние современного китаеведения в России

А.В. Лукин. Оценивая состояние китаеведения в сегодняшней России, мы должны сравнивать его с каким-то образцом, идеальной моделью. Для меня моделью, близкой к идеальной, хотя, естественно, имевшей свои недостатки, было китаеведение в позднем СССР, когда я начинал работать как исследователь. Тогда, в 1989 г. я после нескольких лет, проведенных в советском посольстве в Китае, поступил младшим научным сотрудником в Отдел Китая Института востоковедения АН СССР. Ситуация, которую я застал тогда, можно описать в трех пунктах, которые, как мне кажется, должны быть характерны для китаеведения любой великой страны.

Первое – это охват экспертизой всех или большинства направлений дисциплины. В то время только в одном Отделе Китая нашего института работало более 50-ти человек. Кроме того, специалисты по истории и культуре Китая трудились в научных центрах и вузах других городов и республик СССР: во Владивостоке, Ленинграде, Ташкенте, Риге и т.д. В Москве активно работал также Институт Дальнего Востока АН СССР, количество сотрудников которого, было, кажется, более 300 (а сегодня – менее ста). Он был более политически ориентирован, большая часть его исследователей занималась современ-

2. Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России (Работы о Китае и российско-китайских отношениях): Сборник статей. М.: Международные отношения, 2015. С. 760.

ной ситуацией и внешней политикой Китая, издавал книги по этой тематике и направлял закрытые информационные записки в ЦК КПСС и другие государственные ведомства. Отделы, занимавшиеся Китаем, были и в других институтах РАН.

Если бы в то время была поставлена задача написать комплексную историю Китая, то в стране можно было найти специалиста практически по каждой эпохе и теме: внутреннему устройству, экономике, культуре, внешней политике, языку. И этим, собственно, и отличается великая страна: страна, в которой изучают не просто то, что сейчас происходит, и что в данный момент в связи с этим нужно предпринять, но которая может позволить себе еще и фундаментальную науку, глубокие и широкие исследования, без которых сложно адекватно понять современность. Классическое китаеведение относится к этой фундаментальной сфере. И это особенно важно в случае с Китаем. Может нам не надо так изучать любую страну, но Китай – это наш ближайший сосед, крупнейшая мировая цивилизация, и она важна как в теоретическом, так и очень даже в практическом плане: Китай – дружественная держава, у которой мы ищем поддержки, он уже более десятилетия наш первый торговый партнер и т.д. Тем не менее, мне кажется, что сегодня в России можно найти больше специалистов, скажем, по Франции или Германии, по разным периодам их истории, чем по Китаю. Потому что вся эта система комплексного китаеведения в 90-е годы прошлого века была разрушена. Просто физически ушли люди, которые занимались многими темами, их больше нет, и на замену им никто не пришел. Кто-то умер, кто-то уехал за границу.

Второе. Взаимодействие несколько крупных центров, которые если не координируют, то как бы вдохновляют специалистов, работающих в других городах. И в регионах посредством организации различных научных связей и мероприятий создают атмосферу общности, не дают им чувствовать своего одиночества. В советское время в Москве таких центров было, по крайней мере, два. О них уже говорилось, там проводились ежегодные общесоюзные конференции, издавались сборники и коллективные монографии, где печатались и работы специалистов из других регионов. Можно добавить еще отдельную школу ленинградского китаеведения, которая была еще более фундаментальной и включала тибетоведение, маньчжуроведение и монголоведение.

Сегодня все они пребывают в состоянии разной степени плачевности. Некоторое возрождение в последние годы, впрочем, наблюдается. В том же Институте востоковедения РАН появляются новые молодые люди, которые изучают сложные исторические или юридические проблемы Минской или Танской династий, издаются переводы классических источников. Это все совершенно прекрасно. Но пока все это делается в значительно более скромных масштабах, экспертиза имеющихся специалистов пока не охватывает всех тем и эпох, то есть не является комплексной.

Третий пункт – это финансирование. С 1950-х годов, причем независимо от состояния отношений с Китаем, а в них были и хорошие, и плохие времена, всегда считалось, что Китай необходимо изучать. И финансировалось именно китаеведение. Был создан журнал «Советское китаеведение», потом его закрыли, но стал выходить журнал «Проблемы Дальнего Востока», который не полностью, но по большей части был посвящен Китаю. Издавалось множество книг и других материалов. Их тиражи и общественный интерес к ним был огромен по сравнению с сегодняшним.

Сегодня, после периода упадка, наука в целом стала финансироваться лучше. Ученый, имеющий способности и умеющий ориентироваться в сложной системе грантов, оценок публикационной активности и т.п., имеет возможность заработать себе на жизнь. Но это не относится к какой-либо конкретной науке, в том числе к китаеведению, ценится ширина подхода, писать надо не на узкую тему специализации, а на ту, куда выделили средства. Я не слышал такого, чтобы в последние десять лет какой-то крупный грант выдали именно на изучение Китая, китаеведческому центру или по китаеведческому направлению. Недавно, правда, мы в НИУ ВШЭ получили грант РФФИ по теме час-

точно китайской: «Проблемы и специфика развития национальных школ политической мысли России и Китая: исторический и концептуальный анализ». Но деньги там совсем небольшие, и он наполовину финансируется Китайской академией общественных наук. Да и сам РФФИ уже закрыли, что будет дальше – неизвестно.

К.М. Барский. Состояние современного китаеведения в России оставляет желать лучшего. Неудовлетворительная ситуация наблюдается во всех без исключения измерениях – в китаеведческой науке, в области преподавания китайского языка, истории, политического устройства, экономики, литературы и внешней политики Китая, а также в сфере практического китаеведения.

В этом состоит главный парадокс сложившейся на сегодняшний день ситуации. С одной стороны, Китай – наш стратегический партнер, сотрудничество с ним является ключом к решению важнейших проблем России в области безопасности, экономики и мировой политики. Россия имеет все основания гордиться сильной, опирающейся на большую традицию и глубокие исследования школой китаеведения. Россияне в целом позитивно относятся к Китаю, к его культуре, к возможностям, которые открывает сотрудничество с китайскими компаниями и выход продукции российских экономических операторов на китайский рынок. Интерес к Китаю в российском обществе неуклонно растет. Сегодня наблюдается повальное увлечение граждан России китайским языком, на что указывает впечатляющая статистика взрывного роста числа вузов и школ, вводящих в свои учебные программы преподавание китайского языка. В настоящее время китайский язык в России изучают 26 тыс. студентов в 230 вузах и 19 тыс. школьников в 130 средних школах. С 2019 г. китайский язык вошел в систему государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования (ЕГЭ) как пятый иностранный язык по выбору. Это не может не вселять оптимизм.

С другой стороны, изучение Китая и подготовка китаеведов, к сожалению, не относятся к числу приоритетов политики государства.

Т.Л. Гурулева. По результатам проведенного Центром лингвистических исследований при Ярославском государственном педагогическом университете им. К.Д. Ушинского в 2017 г. исследования, количество изучающих китайский язык в России составляет около 56 тыс. человек. В 1997 г. китайский язык учили 5 тыс. россиян, в 2007 г. – уже 17 тыс., а в 2017 г. – около 56 тыс. Основным ресурсом для изучения китайского языка в России являются вузы – 39% от общего числа учебных заведений. Число общеобразовательных школ составляет 31%, частные школы и курсы – 25%, институты Конфуция – 5%³.

По данным Рособрандзора в 2018 г. в средней школе китайский язык изучался в 34 субъектах РФ в 168 образовательных организациях. Количество учащихся, изучающих китайский язык, составляло более 17 тыс., из них около 3 тыс. человек – старшеклассники. Более 10 тыс. школьников изучали китайский язык в рамках обязательной программы в 75 школах.

Преподавание китайского языка в обязательной программе или факультативно уже ввели более 5% столичных общеобразовательных школ (69 из 1 364 учебных заведений), преподают более 200 учителей⁴.

Среди новых положительных тенденций необходимо отметить начавшиеся процессы унификации обучения китайскому языку в средней школе как первому; вве-

3. Интерес к китайскому языку в РФ вырос втрое за 10 лет — доклад. 24.07.2017. URL: <http://ekd.me/2017/07/interes-k-kitajskomu-v-rf-vyros-vtroe-za-10-let-doklad/> (дата обращения: 07.11.2021).

4. Рособрандзор рассказал о ЕГЭ по китайскому языку. URL: http://obrnadzor.gov.ru/ru/press_center/news/index.php?id_4=6894 (дата обращения: 07.11.2021).

дение в образовательный процесс средних школ китайского языка как второго (с 2018 г.), сопровождающееся разработкой всей необходимой методической базы; включение китайского языка в перечень школьных дисциплин, по которым сдается ЕГЭ по выбору (с 2019 г.) и в перечень Всероссийской олимпиады школьников (с 2015 г.). Данные ЕГЭ по китайскому языку за 2019 г. и 2021 г. показывают рост числа сдающих ЕГЭ (с 178 до 251), увеличение среднего балла (с 66,87 до 67,95), увеличение количества высокобалльников (с 35,15% до 43,43%), уменьшение количества человек, не прошедших испытание (с 8,7% до 3,59%).

Что касается изучения китайского языка в вузах России, то в 2015 г. китайский язык изучали свыше 37 тыс. человек, в том числе 19 тыс. – в вузах⁵. Согласно данным Ассоциации развития синологии (АРС), количество вузов, осуществляющих обучение китайскому языку, составляет 89 (программы подготовки бакалавров – 84 вуза, магистров – 34, специалитета – 5). Кроме того, в России функционирует 19 Институтов Конфуция и 5 Классов Конфуция.

Н.А. Самойлов. В настоящее время российское Китаеведение переживает тяжелый, быть может, даже трагический период своего развития. За последние годы ушли из жизни почти все представители старшего поколения отечественных Китаистов, очень печальным в этом отношении оказался прошедший 2021 г. «Среднее» поколение стареет, а притока молодых кадров почти нет. И это притом, что подготовка студентов, изучающих китайский язык в российских вузах, постоянно растет. Однако в науку идут единицы. Особенно тяжелым мне представляется ситуация, складывающаяся в области изучения истории Китая.

Китаисты моего поколения хорошо помнят те времена (1970–1980-е гг.), когда еще будучи студентами или аспирантами, мы приезжали в Москву на конференцию «Общество и государство в Китае» и в переполненном зале слушали блестящие выступления ведущих Китаистов-историков. Точно так же, при большом количестве участников и слушателей, проходили историографические конференции на Восточном факультете Ленинградского университета. Можно вспомнить десятки имен отечественных Китаистов, изучавших различные периоды истории Китая от древности до современности. В то время Китаисты существовали в каком-то едином интеллектуальном пространстве. Все знали друг друга, знали, кто чем занимается, хотя Китаистов-историков было существенно больше, чем сегодня, и занимались они практически всеми периодами истории Китая. Сейчас, казалось бы, технических возможностей стало больше, однако ощущение разобщенности возрастает. Китаистические центры варятся в собственном соку, научные контакты сократились, нет совместных исследовательских проектов.

Практически перестали выходить фундаментальные монографии по истории Китая (в 1970-е гг. их выходило несколько десятков в год). В Санкт-Петербурге, правда, продолжается работа по переводу и изданию китайских источников, и, что отрадно, к этим проектам удается привлекать молодых Китаистов.

Если современностью и отчасти древностью все-таки у нас занимаются, то молодых людей, кто хотел бы заняться историей династии Цин, почти нет. Никто не хочет изучать новую историю Китая. Когда у нас пытались ввести преподавание маньчжурского языка и даже создать специальное отделение, это не вызвало энтузиазма у абитуриентов и обучающихся. Зачем изучать маньчжурский язык, если он не пригодится в практической деятельности, рассуждают современные студенты. А ведь всерьез заниматься историей цинского Китая и историей российско-китайских отношений невозможно без знания маньчжурского языка и умения читать тексты того времени.

5. Экзамен на знание китайского. URL: <https://vz.ru/society/2016/2/1/791640.print.html> (дата обращения: 07.11.2021).

В.Г. Дацышен. Я хотел бы начать с того, что не согласен с тем, что сегодня ситуация в России намного хуже, чем это было в советское время. Нельзя игнорировать закон о переходе количества в качество. Сегодня сотни тысяч россиян, и детей и взрослых, учат китайский язык. Китайский язык преподается в университетах в большинстве крупных городов России. Даже на завершающем этапе советской истории на востоке – во всей Сибири и на Дальнем Востоке китайский язык можно было изучать только в трех вузах. Сегодня, если не считать проблем связанных с карантинными мероприятиями в связи пандемией, сотни тысяч россиян, взрослые и дети, регулярно посещают Китай, многие живут и учатся там. Без сомнения, запросы российского общества на продукцию отечественного китаеведения, гораздо выше, чем это было в прошлом. Людей, которые могут быть привлечены в профессиональное китаеведение, сегодня в России гораздо больше, чем в прошлом. И последние достижения российского китаеведения в виде масштабных научных и литературных переводов, о чем в советское время и мечтать было нельзя, или появления новых авторитетных научно-образовательных китаеведческих центров в Москве и регионах, где еще 30 лет назад вообще не было ни специалистов, ни традиций, а также стабильные и плодотворные отношения между Россией и Китаем в сложных экономических и политических условиях на протяжении всего постсоветского периода являются в значительной мере отражением высокого уровня российского китаеведения.

В.Я. Портяков. Если сравнивать «по вертикали», то есть хронологически, то последнее двадцатилетие стало самым плодотворным периодом за всю историю китаеведения в СССР и современной России. Подготовлены и опубликованы такие крупные работы, привлекшие внимание международных научных кругов, как документальная история отношений «Коминтерна, ВКП (б) и КПК», «Духовная культура Китая», 10-томная «История Китая». В постсоветский период российское китаеведение вполне адекватно описало и оценило процессы модернизации, реформ и внешнеэкономической открытости Китайской Народной Республики, эволюцию политической системы страны, развитие российско-китайских отношений. Изучение внешней политики КНР в целом несколько отстает: оно представлено главным образом статьями публикациями при небольшом числе обобщающих монографий, особенно индивидуальных. Свои основные задачи – сохранение и приумножение знаний – российское китаеведение выполнило. Можно сказать, что из всех страноведческих дисциплин в нашей стране именно китаеведение сохранилось лучше всего и оказалось наиболее производительным. Однако еще с одной функцией – подготовкой кадров для обеспечения преемственности поколений и качества работы – китаеведение справилось хуже. Рост числа изучающих в вузах страны китайский язык никоим образом не компенсирует сокращение числа квалифицированных китаеведов. Вполне можно ожидать в самое ближайшее время и на длительный период существенного снижения качества основной массы российских публикаций по современному Китаю.

Сравнение по горизонтали показывает неплохие позиции современного российского китаеведения в мире. По общему количеству соответствующих публикаций, в том числе индивидуальных монографий, Россия, похоже, вполне сопоставима с США, равно как и по числу китаеведов первого ряда (их немного в обеих странах). Уступаем мы лишь по изучению международно-политической проблематики, связанной с Китаем. Все остальные страны, включая лидеров «остального мира» – Германию, Великобританию, Индию – Россия пока еще превосходит. Также вполне сопоставимы объемы и качество российских исследований современного Китая с достижениями китайского китаеведения.

Янь Годун. Я начал изучать российское китаеведение 20 лет назад и много лет занимаюсь подготовкой докторов по этому научному направлению в Нанькайском университете КНР. Изучение российского китаеведения в Китае началось со сбора информа-

ции о зарубежных гуманитарных и социальных науках в 1980-х гг., а затем в конце прошлого века началось систематическое изучение истории развития российского китаеведения. Российское китаеведение отличается как от европейского и американского, так и от восточноазиатского. В течение трех периодов своего развития (царская Россия, Советский Союз и РФ) российское китаеведение продемонстрировало уникальную традицию и отличительные особенности.

В последние годы китайские ученые начали проводить более углубленное исследование достижений российских китаеведов в различных областях науки. В то же время начался перевод и публикация важнейших китаеведческих трудов, из которых большое значение, несомненно, имеют многотомные «Духовная культура Китая» и «История Китая». Эти два монументальных произведения были созданы совместными усилиями сотен выдающихся русских китаеведов трех поколений. Первое представляет собой крупнейшую энциклопедию китайской культуры, а второе – крупнейшую всеобщую историю Китая. Оба привлекли большое внимание китайской научной общности, перевод и издание их были одобрены Национальным научным фондом социальных наук Китая как крупные проекты, в реализации которых приняли участие более ста высокопрофессиональных китайских русистов.

Нанькайский университет является центром по изучению российского китаеведения. В последние десять лет здесь защищена серия докторских диссертаций по изучению китайской литературы, истории, философии и религии в России, подготовлена группа молодых профессиональных ученых, занимающихся исследованием российского китаеведения. Успешно идет перевод «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века», опубликован ряд рецензий, ждут защиты пять докторских диссертаций на эту тему. В общем, когда китайско-русские отношения стали настоящим образцом межгосударственного сотрудничества в XXI в., настал и период самого тесного академического диалога между российскими китаеоведами и китайскими русистами.

А.И. Салицкий. Положение дел в российском китаеведении представляется вполне удовлетворительным. В сравнении, например, с отечественной индологией дела вообще выглядят совсем неплохо, особенно по числу и квалификации синологов, количеству и качеству работ. Другое дело – организационные проблемы, о которых сегодня уже говорилось и еще будет сказано.

Есть перемены и в подаче информации для массовой аудитории – о китайской угрозе уже прямо не пишут, но и других «перлов» предостаточно. При этом в большинстве российских СМИ прочно утвердилось *снисходительное, поверхностное* и несколько развязное отношение к Китаю – идет ли речь о проблемах нашего соседа или его достижениях. Для такого взгляда остается все меньше оснований, поскольку в своем уверенном движении вперед КНР нас обходит: в 2015 г. сравнялись средние заработные платы в двух странах, а в 2020 г. Китай опередил Россию и по уровню душевого ВВП (по курсу валюты). Цены же в обеих странах примерно одинаковые при куда меньшей инфляции в КНР. Примерно равный уровень благосостояния граждан в обеих странах (при этом Китай относит себя к развивающимся странам), на мой взгляд, благоприятный фактор для развития сотрудничества (включающего и развивающиеся государства), объективной оценки собственных возможностей, но это – отдельная тема.

Последняя новость из Китая – особое внимание к фундаментальным исследованиям, которые получают дополнительное финансирование. Здесь открывается некоторое пространство для плодотворного и долгосрочного двустороннего сотрудничества.

А.В. Виноградов. Состояние российского китаеведения, как и большинства других сфер жизнедеятельности, отражает ситуацию в государстве, которое переживает затяжной кризис. Главная его причина в том, что с «перестройки» в государственной политике прожектерство вытеснило профессионализм и эффективность. Все это сопровождается

ется упразднением ответственности: очередной реформатор после провала своих начинаний спокойно переходит на новое место, часто с повышением.

Действительно, у российского китаеведения в XXI в. есть достижения, но и «Духовную культуру Китая» и «Историю Китая» написали в абсолютном большинстве ученые, состоявшиеся уже в советский период, которые подводили черту под тем периодом своей деятельности. В определенной степени эти достижения стали следствием ухода государства из науки. Лишившись госзаказа и получив свободу, китаеведы смогли верно определить научные приоритеты и сконцентрировать на них имеющиеся ресурсы. Сейчас этот период по естественным причинам подошел к концу.

После того как государство самоустранилось, направления и школы изучения современного Китая, формировавшиеся с 1950-х годов, разрушаются, китаеведение вновь становится уделом энтузиастов, часто финансово независимых и поэтому обладающих исключительным правом выбора тем. Целые направления, в которых заинтересовано китаеведение и должно быть заинтересовано государство, не развиваются. За последние 30 лет в России не было защищено ни одной диссертации по КПК, ее идейно-теоретической платформе, организационному строению и т.д. Зато появились специалисты, пишущие на любые темы, включая КПК. Стоит ли удивляться, что государство потеряло интерес к информационно-аналитическим материалам академических институтов, а затем и к ним самим.

Ситуацию усугубляет кадровая политика, в основе которой тоже часто лежат личные, а не государственные интересы. Министерство назначает руководителями академических институтов (не только ИДВ) не имеющих отношения к проблематике исследований, а иногда и просто случайных людей. Хороший чиновник, как известно, не делает ошибок в стандартных ситуациях, в науке стандартных ситуаций нет в принципе. Поставить «эффективного менеджера» и надеяться на положительный результат глупо. И уж тем более не может человек с более низкой квалификацией руководить специалистами с более высокой. Он может ставить задачи только в соответствии с уровнем своей компетенции или своими интересами. Административный абсурд на практике оказывается формой приватизации науки и научных учреждений. Наука не там, где висит вывеска, а там, где работают ученые, которые теперь имеют право выбора, и лучшие из молодых делают его не в пользу России.

В.Л. Ларин. Дорогие коллеги, у меня возник такой эпиграф к нашему обсуждению, звучит он приблизительно так: «Китаистов – тьма, а поговорить не с кем». Почему я говорю, что «китаистов – тьма»? Потому что, с моей точки зрения, есть принципиально глубочайшая разница между двумя понятиями: китаист и китаевед. Мы сегодня начали с толкования китаеведения. Для меня все-таки слово «веды» – это понимание, знание, глубина и контекст, о котором сегодня многие говорили. Знание языка, как мы все прекрасно понимаем, это только инструмент.

Тысячи человек сегодня изучают китайский язык – не уверен, что это хорошо, в значительной степени это распыление сил, возможностей, денег. Не вижу большого смысла в таком огромном количестве людей, которые изучают китайский язык, а потом его забывают, выйдя из школы. Еще в советское время, далеко не все, кто оканчивал нашу знаменитую девятую школу, шли потом заниматься Китаем. Это большая проблема, особенно для наших территорий, которые расположены рядом с Китаем.

Очень жаль, что сегодня я, по сути, единственный представляю российско-китайское приграничье, для которого отношения с Китаем и изучение Китая не абстрактная потребность, а необходимость. Эту ситуацию хорошо знает А.В. Островский, который регулярно бывал раньше и во Владивостоке, и в Благовещенске, и В.Я. Портяков. Это серьезная проблема, которая, как мне кажется, среди всех существующих проблем наиболее актуальна.

А.В. Островский. В целом, если оценивать состояние российского китаеведения в XX-XXI вв., можно сказать, что оно развивается как пешеходный переход – то темные, то светлые полосы. Сейчас наступила темная полоса, прежде всего потому, что судьба ИДВ как ведущего китаеведческого центра вызывает серьезные опасения.

Говоря о российском китаеведении, следует отметить определенные успехи в изучении китайского языка среди студентов, школьников и даже населения. Однако, несмотря на увеличение подразделений, занимающихся изучением Китая, научной литературы выпускается все меньше, в работах по Китаю в основном преобладает журналистский подход. Меньше стало защищаться диссертаций по различным специальностям, сократилось количество специализированных диссертационных советов, где можно было бы защитить диссертацию. Даже в Институте Дальнего Востока РАН остался лишь один Диссертационный совет по экономике. Нет советов по истории, политике и филологии по простой причине – нет достаточного количества докторов наук-китаеведов. Ситуация усугубляется кадровой политикой. В октябре 2021 г. временно исполняющим обязанности директора был назначен защитивший диссертацию по проблемам африканских языков К.В. Бабаев. По его словам, он знает более 12 иностранных языков, знает украинский, но не знает китайского, не имеет работ по актуальным проблемам развития стран Дальнего Востока.

Как показывает история, даже закрытие одного академического института дорого обходится стране.

В условиях обострения советско-китайских отношений Президиум АН СССР, выполняя Постановление Совета Министров СССР от 29 июня 1960 г., принял решение 22 июля 1960 г. о преобразовании Института востоковедения и Института китаеведения в Институт народов Азии. Был также закрыт журнал «Советское китаеведение». Внешне безобидная реорганизация двух академических институтов нанесла серьезный удар по китаеведению и повлекла тяжелые последствия не только для развития отношений с Китаем.

В 1964 г. как гром среди ясного неба появилось заявление Мао Цзэдуна о том, что Россия захватила 1,5 млн км² китайской территории, и Китай «еще не предъявил счет по этому реестру». Затем в Китае развернулась «культурная революция» и жесткая внутривластная борьба в руководстве КПК. Из-за отсутствия квалифицированного анализа текущей ситуации ЦК КПСС и правительством СССР был принят ряд неверных решений. Позднее, в конце 70-х – начале 80-х гг. в Китае сетовали на то, что «Москва не разобралась с «культурной революцией», не сумела по-умному поддержать Лю Шаоци и Дэн Сяопина. «Китайцы совсем не понимают, почему новую жизнь называют «маоизмом». Советская пропаганда перестает восприниматься»⁶.

Спустя шесть лет после ликвидации Института китаеведения, в 1966 г. было принято решение о воссоздании Института китаеведения АН СССР в новой реинкарнации – Институт Дальнего Востока АН СССР. Поскольку решение о воссоздании Института принималось на уровне ЦК КПСС, то финансовых и материальных ограничений практически не было. Основной проблемой было почти полное отсутствие кадров. После закрытия Института китаеведения многие китаеведы вынуждены были сменить профессию, вузы практически перестали выпускать специалистов со знанием китайского языка, а специалистам со знанием китайского языка находились лишь места стюардесс на международных линиях или референтов со знанием английского языка в торговых организациях.

6. См. об этом подробно: *Шабалин В.* Упущенный шанс // *Проблемы Дальнего Востока*, 2015. № 2. С. 14.

В марте и августе 1969 г. произошли вооруженные столкновения на границе. В этот момент в США с подачи квалифицированных китаеведов и советологов, увидели возможность еще больше обострить отношения между СССР и КНР. В результате в 1972 г. США и КНР подписали «Шанхайское коммюнике», по итогам которого СССР пришлось готовиться к войне на два фронта. Суммарные расходы на оборону на границе с Китаем составили примерно два годовых бюджета СССР. Экономика СССР не выдержала напряжения. Бездумная ликвидация Института китаеведения АН СССР в 1960 г. стала одним из важных факторов, способствующих распаду СССР впоследствии. В настоящее время, в условиях быстрой смены технологических укладов и серьезного обострения международной обстановки ситуация еще опаснее.

Во время бесед в Китае китайские ученые на вопрос об их оценке уровня китаеведения в разных странах обычно ориентировались не только на количество опубликованных работ, но и на знание китайского языка. По их оценкам, первое место у японских китаеведов, которые почти все прекрасно владеют китайским устным и письменным языком, второе – у российских, китаеведы прочих стран занимают почетное третье место. В целом, если ориентироваться на два основных показателя – знание китайского языка и количество опубликованных фундаментальных работ по Китаю, следует признать правоту такого рода оценок.

При анализе состояния китаеведения в России по-прежнему лидером остаются академические институты Москвы и Санкт-Петербурга, затем Владивостока и Новосибирска. Далее следует Московский и Санкт-Петербургский университеты. Все прочие вузы, где ведется преподавание китайского языка, не имеют серьезных научных достижений в виде фундаментальных трудов и докторских диссертаций. В частности, ВШЭ выпускает большое количество китаеведов с дипломами бакалавров и магистров. Однако за последние 10–15 лет этим вузом было выпущено очень мало книг по Китаю. В последнее время вузы выпускают большое количество специалистов со знанием китайского языка. Однако они, как правило, не идут в аспирантуру, и даже в магистратуру, считая это пустой тратой времени, которое никак не отражается на их зарплате.

Отдельно следует отметить работу Фонда Карнеги в России, который время от времени проводит обсуждения актуальных вопросов по проблемам Китая, а также таких организаций, как РСМД, который раз в год готовит большой материал по состоянию российско-китайских отношений.

Состояние мирового китаеведения лучше всего можно определить по состоянию дел в такой международной структуре как Европейская ассоциация китаеведения (ЕАК) Как показывают программы и сборники материалов конференций, большая часть докладов посвящена проблемам истории, филологии и философии. Проблемы китайской политики, экономики и права затрагиваются на этих конференциях в наименьшей степени.

А.Н. Карнев. В некоторых публикациях последних лет обсуждается тема того, что, мол, «государство ушло из китаистики», в результате чего нашу сферу скорее можно охарактеризовать как пребывающую в кризисном состоянии.

В целом постсоветский период в России удалось сохранить все основные центры производства знаний в сфере науки о Китае. Произошло даже серьезное количественное развитие таких центров, в том числе в Москве, Санкт-Петербурге, южных, сибирских и дальневосточных регионах России. В ряде случаев появились востоковедные центры там, где этого не ожидалось. Растет интерес к изучению Востока и Китая в частности, что выражается в неизменно высоких конкурсах при поступлении в соответствующие подразделения вузов. В Российской Федерации в настоящий момент имеются 22 вуза, реализующие направление подготовки 58.03.01 Востоковедение и африканистика, как правило, везде, где есть востоковедение, обязательно присутствует китаистика, составляя от одной пятой до четверти востоковедов. По сведениям, приведенным в 2018 г. тогдашним директором департамента государственной политики в сфере высшего образования

МОН А.М. Соболевым, в России на востоковедных программах обучались 5,5 тыс. студентов. В то же время количество людей, изучающих страны Азии и Африки на других программах (международные отношения, политология, история, филология, экономика и т.д.), на порядок больше. Этот быстрый рост количества «знатоков Китая» носит, на наш взгляд, несбалансированный характер: создается впечатление, что изучение Китая растет «вширь», но не вглубь, то есть при этом не происходит серьезного качественного продвижения вперед.

А.В. Ломанов. При обсуждении проблем российского китаеведения следует принимать во внимание изучение современного Китая. Многие исследовательские центры рассчитывают на получение дополнительного финансирования от государства благодаря развитию аналитической работы в сферах экономики, внешней и внутренней политики КНР. Нам следует четко представлять, какой подготовкой и навыками должен обладать исследователь, занимающийся экспертно-аналитической работой на китайском направлении.

В 1940-е гг. выдающийся китаевед В.М. Алексеев пришел к выводу, что профессиональный синолог должен владеть китайским языком для свободного исследования всех китайских источников в полной независимости от переводов и других типов информации из вторых рук. Занятых изучением Китая он разделил на три группы. На первое место он поставил «текстуалистов» или собственно сиологов, способных самостоятельно читать и оценивать подлинность классических текстов. После них он разместил «частичных» сиологов, читающих китайские тексты в «ограниченном подборе»: разговорные, современные, статистические или газетные. В данном случае «частичность» не является синонимом ущербности, поскольку по роду занятий эти исследователи вполне могут удовлетвориться «частичным» навыком чтения китайских материалов. Третья категория – это «писатели о Китае», которые опираются на чужие неполные изложения китайских текстов и оправдывают свое незнание китайского языка рассуждениями о первостепенной важности критики и общей методологии⁷.

В.М. Алексеев настороженно относился к заявляющим о возможности изучения Китая без использования китайского языка. Он предупреждал о «большой опасности, грозящей делу синологии как со стороны лиц, о Китае пишущих, но с китайским языком незнакомых, так и со стороны учащихся, не желающих считаться с серьезным китайским текстом в силу больших затруднений, которые он представляет»⁸. Ученый подчеркивал, что автор, пересказывающий или компилирующий чужие переводы либо пересказы – это именно «писатель о Китае», а не китаист.

Эта оценка сохранила актуальность в наши дни. На фоне заметной рекитаизации современной политики КНР, характеризующейся расширением использования традиционных идей и концепций, синологическая подготовка исследователя становится все более востребованной. Изучение процессов становления «философии и общественных наук с китайской спецификой» требует от зарубежных исследователей соединения узких профессиональных знаний с широким синологическим кругозором. Немногочисленные синологи-«текстуалисты», готовые обратиться к проблемам современности, способны внести значительный вклад в постижение Китая и стать лидерами научных школ.

Основное бремя в проведении исследований современного Китая ложится на «частичных» сиологов со знанием китайского языка. Главной задачей является сохранение этой профессиональной прослойки, её воспроизводство и поддержка. На нынешнем

7. Алексеев В.М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. С. 120.

8. Алексеев В.М. Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая. СПб.: БАН, 2010. С. 23.

этапе неограниченное расширение влияния «писателей о Китае» способно вызвать негативные последствия в более значительных масштабах, чем прежде. Это связано с качественными изменениями общедоступных западных публикаций о современном Китае, ставших привычным подспорьем для экспертов без знания китайского языка.

Проблемы и кризисные явления

В.Г. Дацышен. Проблемы современного китаеведения неразрывно связаны с проблемами всей российской науки. Сегодня идут негативные тенденции свертывания науки и образования, и в первую очередь в регионах. Закрываются специализированные кафедры, объединяются институты и факультеты. В первую очередь китаеведение, как это ни странно, суживается на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. Значительная часть успешных молодых китаеведов, не желающих уходить из образования и науки, вынуждена была переехать из Сибири и Дальнего Востока в Москву.

Ключевой проблемой современной науки и образования является отстранение от участия в управлении университетами ученых. Практически повсеместно руководство университетскими структурами без всякого согласования или демократических процедур передано так называемым «эффективным менеджерам», а точнее далеким от научной жизни, и абсолютно не зависящим от профессорско-преподавательского состава чиновникам. Объективно, руководители поддерживают лишь тот уровень науки и образования, которому они сами соответствуют. Тотальная бюрократизация, придуманная система эффективных контрактов не стимулирует, а препятствует развитию науки и университетского образования. Пока не сформируется система, когда во главе всех научных коллективов встанут авторитетные и признанные этими коллективами ученые, научные коллективы не смогут развиваться и эффективно использовать свой потенциал. Да и студенческие коллективы должны получить право влиять на учебный процесс и кадровую политику.

Существующая система взаимодействия и кооперации университетских и академических ученых-китаеведов не позволяет сохранять единое научное и культурное пространство российского академического китаеведения. Молодые талантливые китаеведы, особенно получившие образование в регионах, в Китае или на Западе далеко не всегда могут приобщиться к российской китаеведческой культуре, получить опыт академической работы. Это препятствует успешному развитию собственно имеющегося академического сообщества и не позволяет молодым и перспективным ученым реализовать себя как китаеведов.

Одной из ключевых проблем российского китаеведения является невостребованность специалистов. Российским чиновникам и связанным с ними бизнес структурам не нужны даже переводчики на переговорах с китайскими партнерами. Не говоря уже об аналитике. Все прекрасно знают, что если есть переводчик, то он обычно воспринимается и используется чиновниками в качестве «помогайки». И это уже уровень государственной политики, обязательного привлечения специалистов при любых видах работ, связанных с Китаем: в государственных СМИ, в вузах, госструктурах и администрациях, правоохранительных и силовых структурах, все, что связано переводом с китайского языка и на китайский язык должно проходить через академически подготовленного специалиста-китаеведа.

К.М. Барский. Следует признать, что кризисные явления в российском китаеведении достигли опасных масштабов и продолжают нарастать. Особое беспокойство вызывает резкое сокращение притока талантливых молодых китаеведов в академическую науку. Меньший дефицит новобранцев из числа китаеведов испытывает государственный аппарат и учреждения образования, но и там существует немало проблем, прежде всего

выражающихся в общем снижении уровня профессионализма поступающих на работу молодых специалистов.

Указанные проблемы обусловлены целым рядом факторов и причин, одной из которых является ухудшение качества преподавания в вузах, где готовят специалистов по Китаю. Современные студенты демонстрируют подчас неплохое владение разговорным китайским языком, но не обладают необходимой глубиной знаний, слабо ориентируются не только в древней, средневековой и новой, но и в новейшей истории Китая. Ощущается отсутствие координации между кафедрами филологии, с одной стороны, и кафедрами, занимающимися преподаванием прикладных дисциплин (история, экономика, внешняя политика Китая).

Серьезным препятствием на пути развития российского китаеведения следует считать утрату доверия к экспертизе китаеведческих центров со стороны органов, отвечающих за выработку внешней и экономической политики России, в связи с невысоким в целом качеством и невостребованной тематикой аналитической продукции, направляемой указанными центрами по запросам или для нужд Администрации Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и его экономических ведомств, МИД России. Прискорбно, но на сегодняшний день китаеведческое сообщество не принимает реального участия в выработке внешнеполитических решений в Российской Федерации. Не исключено, что это служит одной из причин наблюдающегося невнимания руководства страны к китаеведению и очевидного недофинансирования научных институтов и вузов, вовлеченных в подготовку кадров китаеведов.

Т.Л. Гурулева. Среди проблем обучения китайскому языку в средней школе в первую очередь необходимо назвать организационно-педагогические проблемы, связанные с решением об отмене обязательного изучения второго иностранного языка в школах с 2021 г., что неминуемо приведет к кардинальному уменьшению изучающих китайский язык как второго иностранного языка, к сведению на нет усилий профессионального общества, вложенных в разработку методической базы обучения.

К собственно педагогическим проблемам обучения относится проблема установления предметных результатов овладения китайским языком, определяемых по предмету «Иностранный язык» в ФГОС ООО как «сформированность иноязычной коммуникативной компетенции на допороговом уровне», по предмету «Второй иностранный язык» как «сформированность иноязычной коммуникативной компетенции на уровне, превышающем элементарный»⁹, а в ФГОС СОО по предметам «Иностранный язык», «Второй иностранный язык» как «достижение порогового уровня владения иностранным языком» (базовый уровень) и «достижение уровня владения иностранным языком, превышающего пороговый» (углубленный уровень)¹⁰. Такие формулировки довольно сложны в применении к китайскому языку, поскольку действующая ныне шестиуровневая система владения китайским языком, как и приходящая ей на смену девятиуровневая, не оперируют категориями «порога». Невозможность применения «пороговой» парадигмы к установлению предметных результатов в овладении китайским языком, с одной стороны, и значительно более высокая сложность китайского языка по сравнению с европейскими, с другой, не позволили оптимально определить уровень овладения китайским языком в средней школе (в особенности как вторым языком), что привело к его неоправданному завышению, в результате чего учителя китай-

9. Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». 31.05.2021. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/> (дата обращения: 07.11.2021).

10. Федеральный государственный стандарт среднего общего образования. 17.05.2012. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/> (дата обращения: 07.11.2021).

ского языка отмечают недостаток количества учебных часов для освоения материала (как правило, 1 час в неделю для второго языка). В качестве выхода из этой ситуации используется выделение факультативных часов для изучения китайского языка, либо перераспределение учебных часов среди других дисциплин в пользу китайского, либо изучение китайского языка по учебникам более младших классов (например, в 8-ом классе по учебнику 6-го класса), либо использование учебников по китайскому языку как второму для обучения по китайскому как первому. В связи со сложившейся ситуацией, а также с введением нового стандарта уровней владения китайским языком, требуется более точное и понятное определение уровня овладения китайским языком в средней школе и корректировка содержания обучения.

Другой проблемой обучения китайскому языку в средней школе является теоретическое описание китайского языка в школьных учебниках, которое в основном сводится к подбору переводческих соответствий для специфической китайской терминологии и интерпретации специфических явлений китайского языка. Такое описание не всегда представляет собой единую теоретическую систему и в некоторых случаях не опирается на общелингвистические компетенции, сформированные у учеников при изучении русского и других языков, а, наоборот, противоречит им.

В.В. Малявин. Поскольку затронуты вопросы преподавания китайского языка в России, не могу не поделиться некоторыми наблюдениями из личного опыта. Главная проблема здесь, по-моему, заключается в усвоении учащимися тонального рисунка китайской фразы. Без этого они не смогут говорить по-китайски и, как следствие, утратят интерес к Китаю. По разным причинам и китайские, и русские преподаватели не уделяют даже малой части должного внимания к этой проблеме. По собственному опыту могу сказать, что добиться здесь успеха крайне трудно, поскольку русские ученики не имеют никакой опоры в этих усилиях. Чтобы воспитать требуемое здесь внимание и терпение полезно включить в учебную программу изучение основ чисто китайских культурных практик, например: каллиграфии, цигун, тайцзицюань и т.п.

Т.Л. Гурулева. Вузовское обучение китайскому языку тесно связано с научными исследованиями, проводимыми в этой области. По данным АРС с 2000 по 2020 гг. было защищено 43 диссертации (2 докторских) по специальности 10.02.19 Теория языка, 20 диссертаций по специальности 10.02.20 Сравнительно-историческое, сопоставительное и типологическое языкознание, 23 диссертации по специальности 10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии, в которых так или иначе упоминается китайский язык. Такое, на первый взгляд, внушительное количество работ все же не способно в достаточной степени удовлетворить остро существующую потребность в системном описании китайского языка, которое необходимо для оптимизации и повышения качества процесса его преподавания в вузе. Во многом это объясняется произошедшим разрывом поколений исследователей, забвением и утратой достижений выдающейся советской школы Китаеведения, в результате чего в большом количестве лингвистических диссертационных исследований в качестве научных руководителей выступают специалисты высокого уровня, но не владеющие китайским языком и, следовательно, неспособные передать и продолжить традиции отечественного Китаеведения. Вследствие этого большое количество работ не обращается к существующему отечественному теоретическому лингвистическому наследию, не использует в качестве теоретической базы труды выдающихся отечественных исследователей китайского языка И.А. Иванова, Е.Д. Поливанова, И.М. Ошанина, А.А. Драгунова, Н.Н. Короткова, В.М. Солнцева, Н.В. Солнцевой, В.И. Горелова, Н.А. Спешнева, С.Е. Яхонтова и др., равно как и новейшие исследования китайских лингвистов, а довольствуются лишь примерами из китайского языка как некой «изюминки», не формирующими системного понимания его типологических особенностей. Из-за проблем в подборе оппонентов многие работы оппонируются не владеющими китайским языком в паре с китайскими учеными

(PhD). Указанная формирующаяся тенденция оставляет за рамками таких исследований немногочисленных, но все же существующих в нашей стране китайцев, способных передать накопленные традиции, не способствует системному описанию и интерпретации китайского языка как языка иной типологии. Одновременно с этим существует и другая тенденция, в рамках которой ведутся исследования китайского языка с учетом накопленного отечественного теоретического опыта, но она крайне немногочисленна. Указанная проблема свойственна и исследованиям в области педагогических наук, которых, в силу недостаточного описания китайского языка, кратко меньше. В период с 2000 г. по 2020 г. защищено 8 диссертаций, непосредственно касающихся вопросов обучения китайскому языку или переводу – 2 по специальности 13.00.01 (Общая педагогика, история педагогики и образования), из них одна докторская, 4 – по специальности 13.00.02 (Теория и методика обучения и воспитания), 2 – по специальности 13.00.08 (Теория и методика профессионального образования).

А.И. Салицкий. Перед партнерами Китая, включая Россию, где Китаеведение принадлежит к гуманитарным дисциплинам, встает задача подготовки синологов, имеющих за плечами естественно-научное или техническое образование, особенно в таких отраслях, как энергетика, связь, аэрокосмическая промышленность, фармацевтика. Есть дефицит знающих Китай кадров и в финансовых дисциплинах. В перечисленных отраслях практически нет преподавателей с соответствующей квалификацией, специализированных словарей, методических пособий и т.п. Некоторый опыт был наработан на вечернем факультете Института стран Востока, кое-что делалось в МЭИ – но это крохи.

А.И. Кобзев. Теперь совершенно ясно, что, оказавшись на вышеописанном пути, синология, как и все востоковедение, не может сохранять свою первоначальную форму сочетания филологии с историей. Уже на следующем этапе своего развития в результате политической эмансипации, экономического роста и превращения стран давно «проснувшегося Востока» в самостоятельные субъекты глобальных международных отношений востоковедение приобрело политэкономическую отрасль. До недавнего времени эту сложившуюся к середине XX в. триаду (филология с литературоведением и лингвистикой, история с археологией, политэкономия с экономикой) отражали стандарты специализации востоковедного образования в нашей стране.

Несколько лет назад данный образовательный госстандарт пополнился философией, что весьма уместно, но и столь же удивительно по своей запоздалости. Особенно странно это выглядит применительно к Китаю, где философия всегда являлась царицей наук и никогда не была служанкой теологии или религии и где канонами (кит. *цзин* 經) называются философские, а не богослужебные тексты. Объяснение столь поразительной ситуации заключено в старом принципе «метод – аналог предмета»: погруженность философии в стихию «изящной словесности» (кит. *вэнь* 文), которая даже терминологически приравнивалась к «культуристости» (кит. *вэнь* 文), делала ее естественным объектом филологии и лингвистики. Отсюда также понятно, почему крупнейшим достижением отечественной синологии в XX в. стал 4-томный «Большой китайско-русский словарь», удостоенный в 1986 г. Государственной премии.

А.В. Виноградов. Первая и главная проблема – это разрыв поколений. Когда я учился, главной трудностью было изучение китайского языка, страноведческие дисциплины в ИСАА преподавали одни из лучших, если не лучшие специалисты в стране. В дополнение мы изучали марксистскую политэкономия, философию, историю партии, научный коммунизм – все это тоже имело непосредственное отношение к социалистическому Китаю. Благодаря этому мы лучше всех в мире понимали современный Китай. Сейчас рост интереса к его изучению не сопровождается получением адекватных страноведческих и общенаучных компетенций. Преподавателями в большинстве вузов сейчас в лучшем случае являются специалисты по истории, экономике, политической системе в

общем, но не по Китаю. Нет или очень мало учебников. В результате тысячи выпускников хорошо знают китайский, но плохо представляют современный Китай и еще хуже его понимают. Их знания базируются в основном на личном опыте, не являются системными и научными.

Вторая – непрофессионализм. Рост интереса привел к тому, что стали защищаться диссертации по Китаю соискателями без знания китайского языка и китайской научной литературы в советах, где нет китаеведов, с участием оппонентов – некитаеведов и ведущих организаций без китаеведов. Эти диссертации проходят через экспертные советы ВАК, где тоже нет китаеведов. Результаты просто удручающие. Формируется параллельное, псевдонаучное китаеведение, которое начинает себя воспроизводить и агрессивно бороться с научной традицией, доказывать, например, неизбежность победы в Китае западной политической системы, гражданского общества, и отрицать тем самым, что Китай – это целый мир, больше, чем совокупный Запад, со своими законами общественного развития, действие которых подтверждено тысячелетиями.

Тревожнее всего, на мой взгляд, разрушение ведущего китаеведческого центра, китаеведение в ИДВ съезжилось до отдела средних размеров. Ни СССР, ни тем более современная Россия не может позволить содержать несколько первоклассных центров по Китаю. По численности китаеведов, занимающихся современностью, мы всегда уступали США, но за счет государственной политики была достигнута концентрация интеллектуальных ресурсов, в высокопрофессиональной среде вызревали специалисты мирового уровня, которые не уступали, а иногда и превосходили западных коллег. В СССР брали не числом, а умением. Сегодня китаеведы даже в Москве оказались рассредоточены по двум десяткам учреждений, научные школы разрушены, а новые создать удалось далеко не всем¹¹.

В.Я. Портяков. В последнее десятилетие условия проведения в России полноценных крупномасштабных исследований современного Китая резко ухудшились.

Началось все с разгрома Российской академии наук под предлогом ее реформы с формально декларируемой целью соединения вузовской и академической науки. Напомню, что количество публикаций ученых РАН остается кратно выше числа публикаций преподавателей вузов. Германия, имеющая китаеведов в большинстве университетов, тем не менее, создала самостоятельный исследовательский институт «Меркатор» в Берлине, в короткие сроки добившийся весомых результатов и, можно сказать, вернувший страну в число ведущих китаеведческих держав Европы. Негативные последствия для китаеведения будут иметь и ликвидация Российского фонда фундаментальных исследований.

К сожалению, ФАНО, а затем и Минобрнауки ввело практику назначения руководителей ведущего китаеведного центра России – Института Дальнего Востока РАН в Москве – без каких-либо консультаций с ведущими учеными института.

С эпидемией COVID-19 в Китае и прекращением живых контактов с китайскими учеными резко сузилась исследовательская база китаеведов, доступ к свежей научной литературе и периодике КНР практически прекратился.

Антироссийские настроения на Западе проникли и в сферу китаеведения. Российским китаеведам фактически перекрыли доступ к участию в ведущих конференциях по китаеведению, в том числе в Конференциях Европейской ассоциации китаеведения в 2018 г. в Глазго и в 2021 г. в Лейпциге.

11. См. об этом: *Виноградов А.В., Кобзев А.И.* Российское китаеведение: современное состояние и основные проблемы // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2021. № 6.

К.М. Барский. Одна из проблем российского китаеведения заключается в его замкнутости, неразвитости контактов с китаеведческими школами за рубежом, отсутствие объективной информации о российской синологии в странах Запада. Необходимо утверждать авторитет нашей научной школы за границей, шире пропагандировать наши достижения в деле изучения истории и культуры Китая, продвигать наши научные и методические наработки в области преподавания китайского языка. Популяризация отечественного китаеведения в мировом масштабе должна осуществляться путем кратного расширения числа научных и популярных изданий по Китаю, прежде всего на английском и китайском языках, а также за счет максимально широкого использования в этих целях современных технологий (интернет, социальные сети и пр.).

А.Н. Карнеев. Среди других заметных проблем и трудностей отечественного китаеведения следует выделить:

- недостаточно высокую степень интеграции в мировые процессы и тренды в мировом востоковедении;

- недостаточно хорошо налаженный доступ к современной литературе, к платным базам научных публикаций;

- слабую поддержку со стороны частных компаний и фондов, что частично обусловлено недостаточно серьезным присутствием российского бизнеса на рынках Китая и региона;

- недостаточный гибкий учет особенностей востоковедения как науки поспешно введенной в России наукометрической системой оценки публикационной активности;

- проблемы финансирования: в советские времена китаеведов считали редкими специалистами, их труд считался престижным, следовали доплаты за знание восточных языков и т.д.; сегодня ситуация с оплатой труда, финансированием стажировок, поездок, оплатой членства в международных ассоциациях не внушает оптимизм, статус востоковеда по мере нарастания конкуренции размывается.

В.Л. Ларин. А.Н. Карнеев говорил о необходимости тесной интеграции с мировой наукой, с мировым китаеведением. Мне кажется для нас важнее сегодня наша внутренняя интеграция. Мы реально дезорганизованы, дезинтегрированы. У меня такое впечатление, что и московские китаеведы между собой не часто встречаются. Даже сегодня эта дезинтеграция присутствует на нашем круглом столе. Каждый о своем, кто чем занимается, о своих болевых точках. Но у нас есть одна общая проблема – судьба китаеведения. У меня вопрос: в каких вузах и в каких объемах изучается сегодня *вэньянь*?

А.Н. Карнеев. У нас есть, причем в нескольких подразделениях сразу. В РГГУ есть.

Н.А. Самойлов. На Восточном факультете СПбГУ по-прежнему поддерживаются основы классического китаеведения и продолжается преподавание *вэньяня*, даже читаются со студентами тексты цинского времени на китайском языке.

В.Л. Ларин. Какое может быть китаеведение без знания *вэньяня*?!

Другая серьезная проблема: почему-то в обществе стало считаться, что быть китаеведом, китаистом легко и просто. Сколько у нас доморожденных китаистов, которые спокойно вещают с экрана, несут всякую ахинею на голубом глазу, с полной уверенностью, что они говорят истину. Да, они имеют образование какое-то, прожили несколько лет в Китае, и считают, что они все знают, и всех учат. Одного недавно слышал, который рассказывал, что в ИДВ изучают Конфуция и больше ничего не знают, а он должен за всех работать. Меня это, пожалуй, больше всего тревожит.

Еще одна серьезная проблема – востребованность. Мы много можем говорить о проблемах. Они в большинстве своем не решаются до тех пор, пока кто-то наверху не скажет, что нам китаеведение действительно необходимо. А сейчас давайте зададимся вопросом, если мы будем какие-то предложения давать, то к кому обращаться? К власти? Там все хорошо, у нас лучшие отношения в истории, нам все понятно, мы сотрудничаем, у нас дружба и т.д. К бизнесу? У бизнеса свои интересы, у него есть круг хорошо опла-

чиваемых специалистов, которые занимаются узкой тематикой, решают свои узкие проблемы. К министерству? Я уверен в том, что министерству наши заботы абсолютно не интересны. У них другие задачи, другие параметры, по которым они оценивают деятельность факультетов, кафедр, институтов, которые готовят востоковедов и китаеведов. Среди этих параметров качество образования далеко не на первом месте.

Я два года назад прекратил преподавать на Восточном факультете университета. Мне надоели две вещи. Во-первых, приходя на третий курс, видеть абсолютно неподготовленных так называемых китаеведов. Одним из первых вопросов, который я задавал, был такой: «Ребята, а кто из вас читал Конфуция?» На 3-4 курсе – ни один человек.

Во-вторых, когда пытаются навязывать непонятные, выдуманные курсы, тогда как классическая история в ДВФУ всего 1–2 семестра. Когда мы учились, у нас китайская история начиналась на 1-м курсе и заканчивалась на 5-м курсе. А что они сейчас знают? Знают они философию? Не знают. Знают они литературу? Не знают. Кого вы читали из китайских писателей? Никого.

Это комплексная проблема, которая связана с постановкой задач на самом верху, и с тем как эти задачи реализуются в рамках той организации, которая отвечает за подготовку востоковедов.

Кого мы сегодня можем брать в аспирантуру? Единицы из молодежи, которые приходят, приходится учить чуть ли ни с нуля, и доучишь ли, это большой вопрос. Не менее сложная ситуация в Благовещенске, там хорошие есть ребята, но оттуда потихонечку уезжают, они сегодня очень активно работают с китайцами, но меньше сотрудничают с Москвой, Питером и Владивостоком. Интеграция внутри страны – одна из первых задач, которая у нас сегодня стоит.

Отсутствие классического востоковедного образования, которое сегодня, мне кажется, уничтожено усилиями определенных людей. Это касается не только китаеведения. У нас та же ситуация с японоведением, с корееведением, с вьетнамоведением. Это касается всего востоковедения.

Только наверно тогда, когда у нас испортятся отношения с Китаем, грянет 1969-й год, то схватятся за голову, начнут создавать Институт Дальнего Востока, открывать Восточный факультет во Владивостоке и т.д. Пока все хорошо – кадры не нужны. Как только становится плохо, тогда вспоминают.

А.В. Лукин произнес фразу про «идеальное китаеведение». Мне кажется, сегодня нам не до идеалов. У нас нет ни сил, ни средств, ни возможности, которые позволяют думать об идеальном китаеведении. Мне кажется, что это обсуждение должно стать первым обсуждением такого характера. Его можно развить не только на китаеведение, но и на те направления востоковедения, которыми мы занимаемся, на всю Восточную Азию как единое целое. Это должно касаться и японоведения, и корееведения, и изучения Юго-Восточной Азии.

А.В. Островский. В настоящее время в результате реформы РАН под угрозой ликвидации находится ведущий институт российского китаеведения – Институт Дальнего Востока РАН. Как известно, в выборах директоров академического института участвуют не только научные сотрудники, а все сотрудники института, большинство которых имеют весьма отдаленное представление об уровне научной квалификации кандидатов в директора института. Это льет воду на мельницу чиновников из Минобрнауки РФ, которым не нужны директора институтов – известные ученые, имеющие большой авторитет за рубежом, а нужны чиновники, соответствующим образом перераспределяющие финансовые потоки. Отсюда и большое количество директоров академических институтов – докторов и даже кандидатов наук моложе 60 лет, которые лояльны чиновникам из Минобрнауки РФ. В результате этой политики Институт Дальнего Востока РАН теряет свои позиции ведущего экспертного Центра по Китаю, и заменить его пока нечем. Это в пер-

спективе может привести к таким же политическим последствиям для России как для СССР в 60–70-е гг.

За последние 10 лет после «реформы РАН», когда Российская академия наук утратила возможность контроля за научными исследованиями, в том числе за развитием китаеведения, в нем возникли новые проблемы, существенно более острые, чем в 60-е гг. XX в. На передовые позиции в китаеведении, да и в других гуманитарных науках выдвинулись так называемые специалисты по глобальным проблемам, не знающие китайского языка, китайской истории, философии, экономики и права. Организуется большое количество обсуждений по китайской тематике, однако почти все участники таких обсуждений имеют весьма отдаленное представление о Китае.

В январе 2017 г. в Президиуме РАН под руководством президента РАН академика В.Е. Фортова состоялось обсуждение моего доклада «Реализация китайской инициативы «Пояс и Путь». Поразила слабая осведомленность участников о реальной ситуации в Китае. В большей части выступлений была откровенная недооценка результатов китайских реформ, говорилось о нереалистичности китайской инициативы «Пояс и путь», неверие в возможность реализации этой инициативы. С той поры прошло пять лет, и заметно, что эти инициативы уже во многом реализованы, Китай стал одним из мировых лидеров и центров силы. Такое развитие событий вынуждает уделять особое внимание китаеведению и усиливать это научное направление.

Роль Китая в мире с каждым годом возрастает. Появляются все новые и новые проблемы развития Китая – энергетические, экологические, экономические, политические, социальные. При этом количество ученых-китаеведов, занимающихся проблемами Китая, с каждым годом уменьшается также как и объем государственного финансирования. Несколько лет назад в рамках Центра экономических и социальных исследований Китая ИДВ РАН существовала группа по исследованию проблем развития научно-технического прогресса в Китае, с 2020 г. Министерство перестало финансировать эту тему как неактуальную. В ИДВ РАН, который воссоздавался в 1966 г. как чисто китаеведный институт, насчитывалось свыше 300 научных сотрудников, в настоящее время осталось лишь 80, из которых Китаем занимается не более 50 человек. Из 11 научных центров ИДВ РАН лишь 5 научных центров занимаются проблемами Китая. При этом значительная часть научных сотрудников слабо владеют, а то и вовсе не владеют китайским языком.

В этой ситуации необходимо усилить руководящую роль Института Дальнего Востока РАН как ведущего китаеведного центра страны за счет привлечения кадров из различных учреждений и регионов страны и выделить целевые средства из государственного бюджета на развитие российского китаеведения. В противном случае Россия окажется не в состоянии отвечать тем вызовам на мировой арене, которые уже существуют, и новым вызовам, которые будут появляться, в том числе со стороны Китая.

Вызовы отечественному и мировому китаеведению XXI в.

А.Н. Карнеев. Конечно, мы должны констатировать важные сдвиги в мировом востоковедении и соответственно, китаеведении: на фоне растущей специализации исследований происходит фрагментация востоковедения как единого исследовательского поля, бурно развивающиеся междисциплинарные взаимосвязи приводят на самом деле к разнонаправленным тенденциям, что подразумевает как развитие востоковедных компетенций, так и «миграцию» исследователей из востоковедения в смежные области.

Происходит развитие не-западных школ востоковедения в таких странах как Китай, Япония, Сингапур, Индия, Таиланд и др., а также *ориентализация* западного сегмента Asian Studies (растущее количество выходцев из соответствующих азиатских стран занимают позиции в университетах). Если раньше мировое востоковедение прежде всего

было взглядом европейских и американских ученых на цивилизации и культуры Востока, то теперь одной из магистральных тем становятся Asian Studies in Asia. Пекинский университет, например, недавно открыл образовательную программу Chinese Studies.

Дигитализация востоковедения как и всех гуманитарных наук в целом, открывает новые возможности, но и ставит на повестку дня необходимость освоения новых компетенций в подготовке востоковедов. В частности, целесообразно формировать (не только у студентов) навыки работы с массивами данных на восточных языках (*парсинг* и т.д.) для формализованной обработки источников, навыки работы в социальных сетях на восточных языках и т.д. COVID-19 уже серьезным образом изменил способы нашей работы, ускорив процессы цифровизации и дигитализации. Понятно, что общение через различные инструменты удаленного доступа станет постоянной частью общения с коллегами и со студентами. Больше места займут онлайн-курсы, машинный перевод и т.д.

А.И. Кобзев. Следуя этой традиции и логике событий, можно предположить, что востоковедение должно и дальше дифференцироваться, устраняя очевидные структурные пробелы вроде отсутствовавшего философского подразделения или уже явно заждавшегося подобной кодификации искусствоведения и реагируя на новые вызовы времени, например, созданием востоковедной информатики, обусловленной появлением информационных цифровых технологий с использованием восточных алфавитов и иероглифики.

С другой стороны, тот же самый процесс порождает прямо противоположные выводы, при реализации которых востоковедению грозит судьба короля Лира. С этой точки зрения синтетичность/синкретичность (комплексность, мультидисциплинарность/междисциплинарность или надотраслевой характер) востоковедения представляется не достоинством, соответствующим синтетичности/синкретичности предмета, а свидетельством его неразвитости, реликтом первичной недифференцированности, при устранении которой, т.е. переходе востоковедной проблематики к соответствующим общечеловеческим наукам, оно как таковое перестанет существовать. Похожие прогнозы о растворении философии в совокупности наук высказывались в XIX в. позитивистами и марксистами. То, что они не сбылись, разумеется, еще не означает несбыточность их аналогов в данном случае.

В XXI в. присоединение епархий востоковедения к другим научным царствам стимулируется самим его развитием, приводящим к такому уровню специализации, при котором все единство сводится только к знанию того или иного восточного языка. Такое необходимо, но достаточно ли? Или следуя китайской традиции, надо признать, что совершенное владение языком тут равносильно знанию соответствующей культуры? Но тогда нужно определить критерии такого «совершенного знания языка», которое, очевидно, не сводится к свободному говорению на популярные темы и чтению газет. В свою очередь, современные цифровые технологии позволяют значительно компенсировать сложность обработки стремительно увеличивающегося и дифференцирующегося объема информации и также поддерживать целостность любых отраслей знания.

Целостность и даже универсальность востоковедения в наши дни стимулируется и стремительно нарастающей универсализацией геополитической роли ведущих стран Востока, становящихся центрами принятия судьбоносных для всего мира решений в самых разных областях человеческой деятельности. С этой точки зрения трудно переоценить всю значимость решения уже давно перезревших проблем отечественного китаеведения, которые благодаря современным СМИ и словоохотливым популяризаторам синологии теперь хорошо известны не только специалистам, но и широкой общественности.

А.В. Ломанов. Вызовом для профессионального сообщества стала необходимость заниматься изучением и преподаванием проблем современного Китая в условиях новой холодной войны. Запад не скрывает заинтересованности в ослаблении российско-китайского сотрудничества, там ставят задачу находить и максимально расширять «тре-

щины» в фундаменте взаимодействия Москвы и Пекина. Летом 2021 г. американский аналитик Чарльз Капчан рекомендовал постоянно напоминать России об асимметричности её отношений с Китаем, об угрозе превращения в «младшего партнера» Китая, напоминая на то, что подобный статус будет подрывать авторитет российского руководства внутри страны. Наиболее перспективными с точки зрения дискредитации партнерства с Китаем в глазах российских элит американский эксперт назвал темы привлечения Пекина к переговорам о контроле над стратегическими вооружениями, расширения китайского влияния в Арктике, Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Африке¹².

Односторонняя опора на западную политическую публицистику способна привести к некритической трансляции сформулированных в контексте политики сдерживания рассуждений о стремлении Пекина «разрушить мировой порядок», «экспортировать социализм», «загнать партнеров в долговые ловушки», «развязать гонку вооружений». Аналитическая ценность российской традиции самостоятельного изучения идеологии, политики и экономики Китая существенно повышается.

Опыт зарубежного изучения современного Китая демонстрирует, что цементирование «антикитайского консенсуса» на уровне политической элиты начинает все более заметно влиять на взгляды интеллектуальной элиты. Симпатия к Китаю вышла из моды и стала несовместимой с приверженностью основному течению. И это касается не только Китая. Немецких экспертов, публично выражающих симпатии в адрес России и её президента, называют ныне «понимающими Россию» (*Russlandversteher*) и «понимающими Путина» (*Putinversteher*) не для выражения уважения к их познаниям, а для критического осуждения их позиции. «Понимать» Китай или Россию становится некомфортно и невыгодно, поскольку сочувственная позиция чревата утратой общественного авторитета, финансовой поддержки и карьерных перспектив. Профессиональные синологи, занятые изучением истории, литературы и культуры традиционного Китая, пока еще достаточно отдалены от этих перемен. Хотя уже заметно стремление некоторых зарубежных исследователей на злобу дня отыскать следы «завоевательного колониализма» в истории Китайской империи.

Прежде авторитетные зарубежные платформы все чаще публикуют материалы о современном Китае, не отличающиеся взвешенностью и объективностью. На сайте *Foreign Affairs* появилась статья о том, что Китай вышел на «пик развития». Его время якобы уже на исходе, ресурсы в дефиците, наступает демографический коллапс, правительство скрывает информацию о серьезном торможении экономики, страна катится к тоталитаризму, а внешний мир относится к Китаю без прежнего дружелюбия. Предполагается, что переход от головокружительного взлета к жесткому падению приведет к трагическим последствиям, если оказавшийся в тупике Китай встанет на путь агрессии¹³.

Можно предположить, что подобные рассуждения связаны, прежде всего, с борьбой за утверждение в западном экспертном сообществе норм «антикитайского консенсуса», нежели чем со стремлением к трезвой оценке перспектив развития КНР. Использование концепции «пика развития» Китая для разработки российской политики на

12. *Kupchan, C.A.* The Right Way to Split China and Russia: Washington Should Help Moscow Leave a Bad Marriage // *Foreign Affairs*. August 4, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-08-04/right-way-split-china-and-russia> (дата обращения: 15.11.2021); Пер. на рус. яз.: *Капчан, Чарльз.* Правильный способ развести Китай с Россией // *Россия в глобальной политике*. 09.08.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sposob-razvesti-kitaj-s-rossiej/> (дата обращения: 15.11.2021).

13. *Beckley M., Brands H.* The End of China's Rise: Beijing Is Running Out of Time to Remake the World // *Foreign Affairs*. October 1, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-10-01/end-chinas-rise> (дата обращения: 15.11.2021).

китайском направлении и прогнозирования российско-китайских отношений способно породить серьезные и дорогостоящие ошибки.

Осенью 2022 г. должен состояться XX съезд КПК. В связи с этим событием в центре внимания будет находиться вопрос о сменяемости и преемственности китайского руководства. Нетрудно предсказать подъем на Западе волны разоблачений «тоталитарной власти» КПК и рассуждений о «возвращении в эпоху Мао Цзэдуна». В прежние десятилетия в западной журналистике можно было найти интересные политические факты и гипотезы, которые отсутствовали в публикациях о Китае российских СМИ. Западные корреспонденты поддерживали тесные контакты с китайскими элитами, получали закулисную информацию о непубличных дискуссиях и грядущих кадровых переменах. Эта эпоха ушла в прошлое, пространство для деятельности западных журналистов в Китае стало более узким и контролируемым. В итоге идеологической критики в адрес китайской политики в западных СМИ стало больше, а фактической информации – намного меньше.

Знаковым событием стало исчезновение гонконгских политических журналов, публиковавших материалы о событиях в КНР. Представляется, что проблема не только в том, что центральная власть навела порядок в Гонконге, ведь эти издания могли бы переместиться на Тайвань или в США. Судя по всему, наступил кризис жанра, когда вслед за усилением внутреннего контроля над китайской политической элитой исчезла практика «слива» политической информации для зондирования реакции внешнего мира.

Происходящие перемены подчеркивают важность исследовательской работы с китайскими материалами. В открытом доступе в китайском интернете можно находить статьи из основных газет и ведущих партийных изданий. Необходимые для научной работы материалы китайской академической и вузовской периодики интегрированы в электронную базу данных «Чжунго чживан» (China National Knowledge Infrastructure\CNKI) и могут быть получены лишь в рамках платной подписки. Для снятия этого барьера необходимо целевое бюджетное финансирование, аналогичное практике подписки российских научных организаций и вузов на западные базы данных. Одновременно следует помнить о подготовке исследователей, способных грамотно ориентироваться в материалах современных китайских общественных наук, включая экономическую науку и исследования международных отношений.

А.В. Островский. В настоящее время наиболее активно работающими китаеведами в США являются либо китайцы, много лет проживающие в США, либо китайские эмигранты, оставшиеся в США после обучения в американских университетах. В европейских странах в последнее время увеличилась численность китаеведов, которые изучают проблемы китайского языка, истории, философии, лингвистики, где требуется знание китайского языка. Большая часть европейских китаеведов (также как и американских) женаты на китайках или замужем за носителями языка.

А.В. Виноградов. 30–40 лет назад изучение Китая, Индии, Японии было экзотикой, уделом избранных. В глобальном мире это уже повседневная реальность для многих людей, а не только для специалистов, и у каждого из них есть собственное мнение. Оно превращается в проблему, когда начинает циркулировать в новых средствах массовых коммуникаций и становится влиятельным, оставаясь непрофессиональным. Десятки, если не сотни телеграм-каналов сегодня аккумулируют большое количество молодых и активных китаеведов, которые в совершенстве владеют новыми возможностями сбора и обмена информацией и оказывают серьезное влияние и на общественное мнение, и на власть. Китаеведы старшего поколения в большинстве не участвуют в этой самостоятельности, признают другие критерии признания и профессиональной оценки, и уступают место. Считать их реликтами тем проще, что глубокое и сложное знание невозможно изложить телеграфным стилем и понять в перегоне метро или на светофоре. Известен не тот, кто знает, а тот, кого знают, и это кратчайший путь к влиянию. Фундаментальное

знание всегда имеет небольшую аудиторию и не может существовать в рыночных условиях без целевой поддержки.

Информация была и остается основой всякого знания, но еще 30 лет назад сбор первичной информации был очень трудоемким и требовал специальных навыков и особой квалификации. Сейчас в информационном мире доступность информации лишила значительную часть китаеведов монополии на ее владение. С другой стороны, рост объема информации не привел к росту понимания, разрыв между фактическим знанием и пониманием стал еще очевиднее. И если в изучении традиционного Китая владение фактической информацией по-прежнему является критерием принадлежности к корпорации, то применительно к современному Китаю, это уже не так. Думаю, подмена понимания знанием фактов – это общая проблема для любого страноведения, которая обостряется.

Конечно, смена поколений неизбежно ведет к новой парадигме знания, но она будет нежизнеспособной, если естественным образом не впитает традиции. В то же время надо признать, что изучение таких проблем и явлений как цифровое общество, социальные последствия искусственного интеллекта, новые формы общественной жизни и т.д., вероятно, все же удел тех, кто принадлежит этому миру, у них есть свое, эксклюзивное поле для исследований.

Следствием проблемы поколений и маркетизации знаний стало разделение на ученых и экспертов. В советский период существовала фундаментальная наука и механизмы ее трансляции. Политические обозреватели в СМИ, часто с учеными степенями, интересно и доступно объясняли гражданам, что происходит за рубежом, консультанты ЦК, ученые – руководству страны. Сейчас эксперты – самостоятельная категория, не испытывающая ограничений со стороны науки. Массовостью и активностью они составили конкуренцию и отсекали профессиональных китаеведов от возможности прикладного использования своего знания и, как следствие, значительной доли востребованности, влияния и финансирования.

А.В. Ломанов. Начинающим китаеведам необходимо изучать истоки. При этом следует принимать во внимание не только «дальние» истоки китайской культурной традиции, отдаленные от нас на тысячелетия, но и «ближние» истоки китайской политической традиции нового времени. В советский период отечественные исследователи поневоле были знатоками теории марксизма-ленинизма, научного коммунизма и партийного строительства. Осознание «китайской специфики» во многом опиралось на этот фундамент, которому зачастую остро недоставало познаний современных западных теорий. Теперь студенты впитывают «китайскую специфику» с опорой на западные концепции и методы без знания марксизма, сохраняющего роль краеугольного камня китайской политической идеологии. Нужно найти возможность заполнить этот пробел в отечественных образовательных программах.

Западные публикации не станут тут надежной подмогой. В последние три–четыре года в них заметно преобладают рассуждения о том, что Китай при Си Цзиньпине «пошел в неправильном направлении» и «остановил реформы». На деле речь идет не о Китае, а о фундаментальной ошибке западной транзитологии, утверждавшей, что неизбежным результатом экономического подъема станет политическая демократизация. Вместо слома старой системы в Китае произошли рецентрализация власти в руках КПК и реидеологизация общественной жизни. Оценка этих тенденций с точки зрения западного мейнстрима, согласно которой отсутствие продвижения в сторону либерализации, маркетизации и приватизации означает «прекращение реформ», является слишком упрощенной и поверхностной. Для успешного развития партнерства с Китаем российским элитам нужно обладать собственными глубокими и адекватными знаниями о соседней стране.

Ситуация нуждается в незамедлительном выправлении

К.М. Барский. Ситуация нуждается в незамедлительном выправлении. В российском Китаеведении остро назрели перемены, и затронуть они должны все его составляющие.

Как представляется, прежде всего необходимо разработать и принять комплексную правительственную программу развития отечественного Китаеведения, которая была бы подкреплена соответствующим финансированием. Важно, чтобы реализация этой программы была поручена специально созданному для этой цели правительственному органу и строго контролировалась.

Требуется существенное увеличение бюджетных ассигнований на нужды ведущих научных и образовательных центров Китаеведения, в первую очередь ИДВ РАН, ИВ РАН, МГИМО (У) МИД России, ИСАА при МГУ, Высшей школы экономики, СПбГУ, ДВФУ, Дипломатической академии МИД России и др.

Одновременно было бы важным выделить средства из бюджета Российской Федерации на создание сети новых Китаеведческих центров в крупных городах России, прежде всего на Дальнем Востоке и в Сибири. Для всестороннего изучения Китая и подготовки достаточного числа высококвалифицированных Китаистов, тем более с учетом масштабов нашей страны, количество синологических учебных и научных центров соответствующего уровня должно превышать ныне существующее в несколько раз.

Задачи развития Китаеведческих центров могут решаться в том числе и на началах государственно-частного партнерства, за счет поощрения предпринимательской инициативы. Следует стимулировать российское бизнес-сообщество к оказанию содействия государству в решении насущных проблем деятельности научных центров и вузов, материальном обеспечении молодых ученых и практиков, их закреплении на китайском направлении, учитывая, что научные центры могут впоследствии выполнять заказы российских компаний, связанные с Китаем, а часть выпускников вузов – пополнять ряды высококвалифицированных сотрудников указанных компаний со знанием китайского языка, экономики и рынка КНР.

Ключевыми темами научных исследований в современных условиях должны стать:

- функционирование системы власти, борьба и взаимодействие элит, общественно-политические процессы в КНР и прогноз их развития, динамика структуры китайского общества, существующие и потенциальные социальные проблемы;
- оборонная политика КНР, наращивание ядерного потенциала, разработка Китаем новых видов вооружений, ситуация в Тайванском проливе;
- успешный опыт и проблемы в развитии китайской экономики, развитие новых процессов и формирование новых отраслей экономики (искусственный интеллект, информационные технологии, биотехнологии, «зеленое» развитие, возобновляемая энергетика и пр.);
- внешняя политика КНР с акцентом на изучение тенденций развития китайско-американских отношений, политики КНР в Евразии, прежде всего в регионе Центральной Азии, и в АТР;
- внешнеэкономическая стратегия КНР, прежде всего политика Китая в вопросах региональной интеграции и осуществление программы «Один пояс, один путь»;
- российско-китайские отношения с упором на инициирование и экспертную проработку перспективных направлений и конкретных проектов двустороннего сотрудничества.

Принципиально важным является обеспечение преемственности российской Китаеведческой школы, передача эстафеты новому поколению российских Китаеведов. Одной из форм такой работы могло бы стать создание «мастерских» при выдающихся ки-

таеводах старшего поколения, регулярное проведение специализированных мероприятий по образцу знаменитого «семинара С.Л.Тихвинского».

Огромная роль принадлежит работе по увековечению памяти великих китаеведов прошлого, изучению и распространению их выдающегося наследия. Особое внимание следует уделить изучению истории российского практического китаеведения. Изучение истории посольства Российской империи/СССР/Российской Федерации в Китае, российских консульств и торговых представительств в Китае должно стать самостоятельным направлением отечественной синологии.

Повышение уровня преподавания китайского языка, унификации методологии обучения, издание новых учебников, повышение квалификации преподавателей – все это должно находиться в фокусе внимания соответствующих органов исполнительной власти и руководства учебных заведений. Предметом особой заботы государства должна служить подготовка высококвалифицированных переводчиков, прежде всего устных и синхронных переводчиков высшего и высокого уровня.

Целесообразно обеспечить грантовую и иную поддержку деятельности Общества российско-китайской дружбы и его региональных отделений, вовлечение широких слоев населения России, прежде всего молодежи, в общественные проекты, связанные с Китаем, и в дело развития народной дипломатии.

Очевидно, что меры по укреплению отечественного китаеведения и решению стоящих перед ним первоочередных задач должны быть предприняты незамедлительно, пока не отошло от активной деятельности поколение ученых и преподавателей, которые участвовали в создании советской школы китаеведения или учились у ее великих представителей. Промедление чревато разрывом в цепочке передачи знаний и разрушением преемственности, после чего можно будет констатировать, что исконно российское китаеведение перестало существовать.

А.И. Кобзев. Нужда в комплексном Институте китаеведения по прошествии шестидесяти с лишним лет после его странной ликвидации не только никуда не делась, но и обострилась настолько, насколько с той поры увеличилось значение Китая. Более того, эвфемистическое название Института Дальнего Востока, призванное суеверно скрыть сакраментальное имя «раскольнического» государства, ныне выглядит идеологическим анахронизмом и алогичным дублированием в соотношении с названием Института востоковедения, который, безусловно, также занимается Дальним Востоком как неотъемлемой и в разных аспектах важнейшей частью Востока. Малоудачным подходом к решению этой проблемы стала недавняя попытка переименовать Институт Дальнего Востока РАН в Институт Китая и современной Азии, что вновь может побудить китайцев задуматься: не исключают ли их из Азии или из современности, и по зрелом размышлении сделать очередной политико-лингвистический реприманд.

Между тем еще десятилетие назад при получении Государственной премии я письменно обратился к тогдашнему президенту страны Д.А. Медведеву с предложением об усовершенствовании российского китаеведения. Оно было резолютивно одобрено, но реализовано лишь частично и, в частности, включало следующий пункт: «Объединение всех значительно оскудевших сил отечественной синологии (в России и за рубежом) в рамках Синологической академии – принципиально нового, опирающегося в первую очередь на электронные средства коммуникации, института с научно-исследовательскими, культурно-просветительскими и педагогическими функциями, восполняющими разительную недостачу в российском синологическом образовании таких основополагающих для специальности курсов, как история китайской философии, история китайского

искусства, архаические и стилизованные формы иероглифов, иероглифическая специфика оцифровки информации и др.»¹⁴.

В современном Китае старейший принцип «кадры решают все» более чем злободневен. Решить эту задачу нельзя без высококвалифицированных специалистов, для подготовки которых в следующем обращении к руководству страны в 2013 г. я предложил создать синологический аналог Инновационного центра «Сколково», объединяющего научно-исследовательские и учебно-просветительские задачи.

Это должен был быть компактный вуз-НИИ (научно-образовательный комплекс/кластер) с:

1) набором высокоодаренных студентов (например, по олимпиадной системе Физтеха) и специальной довузовской подготовкой (например, в старейшей, открытой в 1956 г. одновременно с ИВЯ/ИСАА МГУ, школе-интернате с углубленным изучением китайского языка № 11, к 2013 г. оказавшейся на грани уничтожения, а ныне выживающей как структурное подразделение СОШ № 1517);

2) особой языковой подготовкой, обусловленной спецификой языка и письменности (иероглифики) принципиально иного типа;

3) классическим синологическим образованием, пока полноценно не представленным ни в одном российском вузе;

4) соединением китайского и других восточных языков с естественнонаучным образованием, чего у нас нет и в помине, даже как специализации, и что является вредным наследием недалёковидного европоцентризма, которое может аукнуться в будущем катастрофическим столкновением со стремительно развивающимися на Дальнем Востоке новыми технологиями;

5) привлечением к педагогической и научно-исследовательской деятельности лучших отечественных и мировых специалистов не только прямо в штате, но и косвенно – через индивидуальные программы студентов, по болонской системе обучающихся в других вузах, практику старшекурсников в базовых организациях (система Физтеха), дистанционное обучение, заграничные стажировки и др.;

6) непрерывной линией уникального образования от школы до аспирантуры,

7) особым правовым статусом бюджетников, обязанных согласно договору несколько лет после окончания отработать по распределению;

8) системой организационных связей с профильными учреждениями в РФ, Китае, сопредельных ему странах и государствах с традиционно развитой синологией, в том числе на основании обмена студентами и преподавателями;

9) повышено комфортной, интеллектуальной и информационно продвинутой средой проживания и обучения, включающей в себя не только удобный кампус и техническую оснащённость аудиторий, но и доступность общекультурных как минимум библиотечных и музейных, ценностей (в соответствии с профилем, возможно, в бывшем Институте им. Сунь Ятсена на Волхонке, где синологические традиции соседствуют с центром русской духовности и культуры).

Для осуществления данного плана, сопоставимого с организацией Царскосельского лицея, столь благотворно повлиявшего на судьбу России, необходимо:

1) утверждение его как национального проекта;

2) придание планируемому учреждению особого статуса, наподобие МГУ или СПбГУ;

3) создание авторитетного наблюдательного и экспертного советов;

14. См. об этом подробно: *Кобзев А.И.* «Столкновение цивилизаций» и «диалог культур» // В потоке научного творчества. К 80-летию В.С. Мясникова / Сост. *Ю.В. Чудодеев.* М.: Наука, 2011. С. 14–15.

4) адекватное выделение государственных (с отдельной строкой в бюджете) и привлечение внебюджетных средств (помимо решения стратегических задач, проект окупаем сопоставимой стоимостью выпускников на международном рынке труда). Этот проект также был воспринят положительно, спущен в профильное министерство и благополучно почил в бозе.

Очевидно, что пришла пора вернуться к данному проекту именно сейчас, когда с невиданными ранее скандалами в академических институтах и ведущих вузах, в том числе ответственных за востоковедение и синологию, начала осуществляться новая и, возможно, чреватая самыми грандиозными последствиями реформа науки и образования в России.

А.В. Лукин. Создается большое противоречие между плачевным состоянием российского китаеведения и объективно растущей необходимостью изучать Китай. Хотя и руководство страны, и крупный бизнес вроде бы понимают, что его надо изучать просто по практическим соображениям. Однако при этом одной частью головы это понимаю, государство фактически разрушает даже существующую структуру. И это очень странно. Поэтому нам нужно объединиться, чтобы ему как-то объяснить, какой должна стать эта структура исследований Китая для того, чтобы, с одной стороны, удовлетворить государственные интересы страны, а с другой, чтобы Россия могла гордо сказать, что у нее существует и фундаментальное китаеведение, что она занимает передовые позиции в мире в области изучения соседней страны, которая для нее имеет огромное значение и которая сегодня привлекает внимание всего мира. А ведь она занимала эти позиции в XVIII и XIX вв. и даже частично в XX в.

При этом не нужно заниматься гигантоманией, создавать какие-то новые громоздкие структуры, какие-то там новые консорциумы и конгломераты. Это может быть воспринято в обществе как стремление контролировать новые финансовые потоки без реального результата. Сейчас такой подход не вызовет большого энтузиазма в условиях, когда и саму Академию наук чиновники, в общем-то, считают отжившей. Саму идею необходимости фундаментальной науки они на словах признают, но на практике финансировать такую науку отказываются. Поэтому я бы предложил, как говорили советские лидеры, кадрово и финансово укрепить существующую систему. Сегодня же вместо этого руководителями научных институтов часто назначаются люди некомпетентные, никому неизвестные в своей области, без консультации с РАН и научным сообществом, и это несмотря на то, что президент страны постоянно говорит, что с научным сообществом надо советоваться. На наших глазах это произошло в ИДВ и Институте философии РАН, хотя в последнем эту атаку невежества вроде бы пока удалось отбить.

В этой ситуации нам, специалистам-китаеведам из разных сфер, вузов, научных институтов и практических организаций, необходимо подумать сообща, каким образом представить руководству страны такие предложения, которые были бы приемлемы, реалистичны, укрепляли бы существующие научные центры, создавали бы вокруг них общероссийскую интеллектуальную и материальную инфраструктуру и таким образом продвигали китаеведение на благо нашей родины и мировой науки.

В.Я. Портяков. Для минимально необходимого выправления ситуации, недопущения скатывания российского китаеведения до уровня тотальной некомпетентности предлагаю следующее:

1) закрепить приоритет исследований в Институте Дальнего Востока РАН проблем современного Китая, а не каких-либо других стран и регионов, изучение которых, в свою очередь, должно вестись во взаимосвязи с китайской проблематикой, а не носить характера самоцели. Сохранить приоритетное сосредоточение ученых на фундаментальных научных исследованиях (а не на преподавании, написании записок по текущим сюжетам и т.п.);

2) в крайнем случае – допустимо выделение из состава ИДВ РАН самостоятельного Института современного Китая РАН с сохранением его статуса как государственного бюджетного учреждения науки;

3) выделить по линии МИД и Министерства промышленности и торговли Институту Дальнего Востока постоянные места в Посольстве и Торгпредстве России в Китайской Народной Республике;

4) выделить финансовые средства для восстановления существовавшей ранее надбавки к заработной плате в размере 20% ученым, постоянно работающим с китайскими источниками.

В.В. Малявин. Переформатирование китаеведения в нашей стране имеет прежде всего географическое измерение. Современные тенденции мирового развития побуждают нас изучать Китай (помимо методов классической синологии) в контексте всей Восточной Азии и того, что я называю евразийской мета-цивилизацией или евразийской глобальной миросистемой. Необходимо создавать востоковедные кадры нового профиля, владеющие двумя-тремя восточными языками и инструментарием сравнительного изучения цивилизаций в Азии и в глобальном масштабе. В противном случае Россия не сможет ответить на «вызов Востока».

В содержательном отношении нужно попытаться пойти дальше традиционных методов как работы с китайскими текстами, так и исследования китайских реалий. Говоря конкретнее, следовало бы преодолеть инерцию стереотипного, так сказать, бытового, «здоровомысленного» перевода и перейти к постижению глубинного смысла словесности в духе, например, теории «чистого текста» В. Беньямина, что со времен книги «Чжуанцзы» называлось в китайской традиции «небесной разумностью», «небесными гранями», «глубинным импульсом» опыта и т.п. Одновременно следует активно пользоваться разработками современной западной философии, психологии, политологии и проч., открывая новые подходы к китайскому материалу. Такое сочетание, я надеюсь, позволит осуществить прорыв в нашем познании Китая и вступить в осмысленное и творческое общение как с китайскими учеными, так и с западными синологами. Так мы могли бы приблизиться к решению сверхзадачи, заданной самими условиями исторического бытия России: быть мостом между Западом и Востоком.

А.Н. Карнеев. В современной ситуации (наряду с сохранением фундаментальности в подготовке соответствующих специалистов, а также развитии классического востоковедения) востоковедное сообщество России имеет важную миссию – способствовать серьезному переносу приоритетов политико-дипломатических и внешнеэкономических усилий с западного направления на южное и восточное, настоящему прорыву России на Восток – наращиванию политико-экономических и культурных связей с элитами стран Азии и Африки.

Одной из попыток интегрировать разрозненное и недостаточно взаимодействующее друг с другом сообщество востоковедов, в том числе китаеведов, стало недавнее создание в НИУ ВШЭ портала «Orientalia Rossica. Востоковедение XXI в.». Однако пока не совсем понятно, будет ли этот ресурс удовлетворять всем потребностям российского китаеведения или целесообразно будет создать именно синологическую площадку для того, чтобы синологический исследования по всей России имели бы более полную репрезентацию.

В образовательной сфере в условиях нарастающей цифровизации, вероятно, стоит подумать о создании единой базы онлайн-курсов и других электронных ресурсов в масштабе всей России.

В.Г. Дацышен. Современное российское китаеведение находится не в самом худшем состоянии, имеет высокий потенциал, сохраняет лучшие традиции. Однако сегодня по всем направлениям развиваются негативные тенденции, сужающие финансовые и организационные возможности для развития китаеведения. Если не остановить эти про-

цессы, не повернуть их вспять, то деградация китаеведения в России неизбежна. Остановить негативные тенденции можно лишь при перераспределении полномочий от бюрократического аппарата в пользу академического сообщества.

Н.А. Самойлов. На мой взгляд, необходимо добиваться создания эффективной грантовой поддержки китаеведных исследований. Требуется также целенаправленная поддержка еще существующих научных школ в тех центрах, где сохранилась фундаментальная подготовка китаеведов. Грантовые проекты должны включать не только научные исследования, но и подготовку (повышение квалификации) молодых китаеведов под руководством более опытных коллег. Сейчас речь уже идет о штучной, а не о массовой подготовке специалистов по истории Китая.

Эффективность грантовой поддержки такого рода исследований можно проиллюстрировать одним положительным примером. В 2019–2020 гг. сотрудниками Восточного факультета СПбГУ, включая группу молодых китаистов, был реализован проект, поддержанный грантом РФФИ, в рамках которого был впервые осуществлен перевод на русский язык уникального китайского историко-этнографического памятника XVIII в. «Хуан цинчжигун ту» («Изображения данников правящей династии Цин»), хранящегося в коллекции старинных китайских книг Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета, и на его основе проведено исследование эволюции представлений о других странах и народах в период правления династии Цин, поскольку данный ксилограф рельефно отражает знания китайцев о народах мира, накопленные ими к XVIII в. Было проведено всестороннее комплексное исследование памятника и составлены научные комментарии к тексту и ко всем имеющимся там 598 иллюстрациям. Теперь предстоит осуществить издание этого памятника с переводом и комментариями.

Далее. Нужно обязательно создать координационный центр, объединяющий ведущих российских китаеведов, в рамках которого сформулировать основные цели и задачи на современном этапе. Необходимо создать единое виртуальное пространство российского китаеведения, включать онлайн-лекции ведущих китаеведов в учебные планы и программы вузов, где сейчас ведется китаеведная подготовка. И ни в коем случае не обособляться.

На мой взгляд, журнал «Проблемы Дальнего Востока» должен остаться главным российским китаеведным журналом широкого профиля, включая историческую тематику.

А.В. Виноградов. Китаеведение находится в критическом состоянии, выход из него требует чрезвычайных мер. Наше профессиональное сообщество может взять на себя ответственность и предложить государству такой пилотный проект по развитию китаеведения, который затем можно будет использовать и в других страноведческих исследованиях. Для этого у нас есть все основания. Во-первых, потому что мы большая и численно растущая корпорация. Во-вторых, китаеведение без всякого преувеличения находится на переднем крае изучения зарубежного Востока и международных отношений. В-третьих, китайская цивилизация преодолела кризис и теперь вновь способна искать и находить собственные ответы на вызовы Новой эпохи (по аналогии с Новым временем), теоретически значимые и практически полезные.

Во-первых, финансирование должно осуществляться по научным направлениям и подразделениям. Однако на практике средствами, ставками и даже темами распоряжается административное руководство, часто не имеющее никакого отношения к проблематике научных исследований. В качестве переходной меры для эффективного использования бюджетных средств необходимо закрепить финансирование за научными подразделениями (центрами и отделами), возложить персональную ответственность на их руководителей. Для этого наделить их на федеральном уровне официальным научно-организационным статусом, например «руководитель научного направления», проводить конкурсы на замещение, допускать к ним только по строгим профессиональным критериям, ут-

верждать план исследований с конкретными содержательными и наукометрическими показателями.

В рамках экспертной деятельности РАН возложить на ИДВ функции по проведению научной экспертизы и рецензирования монографий и диссертаций, проводить курсы повышения квалификации для преподавателей вузов. Обратиться к Министерству науки с предложением в обязательном порядке назначать научным руководителем и/или консультантом соискателя ученой степени профессионального китаеведа, проводить согласование или утверждение тем только в профильных советах.

Нельзя устраняться от самостоятельного китаеведения, а для этого необходимо публиковать не только положительные, но и отрицательные рецензии и тематические обзоры в нашем журнале. Одновременно использовать его возможности по сбору и систематизации информации, вовлекать в профессиональное сообщество. Все это можно сделать только на уровне государственных решений.

Для этого необходимо вернуться к выборам директора из числа профессиональных специалистов по Дальнему Востоку и исключительно научным коллективом. У естественников инженеры, электрики, механики являются неотъемлемой частью научного коллектива и поэтому обоснованно могут участвовать в выборах руководителя научного учреждения, в общественных науках экспериментов нет, поэтому участвовать могут только научные сотрудники.

Привлечь к кураторству ИДВ профильные ведомства, например МИД, в котором хорошо представляют ценность прикладного и фундаментального знания. Возможно, следует наделить МИД правом вместе с РАН и Миннауки согласовывать направления и руководителей исследований. Эта практика может быть распространена и на другие институты нашего отделения.

Что-то из этого, конечно, полумеры, тактика на период неопределенности. Свободная от конъюнктуры, долгосрочная стратегия должна заключаться, во-первых, в подготовке государственной программы развития китаеведения, инициатором которой должны стать не чиновники министерства, а профессиональные китаеведы. И, во-вторых, в восстановлении полноценной деятельности РАН как ведущего центра фундаментальных научных исследований и экспертизы.

Литература

Алексеев В.М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

Алексеев В.М. Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая. СПб.: БАН, 2010.

Виноградов А.В., Кобзев А.И. Российское китаеведение: современное состояние и основные проблемы // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2021. № 6.

Интерес к китайскому языку в РФ вырос втрое за 10 лет – доклад, 24.07.2017. URL: <http://ekd.me/2017/07/interes-k-kitajskommu-v-rf-vyros-vtroe-za-10-let-doklad/> (дата обращения: 07.11.2021).

Кобзев А.И. Научный статус востоковедения и судьба российской китаистики // *Проблемы Дальнего Востока*, 2021. № 6.

Кобзев А.И. «Столкновение цивилизаций» и «диалог культур» // В потоке научного творчества. К 80-летию В.С. Мясникова / Сост. Ю.В. Чудодеев. М.: Наука, 2011.

Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России (Работы о Китае и российско-китайских отношениях): Сборник статей. М.: Международные отношения, 2015.

Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». 31.05.2021. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/> (дата обращения: 07.11.2021).

Рособрнадзор рассказал о ЕГЭ по китайскому языку. URL:

http://obrnadzor.gov.ru/ru/press_center/news/index.php?id_4=6894 (дата обращения: 07.11.2021).

Федеральный государственный стандарт среднего общего образования. 17.05.2012. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/> (дата обращения: 07.11.2021).

Шабалин В. Упущенный шанс // *Проблемы Дальнего Востока*, 2015. № 2.

Экзамен на знание китайского. 01.02.2016. URL: <https://vz.ru/society/2016/2/1/791640.print.html> (дата обращения: 07.11.2021).

Beckley M., Brands H. The End of China's Rise: Beijing Is Running Out of Time to Remake the World // *Foreign Affairs*. October 1, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-10-01/end-chinas-rise>.

Kupchan, C.A. The Right Way to Split China and Russia: Washington Should Help Moscow Leave a Bad Marriage // *Foreign Affairs*. August 4, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-08-04/right-way-split-china-and-russia> (дата обращения: 15.11.2021).

References

Alekseev V.M. Rabochaya bibliografiya kitaista. Kniga rukovodstv dlya izuchayushchih yazyk i kul'turu Kitaya. [Working Bibliography of a Sinologist. Chinese language and culture guide book]. SPb.: BAN, 2010. (In Russ.).

Alekseev V.M. Nauka o Vostoke. Stat'i i dokumenty. [Science of the East. Articles and documents.]. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj li-teratury izdatel'stva «Nauka», 1982. (In Russ.).

Beckley M., Brands H. The End of China's Rise: Beijing Is Running Out of Time to Remake the World. *Foreign Affairs*. October 1, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-10-01/end-chinas-rise>.

Ekzamen na znanie kitajskogo [Chinese Proficiency Exam]. 01.02.2016. URL: <https://vz.ru/society/2016/2/1/791640.print.html> (accessed: 07.11.2021). (In Russ.).

Federal'nyj gosudarstvennyj standart srednego obshchego obrazovaniya [Federal state standard of secondary general education]. 17.05.2012. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/> (accessed: 07.11.2021). (In Russ.).

Interes k kitajskomu yazyku v RF vyros vtroe za 10 let – доклад. [Interest in the Chinese language in Russia has tripled in 10 years - report]. 24.07.2017. URL:

<http://ekd.me/2017/07/interes-k-kitajskomu-v-rf-vyros-vtroe-za-10-let-doklad/> (accessed: 07.11.2021). (In Russ.).

Kupchan, C.A. The Right Way to Split China and Russia: Washington Should Help Moscow Leave a Bad Marriage. *Foreign Affairs*. August 4, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-08-04/right-way-split-china-and-russia> (accessed: 04.08.2021).

Kobzev A.I. Nauchnyj status vostokovedeniya i sud'ba rossijskoj kitaistiki [The Scientific Status of Oriental Studies and the Fate of Russian Sinology]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2021. № 6. (In Russ.).

Kobzev A.I. "Stolknovenie civilizacij" i "dialog kul'tur" ["Clash of civilizations" and "dialogue of cultures"]. V potoke nauchnogo tvorchestva. K 80-letiyu V.S. Myasnikova / Sost. YU.V. CHudodeev. M.: Nauka, 2011. (In Russ.).

Lukin A.V. Vozvyshayushchisya Kitaj i budushchee Rossii (Raboty o Kitae i rossijsko-kitajskih otnosheniyah): Sbornik statej. [Rising China and the Future of Russia (Works on China and Russian-Chinese Relations): Collection of articles.]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2015. (In Russ.).

Prikaz Ministerstva prosveshcheniya RF ot 31 maya 2021 g. № 287 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta osnovnogo obshchego obrazovaniya». [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated May 31, 2021 No. 287 "On approval of the federal state educational standard for basic general education."]. 31.05.2021. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/> (accessed: 07.11.2021). (In Russ.).

Rosobrnadzor rasskazal o EGE po kitajskomu yazyku. [Rosobrnadzor revealed information about unified national exam of Chinese language]. URL: http://obrnadzor.gov.ru/ru/press_center/news/index.php?id_4=6894 (accessed: 07.11.2021). (In Russ.).

Shabalin V. Upushchennyj shans [Missed chance]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015, № 2. (In Russ.).

Vinogradov A.V., Kobzev A.I. Rossijskoe kitaevedenie: sovremennoe sostoyanie i osnovnye problemy [Russian Sinology: Current Stage and Main Problems]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, 2021. № 6. (In Russ.).

ПОЛИТИКА**Япония и США: каким будет союз при администрации Дж. Байдена?**

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120018308-9

Вода Кристина Рудольфовна

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (адрес: 117997, Москва, Профсоюзная, 23). ORCID: 0000-0003-2775-0875. E-mail: vodakris@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 28.12.2021.

Аннотация:

Цель статьи — проанализировать подходы США и Японии к международным политическим проблемам на Индо-Тихоокеанском пространстве в 2021 г. — в первый год работы администрации 46-го президента США Джо Байдена. Ставится задача определить перспективы развития японо-американского альянса на ключевых направлениях их сотрудничества. Дается оценка политике США и Японии на китайском направлении. Япония поддержала курс Дж. Байдена на противостояние КНР по широкому кругу вопросов. Более активное втягивание Токио в американо-китайскую конфронтацию на стороне Вашингтона направлено на усиление позиций Японии в соперничестве с Китаем. Однако Японии будет непросто сохранить те позитивные результаты в экономической и гуманитарной сферах, которые были достигнуты в ходе «потепления» в японо-китайских отношениях в 2018–2020 гг. Рассматриваются подходы сторон к ситуации на Корейском полуострове, включая перспективы взаимодействия США, Японии и Республики Корея в отношении КНДР. Желание Вашингтона глубже связать своих союзников в противостоянии КНДР наталкивается на трудно разрешимые противоречия между Токио и Сеулом, которые будут препятствовать широкомасштабному трехстороннему взаимодействию. Анализируются перспективы развития концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». В Японии, где данная концепция рассматривается в качестве ответа на расширение влияния Пекина в регионе, заинтересованы в развитии экономического сотрудничества со странами-партнерами, направленного на ослабление зависимости от Китая. Отмечается возросшее значение Японии в Индо-Тихоокеанской стратегии США в глазах части американских политиков и экспертов.

Ключевые слова:

США, Япония, КНР, Республика Корея, КНДР, Индо-Тихоокеанский регион, военно-политический альянс.

Для цитирования:

Вода К.Р. Япония и США: каким будет союз при администрации Дж. Байдена? // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 40–52. DOI: 10.31857/S013128120018308-9.

Приход в Белый дом администрации Джо Байдена в начале 2021 г. был встречен в Японии с осторожным оптимизмом. Д. Трамп, проводивший в 2017–2020 гг. политику в духе «Америка прежде всего», всерьез беспокоил японцев своими угрозами пересмотреть существующие между странами договоренности в области торговли и безопасности. В частности, в обмен на выполнение обязательств по защите Японии от нападения

он пытался заставить союзников увеличить расходы на содержание американских военных баз, а также грозил повысить пошлины на ввоз в США японских автомобилей¹.

46-й президент США Дж. Байден обещал скорректировать «изоляционистский» курс Д. Трампа. В своей первой внешнеполитической речи, произнесенной 4 февраля 2021 г. в Госдепартаменте, Байден заявил о важности союзников, в том числе Японии, для США, стремящихся удержать глобальное лидерство². В выпущенном в марте 2021 г. «Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности США», на время заменяющем Стратегию национальной безопасности, американские союзники названы «важнейшим стратегическим ресурсом» США, позволяющим им выступать единым фронтом против глобальных и региональных соперников, формировать общее видение ситуации и объединить силы для продвижения высоких стандартов, создания эффективных международных правил и привлечения к ответственности таких стран, как Китай³.

Важность японо-американского союза для обеих сторон подчеркивает частота контактов их лидеров и высокопоставленных официальных лиц в 2021 г. Первый телефонный разговор между президентом США Дж. Байденом и премьер-министром Японии Ёсихидэ Суга (сентябрь 2020 — октябрь 2021) состоялся вскоре после инаугурации Байдена 28 января 2021 г. Затем руководители двух стран встретились 12 марта в онлайн-формате во время проведения первого Четырехстороннего саммита лидеров США, Японии, Австралии и Индии (QUAD). 15–17 марта 2021 г. прошел визит в Японию госсекретаря США Э. Блинкена и министра обороны Л. Остина, в ходе которого стороны провели консультации в формате «два плюс два». 15–18 апреля 2021 г. состоялся визит Ё. Суга в Вашингтон и переговоры с Дж. Байденом. Японский премьер стал первым иностранным лидером, посетившим американскую столицу после инаугурации Байдена. Саммит лидеров США и Японии закончился принятием совместного заявления — «Глобальное партнерство США и Японии для новой эпохи»⁴, а также двух деклараций, посвященных взаимодействию в сфере высоких технологий, науки, инноваций, противодействию пандемии COVID-19, борьбе с изменением климата и др. 12 июня 2021 г. Дж. Байден и Ё. Суга встретились в английском Корнуолле во время проведения саммита «большой семерки». Второй визит Ё. Суга в Вашингтон состоялся 24 сентября 2021 г., в ходе которого он принял участие в очном саммите лидеров QUAD. Фумио Кисида, сменивший Ё. Суга на посту премьер-министра Японии в октябре 2021 г., также провел с Байденом ряд переговоров, включая встречу на полях климатического саммита COP26 в Глазго 2 ноября 2021 г.⁵.

1. Seligman L., Gramer R. Trump asks Tokyo to Quadruple Payments for U.S. Troops in Japan // *Foreign Policy*. 15.11.2019. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/11/15/trump-asks-tokyo-quadruple-payments-us-troops-japan/> (дата обращения: 10.07.2021); Панов А.Н. Итоги азиатско-тихоокеанской политики Д. Трампа. 2017–2020 гг. // *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2020. № 50 (11). С. 22–45.
2. Remarks by President Biden on America's Place in the World. U.S. Department of State Headquarters. Washington D.C. 04.02.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (дата обращения: 10.07.2021).
3. Interim National Security Strategic Guidance. March 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 11.07.2021).
4. U.S. — Japan Joint Leaders' Statement. U.S.-Japan Global Partnership for a New Era. 16.04.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/04/16/u-s-japan-joint-leaders-statement-u-s-japan-global-partnership-for-a-new-era/> (дата обращения: 14.07.2021).
5. Japan-United States of America Relations. VIP visits and meetings. Japan Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/index.html> (дата обращения: 10.07.2021).

Курс на конфронтацию с КНР сохраняется

Основное внимание в Японии приковано к политике США на китайском направлении. Жесткий подход Д. Трампа к Китаю в целом устраивал японскую политическую элиту, в то время как курс на «вовлечение» (engagement) Пекина, проводимый администрацией 44-го президента США Барака Обамы, вызывал в Токио неодобрение. В громкой статье, опубликованной в апреле 2020 г. в американском либеральном издании *The Atlantic*, неназванный представитель японского правительства писал, что подход Б. Обамы, предлагавший КНР сотрудничество по глобальным вопросам, и его стремление сделать из соперника «ответственного игрока» не достигли желаемой цели. Напротив, Китай в этот период заметно нарастил свое влияние в Индо-Тихоокеанском регионе, оказывал давление на региональных игроков, в том числе на Японию, зачастую использовал «грубую силу» для достижения своих политических целей. В отличие от Б. Обамы, администрация Д. Трампа, хотя и действовала иногда неумело, но смогла верно распознать и оценить серьезность вызовов, исходящих от КНР. По мнению Японии, для стран, испытывающих давление со стороны Китая, важнейшее значение имеет сохранение военного присутствия США в регионе и жесткий подход Вашингтона к Пекину. Поэтому японо-американский союз должен сохранить взятый Д. Трампом курс на противостояние напоистому поведению КНР. Также отмечалось, что в период президентства Д. Трампа Япония и США впервые на равных участвовали в выработке совместных подходов по многим важным региональным вопросам. Эту практику Токио хотел бы сохранить в работе с командой следующего американского президента⁶.

Новая американская администрация Дж. Байдена, в состав которой вошли сотрудники, работавшие в «азиатской команде» Б. Обамы, вопреки некоторым опасениям с первых дней продемонстрировала критическое отношение к КНР. Дж. Байден в своем первом внешнеполитическом выступлении назвал КНР наиболее серьезным соперником США, заявил о стремлении дать отпор «растущим амбициям авторитарного Китая, бросающим вызов американскому лидерству»⁷. Упомянутое «Временное стратегическое руководство по национальной безопасности США» назвало КНР «единственным конкурентом, потенциально способным объединить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь, чтобы бросить устойчивый вызов стабильной и открытой международной системе»⁸.

Правительство Японии поддержало курс Байдена на соперничество с Пекином по широкому кругу вопросов. На первом японо-американском саммите в Вашингтоне 16 апреля 2021 г. стороны высказали озабоченность поведением Китая, нарушающим международный порядок, включая использование экономических и иных форм принуждения. Дж. Байден и Ё. Суга выступили против незаконных территориальных притязаний КНР в Южно-Китайском море. Впервые за многие годы лидеры США и Японии подняли вопрос о сохранении мира и безопасности в Тайваньском проливе. Кроме того, Байден и Суга высказали озабоченность ситуацией с правами человека в Гонконге и Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая и выразили стремление сотрудничать друг с другом

6. The Virtues of a Confrontational China Strategy // *The American Interest*. 10.04.2020. URL: <https://www.the-american-interest.com/2020/04/10/the-virtues-of-a-confrontational-china-strategy/> (дата обращения: 13.07.2021).
7. Remarks by President Biden on America's Place in the World. U.S. Department of State Headquarters. Washington D.C. 04.02.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (дата обращения: 10.07.2021).
8. Interim National Security Strategic Guidance. March 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 11.07.2021).

на основе универсальных ценностей и общих принципов. При этом они отметили, что важно вести с Пекином открытый диалог, напрямую высказывать свои озабоченности и работать с ним по темам, представляющим интерес⁹.

Сближение позиций США и Японии по крайне чувствительным для Китая темам призвано служить подспорьем для Токио в японо-китайском соперничестве. Однако в случае широкомасштабной конфронтации КНР и США, Японии будет непросто сохранить те позитивные результаты в экономической и гуманитарной сферах, которые были достигнуты в ходе «потепления» в японо-китайских отношениях в 2018–2020 гг.¹⁰.

Тем временем в США увеличивается число публикаций, обосновывающих возросшее значение Японии в Индо-Тихоокеанской стратегии Вашингтона¹¹. Отмечается, что США при Д. Трампе бросили своих союзников в регионе на произвол судьбы и поддались нелиберальному популизму, в то время как Япония сохраняла стойкую приверженность либеральному, основанному на правилах международному порядку. Токио углубил связи со своими соседями, расширил участие в многосторонних инициативах, а также определял повестку дня в сфере торговли и цифрового управления¹². Ряд экспертов полагает, что сегодня уже Токио, а не Вашингтону принадлежит роль лидера и защитника либеральных ценностей в регионе. Таким образом, администрации Дж. Байдена при выстраивании своей Индо-Тихоокеанской стратегии придется если не следовать за Японией, то, по крайней мере, всерьез учитывать наработки своих союзников¹³.

Оборона островов Сэнкаку остается в фокусе внимания союзников

В Токио не ослабевает тревога в отношении военно-морской стратегии Пекина, в особенности, его деятельности в Восточно-Китайском (ВКМ) и Южно-Китайском морях (ЮКМ). Попытки Китая укрепить свои позиции в зоне островов Сэнкаку в ВКМ воспринимаются в Японии как прямая угроза собственной безопасности. Как утверждает японское правительство, с 2008 г. китайские суда регулярно вторгаются в японские территориальные воды и прилегающую зону вокруг островов, которые Китай называет Дяоюйдао, считая своей территорией¹⁴. В 2019–2020 гг. интенсивность действий КНР значи-

-
9. U.S. — Japan Joint Leaders' Statement. U.S.-Japan Global Partnership for a New Era. 16.04.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/04/16/u-s-japan-joint-leaders-statement-u-s-japan-global-partnership-for-a-new-era/> (дата обращения: 14.07.2021).
 10. Лекстютина Я.В. Вызов «возвышающегося» Китая для Японии в контексте нормализации китайско-японских отношений в 2014–2018 гг. // *Японские исследования*, 2019. № 3. С. 62–83; Киреева А.А. Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко «потепление» и что за ним стоит? // *Японские исследования*, 2020. № 1. С. 21–47.
 11. Igata A., Glosserman B. Japan is Indispensable Again // *Foreign Affairs*. 15.07.2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-07-15/japan-indispensable-again> (дата обращения: 30.07.2021); Solis M. The Underappreciated Power // *Foreign Affairs*. November/December 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/japan/2020-10-13/underappreciated-power> (дата обращения: 30.07.2021).
 12. Che Chang. Japan is the New Leader of Asia's liberal order // *Foreign Affairs*. 24.02.2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-02-24/japan-new-leader-asias-liberal-order> (дата обращения: 30.07.2021).
 13. Trading Places: America, Japan and Regional Trade on the Chessboard // *The Asia Chessboard Podcast*. CSIS. 01.03.2021. URL: <https://www.csis.org/podcasts/asia-chessboard> (дата обращения: 31.07.2021); 2021 Japan-U.S. Security Seminar. 04.03.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=тnBEte57cSg> (дата обращения: 31.07.2021).
 14. Вода К.Р. Японо-китайские отношения: на пороге холодной войны? // *Мировая экономика и международные отношения*, 2014. № 10. С. 84–92.

тельно возросла. По данным Токио, китайские корабли в одном только 2020 г. более 330 раз заходили в воды около Сэнкаку¹⁵.

Особые опасения в Японии в 2021 г. вызвало принятие нового китайского закона, вступившего в силу 1 февраля, который позволяет судам береговой охраны КНР применять силу против иностранных судов, нарушивших суверенитет страны. По мнению японских экспертов, данный закон является частью стратегии Пекина по объединению его гражданских и военных возможностей с целью нарастить контроль в зоне т.н. «первой цепи островов» в Восточной Азии¹⁶. Эта деятельность КНР бросает вызов способности Японии управлять островами Сэнкаку, поэтому требует пристального внимания и комплексного ответа.

В ходе развернувшейся после принятия нового китайского закона дискуссии представители правящей Либерально-демократической партии заявили о том, что японская служба береговой охраны в рамках проведения полицейской операции в ответ на насильственные действия также может применить силу против иностранных судов, если они вторглись в территориальные воды с целью высадки на острова Сэнкаку¹⁷. Кроме того, японские законодатели обсуждают необходимость расширения возможностей береговой охраны и их более тесной координации с морскими Силами самообороны Японии¹⁸. В настоящее время применение силы возможно только для отражения нападения на территорию Японии со стороны иностранного государства. Это условие, по мнению части японской правящей элиты, снижает эффективность реагирования на возможные конфликтные ситуации с участием негосударственных игроков, таких как рыбацкие суда или корабли береговой охраны¹⁹. Демонстрируя решимость противостоять действиям Китая в зоне Сэнкаку, Япония 22 февраля 2021 г. провела учения служб береговой охраны с участием США, что стало их первой совместной тренировкой.

Президент Дж. Байден уже в ходе первого телефонного разговора с японским премьером Ё. Суга 28 января 2021 г. заявил, что на данные острова распространяется действие ст. 5 японо-американского Договора безопасности, согласно которой США обязаны защищать Японию в случае нападения. Деятельность Китая вокруг Сэнкаку обсуждалась на первом саммите лидеров США и Японии 16 апреля 2021 г. В совместном заявлении Вашингтон и Токио подвергли критике попытки Пекина изменить статус-кво в ВКМ и заявили о готовности США защищать японские острова, используя для этого все имеющиеся возможности, включая ядерное оружие²⁰.

15. Defense of Japan 2021. Japan Ministry of Defense. 13.07.2021. URL: <https://www.mod.go.jp/en/article/2021/07/9795b1aa8822812ce65141c6304f5f0e922d962b.html#1> (дата обращения: 11.07.2021).
16. Masuo C. The Coast Guard Law: China's Readiness for a Maritime Military-Civil Fusion Strategy // *AJISS — Commentary*. 30.04.2021. URL: https://www.jiia.or.jp/en/ajiss_commentary/the-coast-guard-law-chinas-readiness-for-a-maritime-military-civil-fusion-strategy.html (дата обращения: 29.07.2021).
17. Reito K. Japan can Shoot at Foreign Government Vessels Attempting to Land on Senkakus // *The Japan Times*. 25.02.2021. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/02/25/national/senkakus-east-china-sea-japan-coast-guard-defense/> (дата обращения: 29.07.2021).
18. Japan weighs Senkaku options as Chinese coast guard gets new power // *Nikkei Asia*. 02.04.2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Japan-weighs-Senkaku-options-as-Chinese-coast-guard-gets-new-power> (дата обращения: 16.07.2021).
19. *Niquet V.* Answering Beijing's Growing Assertiveness beyond the Senkakus: Balancing Japan-China Relations // *Jiia Policy Brief*. 07.05.2021. URL: <https://www.jiia-jic.jp/en/news/policy-brief-answering-beijings-growing-assertiveness-beyond-the-senkakus-balancing-japan-china-rela.html> ((дата обращения: 16.07.2021).
20. U.S. — Japan Joint Leaders' Statement. U.S.-Japan Global Partnership for a New Era. 16.04.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/04/16/u-s-japan-joint-leaders-statement-u-s-japan-global-partnership-for-a-new-era/> (дата обращения: 14.07.2021).

Очевидно, в вопросе защиты островов Сэнкаку Япония будет и дальше опираться на поддержку США. Тем не менее, следует учитывать, что по проблеме суверенитета над данной территорией США сохраняют нейтралитет, не принимая ни одну из сторон. В свою очередь, Япония продолжает расширять боевые возможности своих Сил самообороны с целью противостоять возможным насильственным действиям Китая в ВКМ²¹.

Также Япония стремится заручиться пониманием своей позиции по Сэнкаку со стороны как можно большего числа стран, придавая проблемы островов международной огласке. Так, в марте 2021 г. премьер-министр Ё. Суга поднял вопрос о деятельности судов береговой охраны КНР в ВКМ на виртуальном Четырехстороннем саммите лидеров США, Японии, Австралии и Индии²².

Такой «многослойный» ответ на проблему Сэнкаку отражает понимание, что Токио не может полагаться исключительно на США в условиях усиливающейся напористости Пекина в реализации его территориальных притязаний. Также можно говорить о сложившемся в японской политической среде консенсусе, что японо-американские договоренности по Сэнкаку должны дополняться повышением боеготовности Сил самообороны, а также поиском международной поддержки видения Токио ситуации в ВКМ²³.

Поиск ответа на «корейский вызов»

Среди вопросов безопасности в ИТР проблема вокруг КНДР занимает особое место. Как показали события 2017 г., ситуация на Корейском полуострове может накалиться очень быстро. При этом заинтересованные в урегулировании ситуации игроки не могут достичь основной цели — денуклеаризации Северной Кореи.

В Японии пристально следят за корректировкой политики США в отношении Пхеньяна, стремясь оказать влияние на принятие решений в этой сфере²⁴. Если в отношении Китая японское правительство ожидает от администрации Дж. Байдена продолжения жесткой линии, проводимой Д. Трампом, то повторения его политики на северо-корейском направлении Токио не хочет. Непоследовательные шаги Трампа в отношении КНДР — от угроз «полного уничтожения» до проведения саммитов с Ким Чен Ыном — вызывали в Японии неодобрение и беспокойство.

В восприятии Токио развитие ракетной и ядерной программ КНДР — одна из наиболее серьезных угроз безопасности. Также большим внутривластным значением в Японии обладает проблема похищенных в Северную Корею японских граждан. Можно утверждать, что на сегодняшний день нормализация отношений между Токио и Пхеньяном невозможна без согласия сторон расследовать местонахождение и судьбу похищенных японцев. Позиция Токио в отношении КНДР отличается крайней неуступчивостью, из-за чего Япония рискует оказаться в стороне от процессов, происходящих на

-
21. Браун Д. Тихая милитаризация. Что означает для России новая оборонная политика Японии // *Московский центр Карнеги*. 28.05.2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/84629> (дата обращения: 22.07.2021); Вода К.Р. Новая эпоха "Рэйва" в Японии. Политические задачи // *Свободная мысль*, 2020. № 1. С. 51–62; Нелидов В.В. Военная политика Японии на современном этапе: мотивация, задачи, перспективы // *Проблемы Дальнего Востока*, 2017. № 4. С. 88.
 22. Japan-Australia-India-U.S. Leaders' Video Conference. Japan Ministry of Foreign Affairs. 13.03.2021. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page1e_000310.html (дата обращения: 16.07.2021).
 23. Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз / Под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2020. С. 45–61.
 24. Panda A. Biden's Next Steps on North Korea Contain a Dose of Realism // *Carnegieendowment.org*. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/05/06/biden-s-next-steps-on-north-korea-contain-dose-of-realism-pub-84485> (дата обращения: 05.08.2021).

Корейском полуострове²⁵. Несмотря на то, что премьер-министры Японии Ё. Суга и Ф. Кисида заявили о намерении встретиться с северокорейским лидером Ким Чен Ыном, официального ответа от Пхеньяна ими получено не было.

Япония координирует свои действия в отношении КНДР с США. На противодействие ракетно-ядерной угрозе со стороны Пхеньяна направлено строительство японской системы противоракетной обороны. Взамен наземных систем ПРО «Иджис Эшор» (Aegis Ashore), которые Токио в 2020 г. отказался разместить на своей территории по причине технических проблем, высокой стоимости и противодействия со стороны местных властей, рассматривается возможность строительства двух новых кораблей, оснащенных системой «Иджис» морского базирования²⁶.

Кроме того, Токио сотрудничает с Вашингтоном и Сеулом в трехстороннем формате. Между Японией и Республикой Корея действует соглашение об обмене информацией и разведанными в отношении КНДР (General Secretariat of Military Information Agreement, GSOMIA), подписанное в 2016 г. Во время японо-американских переговоров в формате «2+2», состоявшихся 16 марта 2021 г., США призвали Японию развивать трехстороннее сотрудничество с Республикой Корея. Как отметил госсекретарь США Э. Блинкен, союзы Вашингтона с Токио и Сеулом — это стратегическое преимущество США перед вызовами со стороны Северной Кореи. Позднее президент Дж. Байден и премьер-министр Ё. Суга подтвердили намерение достичь полной денуклеаризации КНДР, укрепить сдерживание и противостоять угрозам, которые несет развитие ядерной и ракетной программ Пхеньяна, а также заявили о важности сотрудничества между Вашингтоном, Токио и Сеулом для безопасности и процветания сторон.

Однако японо-южнокорейские отношения в 2021 г. не преодолели период своего ухудшения. Не была урегулирована проблема компенсаций за принудительный труд южнокорейских рабочих во время колониального правления Японии. Обострение данной проблемы в 2018 г. связано с решением Верховного суда Республики Корея о правомочности таких требований к компаниям из Японии. Правительство в Токио крайне остро отреагировало на это решение властей в Южной Корее, что вызвало ухудшение двусторонних отношений в экономической и гуманитарной сферах. Разногласия Токио и Сеула также коснулись сферы оборонного сотрудничества. Республика Корея грозила выйти из упомянутого выше двустороннего соглашения об обмене разведанными (GSOMIA). Оно было продлено только за шесть часов до истечения срока действия.

Следует учитывать разницу в подходах к КНДР у Токио и Сеула. Хотя обе стороны сходятся в неприятии ядерного статуса Пхеньяна, Япония является сторонником жесткого подхода и поддерживает санкции в отношении КНДР до тех пор, пока Пхеньян не продемонстрирует значимые шаги по демонтажу своей ядерной и ракетной программ, а также не предпримет усилия по расследованию местонахождения пропавших японских граждан. В свою очередь администрация Мун Чжэ Ина стремится продолжить диалог с Пхеньяном и не поддерживает принятия новых санкций при отсутствии провокаций со стороны КНДР.

Таким образом, стремление США глубже связать своих азиатских союзников в противостоянии КНДР наталкивается на противоречия между Японией и Республикой

25. Кузьминков В.В. Япония в урегулировании ситуации на Корейском полуострове // *Азия и Африка сегодня*, 2018. № 12. С. 25–29.

26. Reito K., Munehisa T. Japan's additional Aegis ships could encourage further arms buildup // *The Japan Times*. 18.12.2020. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/12/18/national/japans-aegis-encourage-arms-buildup/> (дата обращения: 05.08.2021).

Корея, что не будет способствовать продвижению широкомасштабного трехстороннего взаимодействия²⁷.

Развитие концепции «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион»

Администрация Дж. Байдена планирует развивать концепцию «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (ИТР)», продолжая курс, взятый Д. Трампом. Советник президента США по национальной безопасности Д. Салливан заявил 30 января 2021 г., что ключевую роль в политике Вашингтона в ИТР будет играть QUAD — четырехсторонние консультации США, Японии, Австралии и Индии. Этот совещательный форум был впервые созван в 2007 г. и продолжил свою деятельность после перерыва в 2017 г. В 2019–2021 гг. уровень встреч стран «четверки» был повышен сначала до высокого — министерского, а затем до высшего. Первая встреча лидеров QUAD состоялась 12 марта 2021 г. в онлайн-формате, а их первый очный саммит прошел 24 сентября 2021 г. в Вашингтоне.

Участники QUAD выражают поддержку основанному на правилах международному порядку, выступают за сотрудничество стран с рыночной экономикой и разделяющих принципы верховенства закона, уважения территориальной целостности и суверенитета, мирного разрешения споров²⁸.

В ходе сентябрьского саммита лидеры QUAD объявили о ряде инициатив в социальной, экономической и технологической сферах²⁹. В области борьбы с пандемией США, Япония, Австралия и Индия договорились финансировать создание и распределение более 1,2 млрд доз вакцины против COVID-19 по всему миру. Ранее в марте 2021 г. на саммите лидеров «четверки» был одобрен проект производства американской вакцины против COVID-19 в Индии в сотрудничестве с Японией и Австралией³⁰. В сфере борьбы с изменением климата участники QUAD заявили о создании сети экологически чистого судоходства, что предполагает совместные меры по сокращению выбросов CO₂ в крупных морских портах стран «четверки». В области развития инфраструктуры стороны создали специальную группу, которая будет координировать инфраструктурные проекты в ИТР и оказывать техническую помощь региональным партнерам в этой сфере. В технологической области лидеры QUAD объявили о проведении совместных мероприятий по обеспечению безопасного доступа к критически важным технологиям, включая полупроводники. Также было объявлено о планах сотрудничества в сфере космоса.

У Японии, которая рассматривает QUAD как ответ на расширение влияния Пекина в регионе, есть собственное видение концепции «свободного и открытого ИТР». Оно включает мероприятия, направленные на решение следующих задач: 1) установление в регионе верховенства закона, свободы судоходства, свободной торговли; 2) стремление к экономическому процветанию (посредством улучшения взаимосвязанности, заключения соглашений о свободной торговле и т.п.); 3) содействие миру и стабильности

27. Вода К.Р., Федоровский А.Н. Трудности совмещения приоритетов азиатскими союзниками США // *Мировая экономика и международные отношения*, 2017. № 12. С. 111–115.

28. Кистанов В.О. Индо-Тихоокеанская стратегия Японии как средство сдерживания Китая // *Проблемы Дальнего Востока*, 2018. № 2. С. 32–43.

29. Fact Sheet: Quad Leaders' Summit. The White House. 24.09.2021.

URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/24/fact-sheet-quad-leaders-summit/> (дата обращения: 19.12.2021).

30. Quad' leaders pledge to counter China with billion-dose vaccine pact // *The Japan Times*. 13.03.2021. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/03/13/national/politics-diplomacy/japan-quad-china/> (дата обращения: 22.12.2021).

(через укрепление возможностей морских правоохранительных органов, сотрудничество по оказанию гуманитарной помощи и восстановлению от стихийных бедствий)³¹.

Интерес для Японии представляют усилия стран «четверки» на экономическом направлении. В 2021 г. международную огласку получили планы администрации Дж. Байдена, направленные на ослабление зависимости экономики США от произведенной в Китае высокотехнологичной продукции и переформатирование существующих цепочек поставок с возможным исключением из них Китая³². Правительство Японии также рассматривает шаги, направленные на диверсификацию поставок и развитие внутреннего производства, имея в виду ослабление зависимости от Китая. Данные меры, в случае их реализации, будут усиливать технологическое соперничество США и их союзников с Китаем.

Литература

- Браун Д. Тихая милитаризация. Что означает для России новая оборонная политика Японии // *Московский центр Карнеги*. 28.05.2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/84629> (дата обращения: 22.07.2021).
- Вода К.Р. Новая эпоха "Рэйва" в Японии. Политические задачи // *Свободная мысль*, 2020. № 1.
- Вода К.Р., Федоровский А.Н. Трудности совмещения приоритетов азиатскими союзниками США // *Мировая экономика и международные отношения*, 2017. № 12.
- Вода К.Р. Японо-китайские отношения: на пороге холодной войны? // *Мировая экономика и международные отношения*, 2014. № 10.
- Киреева А.А. Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко «потепление» и что за ним стоит? // *Японские исследования*, 2020. № 1.
- Кистанов В.О. Индо-Тихоокеанская стратегия Японии как средство сдерживания Китая // *Проблемы Дальнего Востока*, 2018. № 2.
- Кузьминков В.В. Япония в урегулировании ситуации на Корейском полуострове // *Азия и Африка сегодня*, 2018. № 12.
- Лексютин Я.В. Вызов «возвышающегося» Китая для Японии в контексте нормализации китайско-японских отношений в 2014–2018 гг. // *Японские исследования*, 2019. № 3.
- Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз / Под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2020.
- Нелидов В.В. Военная политика Японии на современном этапе: мотивация, задачи, перспективы // *Проблемы Дальнего Востока*, 2017. № 4.
- Панов А.Н. Итоги азиатско-тихоокеанской политики Д.Трампа. 2017–2020 гг. // *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2020. № 50 (11).
- 2021 Japan-U.S. Security Seminar. 04.03.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rnBEte57cSg> (дата обращения: 31.07.2021).
- Che Chang. Japan is the New Leader of Asia's liberal order // *Foreign Affairs*. 24.02.2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-02-24/japan-new-leader-asias-liberal-order> (дата обращения: 30.07.2021).
- Defense of Japan 2021. Japan Ministry of Defense. 13.07.2021. URL: <https://www.mod.go.jp/en/article/2021/07/9795b1aa8822812ce65141c6304f5f0e922d962b.html#1> (дата обращения: 11.07.2021).
- Fact Sheet: Quad Leaders' Summit. The White House. 24.09.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/24/fact-sheet-quad-leaders-summit/> (дата обращения: 19.12.2021).
- Free and Open Indo-Pacific Region. Japan Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000430632.pdf> (дата обращения: 19.12.2021).

31. Free and Open Indo-Pacific Region. Japan Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000430632.pdf> (дата обращения: 19.12.2021).

32. US and allies to build 'China-free' tech supply chain // *The Nikkei Asia*. 24.02.2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Most-read-in-2021/US-and-allies-to-build-China-free-tech-supply-chain2> (дата обращения: 19.12.2021).

- Igata A., Glosserman B.* Japan is Indispensable Again // *Foreign Affairs*. 15.07.2021.
URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-07-15/japan-indispensable-again> (дата обращения: 30.07.2021).
- Interim National Security Strategic Guidance. March 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 11.07.2021).
- Japan weighs Senkaku options as Chinese coast guard gets new power // *Nikkei Asia*. 02.04.2021.
URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Japan-weighs-Senkaku-options-as-Chinese-coast-guard-gets-new-power> (дата обращения: 16.07.2021).
- Japan-Australia-India-U.S. Leaders' Video Conference. Japan Ministry of Foreign Affairs. 13.03.2021.
URL: https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page1e_000310.html (дата обращения: 16.07.2021).
- Japan-United States of America Relations. VIP visits and meetings. Japan Ministry of Foreign Affairs.
URL: <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/index.html> (дата обращения: 10.07.2021).
- Joint Statement of the U.S.-Japan Security Consultative Committee (2+2). 16.03.2021.
URL: https://www.mofa.go.jp/na/st/page3e_001112.html (дата обращения: 22.07.2021).
- Masuo C.* The Coast Guard Law: China's Readiness for a Maritime Military-Civil Fusion Strategy // *AJISS — Commentary*. 30.04.2021. URL: https://www.jiia.or.jp/en/ajiss_commentary/the-coast-guard-law-chinas-readiness-for-a-maritime-military-civil-fusion-strategy.html (дата обращения: 29.07.2021).
- Niquet V.* Answering Beijing's Growing Assertiveness beyond the Senkakus: Balancing Japan-China Relations // *JIIA Policy Brief*. 07.05.2021. URL: <https://www.jiia-jic.jp/en/news/policy-brief-answering-beijings-growing-assertiveness-beyond-the-senkakus-balancing-japan-china-rela.html> (дата обращения: 16.07.2021).
- Panda A.* Biden's Next Steps on North Korea Contain a Dose of Realism // *Carnegieendowment.org*. 06.05.2021. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/05/06/biden-s-next-steps-on-north-korea-contain-dose-of-realism-pub-84485> (дата обращения: 05.08.2021).
- Quad' leaders pledge to counter China with billion-dose vaccine pact // *The Japan Times*. 13.03.2021.
URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/03/13/national/politics-diplomacy/japan-quad-china/> (дата обращения: 22.12.2021).
- Reito K.* Japan can Shoot at Foreign Government Vessels Attempting to Land on Senkakus // *The Japan Times*. 25.02.2021. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/02/25/national/senkakus-east-china-sea-japan-coast-guard-defense/> (дата обращения: 29.07.2021).
- Reito K., Munehisa T.* Japan's additional Aegis ships could encourage further arms buildup // *The Japan Times*. 18.12.2020. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/12/18/national/japans-aegis-encourage-arms-buildup/> (дата обращения: 05.08.2021).
- Remarks by President Biden on America's Place in the World. U.S. Department of State Headquarters. Washington D.C. 04.02.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (дата обращения: 10.07.2021)
- Seligman L., Gramer R.* Trump asks Tokyo to Quadruple Payments for U.S. Troops in Japan // *Foreign Policy*. 15.11.2019. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/11/15/trump-asks-tokyo-quadruple-payments-us-troops-japan/> (дата обращения: 10.07.2021).
- Solis M.* The Underappreciated Power // *Foreign Affairs*. November/December 2020.
URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/japan/2020-10-13/underappreciated-power> (дата обращения: 30.07.2021).
- The Virtues of a Confrontational China Strategy // *The American Interest*. 10.04.2020.
URL: <https://www.the-american-interest.com/2020/04/10/the-virtues-of-a-confrontational-china-strategy/> (дата обращения: 13.07.2021).
- Trading Places: America, Japan and Regional Trade on the Chessboard // *The Asia Chessboard Podcast*. CSIS. 01.03.2021. URL: <https://www.csis.org/podcasts/asia-chessboard> (дата обращения: 31.07.2021).
- U.S. — Japan Joint Leaders' Statement. U.S.-Japan Global Partnership for a New Era. 16.04.2021.
URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/04/16/u-s-japan-joint-leaders-statement-u-s-japan-global-partnership-for-a-new-era/> (дата обращения: 14.07.2021).
- US and allies to build 'China-free' tech supply chain // *The Nikkei Asia*. 24.02.2021.
URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Most-read-in-2021/US-and-allies-to-build-China-free-tech-supply-chain2> (дата обращения: 19.12.2021).

POLITICS

Japan and U.S. in the Indo-Pacific Region under the J. Biden Administration

Kristina R. Voda

Ph.D. (Politics), Senior Researcher at the Center for Asia-Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (address: 23, Profsoyuznaya str., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-2775-0875. E-mail: vodakris@gmail.com.

Received 28.12.2021.

Abstract:

The article analyzes the approaches of the United States and Japan to the international political problems in the Indo-Pacific region at the beginning of the administration of the 46th President of the United States Joe Biden in 2021. It also aims to evaluate the perspectives of US-Japan cooperation in key areas. The article analyses the policies of the United States and Japan towards China. Japan supported J. Biden's approach to confront China on a wide range of issues. By actively involving in the US-China confrontation government in Tokyo aims to strengthen its position in rivalry with China. However, it will not be easy for Japan to preserve the achievements of the "warm" period in Japan-China relations in 2018–2020 in the economic and humanitarian spheres. The article also analyses the approaches of the US and Japan to the situation on the Korean Peninsula, including the prospects for cooperation between Tokyo, Washington and Seoul towards DPRK. Difficult-to-resolve contradictions between Tokyo and Seoul in a short-term perspective will hinder large-scale cooperation of the parties with Washington. The article also analyses the perspectives of the concept of "Free and open Indo-Pacific region". Tokyo which sees the concept of "Free and open Indo-Pacific region" as a response to the expansion of Beijing's influence in the region, is interested in developing economic cooperation with partners aimed at weakening dependence on China. The article also notes the increased importance of Japan in the United States' Indo-Pacific strategy in the eyes of a number of American politicians and experts.

Key words:

USA, Japan, China, Republic of Korea, DPRK, Indo-Pacific region, alliance.

For citation:

Voda K.R. Japan and U.S. in the Indo-Pacific Region under the J. Biden Administration // *Far Eastern Studies*. 2022. No. 1. Pp. 40–52. DOI: 10.31857/S013128120018308-9.

References

- 2021 Japan-U.S. Security Seminar. 04.03.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rnBEte57cSg> (accessed: 31.07.2021).
- Brown D. Tihaya militarizaciya. Chto oznachaet dlya Rossii novaya oboronnaya politika Yaponii [Silent militarization. What does Japan's new defense policy mean for Russia?]. *Moscow Carnegie Center*. 28.05.2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/84629> (accessed: 22.07.2021). (In Russ.).
- Che Chang. Japan is the New Leader of Asia's liberal order. *Foreign Affairs*. 24.02.2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-02-24/japan-new-leader-asias-liberal-order> (accessed: 30.07.2021).
- Defense of Japan 2021. Japan Ministry of Defense. 13.07.2021. URL: <https://www.mod.go.jp/en/article/2021/07/9795b1aa8822812ce65141c6304f5f0e922d962b.htm#1> (accessed: 11.07.2021).
- Fact Sheet: Quad Leaders' Summit. The White House. 24.09.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/24/fact-sheet-quad-leaders-summit/> (accessed: 19.12.2021).
- Igata A., Glosserman B. Japan is Indispensable Again. *Foreign Affairs*. 15.07.2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-07-15/japan-indispensable-again> (accessed: 30.07.2021).
- Interim National Security Strategic Guidance. March 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed: 11.07.2021).

- Japan Ministry of Foreign Affairs. Free and Open Indo-Pacific Region. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000430632.pdf> (accessed: 19.12.2021).
- Japan weighs Senkaku options as Chinese coast guard gets new power. *Nikkei Asia*. 02.04.2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Japan-weighs-Senkaku-options-as-Chinese-coast-guard-gets-new-power> (accessed: 16.07.2021).
- Japan-Australia-India-U.S. Leaders' Video Conference. Japan Ministry of Foreign Affairs. 13.03.2021. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page1e_000310.html (accessed: 16.07.2021).
- Japan-United States of America Relations. VIP visits and meetings. Japan Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/index.html> (accessed: 10.07.2021).
- Joint Statement of the U.S.-Japan Security Consultative Committee (2+2). 16.03.2021. URL: https://www.mofa.go.jp/na/st/page3e_001112.html (accessed: 22.07.2021).
- Kireeva A.A. Novaya istoricheskaya vekha v kitajsko-yaponskih otnosheniyah: naskol'ko gluboko «potepnenie» i chto za nim stoit? [A new historic milestone in Sino-Japanese relations: how deep is the "warming" and what is behind it?]. *Yaponskie issledovaniya*, 2020. No. 1. (In Russ.).
- Kistanov V.O. Indo-Tihookeanskaya strategiya Yaponii kak sredstvo sderzhivaniya Kitaya [Japan's Indo-Pacific Strategy as a Deterrent to China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2018. No. 2. (In Russ.).
- Kuz'minkov V.V. Yaponiya v uregulirovaniy situacii na Korejskom poluostrove [Japan in resolving the situation on the Korean Peninsula]. *Aziya i Afrika segodnya*, 2018. No. 12. (In Russ.).
- Leksyutina Ya.V. Vyzov «vozvysheyushchegosya» Kitaya dlya Yaponii v kontekste normalizacii kitajsko-yaponskih otnoshenij v 2014–2018 gg. [Rising China's Challenge for Japan in the Context of Normalizing Sino-Japanese Relations in 2014–2018]. *Yaponskie issledovaniya*, 2019. No. 3. (In Russ.).
- Masuo C. The Coast Guard Law: China's Readiness for a Maritime Military-Civil Fusion Strategy. *AJIISS — Commentary*. 30.04.2021. URL: https://www.jiia.or.jp/en/ajiss_commentary/the-coast-guard-law-chinas-readiness-for-a-maritime-military-civil-fusion-strategy.html (accessed: 29.07.2021).
- Nacional'nye i mezhdunarodnye strategii na indo-tihookeanskom prostranstve: analiz i prognoz [National and International Strategies in the Indo-Pacific Space: Analysis and Forecast] / otv. red. V.V. Mikheev, V.G. Shvydko. M.: IMEMO RAN, 2020. (In Russ.).
- Nelidov V.V. Voennaya politika Yaponii na sovremennom etape: motivaciya, zadachi, perspektivy [Military policy of Japan at the present stage: motivation, tasks, prospects]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2017. No. 4. (In Russ.).
- Niquet V. Answering Beijing's Growing Assertiveness beyond the Senkakus: Balancing Japan-China Relations. *JIIA Policy Brief*. 07.05.2021. URL: <https://www.jiia-jic.jp/en/news/policy-brief-answering-beijings-growing-assertiveness-beyond-the-senkakus-balancing-japan-china-rela.html> (accessed: 16.07.2021).
- Panda A. Biden's Next Steps on North Korea Contain a Dose of Realism. *Carnegieendowment.org*. 06.05.2021. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/05/06/biden-s-next-steps-on-north-korea-contain-dose-of-realism-pub-84485> (accessed: 05.08.2021).
- Panov A.N. Itogi aziatsko-tihookeanskoj politiki D. Trampa. 2017–2020 gg. [Results of the Asia-Pacific policy of D. Trump. 2017–2020]. *USA & Canada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2020. No. 50 (11). (In Russ.).
- Quad' leaders pledge to counter China with billion-dose vaccine pact. *The Japan Times*. 13.03.2021. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/03/13/national/politics-diplomacy/japan-quad-china/> (accessed: 22.12.2021).
- Reito K. Japan can Shoot at Foreign Government Vessels Attempting to Land on Senkakus. *The Japan Times*. 25.02.2021. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/02/25/national/senkakus-east-china-sea-japan-coast-guard-defense/> (accessed: 29.07.2021).
- Reito K., Munehisa T. Japan's additional Aegis ships could encourage further arms buildup. *The Japan Times*. 18.12.2020. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/12/18/national/japans-aegis-encourage-arms-buildup/> (accessed: 05.08.2021).
- Remarks by President Biden on America's Place in the World. U.S. Department of State Headquarters. Washington D.C. 04.02.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (accessed: 10.07.2021)
- Seligman L., Gramer R. Trump asks Tokyo to Quadruple Payments for U.S. Troops in Japan. *Foreign Policy*. 15.11.2019. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/11/15/trump-asks-tokyo-quadruple-payments-us-troops-japan/> (accessed: 10.07.2021).

Solis M. The Underappreciated Power. *Foreign Affairs*. November/December 2020.

URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/japan/2020-10-13/underappreciated-power> (accessed: 30.07.2021).

The Virtues of a Confrontational China Strategy. *The American Interest*. 10.04.2020.

URL: <https://www.the-american-interest.com/2020/04/10/the-virtues-of-a-confrontational-china-strategy/> (accessed: 13.07.2021).

Trading Places: America, Japan and Regional Trade on the Chessboard. *The Asia Chessboard Podcast*.

CSIS. 01.03.2021. URL: <https://www.csis.org/podcasts/asia-chessboard> (accessed: 31.07.2021).

U.S. — Japan Joint Leaders' Statement. U.S.-Japan Global Partnership for a New Era. 16.04.2021.

URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/04/16/u-s-japan-joint-leaders-statement-u-s-japan-global-partnership-for-a-new-era/> (accessed: 14.07.2021).

US and allies to build 'China-free' tech supply chain. *The Nikkei Asia*. 24.02.2021.

URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Most-read-in-2021/US-and-allies-to-build-China-free-tech-supply-chain2> (accessed: 19.12.2021).

Voda K.R., Fedorovskij A.N. Trudnosti sovmeshcheniya prioritetov aziatskimi soyuznikami SShA [Difficulties in aligning priorities by the US Asian allies]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017. No. 12. (In Russ.).

Voda K.R. Novaya epoha "Rejva" v Yaponii. Politicheskie zadachi [New era of "Reiwa" in Japan. Political objectives]. *Svobodnaya Mysl'*, 2020. No. 1. (In Russ.).

Voda K.R. Yaponno-kitajskie otnosheniya: na poroge holodnoj vojny? [Sino-Japanese Relations: On the Brink of the Cold War?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2014. No. 10. (In Russ.).

Монгольская внешнеполитическая концепция «третьего соседа»: история, особенности и перспективы

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120018310-2

Игнатов Иван Андреевич

Аспирант, МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID: 0000-0002-5480-3488. E-mail: sienar93@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 20.12.2021.

Аннотация:

Статья посвящена исследованию истории и характерных черт концепции «третьего соседа», определяющей внешнеполитический курс Монголии с 1990-х гг., а также перспектив ее изменения на современном этапе. Автор описывает обстоятельства возникновения этой концепции и причины принятия ее монгольским руководством, анализирует ее особенности и отличия от подходов других «малых государств», проводящих внешнюю политику на основе принципа многовекторности. В числе прочих факторов рассмотрены геополитическая ситуация в Северо-Восточной Азии, географическое положение Монголии, ее исторический опыт подчинения соседним державам, проблемы экономики и стремление местной элиты обеспечить доминирование западных ценностей в политической жизни страны после 1990 г. Автор изучает мотивы и подходы государств «третьего соседа» к партнерству с Монголией, отмечая переход от преимущественного предоставления гуманитарной помощи на начальном этапе к реализации двусторонних взаимовыгодных проектов с начала 2000-х гг. Особое внимание уделяется постепенно проявившимся различиям между интересами и приоритетами стран Запада и Востока в Монголии. Дается анализ перспектив развития концепции «третьего соседа» и стоящих перед ней вызовов, связанных, в частности, со все обостряющимся противостоянием между коллективным Западом и ближайшими соседями Монголии — Россией и Китаем. Автор приходит к выводу, что третьи страны, в первую очередь США, в определенных условиях могут попытаться принудить страну к выбору между ее основными партнерами, подобно тому, как это происходило с некоторыми другими близкими к России государствами.

Ключевые слова:

Монголия, концепция «третьего соседа», внешняя политика, сотрудничество, баланс, Запад, «многополярность».

Для цитирования:

Игнатов И.А. Монгольская внешнеполитическая концепция «третьего соседа»: история, особенности и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 53–67.

DOI: 10.31857/S013128120018310-2.

История возникновения и этапы эволюции

Масштабные реформы, начавшиеся в СССР во второй половине 1980-х гг., привели к активизации аналогичных процессов в ориентировавшихся на Советский Союз социалистических странах, а впоследствии и к распаду всего так называемого «Восточного блока». Вопрос поиска нового места в системе международных отношений, вставший перед бывшими союзниками СССР с началом постбиполярного периода, для Монголии был особенно актуален. В этой стране, где мирный переход к демократии произошел в 1990 г., вскоре начался тяжелейший экономический кризис, вызванный прекращением масштабной советской экономической помощи при одновременной необходимости дальнейших политических реформ и перехода экономики на рыночные рельсы¹. Учитыва-

1. Rossabi, Morris. Modern Mongolia: From Khans to Commissars to Capitalists. Berkeley: University of California Press, 2005. 398 p.

вая, что Монголия географически расположена между Россией и Китаем, чье владычество над страной в эпоху империи Цин до сих пор является причиной негативного восприятия Поднебесной для многих монголов, выработка нового внешнеполитического курса была серьезным вызовом для монгольской политической элиты. Ответом на этот вызов стала так называемая концепция «третьего соседа».

Термин «третий сосед» был изначально озвучен государственным секретарем США Дж. Бейкером в ходе его визита в Улан-Батор в 1990 г. Говоря о желании Соединенных Штатов оказать помощь Монголии при проведении демократических преобразований и переходе к свободной рыночной экономике, американский дипломат заявил о готовности США стать «третьим соседом» страны. Это высказывание тогда не привлекло большого внимания за пределами Монголии, но монгольская политическая элита и эксперты подхватили и развили мысль заокеанского политика, увидев в ней задел для столь необходимого стране нового курса во внешней политике. В стремлении к большей независимости Монголии от ее ближайших соседей — России и Китая — в Улан-Баторе разрабатывали новую внешнеполитическую концепцию, основанную на принципе «многоопорности»². Этот принцип, схожий с идеей многовекторности во внешней политике, предусматривает расширение связей с внерегиональными странами, чтобы уравновесить российское и китайское влияние на Монголию. Представление о не граничащих с Монголией государствах, в особенности принадлежащих к центрам силы мировой политики, как о её коллективном «третьем соседе» и геополитической «третьей опоре» на международной арене вполне органично дополняло монгольский вариант многовекторности. Новый курс вскоре был закреплён в основных внешнеполитических документах страны, включая Концепцию внешней политики³ и Концепцию национальной безопасности Монголии⁴. По мере развития отношений демократической Монголии с внерегиональными партнерами идея «третьего соседа» постепенно получила и международное признание как на уровне государств, так и в экспертном сообществе⁵. Для США, а затем и для их союзников окончательному принятию этой идеи способствовал масштабный пересмотр стратегических интересов после терактов 11 сентября 2001 г. и последующего начала американской «Войны против терроризма»⁶.

Суть концепции «третьего соседа» состоит в том, что Монголия должна стремиться укреплять отношения не только со своими непосредственными соседями — Россией и Китаем, но и с другими развитыми государствами Запада и Востока (именно их обычно относят к «третьему соседу»), извлекая максимальную выгоду из сотрудничества со всеми зарубежными партнерами. При этом монголам следует избегать чрезмерной зависимости от какой-либо одной державы либо группы государств, балансируя между ними, играя на их противоречиях и «стремлении править миром»⁷. Разумеется, Монголии

2. Базаров В.Б. Внешнеполитический курс Монголии в XXI в. // *Власть*, 2016. Т. 24. № 10. С. 83–87.

3. Монгол Улсын Гадаад бодлогын үзэл баримтлал [Концепция внешней политики Монголии]. 10.02.2011. URL: <https://mfa.gov.mn/14979> (дата обращения: 09.09.2021).

4. Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии]. 15.07.2010. URL: <https://mfa.gov.mn/монгол-улсын-үндэсний-аюулгүй-байдлы> (дата обращения: 10.09.2021).

5. Addleton Jonathan S. *Mongolia and the United States: A Diplomatic History // ADST-DACOR Diplomats and Diplomacy Series*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2013. 204 p.

6. Soni Sharad K. The Geopolitical Dilemma of Small States in External Relations: Mongolia's Tryst with "Immediate" and "Third" Neighbours // *The Mongolian Journal of International Affairs*, 2018. Vol. 20. Pp. 27–44.

7. Базаров В.Б. Внешнеполитический курс Монголии в XXI в. // *Власть*, 2016. Т. 24. № 10. С. 83–87.

необходимо избегать и участия в коалициях, направленных против кого-либо из ее партнеров, во избежание возникновения угроз своей национальной безопасности. Монголия также стремится к поддержанию и укреплению отношений с ООН, ее специализированными учреждениями и с международными организациями, как межправительственными (ОБСЕ, ШОС, АСЕМ, Движение неприсоединения и др.), так и финансовыми, торговыми и экономическими (МВФ, группа Всемирного Банка, ВТО и др.). С одобрения властей и при их поддержке на монгольской земле ведут активную деятельность правительственные агентства и НПО из стран «третьего соседа». Кроме того, Монголия принимает активное участие в международной миротворческой и гуманитарной деятельности, в том числе в миротворческих миссиях под эгидой ООН и НАТО, и содействует урегулированию международных конфликтов, в частности на Корейском полуострове.

Сама по себе идея внешнеполитического курса, основанного на поддержании определенного баланса во взаимоотношениях с другими странами ради извлечения максимальной выгоды для себя, не является чем-то уникальным. Принцип многовекторности во внешней политике часто «берут на вооружение» страны, причисляемые к «малым государствам», то есть обладающие небольшими запасами ресурсов, населением и/или территорией, что делает их объектами геополитического воздействия региональных и великих держав. Более развитые и крупные государства, конечно, также могут стремиться к более сбалансированным связям с зарубежными партнерами — такую цель преследовала, например, «Новая восточная политика» («Ostpolitik») ФРГ при канцлере В. Брандте и «Северная политика» южнокорейского президента Ро Дэ У, но для них такой внешнеполитический курс служит, прежде всего, средством достижения собственных целей на международной арене. В случае же малых стран сбалансированная внешняя политика — единственный способ сохранить экономическую и политическую независимость, получить ресурсы для внутреннего развития и стать самостоятельной величиной в мире⁸. Альтернативой такому пути может быть только превращение в сателлита региональной или мировой державы. Такой курс, конечно, сулит стране определенные экономические выгоды и военную защиту, но ставит крест на какой-либо самостоятельности во внешней, а зачастую и во внутренней политике.

В случае Монголии страна, не имеющая выхода к морю, географически зажата между Россией и Китаем — двумя великими державами, каждая из которых в разные исторические периоды ограничивала суверенитет Монголии и возможности третьих стран сотрудничать с ней⁹. Хотя идеологическое противостояние времен «холодной войны» осталось в прошлом, среди представителей монгольской элиты, не без поддержки некоторых зарубежных акторов, распространено мнение о принадлежности ближайших соседей страны к «авторитарным» или «недемократическим» государствам и об их противостоянии «свободному миру», к которому принадлежит и Монголия¹⁰. Многие представители монгольского общества и эксперты полагают, что со стороны перенаселенной Поднебесной исходит угроза поглощения слаборазвитой Монголии с населением примерно 3 млн человек¹¹. Китай уже является ключевым экономическим партнером монголов, значительно опережая Россию, не говоря о третьих странах; растет и китайское влияние на Монголию в других отраслях, включая образование, медицину, сферу инфраструкту-

-
8. Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior / ed. by Jeanne A. K. Hey. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2003. 230 p.
 9. Bold R. The Security of Small State: Option for Mongolia. Ulaanbaatar: Institute for Strategic Studies, *Regional Security Issues and Mongolia*, 2000. No. 9. P. 36.
 10. Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт // *Вестник Томского государственного университета*, 2017. № 420. С. 126–127.
 11. Баасансүрэн Б. Монголия в тисках ее соседей. Saarbrücken, Deutschland: Lambert Academic Publishing, 2014. С. 80–86.

ры¹². В Стране Вечного синего неба опасаются, что китайское экономическое влияние со временем может быть конвертировано в политическое, и болезненная реакция Пекина на визиты в Улан-Батор почитаемого в стране буддистского иерарха — Далай-ламы — лишь подтверждает это в глазах монгольской общественности. Все эти факторы наряду с желанием элиты Монголии извлечь выгоды из сотрудничества с максимальным количеством экономически развитых стран, не жертвуя при этом суверенитетом государства, привели к формированию концепции «третьего соседа» в ее нынешней форме.

При участии Монголии в деятельности международных организаций также соблюдается определенный баланс между ближайшими соседями и третьими странами. С одной стороны, Монголия первой получила статус постоянного наблюдателя в ШОС, в последние годы среди руководства страны и в обществе активно обсуждается возможность присоединения к этой организации в качестве полноправного члена. Монголы сотрудничают с ЕАЭС, с которым с 2016 г. ведутся переговоры по вопросам вступления в союз и создания зоны свободной торговли. Кроме того, Монголия принимала активное участие в разработке подписанной летом 2016 г. на полях саммита ШОС «Программы создания экономического коридора Россия-Монголия-Китай» и в переговорах с главами этих государств в трехстороннем формате¹³. С другой стороны, монгольские власти плотно взаимодействуют и с рядом организаций, связанных со странами «третьего соседа» и декларирующих приверженность западным либеральным ценностям. Монгольские военные не раз принимали участие в миротворческих операциях под эгидой НАТО, в том числе в Афганистане, Ираке и Косово; в 2012 г. была утверждена Индивидуальная программа партнерства и сотрудничества Монголии с Североатлантическим альянсом.

В 2011 г. Монголия стала страной-председателем «Сообщества демократий», что послужило признанием успешности проведенных властями реформ в глазах развитых демократических государств и развития сотрудничества с ними¹⁴. На протяжении многих лет на монгольской земле работают офисы и представители правительственных агентств и НПО стран «третьего соседа», в числе которых АМР США, JICA, KOICA, The Asia Foundation, корпорация «Вызовы тысячелетия» (МСС), Корпус мира, The Nippon Foundation и многие другие. Их деятельность служит значимым инструментом влияния государств коллективного Запада на Монголию с позиций «мягкой силы» и оказывает прямое воздействие на ход экономического развития страны.

По мнению как монгольских, так и зарубежных исследователей, концепция «третьего соседа» имеет геополитический и идеологический характер и основана на идее баланса сил между ближайшими соседями Монголии (часто причисляемыми к «авторитарным режимам») и внерегиональными державами из числа членов мирового демократического сообщества. По определению к странам «третьего соседа» могут быть отнесены все государства, не имеющие общей границы с Монголией и при этом достаточно развитые, чтобы быть способными уравновесить российское и китайское влияние¹⁵. Соответственно, в зависимости от внешних обстоятельств и политической целесообразности монгольское руководство имеет возможность заявлять о принадлежности той или иной страны к «третьему соседу» либо исключать их из этой группы. На практике далеко

12. Базаров В.Б. Внешнеполитический курс Монголии в XXI в. // *Власть*, 2016. Т. 24. № 10. С. 83–87.

13. Борисов Г.О., Дондоков З.Б.-Д., Намжилова В.О. Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: режим ожидания // *ЭКО*, 2017. № 5 (515). С. 98–106.

14. Родионов В.А., Железняков А.С. Монголия стремится стать «азиатской Швейцарией» // *РСМД*. 01.10.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-stremitsya-stat-aziataskoy-shveytsariyei/> (дата обращения: 20.09.2021).

15. Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт // *Вестник Томского государственного университета*, 2017. № 420. С. 126–127.

не все государства, с которыми Монголия активно развивает отношения, причисляются к «третьему соседу» в официальных документах. Так, в Концепции внешней политики Монголии (2011 г.) в контексте стратегии «третьего соседа» упомянуты такие государства, как США, страны ЕС, Япония, Республика Корея, Индия и Турция¹⁶. Монгольская Концепция национальной безопасности (2010 г.) в части, посвященной той же стратегии, говорит о развитии «двустороннего и многостороннего сотрудничества с высокоразвитыми демократиями»¹⁷. Монгольский исследователь Д. Уламбаяр в своих работах, посвященных «третьему соседу», также отмечает, что в это понятие во внешнеполитических документах Монголии включаются страны, удовлетворяющие двум критериям: во-первых, государства с демократическим политическим режимом либо их объединения, во-вторых, экономически развитые державы¹⁸. Иначе говоря, для монгольского государства «третий сосед» — это в первую очередь развитые демократические страны Запада и Востока, главным образом Соединенные Штаты и их союзники, а не просто все страны мира за исключением Китая и России.

В Монголии государства коллективного Запада воспринимаются как носители ценностей, утвердившихся в стране после 1990 г., вследствие чего в политико-идеологическом плане монголы ориентируются именно на западные страны¹⁹. Более того, для монгольской стороны от поддержания демократического имиджа страны зависит и продолжение притока зарубежных инвестиций, кредитов и финансовой помощи, в которых экономика Монголии остро нуждается даже сейчас, когда период перехода к рыночной экономической системе давно позади. В результате монгольская сторона вынуждена продолжать реализацию реформ и экономических мер, рекомендуемых странами «третьего соседа» и аффилированными с ними международными организациями: в этом случае действующие в стране западные неправительственные организации (НПО) вновь подтверждают свои высокие оценки монгольской демократии, репутация Монголии как демократической страны будет сохранена, и приток средств из стран Запада не иссякнет. Такая ситуация вполне устраивает «третьих соседей», более того, они стремятся к ее сохранению, а также к закреплению в монгольском обществе и элите сугубо положительного образа своих стран и отрицательного — ближайших соседей Монголии²⁰. Таким образом, политика «третьей силы» в монгольском варианте связана не только с сохранением политической, экономической и культурной самостоятельности, с обеспечением безопасности страны и защиты ее границ от возможных внешних военных угроз, но и с поддержанием дальнейшего устойчивого развития монгольской экономики посредством получения на льготных условиях средств от развитых демократических стран, а также с сохранением доминирования в монгольской политической жизни западных идей и ценностей, возобладавших в стране после «демократической революции» 1990 г.

16. Монгол Улсын Гадаад бодлогын үзэл баримтлал [Концепция внешней политики Монголии]. 10.02.2011. URL: <https://mfa.gov.mn/14979> (дата обращения: 09.09.2021).

17. Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии]. 15.07.2010. URL: <https://mfa.gov.mn/монгол-улсын-үндэсний-аюулгүй-байдлы> (дата обращения: 10.09.2021).

18. *Ulambayar D.* A New Paradigm in Mongolia's «Third Neighbor» Diplomacy and Soft Balancing // *PaxMongolica*, 2017. No. 2. Pp. 18–28.

19. *Tsedendamba B.* Mongolia's Foreign Policy in the 1990's: New Identity and New Challenges // Ulaanbaatar: Institute for Strategic Studies, *Regional Security Issues and Mongolia*, 2002. No. 17. P. 210.

20. Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт // *Вестник Томского государственного университета*, 2017. № 420. С. 126–127.

Мотивы и подходы стран «третьего соседа» к развитию связей с Монголией

После Национальной революции 1911 г. монгольское руководство, помимо контактов с Россией, предпринимало попытки заручиться поддержкой западных держав и Японии в борьбе за независимость от Китая. Эти усилия не увенчались успехом: третьи страны были не заинтересованы в конфликте с Китаем в преддверии большой войны в Европе, а в некоторых случаях монгольские делегаты попросту не смогли добраться до пункта назначения²¹. Несмотря на эту неудачу, монголы не оставили попыток наладить контакты с «дальним зарубежьем». Так, в середине 1920-х гг. уже социалистическая Монгольская Народная Республика (МНР) направила несколько десятков студентов на обучение в Германию²². Тем не менее, полноценное развитие отношений со странами, которые позднее станут для Монголии «третьим соседом», было сильно затруднено как ввиду долгого непризнания ими независимости МНР, так и из-за принадлежности страны к социалистическому лагерю. Установление державами Запада дипломатических отношений с Монголией после 1945 г. и присоединение МНР к Организации Объединенных Наций в 1961 г. не сильно изменили ситуацию: в противостоянии «холодной войны» монголы и третьи страны оказались на разных сторонах. Некоторые государства, включая США, даже препятствовали присоединению Монголии к ООН, не желая усиления позиций СССР в этой организации²³. Имело место лишь небольшое число совместных проектов, таких как участие Японии в строительстве фабрики кашемировых изделий «Гоби» на монгольской земле²⁴.

С завершением «холодной войны» ситуация кардинальным образом изменилась. Развитые демократические страны Востока и Запада (в первую очередь США и их союзники в Европе и Восточной Азии) быстро оценили значимость налаживания сотрудничества с Монголией. Им представилась возможность не только подтвердить и улучшить свой имидж государств, протянувших руку помощи бывшим сателлитам СССР на их пути в мировое сообщество демократических стран, но и заполнить геополитический вакуум, возникший после распада СССР, увеличив свое политическое и экономическое влияние на страну, расположенную в стратегически важном регионе Северо-Восточной Азии. В числе мотивов держав, ныне причисляемых монголами к «третьему соседу», можно назвать также желание замедлить усиление позиций Китая на фоне «ухода» России из Монголии и избежать роста нестабильности в регионе ввиду продолжения ухудшения экономической ситуации в Монголии (такое развитие событий было особенно нежелательно для других стран СВА, в первую очередь Японии). Кроме того, развитие сотрудничества с Монголией позволяло им начать внедрение своих ценностей и идеологических установок в монгольское общество, тем более что руководство страны демонстрировало готовность к таким переменам (эта мотивация особенно характерна для США и

21. Ewing, Thomas E. Russia, China, and the Origins of the Mongolian People's Republic, 1911–1921: A Reappraisal // *The Slavonic and East European Review*. July 1980. Vol. 58. No. 3. Pp. 399–421.

22. Mongolia's 'Third Neighbor' Foreign Policy // Asia Society website. Seoul, June 18, 2013.
URL: <https://asiasociety.org/korea/mongolias-third-neighbor-foreign-policy> (дата обращения: 10.09.2021).

23. Учрал, Ням-Осор. Международное признание независимого статуса Монголии // *Власть*, 2018. № 8. С. 102–104.

24. Japan's Assistance to Mongolia // Embassy of Japan in Mongolia website.
URL: <https://www.mn.emb-japan.go.jp/news/ODAenglish.PDF> (дата обращения: 18.08.2020).

европейских стран)²⁵. Они стремились обеспечить политическую и идеологическую ориентацию демократической Монголии прежде всего на государства «третьего соседа», оказав ей содействие в ходе проведения либеральных реформ и при выходе из экономического кризиса, а впоследствии — получить доступ к богатейшим запасам природных ресурсов на монгольской земле²⁶.

Первоначально сотрудничество с «третьим соседом» было в основном каналом гуманитарной помощи для Монголии, в начале 1990-х гг. пострадавшей от ухудшения экономической ситуации ввиду разрыва многолетних связей с Россией и потери основного источника финансовой помощи. США и их союзники оказали монголам содействие при переходе к рыночной экономике и демократической политической системе, поддержали присоединение Монголии к международным финансовым и торгово-экономическим организациям (МВФ, Всемирный банк, ВТО и др.), что облегчило доступ к внешним рынкам и новым источникам помощи развитию. Япония возглавила Рабочую группу стран-доноров, участники которой предоставили Монголии безвозмездную помощь и льготные кредиты на сотни миллионов долларов²⁷. Эксперты из западных стран содействовали монгольским властям в разработке нового законодательства в духе либеральной демократии, включая законы о выборах. Массированная помощь стран «третьего соседа» обеспечила достаточно быструю перестройку монгольской политической и экономической системы, смягчив негативный эффект от кризиса сельского хозяйства страны и позволив избежать голода²⁸. В этот же период к работе в Монголии приступили правительственные агентства (Агентство США по международному развитию, Японское агентство международного сотрудничества) и НПО из третьих стран (The Asia Foundation, Корпус мира, подразделения The Nippon Foundation и др.), которые впоследствии будут играть важную роль при формировании за рубежом образа новой демократической Монголии и способствовать притоку в страну зарубежных инвестиций.

В конце 1990-х гг., когда кризисные явления в монгольской экономике были преодолены, а переход к демократии и рынку в основном завершился, акценты в отношениях между монголами и «третьим соседом» изменились. Хотя предоставление финансовой помощи Монголии не было прекращено (более того, ее масштабы постепенно возрастали), компании из зарубежных стран и их монгольские партнеры приступили к реализации совместных взаимовыгодных проектов. Примечательно, что инвесторы из государств «третьего соседа» не боятся вкладывать деньги не только в добычу полезных ископаемых, но и в другие отрасли монгольской экономики, чья перспективность менее очевидна: в энергетику (в том числе возобновляемую), строительство транспортной и информационной инфраструктуры, сферу услуг, туристическую отрасль, обрабатывающую промышленность (в частности, легкую) и т.д.²⁹. Регулярно проходят обмены официальными визитами и встречи с коллегами из стран «третьего соседа», подписываются двусторонние соглашения и меморандумы, где закрепляется партнерский статус отношений и нацеленность на дальнейшее сотрудничество³⁰. Для продолжения экономического

25. Железняков А.С., Баасансүрэн Д., Недяк И.Л. Многополярная политика современной Монголии сквозь призму восточного вектора российской политики // *Полис. Политические исследования*, 2013. № 5. С. 121–132.

26. Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. М.: ИВ РАН, 2009. 192 с.

27. Базаров В.Б. Монголо-японские дипломатические отношения // *Власть*, 2009. № 9. С. 157–159.

28. Яскина Г.С. Аграрный сектор экономики Монголии на подступах к рынку. М.: ИВ РАН, 1998. 229 с.

29. Базаров В.Б. «Третий сосед» Монголии в восточноазиатском пространстве // *Власть*, 2017. Т. 25. № 5. С. 136–140.

30. Ulambayar D. A New Paradigm in Mongolia's «Third Neighbor» Diplomacy and Soft Balancing // *PaxMongolica*, 2017. No. 2. Pp. 18–28.

развития страна заинтересована в получении технологий, в сохранении и увеличении притока инвестиций в горнодобывающую отрасль и другие перспективные направления. Зарубежные партнеры из числа третьих стран способны все это обеспечить³¹. Со временем стали очевидны определенные различия в подходах к связям с Монголией у «третьих соседей» из числа стран Запада и Востока.

Страны Запада географически расположены далеко от Монголии, и геополитический фактор в их отношениях с этой страной безоговорочно доминирует. США и страны ЕС стремятся сделать Монголию своего рода «витриной», наглядным примером успешного развития в условиях демократии, рыночной экономики и благотворного участия в существующей международной экономической и политической системе для стран Центральной и Северо-Восточной Азии. Они поддерживают политические и экономические реформы, которые направлены на развитие либеральной демократии в Монголии, формирование гражданского общества, борьбу с коррупцией и поддержку национальных частных предприятий³². Содействие монгольским властям в этих начинаниях, в том числе через западные НПО, дает Западу возможность обрести дополнительные рычаги влияния на политическую жизнь страны и укрепляет его геополитические позиции в Восточной Азии. Тем же целям способствует присоединение Монголии к таким международным организациям, как ОБСЕ и Сообщество демократий, и продолжение взаимодействия в сфере безопасности и в гуманитарной сфере. Государства-члены НАТО приветствовали участие монгольских военных в миссиях альянса (Афганистан, Ирак, Косово), несмотря на малочисленность контингента ВС Монголии. За культурное влияние на монголов западные страны борются через программы культурных и образовательных обменов (Программа Фулбрайта, программа «Эразмус» и т.д.) и содействие совершенствованию преподавания английского языка в школах и вузах Монголии³³. Помимо этого, при поддержке правительств западные кампании проявляют интерес к монгольским природным ресурсам, несмотря на наличие проблем с логистикой и непростое отношение монгольского общества к горнорудным проектам с иностранным участием.

Отношение стран Востока (в первую очередь Японии и Республики Корея) к сотрудничеству с Монголией несколько иное. Статус союзников США заставляет их учитывать фактор геополитики, но географическая и культурно-цивилизационная близость вносят свои коррективы. Монголия является для этих стран значимым рынком сбыта — по таким товарным позициям, как автомобили и техника для горнорудной и строительной отраслей, они уверенно удерживают лидерство³⁴. Как и их западные коллеги, восточные страны «третьего соседа» стремятся обеспечить доступ своим компаниям к природным богатствам Монголии, но при этом они одними из первых осознали немалый потенциал отраслей монгольской экономики, не относящихся к добывающей сфере. Японские и южнокорейские компании были пионерами при инвестировании в монгольскую банковскую систему, строительство транспортной, жилищной инфраструктуры и коммуникаций, а также в легкую промышленность и энергетику. Наиболее заметных успехов добилась Япония, которая не боялась вкладывать средства в масштабные долгосрочные проекты и теперь обладает в этих сферах существенным влиянием, будучи способна кон-

31. *Базарваань Г.* «Гуравдагч хорш»-ийн бодлогоо оргожууль [Расширение политики «Третьего соседа»] // Ulaanbaatar: The Institute for Strategic Studies, *Стратегийн судалгаа*, No. 63. С. 16–20.

32. *Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. 330 с.

33. *Dulguun B.* 2019 proclaimed “Mongolia-U.S. Youth Year” // *The UB Post*. March 2019. No. 023 (1991). P. 4.

34. *Базаров В.Б.* Монголо-японские дипломатические отношения // *Власть*, 2009. № 9. С. 157–159.

курувать не только с другими «третьими» соседями, но и с Россией или Китаем³⁵. Развивается сотрудничество в культурной и образовательной сферах, в здравоохранении. Соседи Монголии по СВА больше других озабочены поддержанием мира и стабильности в регионе, поскольку от этого зависит их собственная национальная безопасность, а потому с интересом воспринимают монгольские инициативы по посредничеству в конфликте на Корейском полуострове³⁶.

Вызовы и перспективы концепции «третьего соседа»

Монгольские эксперты и ученые из других стран неоднократно отмечали: концепция «третьего соседа» успешно выполняет ту роль, для которой некогда была создана³⁷. Появление «третьей опоры» внешней политики Монголии позволило стране преодолеть наиболее тяжелый период «демократического перехода» и становления рыночной экономики в условиях прекращения массивированной советской помощи. Возможность балансировать между великими державами, имеющими интересы в Монголии, открывает доступ к дополнительным ресурсам для развития страны без утраты самостоятельности во внешней и внутренней политике. Реализация совместных экономических проектов с развитыми демократическими государствами укрепляет экономическую безопасность Монголии, хотя и не способна уравновесить влияние непосредственных соседей. Наконец, активная миротворческая деятельность и готовность к развитию контактов с другими государствами вне зависимости от их политического режима повышают международный престиж Монголии и ее значимость как самостоятельного актора на мировой арене. Тем не менее в настоящее время высказываются опасения, что те или иные партнеры Монголии, руководствуясь собственными интересами, могут попытаться принудить монголов к пересмотру внешнеполитического курса. В этом случае баланс в отношениях Монголии с иностранными партнерами будет нарушен, а монгольской «многоопорности» в том виде, в котором она существует сейчас, придет конец.

Некоторые западные исследователи утверждают, что политика «третьего соседа» не может считаться гарантией невмешательства (в том числе военного) со стороны России или Китая во внутренние дела Монголии. Эта страна, отмечают они, не имеет выхода к морю и имеет общие границы лишь с двумя державами, а, следовательно, именно с ними будет прямо или косвенно связана любая внешняя угроза её безопасности, которая может возникнуть в будущем. В случае если один из непосредственных соседей Монголии решится предпринять какие-то действия, представляющие прямую угрозу её суверенитету и национальной безопасности, монгольскому руководству не стоит рассчитывать, что третьи страны встанут на ее защиту. При таких обстоятельствах монголам придется, как прежде, обратиться к одному из граничащих с ней государств, которое сможет противостоять другому. Таким образом, развитие отношений с «третьим соседом» позволяет ограничивать усиление позиций России и КНР в Монголии лишь до тех пор, пока эти две державы «сдерживают друг друга»³⁸. Кроме того, каких бы успехов монголы ни доби-

35. *Dulguun B.* Highway Connects UB to Khushig Valley as New Airport Opens // *The UB Post*. July 2019. No. 076 (2044). P. 3.

36. *Campi, A.* How North Korea—Mongolia Relations Have Jump-Started The Korean Peninsula Peace Process // Washington, DC: *Asia Pacific Bulletin*. February 20, 2019. No. 457. 2 p.

37. *Железняков А.С., Баасансүрэн Д., Недак И.Л.* Многоопорная политика современной Монголии сквозь призму восточного вектора российской политики // *Полис. Политические исследования*, 2013. № 5. С. 121–132.

38. *Allan M. Wachman.* Mongolia's Geopolitical Gambit: Preserving a Precarious Independence While Resisting "Soft Colonialism" // *EAI Fellows Program Working Paper*. Series 18. Seoul: The East Asia Institute, 2009. P. 9.

лись в расширении связей с «дальним зарубежьем», Страна Вечного синего неба остается заложником своего географического положения, и возможности сопредельных государств укреплять свое влияние на Монголию всегда будут значительно превосходить возможности стран «третьего соседа»³⁹.

Монгольские эксперты более осторожны в оценках возможной роли третьих стран при посягательстве Китая или России на суверенитет Монголии. Вероятно, эта сдержанность объясняется тем, что даже гипотетические построения такого рода могут быть болезненно восприняты китайской и российской стороной, а также тем, что исследователи из Монголии в принципе не слишком склонны рассматривать военную интервенцию северного или южного соседа как реалистичный вариант развития событий. И все же в монгольских научных статьях и высказываниях политиков порой встречаются рассуждения о сложном отношении России и КНР к политике «третьего соседа».

Так, экс-посол Монголии в Республике Корея Б. Ганболд, выступая с лекцией в Сеуле, говорил о том, что такой внешнеполитический курс на определенном этапе привел к росту недоверия в отношениях с ближайшими соседями страны, поскольку создал у них неверное впечатление, что Монголия «содействует продвижению американской повестки дня»⁴⁰. Впрочем, монгольский дипломат тут же заявил, что эти проблемы в прошлом и сейчас Китай и Россия поддерживают политику «третьего соседа», потому что в ее основе лежит баланс интересов всех государств-партнеров Монголии. Другие монгольские эксперты и экс-сотрудники МИД прямо говорят о заинтересованности Москвы и Пекина в сокращении влияния западных стран на Монголию, особенно с учетом их все более активных действий на международной арене и конфронтации с Западом. Некоторые высказывают мысли о желании южного и северного соседей «заморозить» монгольские природные ресурсы и не допустить их разработки третьими странами, даже если они сами тоже не получают доступа к месторождениям Монголии, и о сохраняющейся возможности иностранной интервенции — правда, только из КНР⁴¹. Наконец, очень многие исследователи отмечают доминирующую роль Китая как торгово-экономического партнера монголов и потенциальную угрозу суверенитету страны ввиду столь сильной экономической зависимости от одного государства. В этом, кстати, с монгольскими коллегами солидарны российские учёные⁴². Более того, в своих работах они подчёркивают: как ни парадоксально, ослабление «российской опоры» внешней политики Монголии и усиление позиций западных компаний на монгольском рынке в большей степени способствует росту влияния Китая, а не стран «третьего соседа»⁴³.

Угрозу нарушения баланса, заложенного в концепции «третьего соседа», в значительной степени создают действия самих развитых демократических государств — партнеров монголов. Как уже говорилось ранее, несмотря на то что период перехода Монголии к рыночной экономике давно позади, стране по-прежнему крайне необходим

39. *Soni Sharad K. The Geopolitical Dilemma of Small States in External Relations: Mongolia's Tryst with "Immediate" and "Third" Neighbours // Ulaanbaatar: The Mongolian Journal of International Affairs, 2018. Vol. 20. Pp. 27–44.*

40. *Mongolia's 'Third Neighbor' Foreign Policy // Asia Society website. Seoul, June 18, 2013. URL: <https://asiasociety.org/korea/mongolias-third-neighbor-foreign-policy> (дата обращения: 10.09.2021).*

41. *Баасансурэн Б. Монголия в тисках ее соседей. Saarbrücken, Deutschland: Lambert Academic Publishing, 2014. С. 154.*

42. *Железняков А.С., Баасансурэн Д., Недяк И.Л. Многоопорная политика современной Монголии сквозь призму восточного вектора российской политики // Полис. Политические исследования, 2013. № 5. С. 121–132.*

43. *Родионов В.А. Национальная безопасность Монголии в контексте отношений с Россией // Власть, 2013. № 2. С. 137–140.*

приток средств из-за рубежа для обеспечения дальнейшего социально-экономического развития⁴⁴. Доступ к льготным кредитам, дотациям и инвестициям из стран «третьего соседа» в значительной степени зависит от сохранения имиджа Монголии как открытого демократического государства, а этот имидж в свою очередь зависит от соответствующих оценок и докладов аффилированных с западными странами международных организаций, правительственных агентств и НКО. В своих выступлениях представители государственных органов и экспертного сообщества из стран «третьего соседа» превозносят успехи Монголии на пути демократизации и построения открытой рыночной экономики, при этом подчеркивая, что «общность демократических ценностей» с Монголией является залогом ее дальнейшего успешного развития⁴⁵. Зачастую они увязывают демократическую риторику с лоббированием экономических интересов своих стран в Монголии⁴⁶. Подобное характерно не только для крупнейших партнеров монголов из числа третьих стран — США и Японии, но и, например, для Индии. Одновременно монголов престоерегают от расширения сотрудничества с «недостаточно демократическими» государствами и от присоединения к международным объединениям с участием таких стран, вроде Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Некоторые западные эксперты заходят настолько далеко, что изображают Монголию практически как «осаждённую крепость»: они говорят о том, что Монголия окружена «авторитарными и агрессивными сверхдержавами», которые «не желают усиления демократической идентичности Монголии», и даже сравнивают южного и северного соседей монголов со Сциллой и Харибдой⁴⁷.

В условиях нарастания противоречий между странами коллективного Запада и ближайшими соседями Монголии — Россией и КНР — дальнейшая реализация концепции «третьего соседа» может оказаться под вопросом. В своей нынешней форме она предполагает неучастие в антикитайских и антироссийских блоках и коалициях. Несмотря на участие монгольских военнослужащих в военных миссиях США и НАТО в Афганистане, Ираке и Косово и совместных учениях с подразделениями Вооруженных сил Соединенных Штатов и союзных им стран, Монголия неизменно отвергала попытки интегрировать ее в американскую систему союзов в Азии. Хорошо представляя себе реакцию России и Китая и помня о географическом факторе, монгольское руководство не желает столь серьезного подрыва своей национальной безопасности и не заинтересовано в ситуации, когда развитие связи с каким-либо из «третьих соседей» нанесет серьезный ущерб интересам соседей ближайших. Положение «наиболее демократичной страны региона» однозначно импонирует многим в монгольской элите, но этого недостаточно, чтобы пойти на такой серьезный риск⁴⁸. Однако продолжающаяся

44. *Anudari M.* Japan to grant USD 1.8 mln non-refundable aid to Mongolia // *Montsame*. March 12, 2019.

45. President Discusses Freedom and Democracy in Ulaanbaatar, Mongolia [Речь Президента США Джорджа У. Буша в конференц-зале Дворца Правительства Монголии]. 21.11.2005. URL: <https://2001-2009.state.gov/p/eap/rls/rm/2005/57239.htm> (дата обращения: 03.06.2020).

46. Ambassador Campbell Remarks on Mongolia's Investment Climate at NAMBC General Meeting [Замечания Посла Кэмпбелл об инвестиционном климате в Монголии на общем собрании Делового совета Северная Америка — Монголия]. 21.04.2015. URL: <https://mn.usembassy.gov/ambassador-campbell-remarks-mongolias-investment-climate-nambc-general-meeting/> (дата обращения: 03.03.2020).

47. См. *Родионов В.А., Аюшиева И.Г.* «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт // *Вестник Томского государственного университета*, 2017. № 420. С. 126–127.

48. *Soni Sharad K.* The Geopolitical Dilemma of Small States in External Relations: Mongolia's Tryst with "Immediate" and "Third" Neighbours // *Ulaanbaatar: The Mongolian Journal of International Affairs*, 2018. Vol. 20. Pp. 27–44.

ухудшение отношений между непосредственными и «третьими» соседями может привести к усилению давления последних на монгольскую сторону по данному вопросу и по другим международным инициативам Запада, направленным против России и Китая. Угрожая сокращением или перекрытием притока финансовых средств из стран «третьего соседа», монголов могут попытаться принудить к пересмотру своей внешнеполитической концепции и к выбору между своими основными партнерами, подобно тому, как это происходило ранее с другими близкими к России государствами на территории бывшего СССР и за его пределами.

В этой ситуации монголам, вероятно, придется задуматься об отказе от политики «третьего соседа» вне зависимости от избранного пути. Отказ Монголии поддержать политику Запада может быть расценен США как «предательство» демократических ценностей и повод ограничить финансовую помощь, получаемую от третьих стран, со всеми вытекающими последствиями, вплоть до инспирирования очередной «цветной революции». Одновременно может резко возрасти российское и китайское влияние с перспективой появления новой концепции, где центральную роль будет играть балансирование Монголии между интересами северного и южного соседей. Подчинение давлению Запада будет означать пересмотр концепции «третьего соседа» в пользу приоритетности связей с США и их союзниками в ущерб отношениям с Россией и КНР и приведет к подрыву национальной безопасности Монголии, поскольку ее ближайшие соседи, разумеется, не смогут проигнорировать превращение страны в военно-политический плацдарм враждебно настроенных государств. Как российской, так и китайской стороне придется учитывать это при работе на монгольском направлении и принять во внимание те вызовы в сфере национальной безопасности, которые возникнут перед Россией, Китаем и Монголией в случае, если последнюю будут склонять к такому выбору.

Литература

- Баасансурэн Б. Монголия в тисках ее соседей. Saarbrücken, Deutschland: Lambert Academic Publishing, 2014.
- Базаров В.Б. Внешнеполитический курс Монголии в XXI в. // *Власть*, 2016. Т. 24. № 10.
- Базаров В.Б. Монголо-японские дипломатические отношения // *Власть*, 2009. № 9.
- Базаров В.Б. «Третий сосед» Монголии в восточноазиатском пространстве // *Власть*, 2017. Т. 25. № 5.
- Борисов Г.О., Дондоков З.Б.-Д., Намжилова В.О. Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: режим ожидания // *ЭКО*, 2017. № 5 (515).
- Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. М.: ИВ РАН, 2009.
- Железняков А.С., Баасансурэн Д., Недяк И.Л. Многополярная политика современной Монголии сквозь призму восточного вектора российской политики // *Полис. Политические исследования*, 2013. № 5.
- Захария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004.
- Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт // *Вестник Томского государственного университета*, 2017. № 420.
- Родионов В.А., Железняков А.С. Монголия стремится стать «азиатской Швейцарией» // РСМД. 01.10.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-stremitsya-stat-aziatskoy-shveytsariye/> (дата обращения: 20.09.2021).
- Родионов В.А. Национальная безопасность Монголии в контексте отношений с Россией // *Власть*, 2013. № 2.
- Учрал, Ням-Осор. Международное признание независимого статуса Монголии // *Власть*, 2018. № 8.
- Яскина Г.С. Аграрный сектор экономики Монголии на подступах к рынку. М.: ИВ РАН, 1998.
- Adleton Jonathan S. Mongolia and the United States: A Diplomatic History // *ADST-DACOR Diplomats and Diplomacy Series*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2013.

- Allan M. Wachman. Mongolia's Geopolitical Gambit: Preserving a Precarious Independence While Resisting "Soft Colonialism" // *EAI Fellows Program Working Paper*. Series 18. Seoul: The East Asia Institute, 2009.
- Ambassador Campbell Remarks on Mongolia's Investment Climate at NAMBC General Meeting [Замечания Посла Кэмпбелл об инвестиционном климате в Монголии на общем собрании Делового совета Северная Америка — Монголия]. 21.04.2015. URL: <https://mn.usembassy.gov/ambassador-campbell-remarks-mongolias-investment-climate-nambc-general-meeting/> (дата обращения: 03.03.2020).
- Anudari M. Japan to grant USD 1.8 mln non-refundable aid to Mongolia // *Montsame*. March 12, 2019.
- Bold R. The Security of Small State: Option for Mongolia. Ulaanbaatar: Institute for Strategic Studies, *Regional Security Issues and Mongolia*, 2000. No. 9.
- Campi, A. How North Korea—Mongolia Relations Have Jump-Started The Korean Peninsula Peace Process // Washington, DC: *Asia Pacific Bulletin*. February 20, 2019. No. 457.
- Dulguun B. 2019 proclaimed "Mongolia-U.S. Youth Year" // *The UB Post*. March 2019. No. 023 (1991).
- Dulguun B. Highway Connects UB to Khushig Valley as New Airport Opens // *The UB Post*. July 2019. No. 076 (2044).
- Ewing, Thomas E. Russia, China, and the Origins of the Mongolian People's Republic, 1911–1921: A Re-appraisal // *The Slavonic and East European Review*. July 1980. Vol. 58. No. 3.
- Japan's Assistance to Mongolia // Embassy of Japan in Mongolia website. URL: <https://www.mn.emb-japan.go.jp/news/ODAenglish.PDF> (дата обращения: 18.08.2020).
- Mongolia's 'Third Neighbor' Foreign Policy // Asia Society website. Seoul, June 18, 2013. URL: <https://asiasociety.org/korea/mongolias-third-neighbor-foreign-policy> (дата обращения: 10.09.2021).
- President Discusses Freedom and Democracy in Ulaanbaatar, Mongolia [Речь Президента США Джорджа У. Буша в конференц-зале Дворца Правительства Монголии]. 21.11.2005. URL: <https://2001–2009.state.gov/p/eap/rls/rm/2005/57239.htm> (дата обращения: 03.06.2020).
- Rossabi, Morris. *Modern Mongolia: From Khans to Commissars to Capitalists*. Berkeley: University of California Press, 2005.
- Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior / ed. by Jeanne A. K. Hey. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2003.
- Soni Sharad K. The Geopolitical Dilemma of Small States in External Relations: Mongolia's Tryst with "Immediate" and "Third" Neighbours // Ulaanbaatar: *The Mongolian Journal of International Affairs*, 2018. Vol. 20.
- Tsedendamba B. Mongolia's Foreign Policy in the 1990's: New Identity and New Challenges // Ulaanbaatar: Institute for Strategic Studies, *Regional Security Issues and Mongolia*, 2002. № 17.
- Ulambayar D. A New Paradigm in Mongolia's «Third Neighbor» Diplomacy and Soft Balancing // *Pax-Mongolica*, 2017. № 2.
- Базарваань Г. «Гуравдагчхорш»-ийн бодлогоо оргожуулье [Расширение политики «Третьего соседа»] // Ulaanbaatar: The Institute for Strategic Studies, *Стратегийн судалгаа*. № 63.
- Монгол Улсын Гадаад бодлогын үзэл баримтлал [Концепция внешней политики Монголии]. 10.02.2011. URL: <https://mfa.gov.mn/14979> (дата обращения: 09.09.2021).
- Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии]. 15.07.2010. URL: <https://mfa.gov.mn/монгол-улсын-үндэсний-аюулгүй-байдлы> (дата обращения: 10.09.2021).

Mongolian "Third Neighbor" Foreign Policy Concept: History, Features and Prospects

Ivan A. Ignatov

Ph.D. student, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-5480-3488. E-mail: sienar93@yandex.ru.

Received 20.12.2021.

Abstract:

This article studies the history and features of the "third neighbor" concept, which has determined Mongolia's foreign policy since the 1990s, as well as the prospects for its change at the present stage. The author describes the circumstances of this concept's emergence and the reasons for its

adoption by the Mongolian leadership, then analyzes its characteristic features and its differences from the approaches of other "small states" pursuing foreign policy on the basis of the "multi-vector" principle. Among other things, the factors considered include the geopolitical situation in the region of Northeast Asia, the geographical position of Mongolia, its historical experience of being dominated by neighboring powers, the problems of its economy and the local elite's desire to ensure the dominance of Western values in the country's political life after 1990. The author proceeds to study the motives and approaches of the "third neighbor" states towards partnership with Mongolia, noting the transition from the preferential provision of humanitarian aid at the initial stage to the implementation of mutually beneficial projects since the early 2000s. Special attention is given to the gradually emerging differences between the interests and priorities of Western and Eastern countries in Mongolia. This is followed by an analysis of the prospects for the "third neighbor" concept and the challenges it faces, associated, in particular, with the ever-escalating confrontation between the collective West and Mongolia's closest neighbors — Russia and China. The author comes to the conclusion that third countries — primarily the United States — might, under certain conditions, try to force the Mongolians to choose between their main partners, just as it happened with certain other states close to Russia.

Key words:

Mongolia, the "third neighbor" concept, foreign policy, cooperation, balance, the West, "multi-pillared" foreign policy.

For citation:

Ignatov I.A. Mongolian "Third Neighbor" Foreign Policy Concept: History, Features and Prospects // *Far Eastern Studies*. 2022. No. 1. Pp. 53–67. DOI: 10.31857/S013128120018310-2.

References

- Addleton Jonathan S.* Mongolia and the United States: A Diplomatic History. *ADST-DACOR Diplomats and Diplomacy Series*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2013.
- Allan M. Wachman.* Mongolia's Geopolitical Gambit: Preserving a Precarious Independence While Resisting "Soft Colonialism". *EAI Fellows Program Working Paper*, Series 18. Seoul: The East Asia Institute, 2009.
- Ambassador Campbell Remarks on Mongolia's Investment Climate at NAMBC General Meeting. 21.04.2015. URL: <https://mn.usembassy.gov/ambassador-campbell-remarks-mongolias-investment-climate-nambc-general-meeting/> (accessed: 03.03.2020).
- Anudari M.* Japan to grant USD 1.8 mln non-refundable aid to Mongolia. *Montsame*. March 12, 2019.
- Baasansuren B.* Mongoliya v tiskah ee sosedej [Mongolia in the Grip of its Neighbors]. Saarbrücken, Germany: Lambert Academic Publishing, 2014. (In Russ.).
- Bazarov V.B.* Mongolo-yaponskie diplomaticheskie otnosheniya [Mongolian-Japanese Diplomatic Relations]. *Vlast'*, 2009. No. 9. (In Russ.).
- Bazarov V.B.* «Tretij sosed» Mongolii v vostochnoaziatskom prostranstve [Mongolia's "Third Neighbor" in the East Asian Space]. *Vlast'*, 2017. T. 25. No. 5. (In Russ.).
- Bazarov V.B.* Vneshnepoliticheskij kurs Mongolii v XXI v. [Foreign Policy Course of Mongolia in the 21st Century]. *Vlast'*, 2016. T. 24. No. 10. (In Russ.).
- Bold R.* The Security of Small State: Option for Mongolia. Ulaanbaatar: Institute for Strategic Studies, 2000.
- Borisov G.O., Dondokov Z.B.-D., Namzhilova V.O.* Ekonomicheskij koridor Kitaj — Mongoliya — Rossiya: rezhim ozhidaniya [Russia-Mongolia-China Economic Corridor: Standby Mode]. *EKO*, 2017. No. 5 (515). (In Russ.).
- Campi, A.* How North Korea—Mongolia Relations Have Jump-Started The Korean Peninsula Peace Process. Washington, DC: *Asia Pacific Bulletin*. February 20, 2019. No. 457.
- Dulguun B.* 2019 proclaimed "Mongolia-U.S. Youth Year". *The UB Post*. March 2019. No. 023 (1991).
- Dulguun B.* Highway Connects UB to Khushig Valley as New Airport Opens. *The UB Post*. July 2019. No. 076 (2044).
- Ewing, Thomas E.* Russia, China, and the Origins of the Mongolian People's Republic, 1911–1921: A Re-appraisal. *The Slavonic and East European Review*. July 1980. Vol. 58. No. 3.
- Golman M.I.* Sovremennaya Mongoliya v ocenkah zapadnyh avtorov [Modern Mongolia as Assessed by Western Authors]. Moscow: IV RAN, 2009. (In Russ.).

- Japan's Assistance to Mongolia. Embassy of Japan in Mongolia website. URL: <https://www.mn.emb-japan.go.jp/news/ODAenglish.PDF> (accessed: 18.08.2020).
- Mongolia's 'Third Neighbor' Foreign Policy. Asia Society website. Seoul, June 18, 2013. URL: <https://asiasociety.org/korea/mongolias-third-neighbor-foreign-policy> (accessed: 10.09.2021).
- President Discusses Freedom and Democracy in Ulaanbaatar, Mongolia. 21.11.2005. URL: <https://2001-2009.state.gov/p/cap/rls/rm/2005/57239.htm> (accessed: 03.06.2020).
- Rodionov V.A., Ayushieva I.G. «Tretij sosed» Mongolii kak idejno-politicheskij concept [Mongolia's "Third Neighbor" as an Ideological and Political Concept]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017. No. 420. (In Russ.).
- Rodionov V.A., Zheleznyakov A.S. Mongoliya stremitsya stat' «aziatskoj Shvejcariej» [Mongolia Aspires to Become "Asian Switzerland"]. *RISMD*. 01.10.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-stremitsya-stat-aziatskoj-shveytsarij/> (accessed: 20.09.2021). (In Russ.).
- Rodionov V.A. Nacional'naya bezopasnost' Mongolii v kontekste otnoshenij s Rossiej [National Security of Mongolia in the Context of its Relations with Russia]. *Vlast'*, 2013. No. 02. (In Russ.).
- Rossabi, Morris. *Modern Mongolia: From Khans to Commissars to Capitalists*. Berkeley: University of California Press, 2005.
- Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior / ed. by Jeanne A. K. Hey. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2003.
- Soni Sharad K. The Geopolitical Dilemma of Small States in External Relations: Mongolia's Tryst with "Immediate" and "Third" Neighbours. *The Mongolian Journal of International Affairs*, 2018. Vol. 20.
- Tsedendamba B. Mongolia's Foreign Policy in the 1990's: New Identity and New Challenges. Ulaanbaatar: Institute for Strategic Studies, *Regional Security Issues and Mongolia*, 2002. No. 17.
- Uchral, Nyam-Osor. Mezhdunarodnoe priznanie nezavisimogo statusa Mongolii [International Recognition of Mongolia's Independent Status]. *Vlast'*, 2018. No. 08. (In Russ.).
- Ulbayar D. A New Paradigm in Mongolia's «Third Neighbor» Diplomacy and Soft Balancing. *Pax-Mongolica*, 2017. No. 2.
- Yaskina G.S. Agrarnyj sector ekonomiki Mongolii na podstupah k rynku [Mongolian Economy's Agrarian Sector Approaching the Market]. Moscow: IV RAN, 1998. (In Russ.).
- Zakaria F. Budushchee svobody: neliberal'naya demokratiya v SShA I za ih predelami [The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad]. Moscow: Ladomir, 2004. (In Russ.).
- Zheleznyakov A.S., Baasansuren D., Nedyak I.L. Mnogoopornaya politika sovremennoj Mongolii skvoz' prizmu vostochnogo vektora rossijskoj politiki [Multi-Pillar Policy of Modern Mongolia through the Prism of Russian Politics' Eastern Vector]. *Polis, Politicheskie issledovaniya*, 2013. No. 5. (In Russ.).
- Bazarvaan G. «Guravdagch horsh»-ijn bodlogoo orgozhuul'e [The Expansion of the "Third Neighbor" Policy]. Ulaanbaatar: The Institute for Strategic Studies, *Strategijn sudalгаа*, 2013. No. 63. (In Mong.).
- Mongol Ulsyn Gadaad bodlogyn үзел баримтлал [Foreign Policy Concept of Mongolia]. 10.02.2011. URL: <https://mfa.gov.mn/14979> (accessed: 09.09.2021). (In Mong.).
- Mongol Ulsyn үндэсний аюулгүй байдлын үзел баримтлал [National Security Concept of Mongolia]. 15.07.2010. URL: <https://mfa.gov.mn/монгол-улсын-үндэсний-аюулгүй-байдлы> (accessed: 10.09.2021). (In Mong.).

Особенности стратегического проникновения ФРГ на Дальний Восток в начале 2020-х гг.

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120018314-6

Трунов Филипп Олегович

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам РАН (адрес: 117418, Москва, Нахимовский пр-т, 51/21). ORCID: 0000-0001-7092-4864. E-mail: ltrunov@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021.

Аннотация:

В контексте восприятия феномена «холодной войны» как формы образования нового мирового порядка рассматривается подход ФРГ к участию в конфронтации США и КНР. В связи с этим исследуется вопрос учреждения военного присутствия Германии на Дальнем Востоке как часть попыток её утверждения в положении мировой державы. Отмечается неготовность официального Берлина участвовать в «сдерживании» КНР в 2014–2019 гг., определяются причины этого, включая «холодную войну» Евро-Атлантического сообщества и РФ. Выявляется группа факторов, предопределивших переход Германии к ускоренному варианту военного проникновения на Дальний Восток в 2020–2021 гг.: экстренная эвакуация бундесвера из Афганистана, фактор пандемии COVID-19, приход к власти администрации Дж. Байдена. С февраля — марта 2021 г. ФРГ подключилась к оказанию давления на Китай, однако строго лимитируя объёмы и качество этого. Исследуются динамика и форма перехода Германии на рубеже 2010-х — 2020-х гг. к продвинутому сотрудничеству в области безопасности и обороны с Сингапуром и Японией. «Стратегическом шоком» для ФРГ стало создание объединения AUKUS 15 сентября 2021 г., что показало иллюзорность надежд официального Берлина на полный отказ от трампитских установок во внешней политике США при Дж. Байдене. Повышенное внимание уделено в статье особенностям и «узким местам» германо-австралийских отношений в военно-политической области в середине 2010-х — начале 2020-х гг. В увязке с этим изучается дипломатическая миссия первого корабля бундесвера в акватории Тихого океана во второй половине 2021 г. Делается вывод о перспективах трансформации военного присутствия ФРГ на Дальнем Востоке и её участия в «холодной войне» в регионе.

Ключевые слова:

Германия, КНР, США, Сингапур, Япония, Австралия, AUKUS, «холодная война», дипломатия, бундесвер.

Для цитирования:

Трунов Ф.О. Особенности стратегического проникновения ФРГ на Дальний Восток в начале 2020-х гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 68–80.
DOI: 10.31857/S013128120018314-6.

Старт и развитие масштабной конфронтации с участием мировых держав в практике международных отношений является признаком формирования нового миропорядка. Возникновение линий разграничения становится частью процесса реструктурирования мирополитической архитектуры на длительную перспективу. Ряд факторов, особенно связанных с наличием ОМУ и средств его доставки, привёл к тому, что противостояние между ведущими глобальными игроками проходит уже в состоянии не «горячей», а «холодной» войны. Вторая половина 2010-х — начало 2020-х гг. характеризуется возникновением и развитием сразу двух конфронтаций данного типа; первой их стороной выступают страны и институты Запада, второй — РФ в одном случае и КНР — в другом. Желание самоустраниться от «холодной войны» с очень высокой долей вероятности приведёт к ослаблению позиций де-факто и де-юре того государства, которое относилось себя к категории держав. Для таковой сам факт вовлечённости в процесс конфронтации вы-

ступает катализатором международной дееспособности, а характер и масштаб участия в «холодной войне» — индикаторами степени готовности отстаивать свои национальные интересы. Прежде всего, данное правило относится к державам, соответствующим хотя бы одному из двух критериев: это нахождение в составе «коллективного» Запада или принадлежность к числу «восходящих» («поднимающихся»). Редким примером, сочетающим оба положения, является ФРГ.

Со стороны Запада чертой выстраивания конфронтации выступало создание нового или наращивание потенциала имеющегося многостороннего военного объединения. Традиционно инициатива учреждения такой структуры принадлежала США и Великобритании. В деле «сдерживания» СССР, а теперь и РФ данным объединением выступала НАТО; в случае КНР был создан механизм AUKUS (сентябрь 2021 г.). В НАТО при поддержке англо-саксонских держав ФРГ быстро (формально с 1955 г.) стала и оставалась органичной и весомой во всех отношениях (военном, политическом, идеологическом) частью блока. Североатлантический альянс изначально и тем более по мере расширения включал не только США, Великобританию (и Канаду), но и большое число европейских континентальных стран-участниц. Объединение AUKUS, имея на момент учреждения вчетверо меньше государств-членов, состояло лишь из англо-саксонских держав и было механизмом дистанцирования от их европейских партнёров, включая Германию.

Задача статьи — исследовать детерминированность и динамику процесса укрепления политических и военных позиций Германии на Дальнем Востоке в контексте «холодной войны» между США с КНР.

Отношения ФРГ с государствами, расположенными в восточной части Индо-Тихоокеанского региона, применительно к общеполитической сфере в целом и особенно вопросам безопасности и обороны находят пока ограниченное освещение в работах отечественных и иностранных, в т.ч. немецких, исследователей. Наибольшее внимание уделено развитию отношений официального Берлина с КНР¹, однако пока в публикациях российских учёных не изучено наметившееся в самом начале 2010-х гг. отчуждение сторон². При этом наблюдается резкий рост интереса исследователей к развитию конфронтации между США и КНР, особенно с точек зрения создания антикитайской коалиции странами Запада³, а также учреждения блока AUKUS⁴.

К вопросу предопределённости появления военного присутствия ФРГ на Тихом океане в 2021 г.

Исторически позиции Германии на Дальнем Востоке были слабыми. Этим объяснялся тот факт, что бассейн Тихого океана находился на периферии политико-дипломатической и военной активности ФРГ, которая в целом резко возросла в условиях успеш-

1. Галимзянова А.К. Китайско-германские отношения: стремление к эталону // *Проблемы Дальнего Востока*, 2019. № 6. С. 4–10; Цвык А.В. Стратегическое партнерство КНР и ФРГ в 2004–2015 гг.: политические аспекты // *Проблемы Дальнего Востока*, 2016. № 2. С. 42–49; Godement F., Wacke G. In Richtung einer gemeinsamen europäischen China-Politik — Frankreich und Deutschland vereint. Berlin: SWP, 2020. S. 2–9.
2. См.: Цвык А.В. Стратегическое партнерство Германии и Китая на современном этапе: актуальные проблемы и новые возможности // *Актуальные проблемы Европы*, 2019. № 4. С. 212–225.
3. Rudolf P. Der amerikanisch-chinesische Weltkonflikt. Berlin: SWP, 2021. S. 12–30; Strategische Rivalität zwischen USA und China / B. Lippert, V. Perthes (Hrsg.). Berlin: SWP, 2020.
4. Васильев В.С. AUKUS ещё себя покажет // *Военно-промышленный курьер*, 2021. № 37. С. 1, 3; Major C., von Ondarza N. Afghanistan, AUKUS, and Albion. 30.09.2021. URL: <https://ip-quarterly.com/en/afghanistan-aukus-and-albion> (дата обращения: 06.12.2021).

ного разрешения «германского вопроса» (1990) и окончания предшествующей конфронтации Запад — Восток.

Ситуация резко изменилась на рубеже 2010-х — 2020-х гг.: заметная активизация контактов с рядом региональных игроков (Японией, Сингапуром, Австралией) по линии министерств обороны сопровождалась постановкой вопроса о развёртывании прецедентного военно-морского присутствия ФРГ на Дальнем Востоке. Чем обусловлены представленная настойчивость шагов ФРГ, притом в эпоху пандемии COVID-19, которая препятствует любой активности на мировой арене? Иными словами, насколько случаен выбор рубежа 2020–2021 гг. как качественно нового этапа в планировании и реализации политико-военной деятельности Германии на Дальнем Востоке?

Стратегически эта резкая активизация ФРГ была предопределена. Лейтмотивом, хотя и не афишируемым, её внешней политики являлось восстановление в положении державы: по достижении статуса региональной (1999) Германия стала последовательно двигаться к положению полновесного глобального игрока. Осуществляемый рост объёмов, интенсивности и географическое расширение районов использования бундесвера ФРГ могут быть описаны концепцией «региональных кругов». Сначала обеспечение весомых политических и военных позиций ФРГ происходило в близлежащих регионах (Балканы, Восточная Европа) с постепенным расширением на всё более отдалённые: Африканский рог, Средиземноморье, Центральную Азию (с начала 2000-х гг.), Ближний Восток (со второй половины 2000-х гг.), Западную Африку (с середины 2010-х гг.). Очевидно, что Дальний Восток не мог стать исключением из данного ряда. Ещё задолго до 2020-х гг. ФРГ предпринимала соответствующие шаги: германские специалисты направлялись в зону вооружённого конфликта в Камбодже в 1991–1992 гг. (медицинская миссия бундесвера в 150 человек) и в район землетрясения в провинции Ачех в Индонезии в 2005–2006 гг. (компонент в составе мониторингово-спасательных сил ЕС)⁵. Оба эти события (начало 1990-х гг. и середина 2000-х гг.) хронологически приходились на фазы «головокружения» от успехов руководства ФРГ в вопросе реализации державных амбиций, обуславливая стремление скорее закрепиться в наиболее отдалённых и притом важных регионах.

Почему в таком случае официальный Берлин ещё на старте «холодной войны» США с КНР (середина 2010-х гг.) не согласился оказаться вовлечённым в этот процесс, а стал делать соответствующие шаги пятилетие спустя?

В 2014–2016 гг. ФРГ стала участвовать в выстраивании другой линии конфронтации — с Россией. Первоочередность подключения к «холодной войне» с РФ, а не КНР, отражала различия в остроте восприятия официальным Берлином пересечения интересов с каждой из этих незападных держав — прежде всего, на постсоветском пространстве, а также на Ближнем Востоке и в Западной Африке. Здесь также следует отметить различия в составе государств, готовых к участию в каждой из конфронтаций уже на начальной стадии процесса. В случае «холодной войны» с РФ это не только США, но и в целом массив государств-членов НАТО, т.е. само Евро-Атлантическое сообщество; с КНР — Соединённые Штаты, группа англо-саксонских стран, а также ближайшие региональные партнёры Белого дома на Дальнем Востоке, т.е. во многом акторы «коллективного» Запада, не входящие в состав Евро-Атлантического сообщества как такового⁶. Данная разница была принципиальной для Германии, которая в своей внешней политике

5. The Bundeswehr on Operations. Berlin: Federal Ministry of Defence, 2009. P. 52, 55.

6. Под понятием «Евро-Атлантическое сообщество» автор понимает совокупность стран-участниц ЕС и НАТО, а под «коллективным Западом» — более широкую группу государств, включая партнёров США вне Североатлантического альянса.

прежде всего ориентировалась на углубление контактов со странами-участницами ЕС и лишь затем — на развитие трансатлантических отношений.

В политико-дипломатическом и особенно военном отношении ФРГ была не готова оказаться вовлечённой сразу в две «холодные войны». Официальному Берлину требовалось время, чтобы понять масштабы военного измерения «холодной войны» с РФ со стороны Евро-Атлантического сообщества. К середине 2010-х гг. в результате 25-летних редуций (в рамках реорганизаций) германские войска достигли критически низкого уровня численности личного состава, единиц вооружений и военной техники (ВиВТ). В этой ситуации необходимость направления дополнительных ударных частей в состав ротационных группировок НАТО в пределах зоны ответственности Альянса означала резкое сокращение объёмов присутствия бундесвера за её пределами. При таком раскладе дальневосточное направление априори не могло стать приоритетным: фокус был сделан на предельном сохранении германских войск в Западной Африке (Мали), Центральной Азии (Афганистан), а также расширении их использования на Ближнем Востоке (в Сирии и Ираке). С одной стороны, это объяснялось стремлением сохранить уже наработанные военно-стратегические позиции. С другой, необходимостью отражения мощных угроз нестабильности (распространение террористических группировок, массовая неконтролируемая миграция, рост контрабанды), проецируемых с сирийско-иракского, малийского и ливийского направлений на ЕС в целом и ФРГ в частности. Это ставило официальный Берлин в стратегически уязвимое положение, заставляя искать помощи у незападных держав: иллюстрацией такого подхода стал сохранявшийся интерес к сотрудничеству с КНР в миротворческой деятельности в ходе визита министра обороны ФРГ в страну в октябре 2018 г.⁷

Вместе с тем, в 2017–2019 гг. масштаб проецируемых угроз нестабильности существенно снизился, что в определяющей степени было обусловлено успехами коалиции РФ — правительства САР — ИРИ в Сирии, а также усилиями самого германо-французского тандема в странах «сахельской пятёрки». Примечательно, что в обоих случаях Китай занимал дружественную позицию в отношении указанных ведущих участников урегулирования конфликтов. Изменилась для ФРГ ситуация и в случае «холодной войны» с Россией: процесс создания новых группировок по линии НАТО к 2019 г. резко замедлился, а бундесвер реализовывал тактику гибкого участия в их ротационном комплектовании. Привели ли данные перемены к возникновению у официального Берлина готовности учредить военное присутствие на Дальнем Востоке в контексте «холодной войны» в регионе?

На первый взгляд, если обратиться к характеру германо-китайских отношений в 2017–2019 гг., возможно дать отрицательный ответ. Без каких-либо проволочек функционировали все ключевые переговорные площадки, главной из которых выступал формат межправительственных консультаций — в июле 2018 г. состоялась очередная (5-я по счёту) встреча. В октябре 2018 г. Китай официально посетила министр обороны ФРГ, а в начале сентября 2019 г. визит в страну совершила канцлер А. Меркель⁸. Очевидным было стремление ФРГ подчеркнуть де-юре дружественный характер отношений с КНР, в т.ч. в сфере безопасности и обороны. Однако едва ли данные шаги могли заретушировать существовавшие де-факто многочисленные «узкие места» диалога в политико-военной об-

7. Ministerin will mit China bei VN-Missionen enger kooperieren // *BMVg*. 22.10.2018. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/ministerin-will-mit-china-bei-vn-missionen-enger-kooperieren-28568> (дата обращения: 06.12.2021).

8. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem chinesischen Ministerpräsidenten Li in Peking // *BMVg*. 06.09.2019. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-chinesischen-ministerpraesidenten-li-1668454> (дата обращения: 06.12.2021).

ласти. Так, в сфере миротворчества взаимодействие ограничивалось в основном деятельностью сил MINUSMA в Мали. В вопросах нераспространения ОМУ заметной координация была лишь по выполнению иранской «ядерной сделки» (2015); в случае с КНДР попытки использовать контакты с КНР для доведения позиции официального Берлина не давали заметного результата. Наконец, на фоне объёмной и разветвлённой торгово-хозяйственной кооперации экспорт военной продукции Германии в Китай в 2017–2019 гг. сократился с более чем 40 млн евро до менее 1 млн евро⁹. Это, вероятно, свидетельствовало о фактическом росте взаимной обеспокоенности. Косвенным подтверждением тому стал и визит министра обороны ФРГ в Австралию сразу после посещения У. фон дер Ляйен КНР в октябре 2018 г.¹⁰, демонстрируя приоритетность партнёров в регионе.

Чем объяснялось поведение официального Берлина в отношении Китая? Стратегически его готовность к ухудшению отношений с КНР оставалась ниже, чем с РФ, учитывая разницу в объёмах торгово-хозяйственной кооперации, географической удалённости и остроте восприятия Германией политической и военной активности каждой из этих держав. Главной же причиной линии ФРГ следует признать состояние её отношений с США: в президентство Д. Трампа (2017–2020 гг.) диалог сторон стремительно деградировал, т.е. полноценное сотрудничество на большинстве треков трансформировалось во взаимодействие. Перейдя к жёсткой гегемонии, администрация 45-го президента США избрала ФРГ основным объектом критики и давления внутри Евро-Атлантического сообщества, а вовне его аналогичное положение Белым домом отводилось КНР. Руководству ФРГ претило стремление США при Д. Трампе, во-первых, разрушить систему договорённостей в сфере международной безопасности, представлявших предмет консенсуса ведущих стран Запада, во-вторых — попытки навязывать Германии темпы наращивания военной мощи, особенно ассигнований на вооружённые силы. Реакцией на это стала выработка стратегии антитрампазма, одной из многих составляющих которой являлась демонстрация нормальных отношений с КНР.

В условиях наступившего «ледникового периода» диалога ФРГ с США рассчитывать на их поддержку в вопросе появления бундесвера на Дальнем Востоке не приходилось. Подобный зондаж позиции Белого дома мог дать либо резко отрицательный результат, будучи обусловлен нежеланием Д. Трампа принять появление военных сил «младшего партнёра» в региональной зоне особых интересов Соединённых Штатов. Либо ответ был бы условно негативный: запрос Германии был бы воспринят 45-м президентом США как её «капитуляция» с указанием конкретных жёстких мер антикитайской направленности. Любой из этих сценариев был неприемлем, предельно чётко демонстрируя зависимость Германии от поддержки Соединённых Штатов — то, к чему стремилась администрация Д. Трампа, но без успеха действуя на афганском направлении.

Представляется, что «стратегическая сделка» между США и движением «Талибан» от 29 февраля 2020 г., предполагая вывод войск первых, а следовательно, и всех их партнёров, включая ФРГ, из Афганистана к 1 мая 2021 г., стала *первым триггером* перехода официального Берлина к *ускоренному варианту* учреждения своего военного присутствия в восточной части Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). С начала XXI в. афганское направление было лидирующим при использовании бундесвера вне зоны ответственности НАТО по объёму прилагаемых усилий и политической активности. Долгосрочное военное присутствие в Центральной Азии являлось наиболее значимой в имиджевом

9. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2020. S. 105.

10. Ministerin betont enge Kooperation mit australischen Streitkräften // *BMVg*. 24.10.2018. URL: <https://www.bmv.g.de/de/aktuelles/ministerin-betont-enge-kooperation-mit-australischen-streitkraeften-28650> (дата обращения: 06.12.2021).

плане составляющей реализации ФРГ амбиций будущей мировой державы. Соответственно, вероятную болезненную утрату стратегических позиций в северо-западных районах ИТР Германия стремилась компенсировать появлением своих военных сил в его восточной части. В обоих случаях де-факто использование бундесвера было в той или иной степени направлено на «сдерживание» КНР с геополитической точки зрения, однако де-юре власти ФРГ стремились предельно смягчить такое восприятие.

Вторым триггером стало начало эпидемии COVID-19. Сам факт пандемии и особенно её первая волна стали «стратегическим шоком» практически для всех игроков на мировой арене, оказывая парализующее воздействие на их внешнюю активность. Однако ФРГ удалось быстрее, чем США, преодолеть эффект скованности во внешней политике: это объяснялось не только лидерством последних по числу заболевших и умерших от COVID-19, но предвыборной кампанией в Соединённых Штатах, которая хронологически совпала с первыми месяцами пандемии.

2 сентября 2020 г. ФРГ опубликовала концептуальный документ «Руководящие принципы политики в Индо-Тихоокеанском регионе». В нём фиксировался список партнёров, углубление сотрудничества с которыми должно было обеспечить стратегическое проникновение Германии в восточную часть ИТР: Австралия, Новая Зеландия, Япония, а также Южная Корея¹¹. С одной стороны, список фокусных региональных партнёров включал в себя наиболее активных (помимо США) участников выстраиваемой конфронтации с КНР — Австралию и Японию. С другой, не упоминался Сингапур, имевший весьма доверительные отношения с ФРГ. Официальный Берлин, вероятно, не хотел преждевременно раздражать КНР, учитывая особый характер Сингапура как государства с иной политической системой, но преимущественно китайским населением.

Третий триггер — объявление победителем на президентских выборах в США (3 ноября 2020 г.) Дж. Байдена, а не Д. Трампа, что справедливо воспринималось руководством Германии как появление перспективы стремительного восстановления доверия в отношениях с Белым домом.

Дипломатическая подготовка и развёртывание военного присутствия Германии

На этом фоне Министерство обороны ФРГ приступило к обеспечению политической поддержки своих планов со стороны региональных партнёров. Первым в их списке, уже де-факто, а не де-юре, стал Сингапур — переговоры прошли уже 16 ноября 2020 г., что отразило весьма высокий уровень взаимопонимания в области безопасности и обороны¹². Уже 9 декабря 2020 г. министр обороны ФРГ, используя успех на встрече с сингапурским коллегой, подчеркнула наличие совместных интересов у АСЕАН, ЕС в целом и Германии в частности¹³. Это следовало трактовать уже как конкретные планы по появлению кораблей бундесвера в акваториях, прилежащих к территории стран-участниц АСЕАН — прежде всего, в Малаккском проливе.

15 декабря 2020 г. состоялась консультация глав военных ведомств Германии и Японии, в ходе которой была определена поддержка официальным Токио планов парт-

11. Leitlinien zum Indo-Pazifik. Berlin: Bundesregierung, 2020. S. 16.

12. Bundeswehr soll im Indo-Pazifik mehr Präsenz zeigen // *BMVg*. 16.11.2020.

URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/bundeswehr-indo-pazifik-praesenz-zeigen-4296300> (дата обращения: 06.12.2021).

13. Indo-Pazifik: EU und ASEAN haben gemeinsame Interessen // *BMVg*. 09.12.2020.

URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/eu-und-asean-gemeinsame-interessen-4912250> (дата обращения: 06.12.2021).

нёра¹⁴. Иллюстрацией высокого уровня взаимного доверия стало проведение 13 апреля 2021 г. двусторонних переговоров в формате «2+2», т.е. с участием министров обороны и иностранных дел¹⁵. По сути, данная площадка представляла «ядро» механизма межправительственных консультаций и компенсировала отсутствие последнего в диалоге с Японией.

В сопоставлении с Сингапуром и Японией заметно медленнее развивался в сфере безопасности и обороны диалог ФРГ с Южной Кореей, что объяснялось наличием существенно меньшего политического «багажа» на данном треке. И всё же намерения в отношении РК, зафиксированные в «Руководящих принципах политики в Индо-Тихоокеанском регионе», начали реализовываться — официальный Сеул поддержал прибытие ВМС Германии в зону Тихого океана.

Важнейшим направлением политико-военного курса официального Берлина в регионе стало выстраивание полноценного сотрудничества с США практически сразу после вступления Дж. Байдена в должность президента. Белый дом, вернувшись к мягкому лидерству и пересмотрев ценность восприятия ФРГ как партнёра, стал оказывать поддержку её планам на Дальнем Востоке. В свою очередь, именно после прихода к власти администрации Дж. Байдена Германия начала обозначать готовность встроиться в процесс конфронтации с КНР. Впервые это положение было обозначено в ходе очередного заседания германо-французского совета по вопросам обороны и безопасности 5 февраля 2021 г.¹⁶, а затем повторено на полях Мюнхенской конференции 19 февраля 2021 г. (в виртуальном формате) с участием президента Дж. Байдена¹⁷. В начале марта 2021 г. издание «Die Welt» опубликовало «утечку» данных Министерства обороны ФРГ, в которой подчёркивалась резко возросшая обеспокоенность военной мощью КНР. 20 марта 2021 г. Европейский союз заморозил инвестиционное соглашение с официальным Пекином, введя точечные санкции против его чиновников под предлогом защиты демократических прав в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. А на Брюссельском саммите НАТО 14 июня 2021 г. германская сторона поддержала идею использованию Альянса для «сдерживания» не только РФ, но и КНР¹⁸.

Однако выражаемая ФРГ поддержка США в вопросе выстраивания парадигмы «холодной войны» с КНР имела важные особенности, а по сути, существенные оговорки. *Во-первых*, заметен хронологический разрыв в апреле — мае 2021 г. в вопросе декларирования Германией трансатлантической солидарности в отношении Китая. Представля-

14. Deutschland will sicherheitspolitische Kooperation mit Japan stärken // *BMVg*. 15.12.2020.

URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/sicherheitspolitische-kooperation-mit-japan-staerken-4917856> (дата обращения: 06.12.2021).

15. Konsultationen der Außen- und Verteidigungsminister Deutschlands und Japans // *BMVg*. 13.04.2021.

URL: <https://www.bmvg.de/de/presse/konsultationen-deutschland-japan-5054610> (дата обращения: 06.12.2021).

16. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Macron anlässlich des Deutsch-Französischen Verteidigungs- und Sicherheitsrates // *Bundeskanzleramt*. 05.02.2021.

URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-macron-anlaesslich-des-deutsch-franzoesischen-verteidigungs-und-sicherheitsrates-am-5-februar-2021-1851512> (дата обращения: 06.12.2021).

17. Gemeinsame Strategien gegenüber Russland und China entwickeln // *Bundeskanzleramt*. 20.02.2021.

URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/gemeinsame-strategien-gegenueber-russland-und-china-entwickeln-1860302> (дата обращения: 06.12.2021).

18. Pressestatement von Bundeskanzlerin Merkel zum NATO-Gipfel in Brüssel // *Bundeskanzleramt*.

14.06.2021. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatement-von-bundeskanzlerin-merkel-zum-nato-gipfel-in-bruessel-am-14-juni-2021-1928838> (дата обращения: 06.12.2021).

ется, что основная причина этого — шоковый характер восприятия официальным Берлином окончательного решения Белого дома от 13 апреля 2021 г. о выводе войск из Афганистана. Датой завершения этого процесса было указано 11 сентября 2021 г. с последующим переносом на 4 июля 2021 г. Тем самым перспективы ФРГ сохранить военное присутствие в Афганистане, связанные со сменой администрации (тем более, что она изначально взяла паузу для оценки выполнимости «сделки» с «Талибаном»), исчезли. Здесь следует подчеркнуть, что в контексте тональности заявлений ФРГ в отношении КНР фактор наличия сил бундесвера в составе миссии НАТО в Афганистане уже в феврале — марте 2021 г. стал приобретать идеологически чёткую антикитайскую направленность. Она сохранилась бы в случае гипотетического отказа США выполнить договорённости с «Талибаном». Однако окончательное решение Белого дома следовать им не отразилось на принципиальной готовности ФРГ участвовать в сдерживании КНР. Это объяснялось важностью данного процесса для самоутверждения Германии в качестве мировой державы, в том числе уже отмеченного желания компенсировать утрату военно-сухопутного присутствия в северо-западной части ИТР развёртыванием морского в восточной. Это показала встреча глав военных ведомств США и ФРГ 1 июля 2021 г.¹⁹ — в момент фактического завершения вывода войск из Афганистана.

Во-вторых, официальный Берлин чётко обозначал перед США своё существенно менее жёсткое восприятие КНР и, соответственно, повышенную готовность к сохранению контактов с ней. Так, не была «заморожена» работа механизма германо-китайских межгосударственных консультаций: очередные, 6-е по счёту, состоялись 28 апреля 2021 г. в виртуальном режиме²⁰. Тем самым Германия демонстрировала свою стратегическую автономию от Белого дома, давая асимметричный ответ на давление при Д. Трампе и итоговое решение Дж. Байдена по Афганистану.

Наконец, *в-третьих*, ещё одним проявлением внешнеполитической гибкости ФРГ стало подчёркивание готовности участвовать в конфронтации США и КНР только *совместно* с другими континентальными европейскими государствами. Так, представленные заявления в феврале — июне 2021 г. делались на полях следующих форматов: двустороннего с Францией, площадки Мюнхенской конференции по проблемам европейской безопасности и, наконец, Североатлантического альянса.

Особенность позиции ФРГ была вновь продемонстрирована в ходе саммита «G7» 11 июня 2021 г. в Великобритании. Он был воспринят рядом западных аналитиков как важный этап на пути формирования большой антикитайской коалиции с ведущим участием стран Запада²¹, на форум в качестве специальных гостей также были приглашены Австралия, Индия, ЮАР, Япония. Поддерживая в целом курс на «сдерживание» КНР, Германия не была готова не только существенно снизить объёмы торгово-хозяйственной кооперации с ней, но и участвовать в реализации многих жёстких мер политического и военного характера.

К августу 2021 г. официальный Берлин существенно усилил свои стратегические позиции в восточной части ИТР. С одной стороны, была обеспечена широкая поддержка появлению сил бундесвера на Тихом океане, с другой, ФРГ сумела добиться гибкого формата участия в разворачивающейся «холодной войне» США и КНР. В начале августа 2021 г. фрегат «Бавария» был направлен с военно-дипломатической миссией на Дальний

19. US-Minister Austin: „Deutschland ist einer unserer strategischen Verbündeten“ // *BMVg*. 01.07.2021. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/deutschland-ist-einer-unserer-strategischen-verbundeten-5102678> (дата обращения: 6.12.2021).

20. Sechste deutsch-chinesische Regierungskonsultationen // *Bundeskanzleramt*. 28.04.2021. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/sechste-deutsch-chinesische-regierungskonsultationen-1898704> (дата обращения: 6.12.2021).

21. Dieter H. First Summit of the Anti-China Coalition // *SWP Comment*, 2021. June. No. 36. P. 1–2.

Восток. Находясь в море 7 месяцев, корабль должен был проводить совместные морские учения, а также осуществлять дружественные визиты в порты 10 стран региона. В их список входили не только Диего-Гарсия (Великобритания), Перт (Австралия), Гуам (США), Токио, но также китайский Шанхай²².

Однако данные успехи оказались ограниченными — 15 сентября 2021 г. Австралия, Великобритания и США заявили о создании военно-политического объединения AUKUS. Его учреждение стало вызовом для интересов Франции, а опосредованно — и Германии, что де-факто было ей признано²³. Существенно усложнялась задача наращивания присутствия на Дальнем Востоке в увязке с гибким подходом к участию в «сдерживании» КНР. Преодоление этой дилеммы во многом будет зависеть от характера диалога ФРГ не только с США, но и с Австралией.

Динамика отношений ФРГ с Австралией в 2010-е — начале 2020-х гг.

В сопоставлении с Сингапуром, Японией, а также США при администрации Дж. Байдена скорость развития отношений ФРГ с Австралией была существенно меньшей, несмотря на декларируемый интерес и прилагаемые усилия со стороны официального Берлина. Это положение тем парадоксальнее потому, что уже в 2013 г. была провозглашена формула стратегического партнёра в двусторонних отношениях.

В 2014–2015 гг. германо-австралийское сотрудничество было сосредоточено в торгово-экономической сфере, по касательной затрагивая сферу безопасности и обороны²⁴. К числу причин относились: неготовность ФРГ в тот момент соучаствовать в «сдерживании» КНР, а также существенные различия в степени жёсткости восприятия РФ в условиях «холодной войны» с ней. У Австралии был значительно ниже порог условий для подключения к междержавной конфронтации и применения силы в зонах локальных вооружённых конфликтов (готовность официальной Канберры войти в состав «коалиции желающих» в ходе военно-политического кризиса вокруг Сирии в 2013 г. и применение войск в наиболее нестабильных южных провинциях Афганистана). С 2016–2017 гг. новыми сдерживающими факторами для развития диалога с Австралией стали - Брекзит и феномен Д. Трампа. Уже в конце 2010-х гг. германская сторона интенсифицировала усилия по подъёму отношений на новый уровень. Так, 24 октября 2018 г. впервые в истории Австралию посетила министр обороны Германии — совместно с руководителем финансового ведомства²⁵. Тем самым ФРГ продемонстрировала готовность добиться эффекта «переплёскивания» продвинутого торгово-хозяйственного сотрудничества на военную сферу. Предпосылкой этому выступал рост экспорта германской военной продукции в Австралию с 2016 г. — до этого он почти никогда не превышал отметки в 60 млн евро.

22. Indo-Pacific Deployment 2021 // *BMVg*. 29.07.2021.

URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pacific-deployment-2021> (дата обращения: 06.12.2021).

23. Erklärungen des Auswärtigen Amtes in der Regierungspressekonferenz // *Auswärtiges Amt*. 22.09.2021. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/regierungspressekonferenz/2483888> (дата обращения: 06.12.2021).

24. Pressekonferenz der Bundeskanzlerin und des australischen Premierministers Abbot in Sydney // *Bundeskanzleramt*. 16.11.2014. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-der-bundeskanzlerin-und-des-australischen-premierministers-abbot-844540> (дата обращения: 06.12.2021).

25. Ursula von der Leyen besucht Australien // *BMVg*. 24.10.2018.

URL: <https://www.bmvg.de/de/mediathek/ursula-von-der-leyen-besucht-australien-28646> (дата обращения: 06.12.2021).

Таблица 1 / Table 1

Динамика продаж ВиВТ германского производства в Австралию
Export of German military products to Australia

Год	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Объём (в млн евро)	59,0	201,7	265,4	434,4	304,3	236,9
Число сделок	424	414	427	436	281	471
Место в топ-20 государств-импортёров	23-е	7-е	5-е	3-е	7-е	8-е

Источники: составлено автором на основе: Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2016. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2017. S. 74, 86; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2018. S. 74, 86; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2019. S. 72, 84; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2020. S. 84, 98; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2020. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2021. S. 98–99, 110.

В пятилетие 2016–2020 гг. среднегодовой объём продаж вооружений и военной техники (ВиВТ) стал составлять 288,5 млн евро, а официальная Канберра уверенно входила в топ-8 государств-импортёров германской военной продукции. Основными статьями являлись поставки комплектующих для танков и бронемашин австралийского производства, грузовиков, моторов для дизельных подводных лодок, вертолётов (в небоевом варианте), а также различных боеприпасов. К началу 2020-х гг. ФРГ утвердилась в роли внешнего технического модернизатора сухопутных войск и отчасти подводного флота Австралии. Это опосредовано имело антикитайскую направленность, учитывая растущую вовлечённость Канберры в «сдерживание» КНР.

Однако даже на этом фоне не происходило подъёма политического диалога, хотя Берлин настойчиво продолжал искать возможности для этого. Одним из показателей этого стало возросшее экспертное внимание к внутривнутриполитической ситуации в Австралии (в частности, после выборов 2019 г.)²⁶. Но результат оказался достигнут лишь в первые месяцы 2021 г., чему способствовали приход к власти в США администрации Дж. Байдена, а также определённое потепление отношений с официальным Лондоном после завершения процедуры Брекзита (2020). Символичным стал приём вновь назначенного посла Австралии в Министерстве обороны Германии 1 декабря 2020 г.²⁷. Была интенсифицирована деятельность рабочей группы по Австралии при правительстве ФРГ, созданной ещё в 2013 г. А 10 июня 2021 г., за день до саммита «G7» с участием Канберры, состоялись германо-австралийские консультации по формуле «2+2» (с участием министров обороны и иностранных дел двух стран). В ходе переговоров Австралия приветствовала планируемое направление корабля ВМС ФРГ в ИТП²⁸. Как и в случае Японии, этот механизм сотрудничества представлял собой «ядро» формата межправительственных консультаций. МИД ФРГ официально подчеркнул факт перезапуска в 2021 г. формулы стратегиче-

26. Dieter H. Eine Überraschung in Australien // *SWP-Aktuell*, 2019. No. 32. S. 1–4.

27. Ministerin empfängt neuen australischen Botschafter im BMVg // *BMVg*. 01.12.2020.

URL: <https://www.bmv.g.de/de/aktuelles/akk-empfaengt-australischen-botschafter-bmv-g-4796768> (дата обращения: 06.12.2021).

28. Militärische Kooperation mit Australien soll ausgebaut werden // *BMVg*. 10.06.2021.

URL: <https://www.bmv.g.de/de/aktuelles/militaerische-kooperation-australien-soll-ausgebaut-werden-5093070> (дата обращения: 06.12.2021).

ского партнёрства, провозглашённой сторонами ещё в 2013 г.²⁹. Тем самым, с одной стороны, признавался факт весьма ограниченных объёмов сотрудничества в сфере безопасности и обороны в середине — второй половине 2010-х гг., с другой — выражалась уверенность в переходе к продвинутому уровню диалога.

Однако учреждение AUKUS, резко усилив степень взаимосвязанности англо-саксонских стран, вновь повысило уровень неопределённости в развитии германо-австралийского диалога. Показательно, что при выполнении фрегатом «Бавария» своей военно-дипломатической миссии германская сторона подробно осветила его дружественный визит в Токио (приурочив его к 160-летию сотрудничества)³⁰, но не стала давать детального описания захода в порты Великобритании, Австралии и США.

* * *

Потенциальная заинтересованность ФРГ в стратегическом проникновении на Дальний Восток реализовалась на практике только на рубеже 2010-х — 2020-х гг. Процесс набрал достаточно высокую скорость, иллюстрацией чего стала отправка фрегата «Бавария» в ИТР и запуск формата «2+2» сразу с двумя региональными игроками (Японией и Австралией). Вместе с тем, на пути дальнейшего укрепления позиций ФРГ на Дальнем Востоке и особенно сохранения взвешенного подхода к участию в «холодной войне» США и КНР возникло существенное потенциальное препятствие — фактор AUKUS. Сдержанная и одновременно осторожная реакция ФРГ на создание объединения иллюстрирует не только характер его восприятия Германией, но и возможные пути преодоления трудностей. *Первый* вариант — нейтрализация негативного влияния AUKUS посредством формализованной координации усилий этого объединения с НАТО, учитывая, что использование последней для «сдерживания» КНР одобрено странами-участницами Альянса (на саммите в июне 2021 г.). Однако весьма вероятно, что государства-члены AUKUS согласятся на такое сотрудничество лишь в формате ad hoc. *Второй* вариант — установление особых, в том числе юридически оформленных, отношений между AUKUS и ФРГ. Этот вариант также представляется малореалистичным. Создание нового трёхстороннего объединения вслед за Брекзитом и трампизмом является разновидностью критической реакции англо-саксонских стран на частичную утрату ими ведущих позиций как «ядра» Евро-Атлантического сообщества и «коллективного» Запада в пользу континентальных европейских держав (особенно ФРГ). Наиболее вероятным является *третий* вариант: дальнейшее углубление и расширение Германией двустороннего сотрудничества с фокусными региональными партнёрами вне AUKUS (Японией, Сингапуром, а также Южной Кореей) с тем, чтобы стимулировать государства-члены данного объединения к развитию продвинутого диалога с ФРГ. Особо значимо достижение данного положительного эффекта для развития контактов с официальной Канберрой.

Литература

- Васильев В.С. AUKUS ещё себя покажет // *Военно-промышленный курьер*, 2021. № 37.
Галимзянова А.К. Китайско-германские отношения: стремление к эталону // *Проблемы Дальнего Востока*, 2019. № 6.
Цывик А.В. Стратегическое партнерство Германии и Китая на современном этапе: актуальные проблемы и новые возможности // *Актуальные проблемы Европы*, 2019. № 4.

29. Deutschland und Australien: Bilaterale Beziehungen // *Auswärtiges Amt*. 04.10.2021.
URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/australien-node/bilateral/213908> (дата обращения: 06.12.2021).
30. Generalinspekteur würdigt 160 Jahre deutsch-japanische Zusammenarbeit // *BMVg*. 11.11.2021.
URL: <https://www.bmv.g.de/de/aktuelles/generalinspekteur-wuerdigt-deutsch-japanische-zusammenarbeit-5259744> (дата обращения: 06.12.2021).

- Цык А.В. Стратегическое партнерство КНР и ФРГ в 2004–2015 гг.: политические аспекты // *Проблемы Дальнего Востока*, 2016. № 2.
- The Bundeswehr on Operations. Berlin: Federal Ministry of Defence, 2009.
- Dieter H. Eine Überraschung in Australien // *SWP-Aktuell*, 2019. No. 32.
- Dieter H. First Summit of the Anti-China Coalition // *SWP Comment*, 2021. June. No. 36.
- Godement F., Wacke G. In Richtung einer gemeinsamen europäischen China-Politik — Frankreich und Deutschland vereint. Berlin: SWP, 2020.
- Leitlinien zum Indo-Pazifik. Berlin: Bundesregierung, 2020.
- Major C., von Ondarza N. Afghanistan, AUKUS, and Albion. 30.09.2021. URL: <https://ip-quarterly.com/en/afghanistan-aucus-and-albion> (дата обращения: 06.12.2021).
- Rudolf P. Der amerikanisch-chinesische Weltkonflikt. Berlin: SWP, 2021.
- Strategische Rivalität zwischen USA und China / B. Lippert, V. Perthes (Hg.). Berlin: SWP, 2020.

The Features of German Strategic Pervasion to the Far East in the Early 2020s

Philipp O. Trunov

Ph.D. (Political Science), Senior Research Scholar, Department of Europe and America, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (address: 51/21, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117418, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7092-4864.
E-mail: ltrunov@mail.ru.

Received 15.12.2021.

Abstract:

The phenomenon of the cold war is a form of a new world political order formation. In this context the paper issues Germany's approach to the participation in the US — Chinese confrontation and the emergence of Bundeswehr's presence in Asian-Pacific region as a part of German attempts to become a world power. The author stresses the unreadiness of Germany to participate in the «containment» of the PRC in 2014–2019 and presents the reasons of this approach, including the Cold war between the Euro-Atlantic community and Russia. The article reveals a group of factors that predetermined Germany's transition to accelerated variant of military penetration into the Far East in 2020–2021. These factors are the emergency evacuation of the Bundeswehr from Afghanistan, the COVID-19 pandemic, the coming to power of the Joe Biden's administration. From February — March 2021 Germany has joined in putting pressure on China, but strictly limiting its volume and quality. The scientific paper researches the dynamics and the forms of German turn to advanced cooperation in the sphere of security and defence with Singapore and Japan at the turn of the 2010-s — 2020-s. The creation of AUKUS (2021, September 15) has become the strategic shock for Germany. This factor shows the illusory of official Berlin's hopes for a complete rejection of Trump's attitudes in US foreign policy by J. Biden. The paper pays special attention to the features and «narrow places» of German-Australian relations in military-political sphere since middle 2010-s until the beginning of 2020-s. In this regard the diplomatic mission of the first Bundeswehr's war ship in the Pacific Ocean during the second half of 2021 is presented. The article concludes about the transformation of German military presence in the Far East and German participation in the Cold war in the region.

Key words:

Germany, PRC, the USA, Singapore, Japan, Australia, AUKUS, Cold war, diplomacy, Bundeswehr.

For citation:

Trunov Ph.O. The Features of German Strategic Pervasion to the Far East in the Early 2020s // *Far Eastern Studies*. 2022. No. 1. Pp. 68–80. DOI: 10.31857/S013128120018314-6.

References

- The Bundeswehr on Operations. Berlin: Federal Ministry of Defence, 2009.
- Dieter H. Eine Überraschung in Australien. *SWP-Aktuell*, 2019. No. 32.
- Dieter H. First Summit of the Anti-China Coalition. *SWP Comment*, 2021. June. No. 36.
- Galimzyanova A.K. Kitajsko-germanskie otnosheniya: stremlenie k etalonu [Sino-German relations: striving for a benchmark]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2019. No. 6. (In Russ.).
- Godement F., Wacke G. In Richtung einer gemeinsamen europäischen China-Politik — Frankreich und Deutschland vereint. Berlin: SWP, 2020.

Leitlinien zum Indo-Pazifik. Berlin: Bundesregierung, 2020.

Major C., von Ondarza N. Afghanistan, AUKUS, and Albion. 30.09.2021. URL: <https://ip-quarterly.com/en/afghanistan-aukus-and-albion> (accessed: 06.12.2021).

Rudolf P. Der amerikanisch-chinesische Weltkonflikt. Berlin: SWP, 2021.

Strategische Rivalität zwischen USA und China / *B. Lippert, V. Perthes* (Hg.). Berlin: SWP, 2020.

Tsvyk A.V. Strategicheskoe partnerstvo Germanii i Kitaya na sovremennom etape: aktual'nye problemy i novye vozmozhnosti [Strategic partnership of China and Germany at the present stage: urgent problems and new opportunities]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 2019. No. 4. (In Russ.).

Tsvyk A.V. Strategicheskoe partnerstvo KNR i FRG v 2004–2015 gg.: politicheskie aspekty [Strategic partnership of China and Germany in the period of 2004–2015: political aspects]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2016. No. 2. (In Russ.).

Vasil'ev V.S. AUKUS eshcho sebya pokazhet [AUKUS will show itself]. *Voенно-promyshlennyj kur'er*, 2021. No. 37. (In Russ.).

Трансформация американоцентричной системы региональной безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе 2012–2020 гг.

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120018313-5

Рамич Мирзет Сафетович

Ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6). ORCID: 0000-0003-1479-2785. E-mail: ramich_ms@mail.ru.

Горбиль Павел Романович

Соискатель кафедры теории и истории международных отношений РУДН (адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6). ORCID: 0000-0002-8392-5652. E-mail: paherono@mail.ru.

Коростелева Елизавета Игоревна

Соискатель кафедры теории и истории международных отношений РУДН (адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6). ORCID: 0000-0002-7594-1214. E-mail: liza.korosteleva.99@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 11.12.2021.

Аннотация:

В статье рассматривается трансформация подходов США к осуществлению внешней политики в ИТР. Примечательно, что с изменением подходов американского руководства к структуризации региональной подсистемы посредством создания и поддержания союзных отношений с рядом стран региона цель остается неизменной — обеспечение безопасности в регионе при сохранении американского лидерства. На настоящем этапе достижению этой цели препятствует рост влияния Китая в Индо-Тихоокеанском регионе. Авторы статьи сосредоточили свое внимание на выявлении критериев, которые позволяют оценить текущее состояние в регионе и эффективность существующего сотрудничества между США и странами ИТР в рамках организаций и соглашений. Исследование проведено на основе анализа образа действий региональных игроков, которые имеют соглашения с США и позиционируют себя их союзниками. Критериями для исследования послужили следующие аспекты: участие в военных учениях, размещение военных баз, подписанные оборонительные соглашения, наличие обмена информацией в сфере военных технологий, наличие ядерного оружия, отсутствие территориальных претензий на море и участие в операциях судоходства. Авторами был проведен анализ национальных документов, по которым удалось охарактеризовать отношение стран к США, Китаю, а также выявить точку зрения региональных игроков на архитектуру безопасности в ИТР и значимые для ее стабильности угрозы. Предлагаемое исследование позволяет изучить проблематику обеспечения безопасности в регионе, выявить особенности политики США в региональном пространстве, определить инструментарий США для удержания своих позиций в ИТР, а также оценить готовность стран-союзников противостоять Китаю вместе с США. В заключении авторы оценивают эффективность трансформации американоцентричной системы региональной безопасности в ИТР.

Источник финансирования:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-514-93003 КАОН_а «Россия и Китай в мировом политическом пространстве: согласование национальных интересов в глобальном управлении».

Ключевые слова:

США, Китай, АУКУС, региональная безопасность, операции по свободе судоходства.

Для цитирования:

Рамич М.С., Горбиль П.Р., Коростелева Е.И. Трансформация американоцентричной системы региональной безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе 2012–2020 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 81–95. DOI: 10.31857/S013128120018313-5.

Как и любая социальная система, региональный порядок отражает атрибутивное свойство системы сохранять свою целостность при возможном изменении ее характеристик. В этом ключе закономерным видится изучение процессов структурирования регионального пространства, которые задают вектор развития той или иной подсистемы международных отношений. В связи с обострившейся стратегической конкуренцией между США и Китаем, экономический рост которого пропорционально отразился на конъюнктуре региональных связей, а также расширением спектра его национальных интересов, изучение процессов структурирования макрорегионального пространства Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) выглядит весьма актуальным.

Выступая со времен Второй мировой войны архитектором регионального военно-политического ландшафта в регионе, США продолжают активно участвовать в проектировании функциональной специфики региона и выстраивании сети отношений с теми, кто согласен поддерживать предложенный дизайн взаимозависимости. Как правило, взаимодействие с последними протекает в «минилатеральных» форматах. За последнее десятилетие главной стратегической целью США в Азии было укрепление сотрудничества между союзниками и партнерами, дополняющего систему двусторонних союзов времен холодной войны сетью новых механизмов партнерства в области безопасности¹. Эти действия направлены на стратегическое сдерживание Китая, экономический рост которого обостряет противоречия между двумя государствами². Формат Австралии, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов (AUKUS), созданный 15 сентября 2021 г., стал принципиально новым элементом американской стратегии и неожиданностью даже для союзников США. Таким образом, США идут по пути формализации минилатеральных союзов. При этом они рассматривают минилатерализм не как полную замену существующих союзов и институтов, а как их дополнение³.

Теоретическим фундаментом для осмысления региональных процессов и причинно-следственных связей американской стратегии в ИТР стала теория транзита власти (power transition theory), предложенная А. Органски в 1958 г.⁴, и теория комплексов региональной безопасности Б. Бузана⁵. Согласно теории властного транзита, существует доминирующее государство, которое обладает наибольшим силовым потенциалом. На данный момент таким государством выступают США. Развивающиеся великие державы могут стать потенциальными претендентами на доминирующую позицию. На данном историческом этапе возможностями повысить свое положение в мировой иерархии обладает Китай. В таком случае при увеличении мощи Китая США могут потерять свой статус гегемона. Теория комплексов региональной безопасности подходит для анализа трансформаций системы безопасности в Азии, где происходит смещение фокуса Азиатско-Тихоокеанского дискурса к Индо-Тихоокеанскому, который охватывает большинство наиболее значимых для мировой торговли транспортных маршрутов и включает в себя крупнейшие развивающиеся страны.

Цель исследования заключается в выявлении критериев, позволяющих оценить актуальное состояние американоцентричной системы в регионе на основе анализа обмена действий региональных игроков, которые состоят с США в союзнических отноше-

1. Wuthnow, J. U.S. 'Minilateralism' in Asia and China's Responses: A New Security Dilemma? // *Journal of Contemporary China*, 2019. Vol. 28. No.115. P. 1–18.
2. Виноградов А.В. Внутриполитические вызовы Китаю в начале XXI века // *Сравнительная политика*, 2017. № 3. С. 131–143.
3. Tow, W. Minilateral security's relevance to US strategy in the Indo-Pacific: challenges and prospects // *The Pacific Review*, 2018. Vol. 32. No 2. P. 1–13.
4. Organski, A.F.K. World politics. New York: A. Knopf, 1958. P. 461.
5. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 588 p.

ниях (Япония, Южная Корея, Австралия, Филиппины, Новая Зеландия) или являются подписантами важных соглашений для военного сотрудничества (Индия, Таиланд). В качестве весомых критериев авторы предлагают следующие: разработка совместных программ, проведение военных учений и размещение военных баз США на территории стран ИТР, на основе которых можно сделать выводы относительно готовности американских союзников к активному противодействию КНР. В конце сделан вывод об эффективности данных соглашений и готовности стран выполнять обязательства договоров с США.

Проблематика, рассматриваемая в статье, нашла свое частичное отражение в трудах российских исследователей Б.М. Волхонского, А.Г. Ибрагимова, И.Н. Комиссиной, Н.Б. Лебедевой, Д.В. Мосякова и других⁶. Этой тематикой активно занимаются сотрудники ведущих мозговых центров США и их союзников, стоит отметить работы экспертов из Гуверовского института (США)⁷, Института оборонных исследований и анализа (Индия)⁸, Австралийского института международных отношений (АПА)⁹, Сингапурского института международных отношений (SIA)¹⁰ и др. «Жесткосиловым аспектам» региональной архитектоники уделяется пристальное внимание в специализированном мозговом центре Новой американской безопасности (CNAS)¹¹, а также в ежегодных обзорах, публикуемых Международным институтом стратегических исследований (Великобритания) «Азиатско-Тихоокеанская региональная оценка безопасности»¹².

Основные элементы развития американоцентричной системы региональной безопасности

Самая первая система, выстроенная Соединёнными Штатами в ИТР, — «система Сан-Франциско» (hub-and-spoke system) выражалась в поддержании региональной безопасности, базировавшейся на американских альянсах¹³. Данная система появилась ещё во времена холодной войны, ее главной целью было сдерживание коммунизма при помо-

6. *Ибрагимов А.Г.* Соперничество США и Китая в Южно-Китайском море // *Журнал политических исследований*, 2018. Т. 2. № 4. С. 56–67; *Волхонский Б.М.* Индийский океан как арена геополитического соперничества Китая и Индии // *Проблемы национальной стратегии*, 2014. № 1 (22). С. 31–45; *Комиссина И.Н.* Морской Шёлковый путь XXI в. — глобальный геополитический проект Китая // *Проблемы национальной стратегии*, 2017. № 1 (40). С. 60–81; *Лебедева Н.Б.* Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия (очерки международных отношений) / отв. ред. *Т.Л. Шаумян*. М.: ИВ РАН, 2018. 575 с.; *Мосяков Д.В.* Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия / Институт стран Востока. М.: Институт востоковедения РАН, 2019. 390 с.
7. *Auslin, M.R.* Asia's New Geopolitics. Stanford: Hoover Institution Press Publication, 2020. 263 p.
8. *Chinoy, S.R., Panda J.P.* Asia Multipolarism and Multipolarity. New Delhi: KW Publishers, 2020. 641 p.
9. *Tidwell, A.* Strategic Competition and the Evolving Role of Indo-Pacific Paradiplomacy // The Australian Institute of International Affairs (AIIA). 12 Nov 2020.
URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/strategic-competition-and-the-evolving-role-of-indo-pacific-paradiplomacy/> (дата обращения: 22.10.2021).
10. The Sino-American conflict and ASEAN: Surviving, Transforming, Succeeding. Special Report // The Singapore Institute of International Affairs (SIIA). August 2019. 16 p.
11. Rising to the China Challenge // The Center for a New American Security (CNAS). January 28, 2020.
URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/rising-to-the-china-challenge> (дата обращения: 22.10.2021).
12. Asia-Pacific Regional Security Assessment 2020: Key Developments and Trends. The International Institute for Strategic Studies (IISS). London: Routledge, 2020. 160 p.
13. *Stuart D.* San Francisco 2.0: Military Aspects of the U.S. Pivot toward Asia // *Asian Affairs: An American Review*, 2012. Vol. 39. No. 4. P. 39–62.

щи увеличения военного потенциала и расширения сотрудничества по военной линии¹⁴. Таким образом, эта модель изначально предполагала коллективные усилия членов альянса по сохранению благоприятного для них статус-кво и военно-силового и технологического отрыва от конкурентов¹⁵.

После отхода от «системы оси и спиц» США взяли курс на политику мини-сторонности или ограниченной многосторонности (*mini-lateral diplomacy*). Минилатерализм направлен на решение конкретных вопросов, которые отдельные государства не могут решить в одиночку. Примером такого объединения стал QUAD, объединивший Индию, Австралию, Японию и США для решения вопросов обеспечения безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

В начале 2010-х гг. основным фактором, стимулирующим трансформации американской системы союзов, стала стратегическая конкуренция между США и КНР. Во время президентства Б. Обамы США делали заявления о том, что растущий Китай не является угрозой для других стран и что США не будут стремиться «сдерживать КНР», был даже предложен формат G2, после провала которого США перешли к перебалансировке сил в АТР. Следующий президент США Д. Трамп изменил риторику по отношению к Китаю. В июне 2019 г. была опубликована Индо-Тихоокеанская стратегия США, главной целью которой было недопущение увеличения влияния Китая в ИТР¹⁶.

Традиционно США развивали в Азии двухсторонние союзы, однако постепенно они стали трансформироваться в трехсторонние форматы, которые создавались для конкретных задач: США — Япония — Южная Корея, США — Япония — Австралия, США — Индия — Япония. Создание таких групп стало предпосылкой для развития минилатеральных союзов.

Одним из проявлений ограниченной многосторонности является QUAD. Однако первая версия данного объединения не получила должного развития из-за неготовности участников к активным практическим действиям¹⁷. Вторая версия QUAD до сих пор находится в процессе институционализации, несмотря на заявления Д. Трампа и китайские опасения о том, что «Четверка» станет предвестником «азиатского НАТО»¹⁸. Сегодня данный формат скорее представляет из себя региональную дискуссионную площадку, которая направлена на создание повестки дня в области безопасности и координации четырехсторонних оборонных мероприятий¹⁹. Индия продолжает балансировать между со-

14. Dower, John W. The San Francisco System: Past, Present, Future in U.S.-Japan-China Relations // *The Asia-Pacific Journal*, 2014. Vol. 12. No. 2. P. 239–254.

15. Канаев Е.А., Сусутина А.Н. Японо-американский альянс и проблема Южно-Китайского моря: последствия для азиатско-тихоокеанской безопасности // *ЮВА: актуальные проблемы развития*, 2017. №. 34. С. 32–41.

16. A Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision / *United States Department of State*. November 4, 2019.

17. Chellaney B. 'QUAD Initiative': an inharmonious concert of democracies // *Japan Times*. 19.07.2007. URL: https://www.japantimes.co.jp/opinion/2007/07/19/commentary/QUAD-initiative-an-inharmonious-concert-of-democracies/#.W_m05OJoREY (дата обращения: 05.10.2021).

18. Paik W. Park J. The QUAD's Search for Non-Military Roles and China's Strategic Response: Mini-lateralism, Infrastructure Investment, and Regional Balancing // *Journal of Contemporary China*, 2021. Vol. 30. No. 127. P. 1–17.

19. Худайкулова А.В., Рамич М.С. «QUAD 2.0»: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // *Полис. Политические исследования*, 2020. No. 3. С. 23–43.

трудничеством с США и их союзниками в АТР/ИТР и форматами, ориентированными на сотрудничество на Евразийском пространстве — ШОС²⁰.

В заявленной концепции «Стратегические рамки США для Индо-Тихоокеанского региона»²¹ строительство «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» предполагает сохранение стратегического превосходства США в ИТР, противостояние Китаю, снижение угрозы со стороны Северной Кореи и сохранение глобального экономического лидерства США. США активно действуют в рамках этой концепции и сегодня, о чем говорит создание AUKUS.

В сентябре 2021 г. между Австралией, Великобританией и США был подписан оборонный альянс. Официально представители США и Великобритании заявили о том, что AUKUS не будет направлен против Китая и был создан исключительно с целью развития партнерства в сфере безопасности и обороны²². Для США данное соглашение является продолжением политики развития американской системы безопасности. После заключения военно-оборонительного альянса AUKUS актуализируется вопрос об определении архитектуры и системы безопасности, которую выстраивают США в регионе.

Анализ эффективности союзов США в Индо-Тихоокеанском регионе

В рамках так называемой системы «hub-and-spokes» США заключили с Японией двусторонний Договор безопасности в 1951 г.²³, в дальнейшем, в 1960 г. договор получил расширенную версию — Договор о сотрудничестве и гарантиях безопасности между странами²⁴. Также в 1953 г. был заключен оборонительный договор между США и Южной Кореей²⁵. Договор о взаимной обороне был подписан с еще одним государством Индо-Тихоокеанского региона — Филиппинами²⁶. В 1951 г. был создан Тихоокеанский пакт безопасности²⁷, предполагающий кооперацию Австралии, США и Новой Зеландии по военным вопросам и вопросам безопасности. AUKUS является подобной структурой, но имеет потенциал значительно изменить баланс сил в регионе, усилив общие силы американских партнеров²⁸.

-
20. Дегтерев Д.А., Рамич М.С. Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2021. Т. 14. № 3. С. 23–43.
 21. U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific / *Trump White House*. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (дата обращения: 23.10.21).
 22. США, Британия и Австралия договорились о партнёрстве в области обороны и безопасности // *Russia Today*. 16.09.2021. URL: <https://ru.rt.com/jg2h> (дата обращения: 07.11.2021).
 23. Японо-американский договор безопасности. 1951. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/japan001.asp (дата обращения: 07.11.2021).
 24. Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией. 1960. URL: <https://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/docs/19600119.T1J.html> (дата обращения: 07.11.2021).
 25. Договор о взаимной обороне между США и Южной Кореей. 1953. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp (дата обращения: 07.11.2021).
 26. Договор о взаимной обороне между Соединенными Штатами Америки и Республикой Филиппины. 1951. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/phil001.asp (дата обращения: 07.11.2021).
 27. Тихоокеанский пакт безопасности. 1952. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/1952/2.html> (дата обращения: 07.11.2021).
 28. 范彦廷: “澳英美联盟”严重破坏亚太秩序 [Фань Яньтин. "AUKUS" серьезно подрывает международный порядок в АТР] // *中国国防报*. 13.10.2021. 第004 版.

В свою очередь, Китай стремится противодействовать американской стратегии в ИТР, развивая отношения со странами региона и делая невыгодной конфронтацию. Подтверждение этому находится в научных статьях китайских ученых, которые уже говорят о сообществе единой судьбы в ИТР²⁹. Ранее в китайском дискурсе термин ИТР в таком контексте не использовался. В этой ситуации целесообразно выявить эффективность сотрудничества США с отдельными странами региона на основе критериев, приведенных в таблице 1, и оценить их готовность к участию в активном сдерживании Китая.

Таблица 1 / Table 1

Критерии эффективности американоцентричных альянсов
The criteria of the effectiveness of the US-centered alliances

Критерий	Страна						
	Австралия	Индия	Новая Зеландия	Таиланд	Филиппины	Южная Корея	Япония
Участие в военных учениях	+	+	+	+	+	+	+
Размещение военных баз	+	-	-	+	-	+	+
Подписание оборонительного соглашения	+	-	+	-	+	+	+
Обмен информацией в сфере военных технологий	+	+	+	-	-	+	+
Ядерное оружие	-	+	-	-	-	-	-
Отсутствие территориальных претензий на море	+	-	+	-	-	-	-
Участие в операциях свободы судоходства	+	-	-	-	-	-	-

Источник: составлено авторами.

– *Участие в военных учениях*

Сегодня военные учения рассматриваются как форма давления на противника. США проводят военные учения по всему миру, в том числе в ИТР, с целью отработать навыки военных действий и продемонстрировать противнику свою мощь.

Наиболее широкомасштабными учениями в ИТР можно назвать учения «Cobra Gold»³⁰. С 1982 г. они стабильно проводятся США на территории Таиланда, в них принимают участие как страны ИТР, так и страны Европы.

В Австралии проводятся военные учения «Talisman Saber», в которых помимо США принимают участие Великобритания, Канада, а также страны ИТР: Новая Зеландия, Южная Корея, Япония³¹. Индия же в данных операциях участвует только в качестве наблюдателя³².

С Филиппинами США проводят военные учения «Balikatan», которые направлены на борьбу с внешними угрозами³³. Примечательно, что в 2021 г. данные учения про-

29. 阎德学、李帅武:“印太战略”升级版及其对中国的威胁 [Янь Дэсюэ, Ли Шуайу: Модернизированная "Индо-Тихоокеанская стратегия" и ее угроза Китаю] // 社会科学, 2021年. 第11期. DOI: 10.13644/j.cnki.cn31-1112.2021.11.005.

30. Мишин И.О. Политика США в Южно-Китайском море во время президентства Д. Трампа // Пути к миру и безопасности, 2020. № 1. С. 46–62.

31. Алешин А.А. Внешнеполитическая стратегия Австралии: средняя держава в высококонкурентной среде // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020. № 2. С. 63–75.

32. США начали в Австралии крупные учения Talisman Saber // ТАСС. 14.07.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11905631> (дата обращения: 24.10.21).

33. Маневры Филиппин и США пройдут без мероприятий на море // ТАСС. 13.04.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11132221> (дата обращения: 24.10.21).

шли на фоне напряженности между Филиппинами и Китаем по вопросу нахождения китайских судов у архипелага Спратли, на который Филиппины имеют территориальные притязания³⁴.

Военно-морские учения «Malabar», которые первоначально проводились в двустороннем формате между США и Индией, на сегодняшний день расширили количество участников. С 2020 г. учения проводятся на базе стран-участниц QUAD, что показывает намерения правительства Дж. Байдена продолжить политику Д. Трампа в отношении «азиатского НАТО». Японию и Австралию можно считать стратегическими союзниками США, однако, несмотря на расширяющееся сотрудничество, отношения США и Индии полны противоречий³⁵.

Командно-штабные учения проводятся США и Южной Кореей в первую очередь в рамках сил Объединенного командования³⁶.

Таким образом, страны ИТР, которые во многом соглашаются с политикой США в регионе, принимают участие и в военных учениях.

– *Размещение военных баз*

Согласно базам данных G2 Research Project, американские военные базы присутствуют в Австралии, Таиланде, Южной Корее и Японии. До 1991 г. американские базы располагались и в Филиппинах, однако из-за роста антиамериканских настроений местные власти решили отказаться от продления пребывания американцев на территории страны, военные базы США были закрыты или переданы под контроль филиппинских военных.

Американское влияние на новозеландских военных базах было лишь во времена Второй мировой войны, когда США боролись с Японией за контроль акватории Тихого Океана. После окончания войны США не присутствовали на территории Новой Зеландии в качестве военного союзника.

В Индии никогда не было американских баз, и вероятность того, что на индийской территории появятся военные объекты других государств, очень мала. Для американской стороны в данном случае важна возможность разделения сфер ответственности в рамках системы международной безопасности в бассейне Индийского океана.

– *Подписание оборонительного соглашения*

США подписывали двухсторонние оборонительные соглашения с Японией, Южной Кореей, Филиппинами и трехсторонний оборонительный договор АНЗЮС с Австралией и Новой Зеландией.

При этом стоит отметить, что Новая Зеландия дистанцировалась от АНЗЮС в связи с объявлением на своей территории безъядерного статуса в 1986 г. В конце 2012 г. Новая Зеландия разрешила американским военным кораблям присутствовать в своих территориальных водах.

Появление нового альянса AUKUS, элементом которого является сотрудничество в сфере атомной энергетики, а именно производство атомных подводных лодок, может серьезно повлиять на дальнейшие взаимоотношения между Новой Зеландией и США, ведь Новая Зеландия не готова отказаться от своего безъядерного статуса, в связи с чем возникает конфликт интересов.

34. Королев А., Стрельникова И. Территориальный спор в Южно-Китайском море: есть ли свет в конце туннеля или перспективы решения конфликта. Аналитический бюллетень // ЦКЕМИ ВШЭ, 2021. С. 4.

35. Батюк В.И. Индо-Тихоокеанская стратегия США и Евразия // *Актуальные проблемы Европы*, 2021. № 1. С. 135–153.

36. Mission of the ROK/US Combined Forces Command / *United States Forces Korea*.

URL: <https://www.usfk.mil/About/Combined-Forces-Command/> (дата обращения: 24.10.21).

В 1951 г. США и Филиппины обязались защищать друг друга в случае активной внешней угрозы, также США имели право на размещение военных баз на территории Филиппин. В 2014 г. были подписаны Соглашение о посещении войск³⁷ и Соглашение о расширенном оборонном сотрудничестве³⁸, в которых были укреплены союзнические отношения между странами, однако США запрещается хранить ядерное оружие и иметь собственные военные базы на территории Филиппин.

Соглашение между Южной Кореей и США было подписано в октябре 1953 г.³⁹, согласно этому договору, США имеют право дислоцировать свои войска и базы на территории Южной Кореи, а также обе стороны готовы способствовать защите друг друга в случае нападения извне.

С Индией и Таиландом подобных оборонительных соглашений США не заключали.
– *Обмен информацией в сфере военных технологий*

Основными союзниками США в информационном обмене являются Австралия и Новая Зеландия, в первую очередь в рамках деятельности альянса «Пять глаз». На базе этих стран также осуществляются программы, например ABCANZ, направленная на унификацию оборудования и обучения личного состава армий стран. Стоит отметить, что Новая Зеландия стремится сохранить безъядерный статус, поэтому не входит в союзы, которые противоречат данному принципу.

Не менее активную политику в сфере обмена военными технологиями США проводят с Индией, о чем свидетельствует стабильное увеличение соглашений между странами (2002, 2016, 2018, 2020 гг.)⁴⁰. В первую очередь в основе данного диалога лежит цель, заключающаяся в обмене передовыми военными технологиями и информацией, а также обеспечение безопасности военной информации.

– *Ядерное оружие*

Стоит отметить, что из рассматриваемых стран ИТР ядерное оружие присутствует только у Индии. Другими обладателями ядерного оружия в регионе являются КНР, КНДР и Пакистан.

В основу внешней и внутренней политики Новой Зеландии заложен принцип безъядерного государства. Япония придерживается позиции, согласно которой не собирается размещать ядерное оружие на своей территории. Такие настроения связаны с тяжёлым историческим наследием и аварией 2011 г. на АЭС «Фукусима-1».

США не размещают своё ядерное оружие в странах ИТР, однако в связи с появлением AUKUS и сотрудничеством в сфере ядерных технологий в Австралии могут появиться атомные подводные лодки⁴¹.

– *Отсутствие территориальных претензий на море*

37. Visiting Forces Agreement // *Chan Robles*. 1998. URL: https://www.chanrobles.com/visiting-forcesagreement2.htm#_YZVfyi96Cu4 (дата обращения: 01.11.2021).

38. Agreement between the Government of the Republic of the Philippines and the Government of the United States of America on Enhanced Defense Cooperation (EDCA) // *Official Gazette of the Republic of the Philippines*. 28.04.2014. URL: <https://www.officialgazette.gov.ph/downloads/2014/04apr/20140428-EDCA.pdf> (дата обращения: 01.11.2021).

39. Договор о взаимной обороне между США и Южной Кореей. 1953.
URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp (дата обращения: 01.11.2021).

40. Индия и США подписали соглашение об обмене геопространственной информацией // *TASS*. 27.10.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9826085> (дата обращения: 01.11.2021).

41. *Торочин Г.* Акценты английского: к вопросу об образовании AUKUS // *PCMД*. 29.09.2021.
URL: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/aktsenty-angliyskogo-k-voprosu-ob-obrazovanii-aucus/> (дата обращения: 25.10.21).

Согласно ежегодным отчётам министерства обороны США, американская политика будет направлена на любое оспаривание «чрезмерных морских претензий», т.е. попыток прибрежных государств незаконно ограничить права и свободы судоходства, полетов и других законных видов использования моря. В рамках данной политики в США осуществляется «Программа свободы судоходства» (FONOP), которая подразумевает проведение операций по поддержанию свободы передвижения судов и защите одного из принципов международного права. Необходимо отметить, что среди стран, имеющих «чрезмерные морские претензии», есть и союзники США.

Таблица 2 / Table 2

Наличие морских территориальных претензий согласно отчётам министерства обороны США

The presence of maritime territorial claims according to the US Department of Defense

Страна \ Год	Австралия	Индия	Новая Зеландия	Таиланд	Филиппины	Южная Корея	Япония	Китай
2013	-	+	-	-	+	-	-	+
2014	-	+	-	-	+	+	-	+
2015	-	+	-	-	+	-	-	+
2016	-	+	-	+	+	+	+	+
2017	-	+	-	-	+	-	-	+
2018	-	-	-	+	+	-	+	+
2019	-	+	-	+	-	-	-	+
2020	-	-	-	-	-	-	+	+

Источник: составлено на основе ежегодно публикуемых докладов *Annual Freedom of Navigation Report. 2013–2020 / US Department of Defence.*

URL: <https://policy.defense.gov/OSDP-Offices/FON/> (дата обращения: 01.11.2021).

Китай упоминается во всех ежегодных отчётах министерства обороны США, что указывает на его постоянные попытки владеть большим контролем над водами ИТР. По мнению руководства США, Китай является основным противником концепции свободы судоходства, ограничивая не только передвижение судов в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, но и полёты над территорией Восточно-Китайского моря. Без предварительного разрешения со стороны властей КНР иностранные военные корабли не могут свободно перемещаться по всей акватории ЮКМ и ВКМ. Именно по этой причине большинство американских операций по свободе судоходства направлены против Китая.

Индия требует предварительного согласия для военных учений или маневров, в частности, связанных с применением оружия или взрывчатых веществ, для других стран в исключительной экономической зоне.

Минобороны США обвиняет Таиланд в некорректных «исходных линиях» в исключительной экономической зоне Сиамского залива, которые были проведены с нарушениями морского права, и в необходимости уведомления для проведения военных учений или маневров.

Согласно Конституции Филиппин, воды у архипелагов являются внутренними водами⁴², что, по мнению отчётов министерства обороны США, является нарушением Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, которую сами США не подписали.

42. Конституция республики Филиппины. 1987. URL: <https://archive.md/20130504153841/worldconstitutions.ru/archives/36#selection-133.0-133.39> (дата обращения: 25.10.21).

Южная Корея претендует на часть Желтого моря. Министерство обороны США также обвиняет в «чрезмерно прямых исходных линиях» Японию, которая считает Цусимский пролив японскими внутренними водами.

– Свобода судоходства

Таблица 3 / Table 3

Участие стран ИТР в операциях по свободе судоходства (FONOP)
The participation of the countries of the Info-Pacific region in Freedom of Navigation Operations (FONOPs)

Страна FONOP	США	Австралия	Великобритания	Индия	Новая Зеландия	Таиланд	Филиппины	Южная Корея	Япония
2013	+	-	-	-	-	-	-	-	-
2014	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2015	+	+	-	-	-	-	-	-	-
2016	+	-	-	-	-	-	-	-	-
2017	+	-	-	-	-	-	-	-	-
2018	+	-	+	-	-	-	-	-	-
2019	+	-	-	-	-	-	-	-	-
2020	+	-	+	-	-	-	-	-	-
2021	+	-	+	-	-	-	-	-	-

Источник: составлено авторами.

США больше всех отстаивают идею продвижения свободы судоходства в ИТР. Главной причиной является способность быстрой передислокации военных кораблей для урегулирования ситуации в случае возникновения кризиса. США используют операции по обеспечению свободы судоходства с 1979 г., но особенно активно этот инструмент политического давления стал использоваться в 2010-е гг., когда этого требовала политика по сдерживанию Китая⁴³. Несмотря на приверженность принципам свободы судоходства, союзники США не всегда оказывают им открытую поддержку, так как операции могут вызвать крайне негативную реакцию со стороны КНР. Из всех региональных союзников только Австралия единожды приняла участие в FONOP в 2015 г.⁴⁴.

Великобритания впервые приняла участие в операции по свободе судоходства в 2018 г., направив четыре военных корабля к спорной территории вблизи Парасельских островов, в 2020–2021 гг. она также принимала участие в подобных операциях⁴⁵.

Индия, Новая Зеландия, Таиланд, Филиппины, Южная Корея и Япония не принимали участие в операциях по свободе судоходства в ИТР.

Участие в данных операциях является одним из важнейших критериев поддержки США в противодействии растущему влиянию Китая. Уклонение стран от участия в операциях по свободе судоходства обусловлено их неготовностью вступать в открытую конфронтацию с Пекином.

43. 张景全、潘玉: 美国“航行自由计划”与中美在南海的博弈 [Чжан Цзинцюань, Пань Юй. FONOP и американско-китайское соперничество в Южно-Китайском море] // 国际观察, 2016年, 第2期. 第87–99页.

44. Australia conducting 'freedom of navigation' flights in South China Sea // BBC. 15.12.2015. URL: <https://www.bbc.com/news/world-australia-35099445> (дата обращения: 17.11.2021).

45. Великобритания возвращается в Азию после Brexit // Seldon News. 22.06.2020. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/232679280> (дата обращения: 17.11.2021).

* * *

Открытое соперничество между США и КНР, которое начало разрастаться в период президентского срока Д. Трампа, привело к форсированию процесса трансформации американоцентричной системы союзов в АТР/ИТР. Необходим был формат, который бы обеспечивал гибкость решений и позволял эффективно проводить политику по сдерживанию Китая. После победы на президентских выборах Дж. Байден продолжил курс по созданию минилатеральных союзов в ИТР, включив в региональную систему традиционного союзника США — Великобританию.

На данный момент США имеют сеть союзов и стараются ограничить расширение влияния Китая в ИТР. Однако союзники США не готовы оказывать им полноценную поддержку во всех сферах. США готовы привлекать новые страны, в том числе и не из региона ИТР, для отстаивания своих интересов. Полномасштабное сотрудничество между странами не может закрепиться, в первую очередь, из-за различного видения будущего региона, поскольку большинство стран стремится видеть ИТР мирным, стабильным и процветающим. Кроме того, эти страны опасаются усиления конфронтации с Китаем и особенно его жесткого ответа. Таким образом, большая часть союзников США в регионе не готова подкреплять свою антикитайскую позицию конкретными внешнеполитическими действиями. Особенно хорошо этот тезис иллюстрирует отказ значительного числа стран от участия в операциях по обеспечению свободы судоходства.

Несмотря на большое количество партнеров США в регионе, сотрудничество с которыми является основой сложной стратегии сдерживания КНР, большинство из союзов уже не являются эффективными. Ключевым показателем приверженности проамериканской позиции и готовности к решительным действиям является участие в операциях по обеспечению свободы судоходства (FONOP). Из всех союзников США в ИТР только Австралия решилась присоединиться к этим операциям, поэтому после провала QUAD 1.0 и медленного процесса институализации QUAD 2.0, США решились на создание нового союза (AUKUS), членами которого выступили наиболее надежные и традиционные союзники — Соединенное Королевство и Австралия.

Литература

- Алешин А.А. Внешнеполитическая стратегия Австралии: средняя держава в высококонкурентной среде // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2020. № 2.
- Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ. Под ред. Д.А. Дегтерева, М.А. Никулина, М.С. Рамича. М.: РУДН, 2021.
- Батюк В.И. Индо-Тихоокеанская стратегия США и Евразия // *Актуальные проблемы Европы*, 2021. № 1.
- Виноградов А.В. Внутриполитические вызовы Китаю в начале XXI века // *Сравнительная политика*, 2017. № 3.
- Волхонский Б.М. Индийский океан как арена геополитического соперничества Китая и Индии // *Международная политика. Проблемы национальной стратегии*, 2014. № 1 (22).
- Дегтерев Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М.: RuScience, 2020.
- Дегтерев Д.А., Рамич М.С. Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2021. Т. 14. № 3.
- Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2021. Т. 21. № 2.
- Ибрагимов А.Г. Соперничество США и Китая в Южно-Китайском море // *Журнал политических исследований*, 2018. Т. 2. № 4.
- Канаев Е.А., Сигутина А.Н. Японо-американский альянс и проблема Южно-Китайского моря: последствия для азиатско-тихоокеанской безопасности // *ЮВА: актуальные проблемы развития*, 2017. № 34.

- Каткова Е.Ю., Пономаренко Л.В., Эо Сурин. Австралия — Южная Корея: формирование новой оси сотрудничества в рамках системы альянсов в Индо-Тихоокеанском регионе // *Вопросы истории*, 2020. № 9.
- Комиссина И.Н. Морской Шёлковый путь XXI в. — глобальный геополитический проект Китая // *Проблемы национальной стратегии*, 2017. № 1 (40).
- Королев А., Стрельникова И. Территориальный спор в Южно-Китайском море: есть ли свет в конце туннеля или перспективы решения конфликта. Аналитический бюллетень // *ЦКЕМИ ВШЭ*, 2021.
- Лебедева Н.Б. Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия (очерки международных отношений) / отв. ред. Т.Л. Шаумян. М.: ИВ РАН, 2018.
- Мишин И.О. Непокойное Южно-Китайское море: Новые противоречия 2020 года // *ЮВА: актуальные проблемы развития*, 2020. № 3 (48).
- Мишин И.О. Политика США в Южно-Китайском море во время президентства Д. Трампа // *Пути к миру и безопасности*, 2020. № 1.
- Мосяков Д.В. Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия / Институт стран Востока. М.: Институт востоковедения РАН, 2019.
- Худайкулова А.В., Рамич М.С. "QUAD 2.0": четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // *Полис. Политические исследования*, 2020. № 3.
- Юньюшкина А.С., Шаповалова К.А., Кудакеев Р.Ф., Понька Т.И. Позиции Китая и США в Индо-Тихоокеанском регионе // *Международные отношения*, 2020. № 2.
- Aggrawal V. Look West: The Evolution of US Trade Policy Toward Asia // *Globalizations*, 2010. Vol. 4. No. 4.
- Asia's Slippery Slope: Triangular Tensions, Identity Gaps, Conflicting Regionalism, and Diplomatic Impasse Toward North Korea. Joint U.S.-Korea Academic Studies // Editor-in-Chief Gilbert Rozman. Princeton University, Korea Economic Institute of America, 2014. Vol. 25.
- Asia-Pacific Regional Security Assessment 2020: Key Developments and Trends. The International Institute for Strategic Studies (IISS). London: Routledge, 2020.
- Auslin, M.R. Asia's New Geopolitics. Stanford: Hoover Institution Press Publication, 2020.
- Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Chinoy S.R., Panda J.P. Asia Multipolarism and Multipolarity. New Delhi: KW Publishers, 2020.
- Dower, John W. The San Francisco System: Past, Present, Future in U.S.-Japan-China Relations // *The Asia-Pacific Journal*, 2014. Vol. 12. No. 2.
- Hongsong L., Jamali A. India's Indo-Pacific Strategy: A Pragmatic Balancing between the United States and China // *Pacific Focus*, 2021. Vol. 35. No. 2.
- Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. New York: Vintage Books, 1989.
- Organski, A.F.K. World politics. New York: A. Knopf, 1958.
- Paik W, Park J. The QUAD's Search for Non-Military Roles and China's Strategic Response: Minilateralism, Infrastructure Investment, and Regional Balancing // *Journal of Contemporary China*, 2021. Vol. 30. No. 127.
- Stuart D. San Francisco 2.0: Military Aspects of the U.S. Pivot toward Asia // *Asian Affairs: An American Review*, 2012. Vol. 39. No. 4.
- Wuthnow, J. U.S. 'Minilateralism' in Asia and China's Responses: A New Security Dilemma? // *Journal of Contemporary China*, 2019. Vol. 28. No. 115.
- 范彦廷: “澳英美联盟”严重破坏亚太秩序 [Фань Яньтин. "AUKUS" серьезно подрывает международный порядок в АТР] // *中国国防报*. 13.10.2021. 第 004 版.
- 阎德学、李帅武: “印太战略”升级版及其对中国的威胁 [Янь Дэсюэ, Ли Шуайу. Модернизированная "Индо-Тихоокеанская стратегия" и ее угроза Китаю] // *社会科学*, 2021 年. 第 11 期. DOI: 10.13644/j.cnki.cn31-1112.2021.11.005.
- 张景全、潘玉: 美国“航行自由计划”与中美在南海的博弈 [Чжан Цзинцюань, Пань Юй. FONOP и американо-китайское соперничество в Южно-Китайском море] // *国际观察*. 2016 年. 第 2 期.

Shaping of the U.S. Regional Security Framework in the Indo-Pacific Region in 2012–2020

Mirzet S. Ramich

Assistant Professor, Department of theory and history of international relations, RUDN University (address: 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-1479-2785. E-mail: ramich_ms@mail.ru.

Pavel R. Gorbil

Applicant at the Department of theory and history of international relations, RUDN University (address: 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8392-5652. E-mail: paherono@mail.ru.

Elizaveta I. Korosteleva

Applicant at the Department of theory and history of international relations, RUDN University (address: 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7594-1214. E-mail: liza.korosteleva.99@mail.ru.

Received 11.12.2021.

Abstract:

This article examines the transformation of the US approaches to the implementation of foreign policy in Indo-Pacific region. It is noteworthy that with the change in the approaches of the US leadership to the structuring of the regional subsystem through the creation and maintenance of allied relations with a number of states in the region, the goal remains unchanged — ensuring security in the region while maintaining US leadership. At the present stage, the implementation of this goal is hindered by the growing influence of China in the Indo-Pacific region.

The authors of the article focused on identifying criteria that allow assessing the current situation in the region and the effectiveness of existing cooperation between the United States and the countries of the Indo-Pacific region within the framework of organizations and agreements. The research was conducted on the basis of an analysis of the behaviour of some regional players who have agreements with the United States and position themselves as their allies. The criteria for the study were the following aspects: participation in military exercises, the deployment of military bases, signed defence agreements, the availability of information exchange in the field of military technology, the presence of nuclear weapons, the absence of territorial claims at sea and participation in shipping operations. The authors analysed national documents, according to them it was possible to characterize the attitude of countries to the United States, China, as well as to identify the point of view of regional players on the security architecture in Indo-Pacific region and threats significant for the stability of this structure. The study proposed by the authors makes it possible to study the problems of ensuring security in the region, to identify the peculiarities of US policy in the studied space, to determine the tools of the United States to maintain its positions in Indo-Pacific region, as well as to assess the readiness of the allied countries to confront China together with the United States. In conclusion, the authors assess the effectiveness of the transformation of the US-centered regional security system in Indo-Pacific region.

Funding source:

The reported study was funded by RFBR within research project № 20-514-93003 “Russia and China in the global political space: harmonization of national interests in global governance”.

Key words:

USA, China, AUKUS, regional security, FONOP.

For citation:

Ramich M.S., Gorbil P.R., Korosteleva E.I. Shaping of the U.S. Regional Security Framework in the Indo-Pacific Region in 2012–2020. // Far Eastern Studies. 2022. No. 1. Pp. 81–95. DOI: 10.31857/S013128120018313-5.

References

Aggrawal V. Look West: The Evolution of US Trade Policy Toward Asia. *Globalizations*, 2010.

Vol. 4. No. 4.

Aleshin A.A. Vneshnepoliticheskaya strategiya Avstralii: srednyaya derzhava v vysokokonkurentnoj srede [Australia's Foreign Policy Strategy: an Average Power in a Highly competitive Environment.]. *Analiziprognoz. Zhurnal IMEMO RAN*, 2020. No. 2. (In Russ.).

- Asia's Slippery Slope: Triangular Tensions, Identity Gaps, Conflicting Regionalism, and Diplomatic Impasse Toward North Korea. Joint U.S.-Korea Academic Studies. Editor-in-Chief *Gilbert Rozman*. Princeton University, Korea Economic Institute of America, 2014. Vol. 25.
- Asia-Pacific Regional Security Assessment 2020: Key Developments and Trends. The International Institute for Strategic Studies (IISS). London: Routledge, 2020.
- Auslin, M.R.* Asia's New Geopolitics. Stanford: Hoover Institution Press Publication, 2020.
- Balans sil v klyuchevykh regionah mira: konceptualizatsiya i prikladnoj analiz [Balance of power in key regions of the world: conceptualization and applied analysis]. Pod red. *D.A. Degtereva, M.A. Nikulina, M.S. Ramicha*. M.: RUDN, 2021. (In Russ.).
- Batyuk V.I.* Indo-Tihookeanskaya strategiya SShA i Evraziya [Indo-Pacific Strategy of the USA and Eurasia]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 2021. No. 1. (In Russ.).
- Buzan B., Waever O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Chinoy S.R., Panda J.P.* Asia Multipolarism and Multipolarity. New Delhi: KW Publishers, 2020.
- Degterev D.A.* Ocenka sovremennoj rasstanovki sil na mezhdunarodnoj arene i formirovanie mnogopol'yarnogo mira [Assessment of the current balance of power in the international arena and the formation of a multipolar world]. M.: RuScience, 2020. (In Russ.).
- Degterev D.A., Ramich M.S.* Strategicheskie treugol'niki kak instrument balansirovaniya v mirovoj politike [Strategic Triangles and Balancing in World Politics]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2021. Vol. 14. No. 3. (In Russ.).
- Degterev D.A., Ramich M.S., Cvyk A.V.* SShA — KNR: «vlastnyj tranzit» i kontury «konfliktnoj bipol'yarnosti» [USA — China: "power transit" and contours of "conflict bipolarity"]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2021. T. 21. No. 2. (In Russ.).
- Dower, John W.* The San Francisco System: Past, Present, Future in U.S.-Japan-China Relations. *The Asia-Pacific Journal*, 2014. Vol. 12. No. 2.
- Hongsong L., Jamali A.* India's Indo-Pacific Strategy: A Pragmatic Balancing between the United States and China. *Pacific Focus*, 2021. Vol. 35. No. 2.
- Hudajkulova A.V., Ramich M.S.* "QUAD 2.0": chetyrehstoronnij dialog dlya kontrbalansirovaniya KNR v Indo-Tihookeanskom regione ["QUAD 2.0": Quadrilateral dialogue for balancing China in the Indo-Pacific region]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2020. No. 3. (In Russ.).
- Ibragimov A.G.* Sopernichestvo SShA i Kitaya v Yuzhno-Kitajskom more [US-China Rivalry in the South China Sea]. *Zhurnal politicheskikh issledovanij*, 2018. T. 2. No. 4. (In Russ.).
- Kanaev E.A., Sigutina A.N.* Yaponno-amerikanskij al'yans i problema Yuzhno-Kitajskogo morya: posledstviya dlya aziatsko-tihookeanskoj bezopasnosti [The Japan-US Alliance and the South China Sea issue: Implications for Asia-Pacific security]. *YuVA: aktual'nye problem razvitiya*, 2017. No. 34. (In Russ.).
- Kaikova E.Yu., Ponomarenko L.V., Eo Surin.* Avstraliya — Yuzhnaya Koreya: formirovanie novoj osi sotrudnichestva v ramkah sistemy al'yansov v Indo-Tihookeanskom regione [Australia — South Korea: formation of a new axis of cooperation within the framework of the alliance system in the Indo-Pacific region]. *Voprosy istorii*, 2020. No. 9. (In Russ.).
- Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. New York: Vintage Books, 1989.
- Komissina I.N.* Morskoj Shyolkovyj put' XXI v. — global'nyj geopoliticheskij proekt Kitaya [The Maritime Silk Road of the XXI century is a global geopolitical project of China]. *Problemy nacional'noj strategii*, 2017. No. 1 (40). (In Russ.).
- Korolev A., Strel'nikova I.* Territorial'nyj spor v Yuzhno-Kitajskom more: est' li svet v konce tunnelya ili perspektivy resheniya konflikta. Analiticheskij byulleten' [Territorial dispute in the South China Sea: is there light at the end of the tunnel, prospects for resolving the conflict.]. *CKEMI VSHE*, 2021. (In Russ.).
- Lebedeva N.B.* Indijskij okean: vyzovy XXI v. i Indiya (očerki mezhdunarodnyh otnoshenij) [Challenges of the XXI Century and India (essays on International relations)], otv. red. *T.L. Shaumyan*. M.: IV RAN, 2018. (In Russ.).
- Mishin I.O.* Nespokojnoe Yuzhno-Kitajskoe more: Novye protivorechiya 2020 goda [The troubled South China Sea: New contradictions of 2020]. *YuVA: aktual'nye problem razvitiya*, 2020. No. 3 (48). (In Russ.).

- Mishin I.O.* Politika SShA v Yuzhno-Kitajskom more vo vremya prezidentstva D. Trampa [US policy in the South China Sea during President Donald Trump]. *Puti k miru i bezopasnosti*, 2020. No. 1. (In Russ.).
- Mosyakov D.V.* Global'naya transformaciya Tihookeanskoj Azii i Rossiya [Global Transformation of Pacific Asia and Russia]. Institut stran Vostoka. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2019. (In Russ.).
- Organski, A.F.K.* World politics. New York: A. Knopf, 1958.
- Paik W, Park J.* The QUAD's Search for Non-Military Roles and China's Strategic Response: Minilateralism, Infrastructure Investment, and Regional Balancing. *Journal of Contemporary China*, 2021. Vol. 30. No. 127.
- Stuart D.* San Francisco 2.0: Military Aspects of the U.S. Pivot toward Asia. *Asian Affairs: An American Review*, 2012. Vol. 39. No. 4.
- Vinogradov A.V.* Vnutripoliticheskie vyzovy Kitayu v nachale XXI veka [Domestic political challenges to China at the beginning of the XXI century]. *Sravnitel'naya politika*, 2017. No. 3. (In Russ.).
- Volhonskij B.M.* Indijskij okean kak arena geopoliticheskogo sopernichestva Kitaya i Indii [The Indian Ocean as an arena of geopolitical rivalry between China and India]. *Mezhdunarodnaya politika. Problemy nacional'noj strategii*, 2014. No. 1 (22). (In Russ.).
- Wuthnow, J.* U.S. 'Minilateralism' in Asia and China's Responses: A New Security Dilemma? *Journal of Contemporary China*, 2019. Vol. 28. No. 115.
- Yunyushkina A.S., Shapovalova K.A., Kudakaev R.F., Pon'ka T.I.* Pozicii Kitaya i SShA v Indo-Tihookeanskom regione [The positions of China and the United States in the Indo-Pacific region]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020. No. 2. (In Russ.).
- 范彦廷: “澳英美联盟”严重破坏亚太秩序 [Fan Yanling. "AUKUS" seriously disrupts international order in the Asia-Pacific]. 中国国防报. 13.10.2021. 第004版. (In Chin.).
- 阎德学、李帅武: “印太战略”升级版及其对中国的威胁 [Yan Dexue, Li Shuaiwu. The Renewed "Indo-Pacific Strategy" and Its Threat to China]. 社会科学. 2021年. 第11期. DOI: 10.13644/j.cnki.cn31-1112.2021.11.005. (In Chin.).
- 张景全、潘玉: 美国“航行自由计划”与中美在南海的博弈 [Zhang Jingquan, Pan Yu. FONOP and U.S.-China rivalry in the South China Sea]. 国际观察. 2016年. 第2期. (In Chin.).

ЭКОНОМИКА**Китайские компании на фондовых биржах США в условиях обострения китайско-американских отношений: взаимосвязь рынков, риски делистинга и возможные сценарии**

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120018444-9

Вахрушин Иван Владимирович

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (адрес: 117977, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23). ORCID: 0000-0002-6750-4620. E-mail: Ivmarin14@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022.

Аннотация:

В статье проанализирована взаимосвязь национальных фондовых рынков Китая и США, в результате чего сделан вывод о преобладании опосредованной связи психологического характера между ними. Рассмотрены вопросы, связанные с дальнейшими перспективами китайских компаний на фондовых биржах США и риском их делистинга в условиях резкого обострения китайско-американских отношений и активных действий регулятора — Комиссии по ценным бумагам и биржам США (SEC), направленных на ужесточение требований к аудиту, предоставлению финансовой отчетности и раскрытию информации иностранными компаниями, зарегистрированными на биржах США. Раскрыт процесс формирования новой регулятивной инфраструктуры для делистинга китайских компаний, базовым элементом которой стало принятие Закона о холдинговой отчетности иностранных компаний. Проанализирован механизм публичных размещений китайских компаний за рубежом посредством структур с переменной долей участия (VIE), а также выявлены связанные с этим риски. Проанализирован конкурентный потенциал национальных фондовых бирж в части привлечения китайских компаний, сделан вывод о значительно более жестких требованиях и длительных процедурах на китайских биржах в сравнении с американскими. Сделан общий вывод о том, что на сегодняшний день массовый делистинг китайских компаний с американских бирж представляется маловероятным сценарием. Вместе с тем рассмотрен весь спектр сценариев делистинга: от наиболее предпочтительного варианта для инвесторов (конвертация американских бумаг в акции на китайских биржах) до наихудшего (заморозка акций на неопределенный срок).

Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Ключевые слова:

Китайско-американские отношения, китайские компании с зарубежным листингом, фондовые биржи США, раскрытие информации иностранными публичными компаниями, риски делистинга китайских компаний, Комиссия США по ценным бумагам и биржам (SEC), регулятивная инфраструктура рынка ценных бумаг, компании с переменным участием (VIE).

Для цитирования:

Вахрушин И.В. Китайские компании на фондовых биржах США в условиях обострения китайско-американских отношений: взаимосвязь рынков, риски делистинга и возможные сценарии // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 96–110.

DOI: 10.31857/S013128120018444-9.

В условиях обострения китайско-американских торгово-экономических отношений, серии скандалов, связанных с китайскими компаниями, зарегистрированными на фондовых биржах США, и последовавшими активными действиями американских биржевых регуляторов по ужесточению регулятивной инфраструктуры, крайне актуальными стали вопросы, связанные с дальнейшими перспективами китайского сегмента акций на биржевых площадках США, а также анализ рисков массового делистинга китайских компаний и возможных вариантов развития событий как для эмитентов, так и для инвесторов.

С приходом в Белый дом администрации президента Д. Трампа началась системная переоценка всей сущности китайско-американских торгово-экономических отношений с акцентом на несправедливые торговые практики китайской стороны, ущемляющие интересы США, как то: государственное субсидирование и льготное кредитование, манипулирование курсом китайского юаня, неправоное присвоение интеллектуальной собственности и прочие инструменты создания несправедливых преимуществ для китайских компаний¹.

Традиционно ключевые мотивы китайских инвесторов на американском рынке включают стремление к долгосрочным инструментам финансирования, свободному доступу на местный рынок, получению контроля над стратегическими активами, в том числе посредством обратных слияний и поглощений².

Вместе с тем первичные публичные размещения акций приобретают все большую значимость в процессе финансирования растущих высокотехнологичных компаний. Таким образом, первичный рынок акций в настоящее время представляет собой поле обостренной конкуренции между фондовыми биржами Китая и США. На передний план при этом выходят такие конкурентные преимущества, как либерализация условий размещения акций и совершенствование институциональной биржевой среды³.

В последние годы фокус внимания китайских компаний был направлен на высокотехнологичный сектор США. В значительной мере являясь частью государственной внешнеэкономической политики, китайские капиталовложения за рубежом не столько преследуют коммерческий интерес, сколько направлены на приобретение интеллектуальных прав в сфере перспективных технологий⁴.

Тем временем международная инвестиционная среда находится под значительным воздействием фактора обострения китайско-американского противостояния в сфере высоких технологий и инноваций, вышедшего на наднациональный уровень и охватившего весь АТР. Государства АТР в большинстве своем привержены поддержанию стабильных внешнеэкономических и производственных связей, склонны рассматривать Китай в качестве ключевого торгово-экономического партнера, а давление США связывать главным образом с политическими мотивами⁵.

Вместе с тем существует мнение, что с началом торговой войны начался планомерный процесс демонтажа всей системы китайско-американских торгово-экономи-

1. *Супян В.Б.* Американско-китайские торгово-экономические отношения: причины кризиса и его перспективы // *Российский внешнеэкономический вестник*, 2019. № 9. С. 23–32.
2. *Перова М.К.* Прямые инвестиции Китая в США: современные тенденции и вопросы регулирования // *Законодательство и экономика*, 2017. № 2. С. 69–77.
3. *Абрамов А.Е., Косырев А.Г., Радыгин А.Д., Чернова М.И.* Опыт и уроки публичных размещений акций на фондовых рынках США, Китая и России // *Экономическое развитие России*, 2021. Т. 28. № 5. С. 14–20.
4. *Перова М.К.* Компании Китая в высокотехнологичных отраслях экономики США // *Пространственная экономика*, 2020. Т. 16. № 3. С. 139–155. DOI: 10.14530/se.2020.3.139–155.
5. *Гамза Л.А.* Технологическое противостояние США и Китая в АТР // *Россия и АТР*, 2020. № 3(109). С. 110–133. DOI: 10.24411/1026–8804–2020–10038.

ческих отношений (т.н. декаплинг — процесс разрушения глубокой взаимозависимости между странами), сформировавшейся за сорокалетний период политики открытости и реформ⁶.

Необходимо отметить, что, несмотря на распространенное в финансовых СМИ представление о прочной связи рынков акций КНР и США, в действительности их взаимосвязь косвенна и опосредована в основном взаимным психологическим влиянием, вероятно, значительно большим, чем для большинства других национальных рынков, учитывая огромный объем казначейских облигаций США в структуре валютных резервов Китая (около 1,1 трлн долл.), а также диспаритет двустороннего торгового баланса, определяющий значительную зависимость США от импорта из КНР (отрицательное сальдо США во внешней торговле с КНР по итогам 2020 г. достигло 317 млрд долл. против 296 млрд долл. в 2019 г.)⁷.

Причины отсутствия прямой зависимости китайского и американского фондовых рынков обусловлены в основном особенностями финансовой модели Китая. В КНР действует финансовая система закрытого типа, ограничивающая приток иностранных инвестиций и акцентированная на всемерное использование внутренних инвестиционных ресурсов. Особенности такой политики проявляются в ряде регулятивных механизмов:

– ограниченная конвертируемость китайского юаня и закрытый счет учета операций с капиталом и финансовыми инструментами платежного баланса делают невозможным масштабный приток портфельных инвестиций из США на фондовый рынок Китая, в отличие от российского рынка, где с 2006 г. реализуется практика открытого счета операций с капиталом, в рамках которого нерезиденты могут свободно открывать и распоряжаться рублевыми счетами для осуществления финансовых операций, что привело к созданию в России финансового рынка открытого типа с присущими ему спекулятивностью, зависимостью от зарубежных портфельных инвестиций, в основном «горячих денег», которые массово покидают фондовые рынки при малейшем изменении международной финансовой конъюнктуры, оставляя их без необходимых финансовых ресурсов. Напротив, китайский фондовый рынок ни в коей мере не зависит от «горячих денег» из США;

– приток иностранных портфельных инвестиций на фондовый рынок Китая со стороны нерезидентов, а также оказание финансовых услуг иностранными компаниями на рынке ценных бумаг Китая крайне ограничены и допускаются исключительно в рамках системы квалифицированных иностранных институциональных инвесторов (КИИИ), статус которых присваивается транснациональным финансовым институтам, обладающим безупречной финансовой репутацией. Лицензия КИИИ позволяет иностранным инвестиционным компаниям и фондам осуществлять операции на фондовом рынке Китая (купля-продажа ценных бумаг, брокерские услуги, вложения в банковские депозиты). В настоящее время этот статус на территории КНР имеют порядка 300 финансовых институтов с общим объемом инвестиций свыше 110 млрд долл., что является достаточно незначительной величиной в масштабах местного рынка акций с капитализацией свыше 10 трлн долл. Необходимо также отметить, что доля портфельных капиталовложений в общей структуре иностранных инвестиций в КНР составляет менее 5%, что в целом значительно ограничивает их влияние на финансовый рынок страны.

6. *Лексютина Я.В.* Американо-китайские отношения в 2018–2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга // *Мировая экономика и международные отношения*, 2020. Т. 64. № 6. С. 85–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-85-93.

7. Объем торговли между КНР и США в 2020 году вырос на 8,3% // *ТАСС*. 14.01.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10455569> (дата обращения: 05.12.2021).

– с одной стороны, отсутствие акций и облигаций американских компаний на фондовом рынке Китая (в силу того, что на китайском фондовом рынке к листингу до сих пор допускаются только ценные бумаги китайских компаний) исключает прямое влияние финансового сектора США на биржевой рынок КНР. С другой стороны, на американском биржевом рынке котируются акции сотен китайских компаний с общей капитализацией свыше 1,5 трлн долл., их число непрерывно растет, что обуславливает определенную степень воздействия китайского рынка акций на фондовые биржи США. По данным Dealogic, китайские компании с 2012 г. заработали на IPO в США свыше 75 млрд долл.

Фактически имея карт-бланш от высшего руководства страны в условиях резкого обострения двусторонних отношений, в 2019 г. финансовые власти США инициировали процесс формирования нормативно-правовой базы, создающей юридические основания для делистинга китайских компаний с американских бирж. Важнейшим шагом в этом направлении стало принятие в конце 2020 г., на исходе срока полномочий администрации президента Д. Трампа, Закона о холдинговой отчетности иностранных компаний (HFCAA), в соответствии с которым в случае непредоставления иностранными компаниями аудиторских отчетов в течение трех лет подряд их акции, котирующиеся на биржах США, будут подвергнуты делистингу.

Экспертная проработка данного вопроса в целом была завершена в июле 2020 г., когда министерство финансов США опубликовало «Доклад о защите американских инвесторов от существенных рисков, связанных с китайскими компаниями», подготовленный рабочей группой президента США по финансовым рынкам. В документе, в частности, было предложено затруднить доступ на американские биржи для компаний-претендентов, расположенных в национальных юрисдикциях (включая Китай), проблемных с точки зрения доступа к рабочим аудиторским документам публичных компаний, уже имеющих листинг на биржах США. Авторы доклада также настоятельно рекомендовали, чтобы указанные компании выполнили требование о предоставлении отчетности Совету по надзору за бухгалтерским учетом публичных компаний (PCAOB — подразделение Комиссии по ценным бумагам и биржам США) к 1 января 2022 г.

Необходимо отметить, что впервые на законодательном уровне норма об обязательном аудите Советом PCAOB отчетности иностранных компаний, размещающих акции на биржах США, была введена в 2002 г. Однако китайские власти не разрешают Совету проводить аудит китайских и гонконгских компаний, ссылаясь на положения законодательства о тайне. Всего в США торгуются акции 224 компаний, у которых есть потенциальные препятствия для аудита Советом, из них 213 из Китая и Гонконга, включая такие гиганты, как Baidu, Alibaba и JD. Суммарная капитализация этих компаний составляет более 1,8 трлн долл.⁸.

Сенат Конгресса США в июне 2021 г. одобрил Закон об ускорении подотчетности иностранных компаний, который по сути является поправкой к Закону HFCAA. В настоящее время законопроект находится на рассмотрении в Палате представителей. В соответствии с документом предельный срок предоставления Совету аудиторских отчетов публичных иностранных компаний с листингом на биржах США сокращается с трех до двух лет, по истечении которых их акции могут быть подвергнуты делистингу⁹.

8. Flatley D. Bain B. Senate overwhelmingly approves bill to delist certain Chinese companies. Here's who it could affect // *Fortune*. 20.05.2020. URL: <https://fortune.com/2020/05/20/senate-delist-chinese-companies-china-business-government/> (дата обращения: 17.12.2021).

9. Franzeres J. Why 'Delisting' Is a Worry in China-U.S. Market Mess: QuickTake // *Bloomberg*. 27.07.2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-07-27/why-delisting-is-a-worry-in-china-u-s-market-mess-quicktake?sref=cus85deZ> (дата обращения: 08.12.2021).

Далее, 22 сентября 2021 г. Комиссия по ценным бумагам и биржам США (SEC) приняла новое правило (впервые предложенное в мае с последующим двухмесячным общественным обсуждением), в соответствии с которым все иностранные компании со штаб-квартирами в национальных юрисдикциях, препятствующих соблюдению положений финансового права США, будут автоматически признаны не соблюдающими американское законодательство. Эта норма крайне важна в плане применения Закона HFCAA, поскольку благодаря ей его действие будет направлено на компании по принципу места основной операционной деятельности, а не места юридической регистрации. Таким образом, закон напрямую затронет головные структуры крупнейших китайских холдинговых компаний, а не только их относительно небольшие по размеру офшорные организации, которые непосредственно зарегистрированы на биржах США.

Несмотря на то, что в документе напрямую не упоминается Китай, очевидно, что мера в первую очередь направлена на него. По оценкам SEC, Китай (включая Гонконг) — единственная страна, чье правительство практически полностью игнорирует требования финансовых регуляторов США в части раскрытия информации и предоставления отчетности публичных компаний.

На сегодня листинг в США имеют около 150 компаний со штаб-квартирой, расположенной в Китае, или осуществляющих в этой стране основную операционную деятельность. В их числе ряд крупнейших госкорпораций, таких как China Life, PetroChina, China Telecom, China Unicom и China Eastern Airlines. При этом около 90% китайских компаний с американским листингом относятся к частному сектору и представляют собой в основном динамичные высокорентабельные фирмы¹⁰.

В сентябре 2021 г. во время выступления в Сенате председатель SEC Гари Генслер заявил, что в начале 2022 г. он рассчитывает обнародовать список публичных компаний, аудиторы которых отказываются предоставить свои рабочие документы Совету РСАОВ, что создаст общественное давление и репутационные риски для соответствующих аудиторских фирм.

Ответные заявления китайской стороны в целом носят обтекаемый характер, вместе с тем выдержаны в примирительном ключе. Так, 20 августа 2021 г. на регулярном заседании Комитета по регулированию ценных бумаг КНР (CSRC) было заявлено, что Китай предпримет ряд политических мер для дальнейшего открытия своего рынка капитала при координации развития и безопасности. В частности, будут предприняты усилия по созданию условий для облегчения китайско-американского сотрудничества в области аудиторского надзора, углубления взаимосвязи между рынками материкового Китая и Гонконга и поддержки стабильного развития рынка капитала Гонконга¹¹.

Необходимо отметить, что китайско-американские разногласия в вопросе раскрытия информации существовали с момента введения в США положения об обязательном аудите иностранных компаний, однако накопленные за последние годы существенные убытки американских инвесторов в результате ее несоблюдения китайскими компаниями выдвинули этот вопрос на передний план регуляторной повестки США.

Более того, уже на протяжении ряда лет ведущие политические круги США обеспокоены многомиллиардными инвестициями американских инвесторов в акции китайских корпораций, возможными благодаря листингу последних на биржах США. Та-

10. *Wei Shang-Jin. America's Delisting Threat Could Pay Off // Project Syndicate. 25.05.2020. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/benefit-of-threatening-to-delist-chinese-companies-by-shang-jin-wei-2020-05?barrier=accesspaylog> (дата обращения: 23.12.2021).*

11. 中国证监会召开2021年系统年中监管工作会议 [Комитет по регулированию ценных бумаг КНР открыл полугодовое заседание 2021 г. по регулятивной и надзорной работе]. 20.08.2021. URL: http://www.csrc.gov.cn/pub/newsite/zjhxwfb/xwdd/202108/t20210820_403971.html (дата обращения: 05.12.2021).

ким образом, по их мнению, в значительной мере подрываются усилия технологических корпораций США в передовых высокотехнологичных сферах, включая разработки в сфере ИИ, больших данных, робототехники, беспилотных автомобилей и пр.

Вместе с тем непрозрачность китайских компаний позволяет им привлекать капитал в США в нарушение действующих регулятивных норм, американские же инвесторы не защищены от потери своих инвестиций в случае выявления этих нарушений¹².

Переломным в отношении американских регуляторов к этой проблеме стал случай с китайской сетью кофеен Luckin Coffee. Эта компания, основанная в Пекине в 2019 г. фактически как китайский аналог Starbucks, начала активное расширение в КНР: было открыто 2370 кофеен, а к началу 2020 г. по количеству точек планировалось обогнать Starbucks. Весной 2019 г. Luckin Coffee вышла на биржу NASDAQ с рыночной капитализацией 5,6 млрд долл.

Однако вскоре SEC обвинила Luckin Coffee в искажении финансовой отчетности и занижении показателя чистого убытка на 34%. На волне обвинений компания провела внутреннее расследование, которое выявило, что финансовые показатели со второго по четвертый квартал 2019 г. были завышены на 310 млн долл.

В результате скандала были уволены гендиректор и главный операционный директор компании, а биржа NASDAQ в апреле 2019 г. остановила торги акциями Luckin Coffee, цена которых обвалилась с 50 долл. (при капитализации 12,7 млрд долл.) до 4,4 долл. (при капитализации 731,5 млн долл.).

15 мая 2019 г. NASDAQ объявила, что торги акциями Luckin Coffee продолжатся до окончательного решения дисциплинарной биржевой комиссии. После возобновления торгов 20 мая цена акций компании упала до 2 долл.

По соглашению с SEC Luckin Coffee выплатила штраф в размере 180 млн долл. с целью урегулирования выдвинутых обвинений. Тем не менее, в июле ее акции были подвергнуты делистингу. Итоговые потери капитализации с начала разразившегося скандала в апреле составили 90%, или около 11 млрд долл.¹³.

В результате скандала с Luckin Coffee биржа NASDAQ приняла решение повысить для определенной категории компаний минимально допустимый объем финансовых сборов при проведении IPO до 25 млн долл. Вырученная компанией сумма также должна составлять не менее 25% ее рыночной капитализации после листинга. Соответствующие поправки в биржевом регламенте были одобрены SEC.

Новые требования касаются компаний из стран, в которых есть законы о тайне и другие правила, запрещающие американским регуляторам получать доступ к финансовым данным компании. Таким образом, Китай — основная страна, на которую направлены ограничения.

Биржа также потребует от таких компаний использовать услуги консультанта, компетентного в вопросах отчетности публичных компаний США, в случае если в их руководстве нет представителя с опытом работы в американской публичной компании.

По оценкам экспертов, новые требования NASDAQ в обозримой перспективе сократят количество IPO китайских компаний. Статистически это подтверждается данными поставщика финансовой информации Refinitiv, в соответствии с которыми за послед-

12. Klebnikov S. Chinese Companies Must Play By American Rules Or Be Banned From U.S. Exchanges, Senate Rules // *Forbes*. 20.05.2020. URL: <https://www.forbes.com/sites/sergeiklebnikov/2020/05/20/chinese-companies-must-play-by-american-rules-or-be-banned-from-us-exchanges-senate-rules/#55de84b855cb> (дата обращения: 05.12.2021).

13. Fioretti J., Mookerjee I. There's a Long Way to Go Before China Abandons U.S. Listings // *Bloomberg*. 21.05.2020. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-21/there-s-long-way-to-go-before-china-inc-abandons-u-s-listings?srnd=technology-vp&sref=I3J6d079> (дата обращения: 07.12.2021).

ние 20 лет из 155 китайских компаний, получивших листинг на бирже NASDAQ, 40 компаний в результате IPO привлекли менее 25 млн долл.¹⁴.

В августе 2021 г. глава SEC Гэри Гэнслер впервые публично заявил о рисках для инвесторов, связанных с компаниями с переменной долей участия (variable interest entity — VIE), после чего размещения китайских акций в США с использованием схемы VIE были приостановлены вплоть до решения проблем с раскрытием информации у соответствующих эмитентов.

В частности, SEC потребовала от таких компаний прояснить свои финансовые связи для инвесторов и раскрыть риски, с которыми они могут столкнуться в случае регулятивного давления со стороны правительства Китая.

Схема VIE долгие годы позволяла китайским компаниям обходить ограничения Пекина на размещение акций за рубежом для определенных секторов экономики. В частности, благодаря структуре VIE корпорации стратегических отраслей из КНР (интернет-технологий, добычи, частного образования, финансового сектора) могли проводить IPO в США или Гонконге в обход запрета, предусмотренного т.н. «негативным списком» («Специальными административными мерами для доступа иностранных инвестиций»¹⁵, принятыми Госсоветом КНР), а также без официального разрешения Комитета по регулированию ценных бумаг КНР (CSRC).

Термин VIE вошел в широкий оборот в 2000 г., когда корпоративные юристы впервые применили его для компании Weibo (китайского аналога Twitter), разместившей акции в США. В настоящее время на американских биржах зарегистрированы акции около 100 китайских компаний со структурой VIE, а многие из них одновременно имеют листинг в Гонконге. В частности, наиболее известные и крупнейшие китайские интернет-компании, такие как Tencent, Alibaba, Pinduoduo, Baidu, JD и NetEase, работают в рамках структуры VIE.

В общем плане схема VIE выглядит следующим образом: в преддверии IPO китайская компания создает фирму-посредника в одном из офшоров (в большинстве случаев на Каймановых островах) и заключает с ней договор о перечислении части будущей прибыли в обмен на средства, полученные в результате IPO на зарубежной бирже. Таким образом, именно эта компания-посредник и выходит на биржу, то есть формально на американских биржах торгуются бумаги, удостоверяющие право на долю в бизнесе и прибыли в офшорной, а не китайской компании¹⁶.

Вместе с тем эксперты постоянно отмечали потенциальные уязвимости подобной структуры с точки зрения интересов инвесторов, главная из которых заключается в том, что инвесторы приобретают ценные бумаги зарубежных компаний (VIE), которые не владеют базовыми активами операционных компаний. Таким образом, в случае финансовой реструктуризации инвесторы могут иметь ограниченные возможности для получения своих активов или денежного возмещения¹⁷.

14. Nasdaq to tighten requirements for companies seeking to list // *Financial Times*. 19.05.2020. URL: <https://www.ft.com/content/37849c96-a932-43cc-8d0a-77a21675fef6> (дата обращения: 05.12.2021).

15. На протяжении последних лет «негативный список» постоянно сокращается. В настоящее время он включает 33 пункта, ключевые из которых, 16–17, запрещают иностранный капитал в новостных интернет-сервисах, издательской деятельности, интернет-радио и интернет-телевидении.

16. *Chen L.Y. Surane J. China's Overseas IPOs // Bloomberg*. 28.12.2021. URL: <https://www.bloomberg.com/quicktake/chinas-fraught-ipo?sref=cus85deZ> (дата обращения: 29.12.2021).

17. *Klein J.X. US takes new step on delisting Chinese companies from stock exchanges for audit violations // South China Morning Post*. 23.09.2021. URL: <https://www.scmp.com/news/china/article/3149727/us-takes-new-step-delisting-chinese-companies-stock-exchanges-audit> (дата обращения: 25.12.2021).

Наиболее известный случай, когда риски непрозрачности схемы VIE реализовались, имел место в 2012 г., когда компания Alibaba вывела платежную систему Alipay за периметр группы компаний и перевела ее на баланс структуры, подконтрольной основателю Alibaba Джеку Ма. Корпорация Yahoo, которой на тот момент принадлежали 43% акций Alibaba Group, и Softbank с 30% акций не были оповещены о проведенной реструктуризации. Д. Ма позднее объяснил, что только таким образом можно было соблюсти требования китайских регуляторов. Вскоре доля Yahoo в Alibaba была выкуплена за незначительную сумму, а Softbank по-прежнему остается одним из крупнейших акционеров китайского интернет-гиганта¹⁸.

В отличие от широких масс частных инвесторов крупные институциональные инвесторы всегда осознавали специфические риски, связанные с использованием структуры VIE. Так, по данным исследования, опубликованного в 2017 г., рынки в среднем закладывали 30%-й дисконт в стоимость китайских компаний, использующих структуру VIE. Причем чем меньше были размер компании и ее доля бизнеса за рубежом, тем больше составлял дисконт. Факторами уменьшения дисконта являлись политические связи членов советов директоров, обслуживание одной из аудиторских компаний «Большой четверки» и значительная доля институциональных инвесторов в структуре акционерного капитала¹⁹.

По ряду причин в последние годы перспективные китайские компании стремились размещать акции в США, а не в Шанхае или Шэньчжэне. Во-первых, их иностранные институциональные и венчурные инвесторы не хотели подпадать под действие валютного контроля в Китае. Во-вторых, американский листинг китайской компании зачастую упрощает для нее доступ к кредитам и государственным субсидиям на родине.

Помимо этого на материковых китайских биржах действуют намного более жесткие требования к листингу, а процесс одобрения заявки регулятором является крайне длительным. Так, корпорации Amazon и Facebook не смогли бы выйти на биржу в Китае в период проведения своих IPO в США, поскольку их рентабельность на тот момент не соответствовала требованиям китайского регулятора²⁰.

Что касается Гонконгской биржи, в отличие от материковых бирж здесь нет контроля над потоками капитала, однако требования к листингу в ряде аспектов строже, чем в США. Например, если в США разрешено наделять акции различного класса неравными правами голоса (как в случае с акциями Alibaba и Didi), то в Гонконге ранее регулятор требовал, чтобы в структуре капитала компании любой отдельно взятый объем голосующих прав был эквивалентен доле акционерного участия. В мировой практике преобладает мнение о том, что диспаритет голосующих и финансовых прав способствует ухудшению корпоративного управления, поскольку создает для контролирующих акционеров потенциальную возможность обогащаться за счет сделок, совершаемых в ущерб остальным инвесторам.

Однако в попытке приблизить уровень своей конкурентоспособности к американским биржам Гонконгская фондовая биржа в 2018 г. разрешила технологическим и

18. *Дадашова К., Позычанюк В.* Крокодил в реке Янцзы: как Джек Ма построил самый дорогой финтех в мире и почему сорвалось его IPO // *The Bell*. 09.11.2020. URL: <https://thebell.io/krokodil-v-reke-yantszy-kak-dzhek-ma-postroil-samyj-dorogoj-finteh-v-mire-i-pochemu-sorvalos-ego-ipo> (дата обращения: 28.12.2021).

19. *Hopkins J., Lang M., Zhao D.* When Enron Met Alibaba: The Rise of VIEs in China // *Harvard Business School*. May 2017. URL: https://www.hbs.edu/faculty/Shared%20Documents/conferences/2017-imo/Mark_Lang_HLZ.pdf (дата обращения: 12.12.2021).

20. *Wang E.* Nasdaq to tighten listing rules, restricting Chinese IPOs // *Reuters*. 19.05.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-nasdaq-china-listings-exclusive/exclusive-nasdaq-to-tighten-listing-rules-restricting-chinese-ipos-sources-idUSKB№22V01Q> (дата обращения: 10.12.2021).

биотехнологическим компаниям подразделять акции на различные типы в американском стиле. Мера оказалась действенной, и с тех пор стало расти количество китайских компаний с листингом в Гонконге или с двойным листингом — в Гонконге и Нью-Йорке. Например, акции Tencent, крупнейшей в Китае компании в сфере социальных сетей, сначала были зарегистрированы в Гонконге, и лишь затем у них появился параллельный листинг в Нью-Йорке. В настоящее время коэффициент цена к прибыли (P/E — ключевой показатель при оценке акций, обращающихся на бирже) Tencent выше, чем у Facebook, её ближайшего американского аналога²¹.

Принимая во внимание потенциальные риски использования структуры VIE, власти КНР сохраняют за собой право признания данной схемы незаконной в отношении любой компании, акции которой уже торгуются на зарубежной бирже. В частности, к такому выводу пришли в юридической фирме Robins Kaplan Miller & Ciresi LLP в 2014 г. в результате анализа китайского коммерческого права. Подобный прецедент имел место еще в 2012 г., когда Верховный народный суд КНР расторг заключенное в рамках структуры VIE соглашение между гонконгским Minsheng Bank и его материковой материнской компанией, фактически лишив инвесторов гонконгского подразделения права на получение дивидендов по акциям²².

Возможны несколько сценариев массового делистинга китайских компаний с американских бирж. Худший, при этом маловероятный вариант для инвесторов, состоит в том, что компания обанкротится и её ценные бумаги станут бесполезными или же стоимость акций практически обнулится в результате активной распродажи в преддверии делистинга.

Вместе с тем существуют несколько более вероятных и позитивных сценариев. Первый сценарий реализуется в случае, если акции компании на момент ее делистинга торгуются на двух площадках — в США и на одной из китайских бирж. Тогда американские депозитарные расписки (АДР) будут обмениваться на акции, обращающиеся на китайских биржах (в Гонконге или материковом Китае). Например, в мае 2021 г. крупные инвесторы смогли обменять АДР китайских операторов связи China Mobile, China Telecom и China Unicom на гонконгские бумаги после их делистинга в США. С точки зрения соблюдения прав инвесторов подобная конвертация является наиболее предпочтительным вариантом²³.

Однако в указанном сценарии необходимо учитывать национальную юрисдикцию инвесторов. Например, российские инвесторы, вложившихся в АДР китайских компаний через российскую биржу, в случае их делистинга ожидает заморозка инвестиций, поскольку Московская и Санкт-Петербургская биржи пока не предоставляют своим членам прямой доступ к китайским биржам²⁴.

Второй сценарий актуален для китайских компаний, имеющих листинг только на биржах в США — их акции будут заморожены на неопределенный срок для инвесторов всех национальных юрисдикций.

21. *Wei Shang-Jin*. What if America Delists Chinese Firms? // *Project Syndicate*. 21.07.2021. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/america-threat-to-delist-chinese-firms-by-shang-jin-wei-2021-07?barrier=accesspaylog> (дата обращения: 05.12.2021).

22. *Millman G.J.* Alibaba's IPO Puts VIE Structure in the Spotlight // *Wall Street Journal*. 22.09.2014. URL: <https://www.wsj.com/articles/BL-252B-5198> (дата обращения: 27.12.2021).

23. *Ping C.K., Osipovich A.* NYSE to Delist Chinese Telecom Carriers After Rejecting Appeals // *Wall Street Journal*. 07.05.2021. URL: <https://www.wsj.com/articles/nyse-to-delist-chinese-telecoms-carriers-after-rejecting-appeals-11620394719> (дата обращения: 19.12.2021).

24. *Полянский Д.* На российских биржах появятся акции компаний из КНР и Гонконга // *РБК Инвестиции*. 04.06.2021. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/60b9116c9a794740d9e17b22> (дата обращения: 18.12.2021).

Третий сценарий предполагает возможность для инвесторов после делистинга распорядиться акциями на внебиржевом рынке США, где сделки проводятся напрямую, без участия бирж. Децентрализованные торги не подпадают под надзор регуляторов США. Требования для регистрации и торговли внебиржевыми акциями также менее строгие, чем на бирже. Однако в случае если регулятором будет введен запрет на приобретение определенных акций резидентами США (как это было в случае с China Mobile, China Telecom и China Unicom), внебиржевая торговля этими бумагами также станет невозможной²⁵.

И, наконец, существует сценарий обратного выкупа акций компаниями-эмитентами. В этом случае инвесторам, вероятно, придется зафиксировать убытки, поскольку в период времени после делистинга и до обратного выкупа акции могут потерять значительную часть стоимости. Так, в конце июля 2021 г. появились сообщения о том, что Didi, крупнейший китайский сервис заказа такси, рассматривает возможность обратного выкупа акций у инвесторов. Однако к тому времени бумаги подешевели на 37% в результате беспрецедентного регулятивного давления на компанию, начавшегося в июне 2021 г. (всего через несколько дней после очень крупного IPO Didi в США стоимостью 4,4 млрд долл.) в связи с выявленными проблемами безопасности данных в Интернете. Случай Didi вызвал серьезную озабоченность SEC, поскольку китайские регуляторы своими действиями фактически обрушили акции компании, в результате чего пострадали американские инвесторы²⁶.

После делистинга обратный выкуп собственных акций в большинстве случаев осуществляется компаниями посредством тендерного предложения с последующим повторным IPO на другой бирже. Однако такой подход может нанести существенный ущерб инвесторам, поскольку в рамках тендерного предложения оценка компании зачастую значительно ниже ее реальной рыночной стоимости. Необходимо также учитывать, что многие китайские компании, в том числе JD и Alibaba, используют двухклассовую систему акций, которая обеспечивает руководству большинство голосов, поэтому все прочие акционеры, включая иностранных, не смогут заблокировать заведомо невыгодное тендерное предложение.

Подобный вариант развития событий может вызвать противодействие со стороны американских компаний и фондов-акционеров китайских компаний. Например, Walmart владеет более 9% акций JD, инвестиционные фонды Blackrock и Vanguard входят в число крупнейших акционеров Alibaba, Baidu и той же JD²⁷.

В логику описанного сценария в целом укладывается модель делистинга, предложенная профессором права Гарвардского университета Джессом Фрайдом. По его мнению, власти Китая с помощью разных запретов постараются максимально снизить капитализацию китайских компаний с листингом в США, что позволит избранным китайским инвесторам крайне дешево провести их делистинг и приобрести первоклассные активы со значительной скидкой.

В качестве примера можно привести случай компании Qihoo 360, акции которой в 2015 г. были выкуплены за 9,3 млрд долл. группой частных китайских инвесторов во главе с президентом компании. Компания стала частной, покинув биржевую площадку в

25. Barrett E. What happens to an investor's shares when a company delists? // *Fortune*. 21.05.2020.

URL: <https://fortune.com/2020/05/21/delist-chinese-company-shares-what-happens/> (дата обращения: 22.12.2021).

26. How the delisting of Chinese firms on American exchanges might play out // *Economist*. 14.08.2021.

URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2021/08/14/how-the-delisting-of-chinese-firms-on-american-exchanges-might-play-out> (дата обращения: 11.12.2021).

27. Страх и ужас в акциях Китая. Разбираемся в ситуации // *Информационный портал «Смарт-лаб»*. 28.08.2021. URL: <https://smart-lab.ru/blog/719601.php> (дата обращения: 15.12.2021).

США. Через два года в 2017 г. компания снова стала публичной, проведя размещение на Шанхайской бирже, при этом её капитализация составила уже 56 млрд долл. Президент Qihoo 360 заработал на этой сделке 12 млрд долл. Аналогичные примеры делистинга с американской биржи с последующим, многократно большим по стоимости IPO на китайской бирже, представляют собой компании Mindray Medical и Wuxi Pharmatech.

На сегодняшний день массовый делистинг китайских компаний с американских бирж в результате дальнейшего ужесточения регулятивной инфраструктуры большинством экспертов все же рассматривается как маловероятный сценарий. Один из главных аргументов заключается в том, что регуляторы в США не склонны принимать решения, которые влекут за собой прямые потери для американских инвесторов, в то время как делистинг динамичных высокорентабельных китайских компаний может снизить доходность инвестиций американских инвесторов-представителей среднего класса, поскольку их пенсионным фондам, как правило, разрешено инвестировать средства только в ценные бумаги с листингом на биржах США.

Серьезные финансовые потери в случае делистинга также ожидают венчурных инвесторов, у которых быстрорастущие китайские стартапы традиционно пользуются популярностью. Большие убытки понесут инвестиционные банки-организаторы и спонсоры публичных размещений акций. Например, главными андеррайтерами IPO Didi были мировые флагманы инвестиционного бизнеса — Goldman Sachs, Morgan Stanley и JP Morgan Chase & Co. Американские фондовые биржи тоже потеряют значительную часть бизнеса. Тем временем большинство американских хедж-фондов, фондов взаимных инвестиций, а также крупные частные инвесторы по-прежнему смогут вкладываться в китайские компании с листингом в Гонконге и даже (хотя и с меньшим удобством и простотой) в компании с листингом на биржах материкового Китая.

Необходимо также учитывать, что к делистингу ряда компаний могут привести действия самих китайских властей, такие как беспрецедентное антимонопольное давление на сектор интернет-коммерции во главе с Alibaba, скандал вокруг Didi, перевод образовательных интернет-платформ в разряд некоммерческих организаций, т.е. фактически запрет для них на получение прибыли, а также ужесточение требований для сервисов по доставке еды.

Подобные действия китайского правительства можно объяснить, с одной стороны, интересами национальной кибербезопасности, с другой — стремлением переориентироваться с экспортной модели на экономику внутреннего потребления. В частности, жесткие антимонопольные меры, вероятно, принимаются с тем, чтобы уменьшить влияние технологических гигантов и таким образом повысить общую конкуренцию в секторе²⁸.

Подводя итог, можно прогнозировать, что в среднесрочной перспективе негативный международный фон для китайских активов будет нарастать, а интерес к ним глобальных инвесторов — постепенно падать. В целом рыночная оценка китайского бизнеса в рамках IPO приобретет тенденцию к снижению.

Новые регулятивные требования SEC к аудиту отчетности с 2022 г. заметно увеличат расходы китайских компаний на листинг в США. Для небольших (с капитализацией 1–3 млрд долл.) компаний это обстоятельство может стать дополнительным аргументом в пользу добровольного ухода с американских бирж.

28. *Компан И.* Зачем Китай убивает свои лучшие компании и что ждет инвесторов // *Финансовый портал «Минфин»*. 23.07.2021. URL: <https://minfin.com.ua/invest/articles/nad-kitayskimi-kompaniyami-sguschayutsya-tuchi-kak-eto-mozhet-pomoch-investoram/> (дата обращения: 23.12.2021).

Вместе с тем даже на фоне обострения китайско-американских отношений и принятия в США Закона о холдинговой отчетности иностранных компаний количество инновационных китайских компаний, стремящихся разместить свои акции на американских биржах, пока не снижается. Только за первые шесть месяцев 2021 г. первичное размещение акций на биржах США провели 36 китайских компаний — столько же, сколько за весь 2020 г. Причем IPO Didi (4,4 млрд долл.) стало вторым крупнейшим китайским размещением акций за рубежом после рекордного размещения Alibaba в 2014 г. (25 млрд долл.).

Литература

- Абрамов А.Е., Косырев А.Г., Радыгин А.Д., Чернова М.И. Опыт и уроки публичных размещений акций на фондовых рынках США, Китая и России // *Экономическое развитие России*, 2021. Т. 28. № 5.
- Гамза Л.А. Технологическое противостояние США и Китая в АТР // *Россия и АТР*, 2020. № 3(109). DOI: 10.24411/1026-8804-2020-10038.
- Дадашова К., Позычанюк В. Крокодил в реке Янцзы: как Джек Ма построил самый дорогой финтех в мире и почему сорвалось его IPO // *The Bell*. 09.11.2020. URL: <https://thebell.io/krokodil-v-reke-yantszy-kak-dzhek-ma-postroil-samuy-dorogoj-finteh-v-mire-i-pochemu-sorvalos-ego-ipo> (дата обращения: 28.12.2021).
- Компан И. Зачем Китай убивает свои лучшие компании и что ждет инвесторов // *Финансовый портал «Минфин»*. 23.07.2021. URL: <https://minfin.com.ua/invest/articles/nad-kitayskimi-kompaniyami-sguschayutsya-tuchi-kak-eto-mozhet-pomoch-investoram/> (дата обращения: 23.12.2021).
- Лексютина Я.В. Американо-китайские отношения в 2018–2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга // *Мировая экономика и международные отношения*, 2020. Т. 64. № 6. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-85-93.
- Перова М.К. Компании Китая в высокотехнологичных отраслях экономики США // *Пространственная экономика*, 2020. Т. 16. № 3. DOI: 10.14530/se.2020.3.139-155.
- Перова М.К. Прямые инвестиции Китая в США: современные тенденции и вопросы регулирования // *Законодательство и экономика*, 2017. № 2.
- Полянский Д. На российских биржах появятся акции компаний из КНР и Гонконга // *РБК Инвестиции*. 04.06.2021. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/60b9116c9a794740d9e17b22> (дата обращения: 18.12.2021).
- Сулян В.Б. Американо-китайские торгово-экономические отношения: причины кризиса и его перспективы // *Российский внешнеэкономический вестник*, 2019. № 9.
- Barrett E. What happens to an investor's shares when a company delists? // *Fortune*. 21.05.2020. URL: <https://fortune.com/2020/05/21/delist-chinese-company-shares-what-happens/> (дата обращения: 22.12.2021).
- Chen L.Y. Surane J. China's Overseas IPOs // *Bloomberg*. 28.12.2021. URL: <https://www.bloomberg.com/quicktake/chinas-fraught-ipos?sref=cus85deZ> (дата обращения: 29.12.2021).
- Fioretti J. Mookerjee I. There's a Long Way to Go Before China Abandons U.S. Listings // *Bloomberg*. 21.05.2020. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-21/there-s-long-way-to-go-before-china-inc-abandons-u-s-listings?srd=technology-vp&sref=I3J6d079> (дата обращения: 07.12.2021).
- Flatley D., Bain B. Senate overwhelmingly approves bill to delist certain Chinese companies. Here's who it could affect // *Fortune*. 20.05.2020. URL: <https://fortune.com/2020/05/20/senate-delist-chinese-companies-china-business-government/> (дата обращения: 17.12.2021).
- Franzeres J. Why 'Delisting' Is a Worry in China-U.S. Market Mess: QuickTake // *Bloomberg*. 27.07.2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-07-27/why-delisting-is-a-worry-in-china-u-s-market-mess-quicktake?sref=cus85deZ> (дата обращения: 08.12.2021).
- Hopkins J., Lang M., Zhao D. When Enron Met Alibaba: The Rise of VIEs in China // *Harvard Business School*. May 2017. URL: https://www.hbs.edu/faculty/Shared%20Documents/conferences/2017-imo/Mark_Lang_HLZ.pdf (дата обращения: 12.12.2021).

- Klebnikov S.* Chinese Companies Must Play By American Rules Or Be Banned From U.S. Exchanges, Senate Rules // *Forbes*. 20.05.2020. URL: <https://www.forbes.com/sites/sergeiklebnikov/2020/05/20/chinese-companies-must-play-by-american-rules-or-be-banned-from-us-exchanges-senate-rules/#55de84b855cb> (дата обращения: 05.12.2021).
- Klein J.X.* US takes new step on delisting Chinese companies from stock exchanges for audit violations // *South China Morning Post*. 23.09.2021. URL: <https://www.scmp.com/news/china/article/3149727/us-takes-new-step-delisting-chinese-companies-stock-exchanges-audit> (дата обращения: 25.12.2021).
- Millman G.J.* Alibaba's IPO Puts VIE Structure in the Spotlight // *Wall Street Journal*. 22.09.2014. URL: <https://www.wsj.com/articles/BL-252B-5198> (дата обращения: 27.12.2021).
- Ping C.K., Osipovich A.* NYSE to Delist Chinese Telecom Carriers After Rejecting Appeals // *Wall Street Journal*. 07.05.2021. URL: <https://www.wsj.com/articles/nyse-to-delist-chinese-telecoms-carriers-after-rejecting-appeals-11620394719> (дата обращения: 19.12.2021).
- Wang E.* Nasdaq to tighten listing rules, restricting Chinese IPOs // *Reuters*. 19.05.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-nasdaq-china-listings-exclusive/exclusive-nasdaq-to-tighten-listing-rules-restricting-chinese-ipos-sources-idUSKBN22V01Q> (дата обращения: 10.12.2021).
- Wei Shang-Jin.* America's Delisting Threat Could Pay Off // *Project Syndicate*. 25.05.2020. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/benefit-of-threatening-to-delist-chinese-companies-by-shang-jin-wei-2020-05?barrier=accesspaylog> (дата обращения: 23.12.2021).
- Wei Shang-Jin.* What if America Delists Chinese Firms? // *Project Syndicate*. 21.07.2021. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/america-threat-to-delist-chinese-firms-by-shang-jin-wei-2021-07?barrier=accesspaylog> (дата обращения: 05.12.2021).
- 中国证监会召开2021年系统年中监管工作会议 [Комитет по регулированию ценных бумаг КНР открыл полугодовое заседание 2021 г. по регулятивной и надзорной работе]. 20.08.2021. URL: http://www.csrc.gov.cn/pub/newsite/zjhxwfb/xwdd/202108/t20210820_403971.html (дата обращения: 05.12.2021).

ECONOMICS

Chinese Companies on the US Stock Exchanges in the Context of Aggravation of Sino-American Relations: the Relationship of the National Markets, Delisting Risks and Possible Scenarios

Ivan V. Vakhrushin

Ph.D. (Economics), Senior Research Scholar, Center for Asia Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (MEMO) (address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-6750-4620. E-mail: Ivmarin14@mail.ru.

Received 24.01.2022.

Abstract:

The article analyzes the relationship between national stock markets of China and the United States which results in conclusion about prevalence of indirect psychological connection between them. It also considers the issues related to future prospects of Chinese companies on the US stock exchanges and the risk of their delisting in the context of sharp aggravation of Sino-American relations and active actions of the US Securities and Exchange Commission (SEC), aimed at tightening the requirements for auditing, financial reporting and data disclosure by the US-listed foreign companies. The process of forming a new regulatory framework for delisting Chinese companies with adoption of the core Holding Financial Companies Accountable Act (HFCAA) is disclosed. The IPO scheme by Chinese companies through variable interest entities (VIE) is reflected, and related risks are identified. The competitive potential of national stock exchanges in terms of attracting Chinese IPOs is analyzed with conclusion about significantly stricter requirements and lengthy procedures on Chinese exchanges in comparison with American ones. It is assumed that presently the mass delisting of Chinese companies from American exchanges seems an unlikely scenario. At the same time, the full range of delisting scenarios is considered from the most preferred option for investors (conversion of American securities into shares on Chinese exchanges) to the worst (freezing of shares for an indefinite period).

The article was prepared within the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075–15–2020–783).

Key words:

Sino-American relations, Chinese foreign-listed companies, the US stock exchanges, foreign public companies data disclosure, Chinese companies delisting risks, US Securities and Exchange Commission (SEC), securities market regulatory framework, variable interest entities (VIE).

For citation:

Vakhrushin I.V. Chinese Companies on the US Stock Exchanges in the Context of Aggravation of Sino-American Relations: the Relationship of the National Markets, Delisting Risks and Possible Scenarios // *Far Eastern Studies*. 2022. No. 1. Pp. 96–110. DOI: 10.31857/S013128120018444-9.

References

- Abramov A.E., Kosyrev A.G., Radygin A.D., Chernova M.I.* Opyt i uroki publicnyh razmeshchenij akcij na fondovyh rynkah SSHA, Kitaya i Rossii [Experiences and Lessons of Public Offerings on the Stock Markets of the USA, China and Russia]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, 2021. T. 28. No. 5. (In Russ.).
- Barrett E.* What happens to an investor’s shares when a company delists? *Fortune*. 21.05.2020. URL: <https://fortune.com/2020/05/21/delist-chinese-company-shares-what-happens/> (accessed: 22.12.2021).
- Chen L.Y., Surane J.* China’s Overseas IPOs. *Bloomberg*. 28.12.2021. URL: <https://www.bloomberg.com/quicktake/chinas-fraught-ipos?sref=cus85deZ> (accessed: 29.12.2021).
- Dadashova K., Pozychanyuk V.* Krokodil v reke Yancy: kak Dzhek Ma postroil samyj dorogoj fintekh v mire i pochemu sorvalos' ego IPO [Crocodile in the Yangtze River: how Jack Ma built the most expensive fintech in the world and why his IPO failed]. *The Bell*. 09.11.2020. URL: <https://thebell.io/krokodil-v-reke-yantszy-kak-dzhek-ma-postroil-samyj-dorogoj-finteh-v-mire-i-pochemu-sorvalos-ego-ipo> (accessed: 28.12.2021). (In Russ.).
- Fioretti J., Mookerjee I.* There’s a Long Way to Go Before China Abandons U.S. Listings. *Bloomberg*. 21.05.2020. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-21/there-s-long-way-to-go-before-china-inc-abandons-u-s-listings?srd=technology-vp&sref=13J6d079> (accessed: 07.12.2021).
- Flatley D., Bain B.* Senate overwhelmingly approves bill to delist certain Chinese companies. Here's how it could affect. *Fortune*. 20.05.2020. URL: <https://fortune.com/2020/05/20/senate-delist-chinese-companies-china-business-government/> (accessed: 17.12.2021).
- Franzeres J.* Why ‘Delisting’ Is a Worry in China-U.S. Market Mess: QuickTake. *Bloomberg*. 27.07.2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-07-27/why-delisting-is-a-worry-in-china-u-s-market-mess-quicktake?sref=cus85deZ> (accessed: 08.12.2021).
- Gamza L.A.* Tekhnologicheskoe protivostoyanie SSHA i Kitaya v ATR [Technological Confrontation between the US and China in the Asia-Pacific Region]. *Rossiya i ATR*, 2020. No. 3(109). DOI: 10.24411/1026-8804-2020-10038. (In Russ.).
- Hopkins J., Lang M., Zhao D.* When Enron Met Alibaba: The Rise of VIEs in China. *Harvard Business School*. May 2017. URL: https://www.hbs.edu/faculty/Shared%20Documents/conferences/2017-imo/Mark_Lang_HLZ.pdf (accessed: 12.12.2021).
- Klebnikov S.* Chinese Companies Must Play By American Rules Or Be Banned From U.S. Exchanges, Senate Rules. *Forbes*. 20.05.2020. URL: <https://www.forbes.com/sites/sergeiklebnikov/2020/05/20/chinese-companies-must-play-by-american-rules-or-be-banned-from-us-exchanges-senate-rules/#55de84b855cb> (accessed: 05.12.2021).
- Klein J.X.* US takes new step on delisting Chinese companies from stock exchanges for audit violations. *South China Morning Post*. 23.09.2021. URL: <https://www.scmp.com/news/china/article/3149727/us-takes-new-step-delisting-chinese-companies-stock-exchanges-audit> (accessed: 25.12.2021).
- Kompan I.* Zachem Kitaj ubivaet svoi luchshie kompanii i chto zhdet investorov [Why is China killing its best companies and what awaits investors]. *Finansovyy portal «Minfin»*. 23.07.2021. URL: <https://minfin.com.ua/invest/articles/nad-kitayskimi-kompaniyami-sguschayutsya-tuchi-kak-eto-mozhet-pomoch-investoram/> (accessed: 23.12.2021). (In Russ.).
- Leksyutina YA.V.* Amerikano-kitajskie otnosheniya v 2018–2019 gg.: torgovaya vojna i process dekaplinga [US-China Relations in 2018–2019: Trade War and the Process of Decoupling]. *Mirovaya eko-*

- nomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020. T. 64. No. 6. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-85-93. (In Russ.).
- Millman G.J.* Alibaba's IPO Puts VIE Structure in the Spotlight. *Wall Street Journal*. 22.09.2014. URL: <https://www.wsj.com/articles/BL-252B-5198> (accessed: 27.12.2021).
- Perova M. K.* Kompanii Kitaya v vysokotekhnologichnyh otraslyah ekonomiki SSHA [Chinese Companies in US High-Tech Sectors]. *Prostranstvennaya ekonomika*, 2020. T. 16. No. 3. DOI: 10.14530/se.2020.3.139-155. (In Russ.).
- Perova M. K.* Pryamye investicii Kitaya v SSHA: sovremennye tendencii i voprosy regulirovaniya [China's Direct Investment in the United States: current trends and regulatory issues]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2017. No. 2. (In Russ.).
- Ping C.K., Osipovich A.* NYSE to Delist Chinese Telecom Carriers After Rejecting Appeals. *Wall Street Journal*. 07.05.2021. URL: <https://www.wsj.com/articles/nyse-to-delist-chinese-telecoms-carriers-after-rejecting-appeals-11620394719> (accessed: 19.12.2021).
- Polyanskij D.* Na rossijskikh birzhah poyavyatsya akcii kompanij iz KNR i Gonkong [Shares of companies from China and Hong Kong will appear on Russian stock exchanges]. *RBK Investicii*. 04.06.2021. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/60b9116c9a794740d9e17b22> (accessed: 18.12.2021). (In Russ.).
- Supyan V. B.* Amerikano-kitajskie torgovo-ekonomicheskie otnosheniya: prichiny krizisa i ego perspektivy [US-China Trade Relations: Causes of Crisis and Prospects]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*, 2019. No. 9. (In Russ.).
- Wang E.* Nasdaq to tighten listing rules, restricting Chinese IPOs. *Reuters*. 19.05.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-nasdaq-china-listings-exclusive/exclusive-nasdaq-to-tighten-listing-rules-restricting-chinese-ipos-sources-idUSKBN22V01Q> (accessed: 10.12.2021).
- Wei Shang-Jin.* America's Delisting Threat Could Pay Off. *Project Syndicate*. 25.05.2020. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/benefit-of-threatening-to-delist-chinese-companies-by-shang-jin-wei-2020-05?barrier=accesspaylog> (accessed: 23.12.2021).
- Wei Shang-Jin.* What if America Delists Chinese Firms? *Project Syndicate*. 21.07.2021. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/america-threat-to-delist-chinese-firms-by-shang-jin-wei-2021-07?barrier=accesspaylog> (accessed: 05.12.2021).
- 中国证监会召开2021年系统年中监管工作会议 [The China Securities Regulatory Commission Opens Semi-Annual Meeting on Regulatory and Supervisory Activities 2021]. 20.08.2021. URL: http://www.csrc.gov.cn/pub/newsite/zjhxwfb/xwdd/202108/t20210820_403971.html (accessed: 05.12.2021). (In Chin.).

Некоторые аспекты деятельности «политических» банков КНР на современном этапе

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120018450-6

Сербина Екатерина Михайловна

Аспирант Центра экономических и социальных исследований Института Дальнего Востока РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-7605-705X.
E-mail: serbinakate@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022.

Аннотация:

«Политические» банки КНР (Государственный банк развития Китая, Экспортно-импортный банк Китая и Банк развития сельского хозяйства Китая) созданы для финансирования национальных проектов внутри КНР и за рубежом. Банки играют важную роль в кредитовании «зеленых» и социальных проектов, льготном кредитовании малого и среднего бизнеса, в 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.) ожидается приток финансирования в научно-техническую сферу.

Для осуществления таких масштабных проектов «политические» банки нуждаются в постоянном притоке средств. В статье проведен анализ основных источников фондирования банков, среди которых главным для всех трех является выпуск облигаций и кредиты от Народного банка Китая, предоставляемые с целью последующего перекредитования. Эти источники характеризуются надежностью и постоянством, однако существуют и риски, включая лимитированность ресурсов ликвидности в целом, кредитование стратегически важных, но низкодоходных проектов, превалирование средне- и долгосрочного кредитования, подразумевающего долгий срок погашения займов, возрастающая конкуренция со стороны местных администраций, также наделенных правом выпуска облигаций, и другие факторы. Наличие достаточного количества капитала важно и по причине того, что эти банки играют роль одного из ключевых инструментов для контрициклического регулирования в процессе стабилизации экономики, когда через банки средства направляются в наиболее уязвимые отрасли, как это происходило в период пандемии.

Для повышения финансовой эффективности «политических» банков необходимо принятие отдельного закона об их деятельности, упор на развитие не только государственных, но и коммерческих проектов, предоставление региональным филиалам большей самостоятельности в поиске и выборе проектов с учетом местной специфики (в т. ч. за рубежом), диверсификация источников поступления ликвидности в банк, внедрение компенсации убытков в случае невозврата займов, совершенствование системы управления рисками и др. В целом назрела необходимость проведения следующего этапа банковской реформы, осуществление которого можно ожидать в 2022–2023 гг.

Ключевые слова:

Государственный банк развития Китая, Эксимбанк Китая, Банк развития сельского хозяйства Китая, «политические» банки, финансовые институты, контрициклическое регулирование.

Для цитирования:

Сербина Е.М. Некоторые аспекты деятельности «политических» банков КНР на современном этапе // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 111–126.

DOI: 10.31857/S013128120018450-6.

«Политические»¹ банки КНР — Государственный банк развития Китая (ГБРК), Экспортно-импортный банк Китая (Эксимбанк Китая), Банк развития сельского хозяйства Китая (БРСХК) — являются основными источниками финансирования значимых на-

1. Термин «политические» указывает на принадлежность государству и не означает вовлеченность банков в политику либо осуществление каких-либо политических функций. Все три банка контролируются Госсоветом КНР.

циональных проектов, играют важную роль в поддержании баланса современной финансовой системы Китая², выступают в качестве инструмента денежно-кредитной политики, в том числе как один из контрциклических регуляторов для поддержания стабильности экономики за счет выделения им средств Народным банком Китая для последующего перекредитования. Финансирование, предоставляемое этими банками, репрезентирует собой способ участия правительства в распределении денежных ресурсов в ответ на «рыночные сбои»³, а также способствует реализации внутренних и международных стратегических проектов⁴.

Основные источники фондирования «политических» банков

Масштабность стоящих перед «политическими» банками задач проявляется в том, что банки сосредоточены на финансировании крупных долгосрочных и среднесрочных проектов, предусматривающих большие объемы денежных вливаний и длительные сроки возврата ссуд. В этой связи представляется важным проанализировать механизм фондирования банков для понимания источников поступления денежных средств.

Главным ресурсом фондирования для всех трех банков выступает **выпуск облигаций**⁵. Облигации в основном выпускаются на межбанковском рынке и выкупаются коммерческими банками, есть примеры пилотных выпусков облигаций на биржах, в том числе на международном рынке облигаций (БРСХК в 2018 г. выпустил облигации на Люксембургской фондовой бирже), а также на внебиржевом рынке.

Облигации выпускаются в местной и в иностранных валютах, в долговом портфеле преобладают юаневые облигации на внутреннем рынке⁶. В 12-ю и 13-ю пятилетки доля облигаций в объеме привлеченных обязательств у «политических» банков превалировала и оставалась примерно на уровне 70%, в денежном эквиваленте наблюдался рост, наиболее очевидный у ГБРК — с 7359,5 млрд в 2015 г. до 10722,1 млрд юаней в 2020 г. (см. Диаграмма 1).

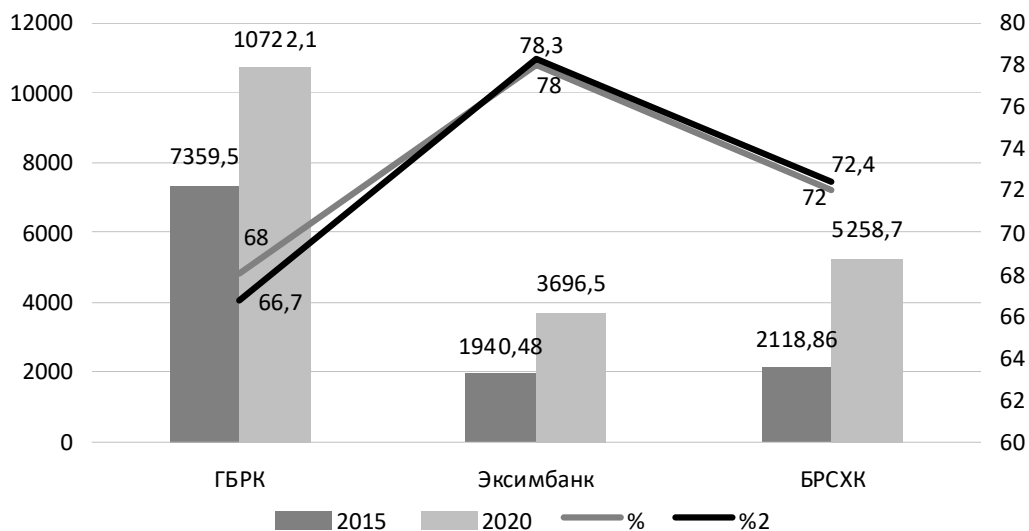
У ГБРК вторым по объему источником финансирования выступают депозиты финансовых институтов и клиентов (4046,8 млрд юаней в 2020 г.), клиентами выступают компании — юридические лица. На третьем месте — займы от правительства и финансовых институтов (499,1 млрд юаней в 2020 г.) (см. Таблица 1). Займы от правительства представляют собой кредиты под залог (pledged supplementary lending), предоставляемые

-
2. 余南平, 梁菁: 金融危机下政策性金融机构抗压能力研究—以美、德、日三国为例的比较 [Юй Наньпин, Лян Цзин. Исследование способности «политических» финансовых институтов противостоять давлению во время финансового кризиса. На примере США, Германии и Японии] // 华东师范大学学报, 2010年. 第 42 (05) 期. 第 105–112 页. URL: <https://kns.cnki.net/kns8/defaultresult/index> (дата обращения: 19.12.2021).
 3. 白钦先, 张坤: 政策性金融公共性与财政性公共性的比较研究 [Бай Циньсянь, Чжан Кунь. Сравнительное исследование политического финансирования и публичного финансирования] // 中央财经大学学报, 2014年. 第10期. 第 26–31 页. URL: <https://kns.cnki.net/KNS8/Detail?sfield=fn&QueryID=4&CurRec=1&recid=&FileName=ZYCY201410005&DbName=CJFD2014&DbCode=CJFD&ux=&pr=&URLID=> (дата обращения: 19.12.2021).
 4. «Политические» банки были созданы в 1994 г. для финансирования крупномасштабных проектов с государственным участием, также к ним перешла функция политического финансирования, которую ранее выполняли коммерческие банки с госучастием (преимущественно Торгово-промышленный банк Китая, Сельскохозяйственный банк Китая, Строительный банк Китая и Банк Китая).
 5. Савинский С.П., Смахтин Д.А. Банки развития Китая // *Деньги и кредит*, 2007. № 5. С. 63–68.
 6. Вдовин А.Н. Модели фондирования банков развития Китая и Японии: уроки для России // *Проблемы Дальнего Востока*, 2017. № 4. С. 24–40.

через Комитет по контролю и управлению банковской и страховой деятельностью КНР, Народный банк Китая, Минфин КНР для последующего перекредитования⁷.

Диаграмма 1 / Chart 1

Доля облигаций в объеме привлеченных обязательств ГБРК, Эксимбанка Китая, БРСХК на конец 12-й и 13-й пятилеток (2015, 2020 гг., млрд, юани)
The share of bonds in the volume of attracted liabilities for CDB, Eximbank of China, ADBC by the end of the 12th and 13th Five-Year Plans

Составлено и рассчитано по: Вдовин А.Н. Модели фондирования банков развития Китая и Японии: уроки для России // Проблемы Дальнего Востока, 2017. № 4. С. 24–40; 中国开发银行年度报告2015–2020年 [Годовые отчеты ГБРК за 2015, 2020 гг.]. 北京, 2015, 2020. URL: http://www.cdb.com.cn/English/gykh_512/ndbg_jx/2019_jx/ (дата обращения: 19.12.2021); 中国进出口银行年度报告2015, 2020年 [Годовые отчеты Эксимбанка Китая 2015, 2020 гг.]. 北京, 2015, 2020. URL: <http://english.eximbank.gov.cn/News/AnnualR/2019/> (дата обращения: 19.12.2021); 中国农业发展银行2015, 2020年 [Годовые отчеты БРСХК 2015, 2020 гг.]. 北京, 2015, 2020. URL: <http://www.adbc.com.cn/en/n1064/n1071/index.html> (дата обращения: 19.12.2021).

В 2020 г. у Эксимбанка Китая выросли в более чем 2,4 раза займы от Народного банка Китая, который в связи с пандемией в рамках принимаемых правительством мер увеличил предоставление льготных займов финансовым институтам. По причине пандемии почти в два раза по сравнению с 2019 г. снизился объем депозитов от других финансовых институтов (с 801,9 млрд до 462,3 млрд юаней) и в 8 раз с 22,4 млрд до 2,7 млрд юаней снизился объем платы за использование средств, которые Эксимбанк привлек в долг (проценты к уплате). Основным источником фондирования у Эксимбанка остались выпущенные облигации (см. Таблица 2).

7. С 2014 г. НБК начал выдавать такие кредиты «политическим» банкам, кредиты являются беспеченными, т.е. требуют залоговых активов.

Таблица 1 / Table 1

Основные источники фондирования ГБРК в 2015–2020 гг. (млрд, юани)
Main sources of CDB's funding during 2015–2020 (bln, RMB)

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Займы правительства и финансовых институтов	361,2	361,8	366,9	428,3	458,7	499,1
Депозиты финансовых институтов и клиентов*	3360,4	4390,8	5334,7	4900,3	4514,6	4046,8
Долговые ценные бумаги и субординированные облигации	7359,5	7898,5	8446,6	9108,4	9735,8	10722,1
Прочее	468,3	526,7	570,6	442,1	401,7	354,9
Всего	11549,4	13177,8	14718,8	14879,1	15110,8	15622,9

Источники: 中国开发银行年度报告2015–2020年 [Годовые отчеты ГБРК за 2015–2020 гг.]. 北京, 2015–2020. URL: http://www.cdb.com.cn/English/gykh_512/ndbg_jx/2019_jx/ (дата обращения: 19.12.2021).

* «Политические» банки имеют право открывать депозиты компаниям — юридическим лицам.

Таблица 2 / Table 2

Основные источники фондирования Эксимбанка Китая в 2015–2020 гг.
Main sources of Eximbank of China's funding during 2015–2020 (bln, RMB)

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Займы Народного банка Китая	7,9	70,0	174,9	198,2	121,2	294,4
Депозиты банков и других финансовых институтов	381,3	420,8	415,8	765,5	801,9	462,3
Межбанковские заимствования	75,3	51,1	59,8	48,3	88,1	67,1
Выпущенные производные финансовые инструменты (деривативы)	1,7	8,3	6,1	6,4	9,5	6,6
Репо	4,3	5,0	4,9	2,7	24,9	7,5
Депозиты клиентов	81,5	156,2	175,5	225,2	179,8	157,8
Проценты к уплате	2,7	4,2	5,3	9,1	22,4	2,7
Облигации	1940,5	2266,9	2470,8	2599,5	2978,4	3696,5
Прочее	28,9	37,7	26	30,6	29,1	29,5
Всего	2524,1	3020,2	3339,1	3885,5	4255,3	4724,4

Источники: 中国进出口银行年度报告2015–2020年 [Годовые отчеты Эксимбанка Китая 2015–2020 гг.]. 北京, 2015–2020. URL: <http://english.eximbank.gov.cn/News/AnnualR/2019/> (дата обращения: 19.12.2021).

У БРСХК также превалирует фондирование за счет выпуска облигаций, вторым источником являются депозиты банков и других финансовых институтов (см. Таблица 3). Объем выпуска облигаций значительно увеличился в 2020 г. по сравнению с 2019 г. — на 748,8 млрд юаней в связи с необходимостью привлечения средств для борьбы с пандемией и ее последствиями, также наблюдался заметный рост заимствований от НБК (на 95,9 млрд юаней) на фоне резкого сокращения депозитов от других банков и иных финансовых институтов — с 285,5 млрд до 1,4 млрд юаней.

В 13-ю пятилетку «политические» банки наращивали объем выпуска «зеленых» облигаций. В 2016 г. БРСХК выпустил «зеленых» облигаций на сумму в 1 млрд юаней, ГБРК — на 3 млрд юаней, в 2020 г. ГБРК увеличил объем до 15 млрд юаней.

Таблица 3 / Table 3

Основные источники фондирования БРСХК в 2015–2020 гг. (млрд, юани)
Main sources of ADBC's funding during 2015–2020 (bln, RMB)

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Заемствования от Народного банка Китая	305,8	562,0	694,2	678,4	681,4	777,3
Депозиты банков и других финансовых институтов	63,8	25,3	14,3	285,2	285,5	1,4
Депозиты	863,6	1429,1	1452,9	1388,6	1213,7	1069,9
Облигации	2750,1	3389,0	3813,1	4201,4	4509,9	5258,7
Прочее	101,1	92,3	111,4	145,6	145	159,4
Всего	4084,4	5497,7	6085,9	6699,2	6835,5	7266,7

Источники: 中国农业发展银行2015–2020年 [Годовые отчеты БРСХК 2015–2020 гг.]. 北京, 2015–2020. URL: <http://www.adbc.com.cn/en/n1064/n1071/index.html> (дата обращения: 19.12.2021).

Еще одним источником фондирования выступают **государственные вливания в капитал** «политических» банков⁸. Уровень достаточности капитала важен для покрытия значимых рисков, финансовой устойчивости банка. Также это значимо для соответствия внутренним требованиям⁹ и потенциально международным требованиям, выдвигаемым Базельским комитетом по банковскому надзору к нормативам достаточности капитала банков (Базель III, 2010 г.)¹⁰ — 8%. В настоящее время уставной капитал ГБРК составляет 421,2 млрд юаней, коэффициент достаточности капитала — 11,57%, Эксимбанка Китая — 150 млрд юаней, коэффициент достаточности капитала — 12,77%, БРСХК — 57 млрд юаней, коэффициент достаточности капитала — 5,03%¹¹. Стоимость этих средств и связанные с ними риски, как правило, минимальны, не достаточны для обеспечения последующей деятельности банка.

8. 彭洪寿: 当前我国政策性银行的资金来源问题研究—以中国农业发展银行为例 [Пэн Хуншоу. Исследование источников фондирования «политических» банков Китая. На примере Банка развития сельского хозяйства Китая] // 中国商论, 2020 年. 第14 期. 第42–44页.
URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2020&filename=ZGSM202014016&uniplatform=NZKPT&v=1wFayhMuEtxCnHqM11ARLTENyQhoV0i6Qd2u2ACBYxDMhLLnxLrQpbX2KETIyMc> (дата обращения: 19.12.2021).
9. Согласно требованиям Комитета по контролю и управлению банковской и страховой деятельностью КНР, уровень достаточности капитала для коммерческих банков составляет 10,5%, для «большой четверки» (Торгово-промышленный банк Китая, Банк Китая, Строительный банк Китая, Банк развития сельского хозяйства Китая) — 11,5%, текущий средний уровень — 14,5%. Для «политических» банков можно предположить желательный уровень в 11,5%.
10. Китай является страной-членом Базельского комитета по банковскому надзору. Сейчас Базельские нормативы к «политическим» банкам не применяются, однако в исследованиях поднимаются вопросы о ситуации, если требования начнут распространяться на эти банки в связи с увеличением их влияния на международной финансовой арене. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09538259.2021.1977541> (дата обращения: 19.12.2021).
11. У БРСХК очевидно низкий показатель, и правительство заявляет о внимании к проблеме и понимании ее наличия. Например, в 2015 г. Минфин КНР произвел прямое вливание в капитал банка 37 млрд юаней, доведя его до 57 млрд юаней. В 2017 г. Комитет по контролю и управлению банковской и страховой деятельностью КНР подготовил пакет мер по регулированию и надзору за деятельностью БРСХК, среди которых упоминалась и проблема достаточности капитала.

Следующим источником финансирования являются **депозиты**. В отличие от коммерческих банков, имеющих возможность принимать депозиты от населения, «политические» банки ограничиваются корпоративными и межбанковскими депозитами.

Еще одним ресурсом финансирования выступают **средства в виде кредитов от НБК**. «Политические» банки ориентированы на предоставление долгосрочного и среднесрочного кредитования государственных проектов, что подразумевает низкую эффективность, длительные сроки получения прибыли, с одной стороны, и высокие риски, с другой. В связи с этим, «политические» банки получают кредиты от НБК по ставкам ниже, чем коммерческие банки. Среди предоставляемых кредитов есть кредиты под залог, их использование позволяет банку иметь ликвидность для решения стратегических задач, поставленных государством и направленных на наиболее нуждающиеся отрасли, что означает высокие риски и долгий срок возврата вложенных средств. Остаток задолженности трех банков к августу 2021 г. составил 2910,5 млрд юаней¹², что более чем в 1,5 раза больше показателя марта 2016 г. — 1260,3 млрд юаней¹³. Постоянное увеличение задолженности по таким кредитам свидетельствует о том, что использование данного способа получения средств является малоэффективным и целесообразно к применению исключительно в чрезвычайных ситуациях, как это было сделано в период пандемии. Помимо вышеперечисленных ресурсами фондирования выступают репо, деривативы и другие источники.

«Политические» банки слишком полагаются на эмиссию облигаций, однако на рынке есть много внешних факторов, которые влияют на их доходность. Кроме того, «политические» банки ограничены в источниках получения денежных средств¹⁴. Существует тенденция к увеличению объема кредитования малого и среднего бизнеса, что потенциально может сократить кредитные средства банков, местные власти также выпускают государственные облигации, что приведет к пересмотру облигационной политики по причине возрастающей конкуренции.

Китайское правительство предпринимает усилия для того, чтобы стимулировать привлечение иностранного финансирования для «политических» банков¹⁵. В апреле 2021 г. ГБРК и БРСХК получили право выпускать облигации без андеррайтинга (underwriting), элиминировав тем самым функцию андеррайтера (посредник). В результате иностранные инвесторы получили возможность покупать облигации напрямую у банков без посредников, что означает удешевление ресурсов, сокращение времени оформления сделок и др.

12. 2021年8月抵押补充贷款发展情况 [Ситуация с задолженностью по залоговым кредитам на август 2021 г.] // 中央银行货币政策司. URL: <http://www.pbc.gov.cn/zhengcehuobisi/125207/125213/2161446/2161457/4329873/index.html> (дата обращения: 19.12.2021).

13. 央行: 8月国家开发银行、中国进出口银行、中国农业发展银行净归还抵押补充贷款1046亿元 [Народный банк Китая: Остаток задолженности ГБРК, Эксимбанка Китая, БРСХК в августе составил 104,6 млрд юаней] // 新浪财经. 01.09.2021. URL: <https://finance.sina.cn/2021-09-01/detail-iktzscyx1681456.d.html> (дата обращения: 19.12.2021).

14. 王国刚, 董裕平: 中国金融体系改革的系统构想 [Ван Гоган, Дун Юйпин. Концепция реформы финансовой системы Китая] // 经济学动态, 2015年. 第3期. 第9–21页. URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2015&filename=JXD201503003&uniplatform=NZKPT&v=Qa5HER4SswZtOclZzJjoyTnz4wiyiflJ6eR-cXlYyzYsW76tORwZq15nXX4OF706> (дата обращения: 19.12.2021).

15. Zhang Yuzhe, Luo Meihan. China Policy Banks Test New Bond Issuance Program, Spelling Bad News for Middlemen // *Caixin Global*. 30.04.2021. URL: <https://www.caixinglobal.com/2021-04-30/china-policy-banks-test-new-bond-issuance-program-spelling-bad-news-for-middlemen-101704702.html> (дата обращения: 19.12.2021).

Роль «политических» банков в качестве инструмента контрциклического регулирования

Вопрос фондирования «политических» банков также важен в связи с тем, что они используются в качестве одного из инструментов контрциклического регулирования в процессе экономических преобразований¹⁶. Во время финансовых кризисов 2007–2008 и 2014–2015 гг. эти банки существенно наращивали объем активов, особенно в период 2014–2015 гг. (см. Таблица 4), за счет залоговых кредитов, которые в рамках контрциклических мер предоставлял НБК. В 2014 г. объем кредита составил 381,3 млрд юаней, в 2015–2018 гг. — от 600 млрд до 1 трлн юаней¹⁷. Например, активы ГБРК в 2015 г. увеличились по сравнению с 2014 г. на 22,32% до 12,619 трлн юаней.

Таблица 4 / Table 4

**Динамика роста активов «политических» банков в 2012–2019 гг. (трлн, юани)
Policy banks' assets growth during 2012–2019 (trln, RMB)**

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
ГБРК	7,5	8,2	10,3	12,6	14,4	15,9	16,2	17,1
Эксимбанк	1,6	1,8	2,4	2,8	3,4	3,6	4,2	5,04
БРСХК	2,3	2,6	3,2	4,2	5,6	6,2	6,8	7,01

Источники: 中国开发银行年度报告2012–2019年 [Годовые отчеты ГБРК за 2012–2019 гг.]. 北京, 2012–2019. URL: http://www.cdb.com.cn/English/gykh_512/ndbg_jx/2019_jx/ (дата обращения: 19.12.2021); 中国进出口银行年度报告2012–2019年 [Годовые отчеты Эксимбанка Китая 2012–2019 гг.]. 北京, 2012–2019. URL: <http://english.eximbank.gov.cn/News/AnnualR/2019/> (дата обращения: 19.12.2021); 中国农业发展银行2012–2019年 [Годовые отчеты БРСХК 2012–2019 гг.]. 北京, 2012–2019. URL: <http://www.adbc.com.cn/en/n1064/n1071/index.html> (дата обращения: 19.12.2021).

В сентябре 2019 г. на заседании Комитета по финансовой стабильности и развитию КНР было объявлено об углублении реформы «политических» банков, их использования в роли контрциклического регулятора. Примером таких мер стал факт предоставления НБК займа в объеме 24,6 млрд юаней в виде кредитования под залог для последующего финансирования проектов. Существует экспертное мнение о том, что денежные средства используются для финансирования частных предприятий. Это является продолжением реформы банков по расширению их функций кредитования не только масштабных проектов, но и микро-, малых и средних предприятий. Для повышения эффективности финансирования последних необходимо разрабатывать новые модели, в т.ч. и такую, где эти банки становятся посредниками между государством и частным бизнесом. Возобновление кредитования под залог и является примером применения такой схемы.

Банки сохраняют стабильную позицию по объему активов — в 2017 г. совокупные активы трех банков составляли 25,53 трлн юаней (10,11% от всех банковских финан-

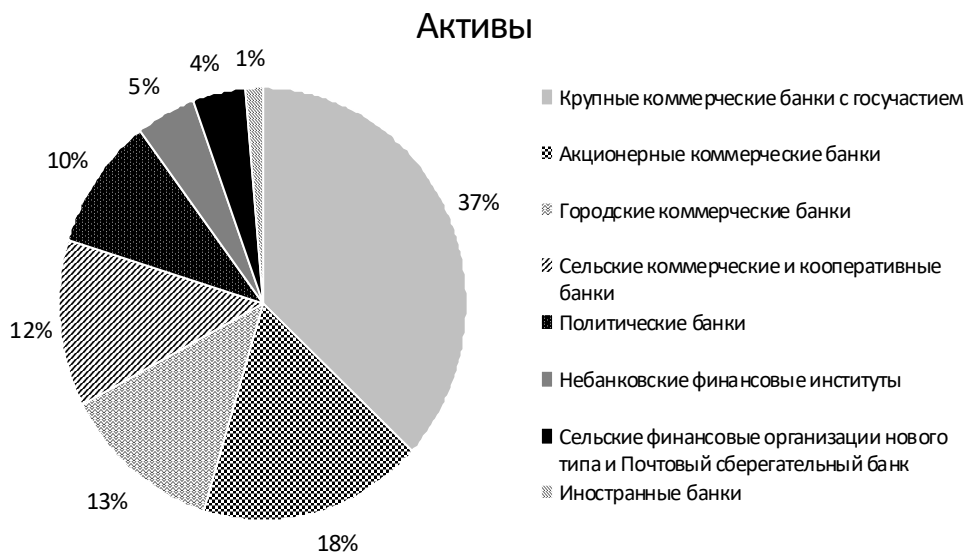
16. Контрциклическое регулирование применяется Центробанками (включая Народный банк Китая) в качестве одного из типов денежно-кредитной политики с учетом цикличности развития экономики для того, чтобы избежать кризисных явлений в экономике.

17. 陈彦达: 政策性银行逆周期调节作用发挥研究 [Чэнь Яньда. Исследование роли «политических» банков в контрциклическом регулировании] // 企业经济, 2020年. 第39(12)期. 第 154–160页. URL: <https://kns.cnki.net/KNS8/Detail?sfid=fn&QueryID=15&CurRec=1&recid=&FileName=QUIT202012019&DbName=CJFDLAST2021&DbCode=CJFD&yx=A&pr=&URLID=36.1004.F.20201208.1353.018> (дата обращения: 19.12.2021).

совых институтов) (см. Диаграмма 2), в 2018 г. они достигли 27,22 трлн юаней (10,16% всех банковских финансовых институтов Китая), объем кредитов в иностранной и национальной валютах превысил 20,2 трлн юаней (14,25% всех банковских кредитов). На конец 2019 г. объем активов превысил 29,24 трлн юаней.

Диаграмма 2 / Chart 2

Объемы активов банковских финансовых институтов КНР (сентябрь 2017 г.)
The volume of assets of the PRC's banking financial institutions (September 2017)

Источник: Цзя Сун. Банковская система в ходе экономической реформы КНР (конец XX — начало XXI в.) / автореферат дисс. канд. экон. наук: 08.00.14 [Место защиты: Ин-т Дальнего Востока РАН].

По мнению китайских экспертов, в настоящее время «политические» банки главным образом используются в качестве инструмента поддержания и стимулирования экономики в двух ролях: предоставление недорогого адресного финансирования (抬 — *тай*, подъем) и избавление от долгового риска посредством участия в долговых свопах для снижения высокого кредитного плеча и ослабления давления на предприятия-должников (化 — *хуа*, урегулирование)¹⁸.

Ключевыми проблемами, оказывающими существенное влияние на эффективное привлечение «политических» банков в качестве инструментов контрциклических мер, являются: 1) несоответствие сроков погашения активов и пассивов, операционных расходов с доходами; 2) разделение на политически и коммерчески ориентированные задачи.

Банки кредитуют преимущественно инфраструктурные, социально значимые проекты, период окупаемости которых достигает нескольких десятков лет. Наличие лик-

18. 陈彦达: 政策性银行逆周期调节作用发挥研究 [Чэнь Яньда. Исследование роли «политических» банков в контрциклическом регулировании] // 企业经济, 2020年. 第39(12)期. 第 154–160页. URL: <https://kns.cnki.net/KNS8/Detail?sfid=fn&QueryID=15&CurRec=1&recid=&FileName=QUIT202012019&DbName=CJFDLAST2021&DbCode=CJFD&yx=A&pr=&URLID=36.1004.F.20201208.1353.018> (дата обращения: 19.12.2021).

видности в банке пополняется в основном за счет средств, полученных от выпуска облигаций, но доля непогашенных долговых бумаг превышает 50%. В 2018 г. доля непогашенных долговых бумаг, выпущенных ГБРК, составила 61,22%, БРСХК — 62,72%, Эксимбанком Китая — 66,9% от общего числа выпущенных. Средний срок погашения по долговым бумагам за период с апреля 1994 г. по май 2020 г. составил 5,89 лет, а объем облигаций со сроком погашения более 10 лет составляет 3,19% (см. Таблица 5), что указывает на несоответствие сроков погашения активов и пассивов и ведет к тому, что полученные средства от новых выпусков ценных бумаг идут не на проекты, а на погашение имеющихся долговых обязательств.

Таблица 5 / Table 5

**Сроки погашения долговых бумаг «политических» банков
Policy banks' debt securities maturity period**

Срок погашения	Объем выпуска (млрд, юани)	% от общего объема
1 год и менее года	6021,6	15,6
1–5 лет	17049,3	44,2
5–10 лет	14264,8	37,0
10–20 лет	942,5	2,4
Более 20 лет	290,9	0,8
Общий объем	38569,1	100

Источник: 陈彦达: 政策性银行逆周期调节作用发挥研究 [Чэнь Яньда. Исследование роли «политических» банков в контрциклическом регулировании] // 企业经济, 2020 年. 第39(12)期. 第 154–160 页. URL: <https://kns.cnki.net/KNS8/Detail?sfield=fn&QueryID=15&CurRec=1&recid=&FileName=QUIT202012019&DbName=CJFDLAST2021&DbCode=CJFD&ух=A&pr=&URLID=36.1004.F.20201208.1353.018> (дата обращения: 19.12.2021).

Председатель Комитета по контролю и управлению банковской и страховой деятельностью КНР Го Шудин отмечал в планах на 2020 г., что кредиты «политических» банков малым и средним предприятиям вырастут на 1 трлн юаней по сравнению с 2019 г., финансирование будет осуществляться через региональные банки путем перекредитования. В результате увеличиваются активы банка (за счет выданных кредитов) и создается недостаток пассивов, в то время как соотношение доли активов и пассивов (баланс) является основным показателем устойчивости банков.

Купонная ставка пятилетних облигаций «политических» банков ниже, чем у коммерческих банков, но выше, чем у государственных (казначейских) облигаций. В феврале-марте 2020 г. спред между ставками специальных облигаций, выпущенных «политическими» банками на нужды борьбы с коронавирусом, и казначейскими облигациями сузился, так как облигации «политических» банков выпускались по специальным льготным (низким) ставкам. 5 февраля 2020 г. БРСХК выпустил специальные однолетние облигации со ставкой 1,88%, 19 февраля того же года Министерство финансов КНР выпустило однолетние облигации со ставкой 1,86%. При этом средневзвешенная процентная ставка по облигациям «политических» банков в 2020 г. по-прежнему превышала 3%.

Во время пандемии китайское правительство использовало широкий спектр мер для стимуляции экономики¹⁹, вновь проявилась значимая роль «политических» банков в поддержании стабильности экономики. О важности «политических» финансов как

19. Новоселова Л.В. Экономика КНР: испытание на прочность // Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016—2020) / Рос. Акад. Наук, Ин-т Дальнего Востока; сост. П.Б. Каменнов; отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 262–277.

контрциклического регулятора в условиях пандемии говорил в феврале 2020 г. председатель КНР Си Цзиньпин.

«Политические» банки в этот период выступили в роли инструмента для поддержания экономической стабильности, хеджирования рисков, став основным источником льготного финансирования. Например, БРСХК за первые шесть месяцев 2020 г. выдал новых кредитов на 459,0 млрд юаней, что превысило весь объем новых ссуд (455,2 млрд юаней), выданных в 2019 г.²⁰.

За период пандемии «политические» банки выделили значительное количество средств в качестве займов, в то же время объем непогашенных ссуд увеличился, что ведет к возникновению проблем с ликвидностью и трудностям в изыскании средств для продолжения непрерывного процесса финансирования. Например, у Эксимбанка Китая в 2020 г. наблюдалось падение чистого процентного дохода почти в два раза (из-за низкого уровня выплат процентов по кредитам), с 16,899 млрд в 2019 г. до 7,458 млрд юаней в 2020 г., непогашенный остаток по внешнеэкономическим кредитам вырос на 189,6 млрд по сравнению с началом 2020 г. до 1,4 трлн юаней.

«Политические» банки выдают кредиты в основном под проекты, где не превагирует коммерческая составляющая, содержащая высокие операционные и кредитные риски. Особенно эта тенденция проявилась во время пандемии, когда банки стали получать средства от НБК для последующего перекредитования. 31 января 2020 г. с этой целью НБК выдал банкам (в том числе «политическим») специальный кредит в объеме 300 млрд юаней для борьбы с пандемией. В процессе перекредитования кредитная ставка для предприятий и организаций, вовлеченных в борьбу с коронавирусом и/или пострадавших от пандемии, составила 1,28%. БРСХК дополнительно субсидировал ставку до 1,18%²¹.

Это означает, что БРСХК, выдавая кредиты по столь низким ставкам, не может рассчитывать на большой объем прибыли, что негативно повлияет не только на сам банк, но и на его роль в контрциклическом регулировании. Пример наглядно свидетельствует, что «политические» банки, выполняя стратегические и неориентированные на быструю прибыль задачи, испытывают недостаток источников стабильного фондирования и нуждаются в постоянной подпитке со стороны государства.

Наряду с финансированием стратегических проектов возрастает внимание «политических» банков к коммерческой составляющей проектов, их рентабельности²²,

-
20. 中国农业发展银行统筹推进疫情防控和经济社会发展 [Банк развития сельского хозяйства Китая координирует и стимулирует профилактику и контроль за эпидемией и социально-экономическое развитие]. 31.08.2020. URL: <http://www.adbc.com.cn/n5/n15/c39516/content.html> (дата обращения: 19.12.2021).
21. 陈彦达: 政策性银行逆周期调节作用发挥研究 [Чэнь Яньда. Исследование роли «политических» банков в контрциклическом регулировании] // 企业经济, 2020年. 第39(12)期. 第154–160页. URL: <https://kns.cnki.net/KNS8/Detail?sfid=fn&QueryID=15&CurRec=1&recid=&FileName=QUIT202012019&DbName=CJFDLAST2021&DbCode=CJFD&yx=A&pr=&URLID=36.1004.F.20201208.1353.018> (дата обращения: 19.12.2021).
22. 白钦先, 张坤: 政策性金融公共性与财政性公共性的比较研究 [Бай Циньсянь, Чжан Кунь. Сравнительное исследование политического финансирования и публичного финансирования] // 中央财经大学学报, 2014年. 第26–31页. URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD2014&filename=ZYCY201410005&uniplatform=NZKPT&v=8ZZI-cugxvIoBs90dkx8NEyX38UAIjly0mIgatmWuD1xGw-YTHn8tqlrZyk8QzGV> (дата обращения: 19.12.2021).

для избегания столкновения интересов²³ необходима разработка правил со стороны регуляторов и прежде всего — Комитета по контролю и управлению банковской и страховой деятельностью КНР. Зачастую национальными проектами, для финансирования которых и были созданы эти банки, и проектами с коммерческой составляющей занимаются одни и те же структуры внутри банка. Для эффективного управления необходимо создавать отдельные команды для проектов. Также допускается возможность того, что коммерческие проекты будут притягивать большое количество инвестиций по сравнению с национальными проектами по причине быстрой окупаемости, что приведет к нехватке денежных средств на кредиты для национальных проектов.

В филиалах «политических» банков коммерческие проекты преобладают над стратегическими. Например, на март 2020 г. у филиала Эксимбанка Китая в Гуйчжоу «политические» проекты составляли 14,14%. Это связано с тем, что филиалы наряду с обязательным кредитованием проектов, обозначенных штаб-квартирой в Пекине, имеют возможность анализировать и самостоятельно выбирать ограниченное число проектов для кредитования, опираясь на специфику региона и потенциальные выгоды.

Для улучшения деятельности банков в режиме антициклического регулятора следует упорядочить объем средств, который поступает банкам, а также **обозначить круг областей** национальной экономики для предоставления финансирования. Необходимо **расширить возможности банков по кредитованию коммерческих проектов**, что даст более быструю окупаемость средств, уменьшит объем невозвратных займов, а также создавать для политического и коммерческого финансирования **отдельные внутри-банковские команды и счета** для ведения операций^{24,25}.

Требуется **усовершенствование законодательной базы**. Банки выполняют решения Госсовета КНР и контролируются Комитетом по контролю и управлению банковской и страховой деятельностью КНР. Однако другие министерства и ведомства (например, Министерство финансов КНР) также выпускают предписания, касающиеся банковской сферы и «политических» банков, входят в Наблюдательный совет. Министерство финансов КНР является одним из акционеров ГБРК и Эксимбанка Китая и 100% акционером БРСХК. В советы директоров «политических» банков по решениям от 2017 г. входят сотрудники Министерства финансов КНР, Государственного комитета по развитию и реформам, Министерства коммерции КНР и др., что приводит к возникновению ситуаций, когда банки должны следовать различным регламентам и правилам, установленным этими структурами в отсутствие единых стандартов со стороны регуляторов.

Кроме того, надзор и контроль за банками осуществляется НБК и Комитетом по контролю и управлению банковской и страховой деятельностью КНР, в то время как зарплатная составляющая определяется Министерством финансов КНР. Это создает ситуа-

23. 王国刚, 董裕平: 中国金融体系改革的系统构想 [Ван Гоган, Дун Юйтин. Концепция реформы финансовой системы Китая] // 经济学动态, 2015年. 第3期. 第9–21页. URL: [https://kns.cnki.net/KNS8/Detail?sfid=fn&QueryID=30&CurRec=1&recid=&FileName=JXXD201503003&DbName=CJFDLAST2015&DbCode=CJFD&ux=&pr=&URLID=\(дата обращения: 19.12.2021\)](https://kns.cnki.net/KNS8/Detail?sfid=fn&QueryID=30&CurRec=1&recid=&FileName=JXXD201503003&DbName=CJFDLAST2015&DbCode=CJFD&ux=&pr=&URLID=(дата обращения: 19.12.2021)).

24. 王国刚, 董裕平: 中国金融体系改革的系统构想 [Ван Гоган, Дун Юйтин. Концепция реформы финансовой системы Китая] // 经济学动态, 2015年. 第3期. 第9–21页. URL: [https://kns.cnki.net/KNS8/Detail?sfid=fn&QueryID=30&CurRec=1&recid=&FileName=JXXD201503003&DbName=CJFDLAST2015&DbCode=CJFD&ux=&pr=&URLID=\(дата обращения: 19.12.2021\)](https://kns.cnki.net/KNS8/Detail?sfid=fn&QueryID=30&CurRec=1&recid=&FileName=JXXD201503003&DbName=CJFDLAST2015&DbCode=CJFD&ux=&pr=&URLID=(дата обращения: 19.12.2021)).

25. Китайские эксперты называют эти два направления «коровьим носом» (牛鼻子 *нюбизы*), имея в виду две узды, которые взаимодополняют друг друга. 政策性银行改革下半场真么走? [Действительно ли во второй половине года пройдет реформа «политических» банков?] // 新浪财经. 26.07.2021. URL: <https://finance.sina.cn/2021-07-26/detail-ikqcfncna9038686.d.html> (дата обращения: 19.12.2021).

цию нехватки единого контроля и регулирования операционных рисков, оценки заработной платы и др. Разработка отдельного закона о «политических» банках будет способствовать упорядочиванию регулирования их деятельности и откроет новые возможности для развития²⁶.

О необходимости такого закона говорят как исследователи²⁷, так и представители самих «политических» банков. Президент Эксимбанка Китая Ху Сяолян в марте 2021 г. выступила с предложением о разработке и принятии такого закона²⁸. 7 июля 2021 г. на заседании Комитета по финансам Госсовета КНР было объявлено о поэтапном продолжении реформы «политических» банков, включая раздельное управление политическими и коммерческими проектами, усиление управления рисками и др. 14 июля 2021 г. представитель Комитета по контролю и управлению банковской и страховой деятельностью КНР также отметил необходимость заново определить функционал «политических» банков, создать более четкие механизмы их деятельности. В качестве примера он привел равные рейтинги облигаций банков и казначейских облигаций, однако первые имеют более низкую стоимость выпусков, кроме того, полученные средства выделяются на кредитование коммерческих проектов вместо политических²⁹.

Таким образом, можно выделить несколько направлений, где **необходимы корректировки для повышения финансовой эффективности банков** и успешного выполнения поставленных перед ними стратегических задач:

- несовершенство законодательной базы, отсутствие отдельного Закона о «политических» банках по примеру Закона о коммерческих банках (1995 г.);
- неконсолидированный банковский менеджмент;
- отсутствие координированного кредитования политических и коммерческих проектов;

- недостаточные ресурсы для рефинансирования.

Для решения вышеуказанных проблем необходимо:

- принять Закон о «политических» банках, в котором будут упорядочены контрольно-регуляционные функции;
- создать специальные блоки (дивизионы) внутри банков для осуществления отдельно политического и коммерческого финансирования;
- диверсифицировать ресурсы поступления ликвидности в банки, увеличить недорогое финансирование, например, за счет расширения кредитования под залог;
- внедрить компенсацию убытков в случае невозврата займов, налоговые льготы и др.

26. 白钦先, 王吉献: 论政策性金融机构的法律地位 [Бай Циньсянь, Ван Цзисянь. Обсуждая правовой статус «политических» финансовых институтов] // 金融理论与实践, 2015年. 第5期. 第70–72页. URL: https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2015&filename=JRLS201505015&uniplatform=NZKPT&v=fqsAqZ7pMfKUTsyWNgOpVo8VTceA3Kg1OR3FihjppbgFy_kBsY3YD7SvDMiID2u- (дата обращения: 19.12.2021).
27. 佟健, 张坤: 深化政策性金融改革若干问题的思考 [Тун Цзянь, Чжан Кунь. Размышления о некоторых вопросах углубления реформы политического финансирования] // 经济问题, 2018年. 第4期. 第50–53页. URL: <https://kns.cnki.net/KNS8/Detail?sfied=fn&QueryID=45&CurRec=1&recid=&FileName=JJWT201804009&DbName=CJFDLAST2018&DbCode=CJFD&yx=&pr=&URLID=> (дата обращения: 19.12.2021).
28. 李培刚: 胡晓炼: 制定政策性银行法已具备坚实基础 [Ли Пэйган. Ху Сяолян: уже подготовлена прочная основа для разработки закона о «политических» банках] // 人民政协报. 06.04.2021. URL: http://cprcc.china.com.cn/2021-04/06/content_77379954.htm (дата обращения: 19.12.2021).
29. 政策性银行改革下半场真么走? [Действительно ли во второй половине года пройдет реформа «политических» банков?] // 新浪财经. 26.07.2021. URL: <https://finance.sina.cn/2021-07-26/detail-ikqcfnc9038686.d.html> (дата обращения: 19.12.2021).

Таким образом, нацеленность на выполнение национальных задач и низкая окупаемость проектов, отказ от максимизации прибыли не означают, что «политические» банки не должны стремиться получать прибыль в целом, и для этого необходимо принять ряд мер для их дальнейшего развития. Финансирование банков носит поддерживающий характер, ориентировано на социально значимые проекты³⁰, существование «политических» банков гарантирует постоянное наличие у государства долгосрочных инвестиционных ресурсов. Для успешного выполнения банками функций по кредитованию стратегических проектов, достижению баланса соотношения государственных и коммерческих проектов, повышению прибыльности, расширению влияния за рубежом назрела необходимость осуществления нового витка банковской реформы. В связи с тем, что на 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.) Китай запланировал дальнейшее укрепление и развитие банковско-финансовой деятельности³¹, можно предположить реализацию реформы в 2022–2023 гг.

Литература

- Вдовин А.Н. Модели фондирования банков развития Китая и Японии: уроки для России // *Проблемы Дальнего Востока*, 2017. № 4.
- Новоселова Л.В. Экономика КНР: испытание на прочность // *Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016–2020)* / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока; сост. П.Б. Каменнов; отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2020.
- Островский А.В. КНР: Итоги 13-й пятилетки — планы 14-й пятилетки // *Социально-экономические итоги выполнения 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) и задачи 14-й пятилетки (2021–2025 гг.)*. Статьи ежегодной научной конференции ЦСЭИК ИДВ РАН. Москва, 2021.
- Савинский С.П., Смахтин Д.А. Банки развития Китая // *Деньги и кредит*, 2007. № 5.
- Цзя Сун. Банковская система в ходе экономической реформы КНР (конец XX — начало XXI в.): автореферат дисс. канд. экон. наук: 08.00.14. ИДВ РАН, 2019.
- Zhang Yuzhe, Luo Meihan. China Policy Banks Test New Bond Issuance Program, Spelling Bad News for Middlemen // *Caixin Global*. 30.04.2021. URL: <https://www.caixinglobal.com/2021-04-30/china-policy-banks-test-new-bond-issuance-program-spelling-bad-news-for-middlemen-101704702.html> (дата обращения: 19.12.2021).
- 2021年8月抵押补充贷款发展情况 [Ситуация с задолженностью по заложенным кредитам на август 2021 г.] // *中央银行货币政策司*. URL: <http://www.pbc.gov.cn/zhengcehuobisi/125207/125213/2161446/2161457/4329873/index.html> (дата обращения: 19.12.2021).
- 白钦先, 王吉献: 论政策性金融机构的法律地位 [Бай Циньсянь, Ван Цзисянь. Обсуждая правовой статус «политических» финансовых институтов] // *金融理论与实践*, 2015年. 第5期. URL: https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2015&filename=JRLS201505015&uniplatform=NZKPT&v=fqsAqZ7pMfKUTsyWNgOpVo8VTceA3Kg1OR3FihjppbgFy_kBsY3YD7SvDMIID2u- (дата обращения: 19.12.2021).
- 白钦先, 张坤: 政策性金融公共性与财政性公共性的比较研究 [Бай Циньсянь, Чжан Кунь. Сравнительное исследование политического финансирования и публичного финансирования] // *中央财经大学学报*, 2014年. 第10期. URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD2014&filename=ZY>

30. 白钦先, 王吉献: 论政策性金融机构的法律地位 [Бай Циньсянь, Ван Цзисянь. Обсуждая правовой статус «политических» финансовых институтов] // *金融理论与实践*, 2015年. 第5期. 第70–72页. URL: https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2015&filename=JRLS201505015&uniplatform=NZKPT&v=fqsAqZ7pMfKUTsyWNgOpVo8VTceA3Kg1OR3FihjppbgFy_kBsY3YD7SvDMIID2u (дата обращения: 19.12.2021).
31. Островский А.В. КНР: Итоги 13-й пятилетки — планы 14-й пятилетки // *Социально-экономические итоги 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) и задачи 14-й пятилетки (2021–2025 гг.)*. Статьи ежегодной научной конференции ЦСЭИК ИДВ РАН. Москва, 2021. С. 9–22.

- CY201410005&uniplatform=NZKPT&v=8ZZI-cugxvIoBs90dkx8NEyX38UAJly0mlGatmWuD1xGw-YTHn8tqlrZyk8QzGV (дата обращения: 19.12.2021).
- 陈彦达: 政策性银行逆周期调节作用发挥研究 [《*Чэнь Яньда*. Исследование роли «политических» банков в контрциклическом регулировании] // 企业经济, 2020年. 第39 (12) 期.
URL: <https://kns.cnki.net/KNS8/Detail?sfid=fn&QueryID=15&CurRec=1&recid=&FileName=QUIT202012019&DbName=CJFDLAST2021&DbCode=CJFD&yx=A&pr=&URLID=36.1004.F.20201208.1353.018> (дата обращения: 19.12.2021).
- 李培刚: 胡晓炼: 制定政策性银行法已具备坚实基础 [《*Ли Пэйган*. Ху Сяоянь: уже подготовлена прочная основа для разработки закона о «политических» банках] // 人民政协报. 06.04.2021.
URL: http://cppcc.china.com.cn/2021-04/06/content_77379954.htm (дата обращения: 19.12.2021).
- 彭洪寿: 当前我国政策性银行的资金来源问题研究——以中国农业发展银行为例 [《*Пэн Хуншоу*. Исследование источников фондирования «политических» банков Китая. На примере Банка развития сельского хозяйства Китая] // 中国商论, 2020年. 第14期. URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2020&filename=ZGSM202014016&uniplatform=NZKPT&v=1wFayhMuEtxCnHOqM11ARLTEHyQhoB0i6Qd2u2ACBYxDMhLlnxLrQpbX2KETyMc> (дата обращения: 19.12.2021).
- 侯健, 张坤: 深化政策性金融改革若干问题的思考 [《*Тун Цзянь, Чжан Кунь*. Размышления о некоторых вопросах углубления реформы политического финансирования] // 经济问题, 2018年. 第4期.
URL: <https://kns.cnki.net/KNS8/Detail?sfid=fn&QueryID=45&CurRec=1&recid=&FileName=JJWT201804009&DbName=CJFDLAST2018&DbCode=CJFD&yx=&pr=&URLID=> (дата обращения: 19.12.2021).
- 王国刚, 董裕平: 中国金融体系改革的系统构想 [《*Ван Гоган, Дун Юйпин*. Концепция реформы финансовой системы Китая] // 经济学动态, 2015年. 第3期. URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2015&filename=JJXD201503003&uniplatform=NZKPT&v=Qa5HER4SswZtOccZZZjoyTnz4wiyiflJ6eR-cXlYyzYsW76tORwZq15nXX4OF706> (дата обращения: 19.12.2021).
- 央行: 8月国家开发银行、中国进出口银行、中国农业发展银行净归还抵押补充贷款1046亿元 [Народный банк Китая: Остаток задолженности ГБРК, Эксимбанка Китая, БРСХК в августе составил 104,6 млрд юаней] // 新浪财经. 01.09.2021. URL: <https://finance.sina.cn/2021-09-01/detail-iktzscyx1681456.d.html> (дата обращения: 19.12.2021).
- 余南平, 梁菁: 金融危机下政策性金融机构抗压能力研究——以美、德、日三国为例的比较 [《*Юй Наньпин, Лян Цзин*. Исследование способности «политических» финансовых институтов противостоять давлению во время финансового кризиса. На примере США, Германии и Японии] // 华东师范大学学报, 2010年. 第42 (05) 期.
URL: https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD2010&filename=HDS201005020&uniplatform=NZKPT&v=rT2Og4H55JPZxnyQnGjMz0pTwkVnJmWupYff8jJAhFA-2_71nCRjP9yZrvmZeKwP (дата обращения: 19.12.2021).
- 政策性银行改革下半场真么走? [Действительно ли во второй половине года пройдет реформа «политических» банков?] // 新浪财经. 26.07.2021. URL: <https://finance.sina.cn/2021-07-26/detail-ikqcfnsa9038686.d.html> (дата обращения: 19.12.2021).
- 中国农业发展银行统筹推进疫情防控和经济社会发展 [Банк развития сельского хозяйства Китая координирует и стимулирует профилактику и контроль за эпидемией и социально-экономическое развитие]. 31.08.2020. URL: <http://www.adbc.com.cn/n5/n15/c39516/content.html> (дата обращения: 19.12.2021).

Some Aspects of Chinese Policy Banks' Activity at the Present Time

Ekaterina M. Serbina

Post-graduate student (Econ.), the Center for Chinese Economic and Social Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7605-705X.

E-mail: serbinakate@gmail.com.

Received 10.01.2022.

Abstract:

The Chinese policy banks (the State Development Bank of China, the Export-Import Bank of China and the Agricultural Development Bank of China) were created with the goal of financing national projects both abroad and inside China. They play an important role in providing loans to green and social projects and concessional lending to small and medium-sized enterprises. It is expected that there will be growth in the financing of scientific and technical areas during the 14th Five-Year Plan (2021–2025).

In order to finance large-scale projects, the policy banks require a constant flow of funds. This article analyzes the main sources of the banks' funding amongst which accepting loans from the People's Bank of China and the issuing of bonds are in the lead. The two sources mentioned are characterized by reliability and constancy, but also have risks attached to them. These include limited sources of liquidity in general, increasing competition from local administrations which are also empowered to issue bonds, lending to low profit (but strategically important) projects, an implied long maturity period of medium and long-term loans, and other factors. Proof of sufficient capital is vital because policy banks have a key role regarding instruments for countercyclical regulation in the process of stabilizing the economy for example when funds were distributed through the banks to the most vulnerable sectors during the worst of the pandemic.

To improve the policy banks' financial efficiency it has been necessary to draft a Policy Banks Act. This supports the development not only of national but also of commercial projects, the granting of more independence to branches in the search for and selection of projects (taking into consideration local/regional/international specifics), the diversification of liquidity sources and the establishment of compensation for losses sustained during repayment of failing loans, to improve risk management. This necessary next stage of banking reform is expected to be enacted during 2022–2023.

Key words:

China Development Bank, Eximbank of China, Agricultural Development Bank of China, policy banks, financial institutions, countercyclical regulation.

For citation:

Serbina E.M. Some Aspects of Chinese Policy Banks' Activity at the Present Time // Far Eastern Studies. 2022. No. 1. Pp. 111–126. DOI: 10.31857/S013128120018450-6.

References

- Jia Song.* Bankovskaya sistema v hode ekonomicheskoi reformy KNR (konec XX — nachalo XXI v.) [Banking system during economic reform in PRC (the late 20th century — the early 21st century)]. Extended Abstract of Ph.D. (Econ.) Dissertation. M.: IDV RAN, 2019. (In Russ.).
- Novoselova L.V.* Ekonomika KNR: ispytaniye na prochnost' [The PRC economy: a test of strength]. *Ekonomika KNR v gody 13-i pyatiletki (2016–2020)*. M.: IDV RAN, 2020. (In Russ.).
- Ostrovskii A.V.* KNR: Itogi 13-i pyatiletki — plany 14-i pyatiletki [The PRC: results of the 13-th Five Year Plan — projects for the 14-th Five Year Plan]. *Sotsialno-ekonomicheskiye rezultaty 13-i pyatiletki i zadachi 14-i pyatiletki*. M.: IDV RAN, 2021. (In Russ.).
- Savinsky S.P., Smahtin D.A.* Banki razvitiya Kitaya [Chinese Development Banks]. *Den'gi i kredit*, 2007. No. 5. (In Russ.).
- Vdovin A.N.* Modeli fondirovaniya bankov razvitiya Kitaya i Yaponii: uroki dlya Rossii [Funding Models for Development Banks in China and Japan: Lessons for Russia]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2017. No. 4. (In Russ.).
- Zhang Yuzhe, Luo Meihan.* China Policy Banks Test New Bond Issuance Program, Spelling Bed News for Middlemen. *Caixin Global*. URL: <https://www.caixinglobal.com/2021-04-30/china-policy-banks->

- test-new-bond-issuance-program-spelling-bad-news-for-middlemen-101704702.html (accessed: 19.12.2021).
- 2021年8月抵押补充贷款发展情况 [Situation with pledged supplementary lending' debts in August 2021]. 中央银行货币政策司. URL: <http://www.pbc.gov.cn/zhengcehuobisi/125207/125213/2161446/2161457/4329873/index.html> (accessed: 19.12.2021). (In Chin.).
- 白钦先, 王吉献: 论政策性金融机构的法律地位 [Bai Qinxian, Wang Jixian. Discussing legal status of policy financial institutions]. 金融理论与实践, 2015年. 第5期.
URL: https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2015&filename=JRLS201505015&uniplatform=NZKPT&v=fqsAqZ7pMfKUTsyWNgOpVo8VtceA3Kg1OR3FihjppbgFy_kBsY3YD7SvDMIID2u- (accessed: 19.12.2021). (In Chin.).
- 白钦先, 张坤: 政策性金融公共性与财政性公共性的比较研究 [Bai Qinxian, Zhang Kun. Comparative research of policy financing and public financing]. 中央财经大学学报, 2014年. 第10期.
URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD2014&filename=ZCY201410005&uniplatform=NZKPT&v=8ZZI-cugxvIoBs90dkx8NEyX38UAJly0mlGatmWuD1xGw-YTHn8tqlrZyk8QzGV> (accessed: 19.12.2021). (In Chin.).
- 陈彦达: 政策性银行逆周期调节作用发挥研究 [Chen Yanda. The research on policy banks' role in countercyclical regulation]. 企业经济, 2020年. 第39 (12) 期. URL: <https://kns.cnki.net/KNS8/Detail?sfid=fn&QueryID=15&CurRec=1&recid=&FileName=QUIT202012019&DbName=CJFDLAST2021&DbCode=CJFD&yx=A&pr=&URLID=36.1004.F.20201208.1353.018> (accessed: 19.12.2021). (In Chin.).
- 李培刚: 胡晓炼: 制定政策性银行法已具备坚实基础 [Li Peigang, Hu Xiaolian: The solid foundation has already been prepared for policy banks' law drafting]. 人民政协报. 06.04.2021.
URL: http://ppcc.china.com.cn/2021-04/06/content_77379954.htm (accessed: 19.12.2021). (In Chin.).
- 彭洪寿: 当前我国政策性银行的资金来源问题研究——以中国农业发展银行为例 [Peng Hongshou. The Research on Chinese policy banks funding' sources. The Agricultural Development Bank of China]. 中国商论, 2020年. 第14期. URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2020&filename=ZGSM202014016&uniplatform=NZKPT&v=1wFayhMuEtxCnHOqM11ARLTEHyQhoB0i6Qd2u2ACBYxDmHLnLrQpbX2KETIyMc> (accessed: 19.12.2021). (In Chin.).
- 佟健, 张坤: 深化政策性金融改革若干问题的思考 [Tong Jian, Zhang Kun. Thoughts on profound of policy finance reform]. 经济问题, 2018年. 第4期. URL: <https://kns.cnki.net/KNS8/Detail?sfid=fn&QueryID=45&CurRec=1&recid=&FileName=JJWT201804009&DbName=CJFDLAST2018&DbCode=CJFD&yx=&pr=&URLID=> (accessed: 19.12.2021). (In Chin.).
- 王国刚, 董裕平: 中国金融体系改革的系统构想 [Wang Guogang, Dong Yupin. The concept of China's financial system reform]. 经济学动态, 2015年. 第3期. URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2015&filename=JJXD201503003&uniplatform=NZKPT&v=Qa5HER4SswZtOocLZZjoyTnz4wiyiflJ6eR-cXIYyzYsW76tORwZq15nXX4OF706> (accessed: 19.12.2021). (In Chin.).
- 央行: 8月国家开发银行、中国进出口银行、中国农业发展银行净归还抵押补充贷款1046亿元 [People's Bank of China: Outstanding balances of the China Development Bank, the Eximbank of China, the Agricultural Development Bank of China in August was 104.6 billion RMB]. 新浪财经. 01.09.2021. URL: <https://finance.sina.cn/2021-09-01/detail-iktzscy1681456.d.html> (accessed: 19.12.2021). (In Chin.).
- 余南平, 梁菁: 金融危机下政策性金融机构抗压能力研究——以美、德、日三国为例的比较 [Yu Nanping, Liang Jing. Research on policy financial institutions' ability of pressure resistance during financial crises. The USA, Germany, and Japan]. 华东师范大学学报, 2010年. 第42 (05) 期.
URL: <https://xbzs.ecnu.edu.cn/CN/html/2010-5-105.htm> (accessed: 19.12.2021). (In Chin.).
- 政策性银行改革下半场真么走? [Whether the reform of policy banks happens during the second half of the year?]. 新浪财经. 26.07.2021. URL: <https://finance.sina.cn/2021-07-26/detail-ikqcfnc9038686.d.html> (accessed: 19.12.2021). (In Chin.).
- 中国农业发展银行统筹推进疫情防控和经济社会发展 [The Agricultural Development Bank of China coordinate and stimulate epidemic prevention and control as well as socio-economic development]. 31.08.2020. URL: <http://www.adbc.com.cn/n5/n15/c39516/content.html> (accessed: 19.12.2021). (In Chin.).

Практические исследования экспериментальной зоны свободной торговли Фуцзянь в Китае

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120018509-0

Вэй Лиянь

Доктор управления, доцент, заместитель директора Института государственного управления Сямэньского университета (КНР) (адрес: 361005, Китай, г. Сямьнь, ул. Сьминь 422).
ORCID: 0000-0002-2254-344X. E-mail: weilian7691@xmu.edu.cn.

Ван Мэнлин

Магистр управления, государственный служащий канцелярии народного правительства города Сюаньчэн, провинции Аньхой. (адрес: 361005, Китай, г. Сямьнь, ул. Сьминь 422).
ORCID: 0000-0002-7543-4650. E-mail: wangmengling2021@163.com.

Статья поступила в редакцию 03.01.2022.

Аннотация:

ЗСТ Фуцзянь стратегически позиционируется как «опытное поле для реформ и инноваций, образцово-показательная зона углубленного экономического сотрудничества между материковым Китаем и провинцией Тайвань, а также как новый пример открытого сотрудничества со странами и регионами, расположенными вдоль Морского Шёлкового пути XXI в.». Здесь проводятся пилотные эксперименты по упрощению государственного администрирования, привлечению инвестиций, ускорению торговых операций, укреплению сотрудничества с Тайванем, построению инклюзивного Морского Шёлкового пути и т.д. Применение инновационных технологий позволило накопить в ЗСТ Фуцзянь ценный практический опыт, готовый к внедрению в других регионах страны. Однако за семь лет существования данной экспериментальной зоны возник ряд нерешенных вопросов. В процессе её дальнейшего развития необходимы корректировка направлений деятельности, упор на развитие её сильных сторон, углубление сотрудничества с провинцией Тайвань и дальнейшая поддержка бизнес-среды.

Ключевые слова:

Экспериментальная зона свободной торговли Фуцзянь, пилотные внедрения, инновационная практика, высококачественное обслуживание.

Для цитирования:

Вэй Лиянь, Ван Мэнлин. Практические исследования экспериментальной зоны свободной торговли Фуцзянь в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 127–138.
DOI: 10.31857/S013128120018509-0.

Источники финансирования:

Данная статья подготовлена при поддержке Проекта государственного фонда социальных наук в Китае (проект 19BGL219), а также при поддержке проекта процветания философии и социальных наук Сямэньским университетом КНР.

О зоне свободной торговли Фуцзянь

Китайская пилотная зона свободной торговли Фуцзянь (далее — ЗСТ Фуцзянь) была открыта 21 апреля 2015 г., став второй из серии экспериментальных зон свободной торговли, учрежденных Государственным советом КНР. Общая площадь ЗСТ Фуцзянь составляет 118,04 км², зона включает в себя три района: Пинтань (43 км²), Сямэнь (43,78 км²) и Фучжоу (31,26 км²).

Главными целями ЗСТ Фуцзянь являются углубление реформ по оптимизации государственных услуг и формирование новой экономической структуры с высоким уровнем доступа для внешнего мира. За семь лет в результате функционирования ЗСТ были получены значительные результаты.

8 апреля 2015 г. Государственный совет КНР обнарудовал «Комплексный план Китайской пилотной зоны свободной торговли Фуцзянь» (далее — «Комплексный

план)), в котором были выдвинуты задачи по реформированию системы государственного управления инвестиционной деятельностью, углублению сотрудничества с Тайванем, расширению финансовой открытости, а также развитию района Пинтань. Администрация ЗСТ Фуцзянь наметила план внедрения 186 инновационных методов и технологий, направленных на выполнение вышеописанных задач, а также подготовила комплекс соответствующих рекомендаций по их практической реализации. Уже в мае 2018 г. план был выполнен на 97,8%; в общей сложности в систему предоставления государственных услуг удалось внести 310 улучшений, большинство из которых никогда ранее не практиковались ни в материковом Китае, ни в провинции Тайвань¹. На этой основе Государственный совет КНР опубликовал документ под названием «Дальнейшее углубление плана реформы и открытости пилотной ЗСТ Фуцзянь», нацеленный на «углубление реформ и открытости, а также на расширение экономического и культурного сотрудничества между провинцией Фуцзянь и Тайванем». По состоянию на апрель 2021 г. строительство ЗСТ Фуцзянь продемонстрировало значительные результаты. Благодаря эффективному внедрению инноваций, удалось добиться высокого уровня открытости для иностранного капитала, повысить эффективность государственного управления и нарастить темпы развития ЗСТ Фуцзянь. Из 480 инновационных методов, опробованных в рамках экспериментальной зоны Фуцзянь за семь лет ее существования, 34 были в дальнейшем внедрены по всей стране².

Особенности зоны свободной торговли Фуцзянь

«Комплексный план» содержит строгую схему функционального позиционирования каждого района ЗСТ Фуцзянь. Первоочередной задачей района Пинтань, являющегося передовой платформой по экономическому сотрудничеству провинции Фуцзянь и Тайваня, назначено строительство международного туристического кластера с целью развития островов района. Такой же подход применяется в отношении районов Сямэнь и Фучжоу: «Комплексный план» основан на уникальных преимуществах каждой местности и содержит подробное указание на их практическое использование. Учёт локальных особенностей позволяет эффективно проводить в жизнь реформы в каждом из районов, а также накапливать уникальные практические знания. Успешный опыт затем внедряется в других районах и способствует развитию всей ЗСТ Фуцзянь.

Провинция Фуцзянь расположена на юго-восточном побережье Китая, отделена от острова Тайвань проливом и в то же время является отправной точкой Морского Шёлкового пути. Удачное географическое расположение крайне положительно влияет на инвестиционную среду ЗСТ Фуцзянь. Во-первых, с экономической точки зрения провинция обладает достаточно развитой промышленной базой, а её макроэкономические показатели стабильно растут. В 2020 г. ВВП провинции Фуцзянь составил 4,39 трлн юаней, увеличившись на 3,3% по сравнению с предыдущим годом; объем импорта и экспорта составил 203,3 млрд долл. США, за год увеличившись на 5,3%; сумма фактически исполь-

1. 蒋巧玲, 潘肖升: “福建自贸试验区晒三年“成绩单”已推出创新举措310项 [Цзян Чинлин, Пань Сяошэн. В результате 3-х лет работы пилотной зоны свободной торговли Фуцзянь были разработаны 310 инновационных мер] // 载福建自贸区门户网. 12.06.2018. URL: <http://www.china-ftz.gov.cn/article/index/aid/9075.html/> (дата обращения: 13.02.2020).
2. 卢金福, 林先昌: “福建自贸试验区累计推出实施480项创新举措 34项创新成果在全国推广 [Лу Цзиньфу, Линь Сяньчан. В ЗСТ Фуцзянь было запущено 480 инновационных мер, из которых 34 были внедрены во всей стране] // 福建自贸区门户网. 14.07.2021. URL: <http://ftz.fujian.gov.cn/article/index/aid/16878.html> (дата обращения: 13.02.2020).

зованных прямых иностранных инвестиций составила 5,02 млрд долл. США³. Во-вторых, с точки зрения инфраструктуры Фуцзянь обладает высоким транспортным потенциалом, т.к. в провинции хорошо развиты морские, сухопутные и воздушные виды перевозок. Порты провинции Фуцзянь входят в пятерку крупнейших портов страны и обладают развитым погрузочно-разгрузочным комплексом. В 2020 г. порты провинции располагали 420 причалами, оборудованными для проведения погрузочно-разгрузочных работ, из которых 184 причала были способны принимать суда с тоннаже более 10 000 т.⁴ Что касается пропускной способности воздушного транспорта, в настоящее время в провинции Фуцзянь расположены 6 аэропортов, совокупный пассажиропоток которых в 2020 г. составил 31 818 500 человек, что на 38,5% ниже по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Объем грузовых и почтовых авиаперевозок составил 476 900 т, что на 11,4% ниже по сравнению с результатами 2019 г.⁵ В-третьих, Фуцзянь обладает высоким туристско-рекреационным потенциалом: провинция славится хорошим качеством воздуха и самой высокой степенью покрытия территории лесами в Китае.

Развитие ЗСТ Фуцзянь крайне перспективно, чему способствует партнерство обеих сторон Тайваньского пролива, а также реализация инициативы «Пояс и Путь». По некоторым показателям ЗСТ Фуцзянь превосходит Тайвань: провинция взяла на себя ведущую роль в пилотных проектах, первой начала стимулировать привлечение инвестиций, торговлю и обмен персоналом между двумя сторонами. Инициативность администрации ЗСТ положительно сказывается на репутации провинции и сотрудничестве материкового Китая и Тайваня. Кроме того, являясь отправной точкой Морского Шёлкового пути XXI в., Фуцзянь обладает уникальными возможностями по расширению экономического и торгового сотрудничества со странами и регионами, расположенными вдоль торговых маршрутов мегапроекта. Совокупность вышеперечисленных факторов создает мощную базу для дальнейшего прорыва провинции на пути к расширению открытости внешнему миру.

Основные направления развития экспериментальной зоны свободной торговли Фуцзянь

Провинция Фуцзянь проводит в жизнь реформу «сокращения управленческого аппарата, предоставления больших прав нижестоящим инстанциям, оптимизации системы государственных услуг», стимулирует процесс внедрения нововведений в сферу управления, тем самым значительно сокращая институциональные транзакционные издержки для частных предприятий и государства. В настоящий момент в ЗСТ заложен хороший фундамент для оптимизации бизнес-среды.

В июле 2015 г. провинциальные власти делегировали осуществление 253 процедур административного управления районам Фучжоу, Сямэнь и Пиньтан⁶. Таким обра-

3. 福建统计年鉴—2021 [Ежегодный статистический справочник провинции Фуцзянь—2021]. 北京: 中国统计出版社, 2021.
4. 福建省交通厅. 2020年福建省交通运输行业发展统计公报 [Департамент транспорта провинции Фуцзянь: Статистический бюллетень развития транспортного сектора провинции Фуцзянь—2020]. 03.06.2021. URL: https://jtyst.fujian.gov.cn/zwgk/tjxx/gbyjd/202106/t20210603_5607242.htm (дата обращения: 15.01.2022).
5. 福建省交通厅. 2020年福建省交通运输行业发展统计公报 [Департамент транспорта провинции Фуцзянь: Статистический бюллетень развития транспортного сектора провинции Фуцзянь—2020]. 03.06.2021. URL: https://jtyst.fujian.gov.cn/zwgk/tjxx/gbyjd/202106/t20210603_5607242.htm (дата обращения: 15.01.2022).
6. 廖丽萍: 253项省级行政许可事项将可由自贸试验区厦门片区办结” [Ляо Липин. Провинция делегировала 253 административных функции ЗСТ Сямэнь] // 福建日报. 16.11.2015.

зом, провинция Фуцзянь заняла первое место по децентрализации и упразднению административных процедур, опередив Шанхайскую, Гуандунскую и Тяньцзиньскую зоны свободной торговли.

Не осталась без внимания и хозяйственная система — осуществляются реформы по её оптимизации и снижению нагрузки на предприятия, что способствует повышению жизнеспособности участников рынка. 4 мая 2015 г. администрация ЗСТ Фуцзянь в качестве эксперимента перешла на упрощенную модель «регистрации предприятий, постановки на учет и других сопутствующих процедур», которая значительно облегчила оформление лицензий для компаний и снизила их операционные издержки. Реформа показала положительные результаты и была внедрена по всей стране. С целью эффективно снизить институциональные издержки при доступе к рынку была произведена реформа по дальнейшему упрощению регистрации, совместившей в одном документе свидетельство о регистрации в системе социального страхования с другими необходимыми лицензиями. Опыт перехода на упрощенную модель регистрации был позже внедрен по всему Китаю. Внедрение модели «Единая форма» упростила процесс регистрации предприятий с иностранными инвестициями. Теперь для учредителей необходимо заполнить одну типовую нормативную форму, объединяющую и стандартизирующую требования всех надзорных, торгово-промышленных и др. служб, и затем подать её в единое многофункциональное окно. К марту 2021 г. в ЗСТ Фуцзянь было создано 107 900 новых предприятий, чей уставный капитал составил 2,35 трлн юаней, что превысило аналогичные показатели до создания ЗСТ в 7 и в 10,6 раз соответственно.

Внедрение в работу государственных органов инновационной модели «Интернет + государственные услуги», нацеленной на применение информационных технологий в таких сферах, как регистрация предприятий, система налогообложения и др., показывает хорошие результаты. Замена «ручной» подачи документов на «электронную» в значительной степени оптимизировала работу всех административных служб.

В августе 2015 г. в районе Сямэнь была введена продвинутая цифровая система регистрации предприятий. После успешного оформления онлайн-заявки предприятие отправляет оригиналы документов в единое многофункциональное окно, после чего может получить лицензию о регистрации. В апреле 2015 г. власти района Фучжоу взяли за инициативу по запуску мобильной налоговой платформы «Всё на ладони», которая позволяет решать связанные с налогами вопросы в клиентском мобильном приложении, экономя время и ресурсы компаний и частных лиц. Нововведения способны значительно повысить эффективность налоговой системы. Кроме того, в апреле 2019 г. район Пинтань запустил «Интеллектуальную облачную Е-платформу для коммуникации предприятий». Используя модель «Интернет + правительство + бизнес», администрация района Пинтань создала онлайн-платформу, дублирующую весь список услуг, предоставляемых в правительственных учреждениях. В процессе создания цифрового правительства ЗСТ Фуцзянь последовательно «оцифровывает» все больше государственных услуг, благодаря чему уже накоплен богатый опыт по оптимизации сферы государственного управления.

ЗСТ Фуцзянь проводит сравнительный анализ передовых международных практик в области регулирования инвестиционной деятельности, стремится к устранению непроработанных моментов в законодательстве и ликвидации препятствий для инвестиционных проектов, прикладывает усилия к упрощению таможенного оформления. Содействуя дальнейшей оптимизации системы управления в области инвестирования и международной торговли, провинция достигла качественно новых результатов, а накопленный ею опыт можно внедрять в других регионах страны.

Район Пинтань тестирует экспериментальную модель регистрации инвестиционных проектов под названием «Четыре в одном». Данная инновация нацелена на интеграцию четырех этапов регистрации инвестиционных проектов, начиная от поиска инвестиционных партнеров, заканчивая выдачей лицензии государственным учрежде-

ниям. При этом на каждом из этапов используются следующие методы: «Единый бланк», «Единое многофункциональное окно», «Единовременная проверка и утверждение», «Единовременная выдача готовых документов». В результате удалось добиться повышения эффективности работы почти в три раза⁷. На основе принципа «интеграции нескольких нормативных актов в один» в районе Сямэнь проводится дальнейшее углубление реформы, изучается эффективность рабочего механизма «Пять в одном». Суть рабочего механизма заключается в следующем: метод «Единый проект» используется для координации проектов, «Единая платформа» отвечает за их унифицированное управление, «Единое многофункциональное окно» предоставляет комплекс необходимых государственных услуг, «Единый бланк» объединяет материалы всех заявок, а «Единый набор механизмов» стандартизирует операции регистрации⁸. Результатом внедрения рабочего механизма стало сокращение времени подготовки документов и, как следствие, оперативное принятие решения всеми государственными инстанциями. Благодаря достижениям значительных результатов, полученных в результате проведения реформы, рабочий механизм «Пять в одном» в районе Сямэнь стал образцом реформирования и был внедрен по всей стране.

В едином многофункциональном окне таможенного оформления в ЗСТ Фуцзянь предприятия могут одновременно предоставлять информацию, требуемую различными портовыми службами, например: таможенным управлением, санитарно-эпидемиологической станцией и т.д. Каждая контрольно-надзорная служба напрямую передает отчеты в единое многофункциональное окно, таким образом, предприятия могут получить все соответствующие документы с результатами проверки в одном месте. Единая система документооборота для международных операций экономит время и уменьшает затраты предприятий, что способствует упрощению международной торговли⁹. По состоянию на апрель 2021 г. на онлайн-платформе «единого многофункционального окна» работает более 40 организаций, система обслуживает оказание более 100 государственных услуг и успешно поддерживает функционирование всей цепи таможенной, портовой, торговой, налоговой и финансовой интеграций¹⁰.

Принцип «Одна декларация, одна проверка, один отчет» стал краеугольным камнем модели «единой контрольно-надзорной деятельности» в ЗСТ Фуцзянь. Благодаря интеграции систем документооборота и объединению рабочего пространства инспекционных служб удалось снизить общее количество поданных заявок и проведен-

7. 福建自贸试验区领导小组办公室, 福建自贸区发展研究中心“福建自贸试验区创新实践探索” [Администрация пилотной зоны свободной торговли провинции Фуцзянь, Исследовательский центр развития пилотной зоны свободной торговли провинции Фуцзянь: Исследование практики и инноваций пилотной зоны свободной торговли Фуцзянь, Фучжоу]. 福州: 福建人民出版社, 2016. 第2–5页.
8. 福建自贸试验区办公室: “工程建设项目审批“五个一”打造全国改革试点“样本”” [Администрация пилотной зоны свободной торговли провинции Фуцзянь: Концепция утверждения строительных проектов «Пять в один». Создание образца экспериментальной площадки для проведения национальных реформ] // 福建自贸区门户网. 30.07.2019. URL: <http://www.china-fjftz.gov.cn/article/index/aid/12613.html> (дата обращения: 01.02.2020).
9. 福建自贸试验区领导小组办公室, 福建自贸区发展研究中心: “福建自贸试验区创新实践探索” [Администрация пилотной зоны свободной торговли провинции Фуцзянь, Исследовательский центр развития пилотной зоны свободной торговли провинции Фуцзянь: Исследование практики и инноваций пилотной зоны свободной торговли Фуцзянь, Фучжоу]. 福州: 福建人民出版社, 2016. 第63–67页.
10. 卢金福: “福建自贸试验区深化改革推出“组合拳”打造优良营商环境” [Лу Цзиньфу: В провинции Фуцзянь предприятия серия мер по созданию благоприятных условий для развития бизнеса в рамках экспериментальной зоны свободной торговли] // 福建自贸区门户. 23.07.2021. URL: <http://ftz.fujian.gov.cn/article/index/aid/16889.html> (дата обращения: 16.01.2022).

ных проверок грузовых контейнеров, тем самым повысив эффективность таможенного контроля. С момента внедрения системы «единой проверки» время таможенного оформления сократилось примерно на 40%, экономия человеческих ресурсов надзорных органов достигла около 50%, а затраты на логистику стандартных грузовых контейнеров были сокращены примерно на 600 юаней¹¹. В отношении товаров, подлежащих «взаимному признанию контрольно-надзорными органами», сначала проводится проверка санитарно-эпидемиологической станцией и надзорной службой, затем на основании полученного отчета таможенное управление подтверждает количественные и качественные показатели. Данная процедура способствовала значительному упрощению процессов таможенного оформления.

Инновационная модель сотрудничества между провинцией Фуцзянь и Тайванем

Администрация ЗСТ Фуцзянь способствует развитию режима свободной торговли с Тайванем посредством внедрения упрощенных процедур таможенного оформления для тайваньских товаров. В районе Пинтань был создан первый «межбереговой» центр по обмену данными надзорных служб и санитарно-эпидемиологических станций, была реализована «Таможенно-торговая сеть» по обмену данными между таможенными управлениями обеих сторон. Управлению по контролю качества, инспекции и карантину провинции Фуцзянь доступна информация о ранее проведенных проверках и санитарно-эпидемиологическом сертификате, выданном другой стороной, еще до непосредственного прибытия товаров в порт ЗСТ. Таким образом, Управление заблаговременно проводит подготовительные процедуры таможенной регистрации, что значительно сокращает время оформления товаров¹².

ЗСТ Фуцзянь применяет различные инновационные методы для развития сотрудничества между провинцией Фуцзянь и Тайванем. Основными принципами партнерства являются одинаковое отношение к предприятиям, финансируемым из Тайваня и материкового Китая, и курс на расширение открытости по отношению к провинции Тайвань. К концу апреля 2021 г. в ЗСТ насчитывалось 2 758 новых тайваньских предприятий, при этом объем вложенного тайваньского капитала достиг 7,804 млрд долл. США¹³.

За семь лет работы ЗСТ Фуцзянь привлекла к сотрудничеству большое число тайваньских финансовых учреждений и компаний, благодаря чему был достигнут значительный прогресс в отношениях между двумя берегами пролива. Совместными усилиями была создана система проверки контрагентов на благонадежность, обычной практикой стала выдача трансграничных займов в китайских юанях в провинции Тайвань, началась работа платформы «прямого инвестирования» для предприятий с тайваньским капиталом. Это открыло новые возможности для дальнейшего развития совместной фондо-

11. 福建自贸试验区领导小组办公室, 福建自贸区发展研究中心: “福建自贸试验区创新实践探索” [Администрация пилотной зоны свободной торговли провинции Фуцзянь, Исследовательский центр развития пилотной зоны свободной торговли провинции Фуцзянь: Исследование практики и инноваций пилотной зоны свободной торговли Фуцзянь, Фучжоу]. 福州: 福建人民出版社, 2016. 第78–81页.
12. 李慧颖: “福建自贸区新增台资企业逾1400家” [Ли Хуэйин. В зоне свободной торговли Фуцзянь открылось 1400 новых предприятий с тайваньским капиталом]. 福建日报. 17.04.2017.
13. 上海社会科学院经济研究所: “福建自贸试验区六周年对台服务特色鲜明” [Институт экономики Шанхайской Академии Общественных Наук. 6-я годовщина создания ЗСТ Фуцзянь, с особым упором на сотрудничество с Тайванем] // 厦门广电网. 22.08.2021. URL: <https://2020.xmtv.cn/xmtv/2021-08-22/ac77aa92b881c93f.html> (дата обращения: 20.01.2022).

вой биржи и двухстороннего сотрудничества. Провинция Фуцзянь ускорила строительство совместного тайваньско-фуцзяньского центра торговли акциями, что позволило решить финансовые проблемы для малых и средних предприятий по обе стороны пролива. К концу апреля 2021 г. на «тайваньской инвестиционной платформе» были представлено 2 462 тайваньских предприятия, а еще 6 были включены в листинг. Таким образом, финансирование предприятий с тайваньским капиталом составило в общей сложности 2,15 млрд юаней¹⁴.

ЗСТ Фуцзянь первой начала реализовать инициативы по активизации трудовой миграции и повышению ее качества, направленные на привлечение тайваньских специалистов к работе на материке. В частности, район Пинтань начал проводить эксперимент по внедрению удостоверения тайваньского соотечественника в виде карты под названием «Нулевое расстояние». Жители Тайваня могут подать заявление на получение этой карты через представительства органов общественной безопасности провинции Фуцзянь, открытых в городах Тайбэй и Тайчжун. Бюро общественной безопасности района Пинтань рассматривает заявку и, в случае одобрения, направляет запрос на оформление пропуска в уездный отдел Управления по въезду и выезду при Департаменте общественной безопасности провинции Фуцзянь. Район Сямэнь взял на себя инициативу по созданию общей молодежной базы предпринимательства. По состоянию на август 2021 г., в рамках данной молодежной базы действуют в общей сложности более 1000 предприятий, в которых трудится около 44 000 молодых тайваньцев¹⁵.

В ЗСТ Фуцзянь созданы комфортные условия по использованию китайского юаня в международных расчетах. В районе Сямэнь оказывается поддержка всем торговым операциям с использованием юаня: расчетам, трансграничному объединению капитала и т.д. Кроме того, здесь идет процесс по формированию наиболее удобного, эффективного и безбарьерного трансграничного инвестиционного канала.

В целях содействия реформе валютного контроля в ЗСТ Фуцзянь филиал Государственного управления валютного контроля издал «Подробные правила для экспериментальных площадок при проведении реформ управления валютным рынком в Китайской пилотной зоне свободной торговли (Фуцзянь)», которые регулярно обновляются в соответствии с практикой проводимых реформ. Реализация мер, перечисленная в правилах, направлена на углубление финансовой открытости и инноваций, дальнейшее смягчения валютного контроля и создание благоприятных финансовых условий для функционирования ЗСТ.

В г. Фучжоу стартовал эксперимент по внедрению централизованного управления валютных средств транснациональных компаний. ЗСТ вводит более гибкую систему валютного контроля и ослабляет региональные ограничения на регистрацию прямых иностранных инвестиций внутри страны.

В целях решения финансовых проблем малого и среднего бизнеса ЗСТ Фуцзянь проводит реформу в сфере финансовых услуг. Департамент налогообложения провинции Фуцзянь подписал «Банковско-налоговое взаимодействие» — соглашение о сотрудничестве с банковскими структурами. Провинция Фуцзянь также взяла на себя инициативу по созданию «интерактивной онлайн-платформы банковско-налогового взаимодействия»,

14. 陈德提：“福建自贸试验区：在服务 and 融入新发展格局中走前头迈大步” [Чэнь Дэти. ЗСТ Фуцзянь: первый шаг на пути к переходу на новую модель развития] // 福建自贸区门户网站. 26.05.2021. URL: <http://ftz.fujian.gov.cn/article/index/aid/17128.html> (дата обращения: 16.01.2022).

15. 福建自贸试验区领导小组办公室“福建自贸试验区敢闯敢试敢改全力构建全方位推进高质量发展超越示范区” [Администрация пилотной зоны свободной торговли провинции Фуцзянь. ЗСТ Фуцзянь принимает смелые решения для развития за пределами экспериментальной зоны] // 福建日报. 10.08.2020.

нацеленной на содействие обмену банковскими и налоговыми данными, совместное использование ресурсов и взаимодействие платформ. Таким образом, сотрудничество было переведено из офлайн-формата в онлайн, что сделало передачу данных между банками и налоговыми органами более удобной и оперативной¹⁶.

Провинциальные власти уделяют большое внимание развитию пров. Фуцзянь в качестве ключевой зоны Морского Шёлкового пути. Посредством таких мер, как открытие международных маршрутов Тайвань — Фуцзянь — Европа, организации перевозок по Морскому Шёлковому пути, а также созданию товарных торговых платформ под эгидой Морского Шёлкового пути, ведется работа по укреплению сотрудничества со странами, расположенными вдоль всего маршрута мегапроекта.

В августе 2015 г. в Сямэне был запущен маршрут Тайвань — Фуцзянь — Европа. Товары из провинции Тайвань, стран Юго-Восточной Азии и других регионов, поступают в порт Сямэнь морским и железнодорожным транспортом, а затем отправляются в Центральную Азию и Европу. В конце 2019 г. было организовано 6 маршрутов, которые охватывают более 30 городов в 12 стран Европы и Центральной Азии, тем самым образуя единый логистический канал, проходящий через Тайваньский пролив и пересекающий всю Евразию. Проект «Морской Шёлковый путь», запущенный 24 декабря 2018 г., является первой в Китае международной платформой по оказанию комплексных логистических услуг в рамках инициативы «Пояс и Путь». По состоянию на конец декабря 2021 г. по 86-ти маршрутам Морского Шёлкового пути были совершены более 6 856 рейсов, их совокупная пропускная способность составила примерно 7 млн контейнеров.

В целях укрепления торговых связей между ЗСТ Фуцзянь и регионами, участвующими в работе инициативы «Пояс и Путь», в ЗСТ планируется создание товарной платформы «Хайсы» (海丝). В тестовом режиме открылся новый трансграничный торговый центр Шёлкового пути, расположенный в районе Пинтань, в котором собраны более 20 000 оригинальных импортных товаров из более чем 20 стран, среди которых присутствуют производители из США, Южной Кореи, Японии, Сингапура и т.д. Торговый центр «Хайсы» в Фучжоу располагает логистическим распределительным центром для импортируемых товаров, что способствует быстрому росту торговли.

Надежная система гарантийного обслуживания является важной составляющей поэтапного развития ЗСТ. Зона свободной торговли Фуцзянь, предоставляя рынку достаточную автономию, стимулирует его участников и гарантирует упорядоченное функционирование рынка, способствует успешной реализации инновационных мер путем создания комплексной правоохранительной, надзорной системы, а также системы информирования о благонадежности контрагентов.

Централизованная система правоохранительного надзора является залогом благополучия ЗСТ. В экспериментальной зоне тестируется инновационная модель «Интернет + надзор», созданная в качестве информационной платформы для проведения контрольно-надзорных мероприятий. Она позволяет осуществлять оперативный обмен информацией между контрольно-надзорными органами. Кроме того, Администрация ЗСТ Фуцзянь разрабатывает единую систему раскрытия кредитной информации по трем ос-

16. 福建自贸试验区领导小组办公室, 福建自贸区发展研究中心: “福建自贸试验区创新实践探索” [Администрация пилотной зоны свободной торговли провинции Фуцзянь, Исследовательский центр развития пилотной зоны свободной торговли провинции Фуцзянь: Исследование практики и инноваций пилотной зоны свободной торговли Фуцзянь, Фучжоу]. 福州: 福建人民出版社, 2016. 第48–50页.

новным пунктам: обязательстве извещать о рассмотрении и утверждении, оценке кредитоспособности третьих сторон и обязательствам субъектов рынка¹⁷.

Администрация ЗСТ Фуцзянь строго придерживается принципа снижения рисков, работает над системой их предотвращения и контроля, постоянно повышает эффективность надзора путем внедрения инновационных механизмов мониторинга и раннего предупреждения. Системы профилактики и контроля рисков помогают избежать возникновения системных сбоев и снижают вероятность возникновения экстренных ситуаций.

Будущее направление развития зоны свободной торговли Фуцзянь

Логика дальнейшего развития ЗСТ Фуцзянь опирается на продуманное использование географических преимуществ провинции, равно как на использование накопленного теоретического и практического опыта в сфере оперативного внедрения инноваций. Драйвером для привлечения иностранных инвестиций становится инициатива «Пояс и Путь», в котором ЗСТ должна занять особое место в качестве ключевого звена в цепи глобальной поставки товаров.

Кроме того, крайне важным фактором для развития ЗСТ Фуцзянь является увеличение масштабов сотрудничества материкового Китая и Тайваня. Внедрение инновационных методов таможенного контроля приведет к повышению общего благосостояния двух сторон, что, в свою очередь, повлияет на интенсивность культурных и образовательных контактов.

Нельзя останавливаться на достигнутых успехах в сфере «сокращения управленческого аппарата и предоставления большего количества полномочий нижестоящим органам власти». Экспериментальный формат ЗСТ Фуцзянь открывает перед властями провинции уникальные возможности по дальнейшему реформированию системы государственного администрирования, от результатов которого зависит облик будущего Китая¹⁸.

Литература

福建自贸试验区领导小组办公室, 福建自贸区发展研究中心: “福建自贸试验区创新实践探索” [Администрация пилотной зоны свободной торговли провинции Фуцзянь, Исследовательский центр развития пилотной зоны свободной торговли провинции Фуцзянь: изучение инновационных практик в пилотной зоне свободной торговли Фуцзянь, Фучжоу]. 福州: 福建人民出版社, 2016.

福建自贸试验区办公室: “工程建设项目审批“五个一” 打造全国改革试点“样本”” [Администрация пилотной зоны свободной торговли провинции Фуцзянь: Концепция утверждения строительных проектов «Пять в одном»] // 福建自贸区门户网. 30.07.2019. URL: <http://www.china-fjftz.gov.cn/article/index/aid/12613.html> (дата обращения: 01.02.2020).

福建自贸试验区领导小组办公室, 福建自贸区发展研究中心: “福建自贸试验区创新实践探索” [Администрация пилотной зоны свободной торговли провинции Фуцзянь, Исследовательский центр развития пилотной зоны свободной торговли провинции Фуцзянь: Исследование опыта практических инноваций пилотной зоны свободной торговли Фуцзянь, Фучжоу]. 福州: 福建人民出版社, 2016.

17. 崔昊: “厦门自贸片区创新推行“信用三公示” 护航经济发展” [Цуй Хао. Зона свободной торговли Сямэнь внедряет инновационную систему раскрытия кредитной информации] // 福建自贸区门户网. 14.01.2019. URL: <http://www.china-fjftz.gov.cn/article/index/aid/11112.html> (дата обращения: 15.02.2020).

18. 刘祺、马长俊: “自贸区“放管服”改革的成效、困境及对策—以上海、广东、福建、天津自贸区为分析蓝本” [Лю Ци, Ма Чанцзюнь. Результаты, сложности и контрмеры реформ «сокращения управленческого аппарата и предоставления больших прав нижестоящим органам власти» в зонах свободной торговли — анализ зон свободной торговли Шанхая, Гуандуна, Фуцзяня и Тяньцзиня] // 新视野, 2020. 第37–42页.

- 蒋巧玲, 潘肖升: “福建自贸试验区晒三年“成绩单” 已推出创新举措310项 [Цзян Цяолин, Пань Сяошэн. В результате 3-х лет работы пилотной зоны свободной торговли Фуцзянь были разработаны 310 инновационных мер] // 载福建自贸区门户网. 12.06.2018. URL: <http://www.china-fjftz.gov.cn/article/index/aid/9075.html/> (дата обращения: 13.02.2020).
- 福建省交通厅. 2020年福建省交通运输行业发展统计公报 [Департамент транспорта провинции Фуцзянь: Статистический бюллетень развития транспортного сектора провинции Фуцзянь — 2020]. 03.06.2021. URL: https://jtyst.fujian.gov.cn/zwggk/tjxx/gbyjd/202106/t20210603_5607242.htm (дата обращения: 15.01.2022).
- 福建统计年鉴 — 2021 [Ежегодный статистический справочник провинции Фуцзянь — 2021]. 北京: 中国统计出版社, 2021.
- 卢金福, 林先昌: “福建自贸试验区累计推出实施480项创新举措 34项创新成果在全国推广 [Лу Цзиньфу, Линь Сяньчан. В ЗСТ Фуцзянь было запущено 480 инновационных мер, из которых 34 были внедрены во всей стране] // 福建自贸区门户网. 14.07.2021. URL: <http://ftz.fujian.gov.cn/article/index/aid/16878.html> (дата обращения: 13.02.2020).
- 上海社会科学院经济研究所: “福建自贸试验区六周年对台服务特色鲜明” [Институт экономики Шанхайской Академии Общественных Наук. 6-я годовщина создания ЗСТ Фуцзянь, с особым упором на сотрудничество с Тайванем] // 厦门广电网. 22.08.2021. URL: <https://2020.xmtv.cn/xmtv/2021-08-22/ae77aa92b881c93f.html> (дата обращения: 20.01.2022).
- 廖丽萍: 253项省级行政许可事项将可由自贸试验区厦门片区办结” [Ляо Липин. Провинция делегировала 253 административных функции ЗСТ Сямэнь] // 福建日报. 16.11.2015.
- 卢金福: “福建自贸试验区深化改革推出“组合拳”打造优良营商环境” [Лу Цзиньфу. В провинции Фуцзянь предпринята серия мер по созданию благоприятных условий для развития бизнеса в рамках экспериментальной зоны свободной торговли] // 福建自贸区门户网. 23.07.2021. URL: <http://ftz.fujian.gov.cn/article/index/aid/16889.html> (дата обращения: 16.01.2022).
- 李慧颖: “福建自贸区新增台资企业逾1400家” [Ли Хуэйин. В Зоне свободной торговли Фуцзянь открылось 1400 новых предприятий с тайваньским капиталом]. 福建日报. 17.04.2017.
- 陈德提: “福建自贸试验区: 在服务 and 融入新发展格局中走前头迈大步” [Чэнь Дэти. ЗСТ Фуцзянь: первый шаг на пути к переходу на новую модель развития] // 福建自贸区门户网. 26.05.2021. URL: <http://ftz.fujian.gov.cn/article/index/aid/17128.html> (дата обращения: 16.01.2022).
- 刘祺, 马长俊: “自贸区“放管服”改革的成效、困境及对策—以上海、广东、福建, 天津自贸区为分析蓝本” [Лю Ци, Ма Чанцзюнь. Результаты, сложности и контрмеры реформ «сокращения управленческого аппарата и предоставления больших прав нижестоящим органам власти» в зонах свободной торговли — анализ зон свободной торговли Шанхая, Гуандуна, Фуцзяня и Тяньцзиня] // 新视野, 2020.
- 福建自贸试验区领导小组办公室 “福建自贸试验区敢闯敢试敢改全力构建全方位推进高质量发展超越示范区” [Администрация пилотной зоны свободной торговли провинции Фуцзянь. ЗСТ Фуцзянь предпринимает смелые шаги для развития за пределами экспериментальной зоны] // 福建日报. 10.08.2020.
- 崔昊: “厦门自贸片区创新推行“信用三公示” 护航经济发展” [Цуй Хао. Зона свободной торговли Сямэнь внедряет инновационную систему раскрытия кредитной информации] // 福建自贸区门户网. 14.01.2019. URL: <http://www.china-fjftz.gov.cn/article/index/aid/11112.html> (дата обращения: 15.02.2020).

A Study on the Pilot Experiment of Fujian Pilot Free Trade Zone

Wei Liyan

Ph.D. in Management, associate professor, deputy director of the School of public Affairs Xiamen University (address: 361005, China Xiamen Siming 422). ORCID: 0000-0002-2254-344X. E-mail: weilian7691@xmu.edu.cn.

Wang Mengling

Master in Management, Civil Servant of Xuancheng Municipal People's Government Office (address: 361005, China Xiamen Siming 422). ORCID: 0000-0002-7543-4650. E-mail: wangmengling2021@163.com.

Received 03.01.2022.

Abstract:

Fujian Pilot Free Trade Zone is strategically positioned as "an experimental field for reform and innovation, a demonstration zone for deepening cross-straits economic cooperation and a new high ground for opening up and cooperation among countries and regions along "The 21st Century Maritime Silk Road". The Fujian Pilot Free Trade Zone has introduced an "Early and Pilot Implementation" policy in terms of accelerating the transformation of government functions, promoting investment and trade facilitation, innovating the cooperation model between Fujian and Taiwan, deepening financial reform and innovation, creating an open "Maritime Silk Road", etc. The Fujian FTZ devised a number of innovative projects, which are ready for implementation in other regions of China. However, there are challenges that have arisen in past years. In the future development, we can continue to exert our strengths in giving play to regional advantages, deepening cooperation with Taiwan Province, and continuously optimizing the business environment.

Key words:

Fujian Pilot Free Trade Zone, Early and Pilot Implementation, innovation practice, high quality service.

For citation:

Wei Liyan, Wang Mengling. A Study on the Pilot Experiment of Fujian Pilot Free Trade Zone // Far Eastern Studies. 2022. No. 1. Pp. 127–138. DOI: 10.31857/S013128120018509-0.

Funding sources:

This article was prepared with the support of the National Social Science Foundation Project in China (Project 19BGL219) and with the support of the Prosperity of Philosophy and Social Sciences Project of Xiamen University.

References

- 福建自贸试验区领导小组办公室, 福建自贸区发展研究中心. “福建自贸试验区创新实践探索” [Fujian Provincial Pilot Free Trade Zone Administration, Fujian Provincial Pilot Free Trade Zone development research center: studying innovative practices in Fujian Pilot Free Trade Zone, Fuzhou]. 福州: 福建人民出版社, 2016. (In Chin.).
- 福建自贸试验区办公室. “工程建设项目审批“五个一”打造全国改革试点“样本”” [Fujian Provincial Pilot Free Trade Zone Administration: “Five-in-One construction project approval concept”]. 福建自贸区门户网. 30.07.2019. URL: <http://www.china-fjftz.gov.cn/article/index/aid/12613.html> (accessed: 01.02.2020). (In Chin.).
- 福建自贸试验区领导小组办公室, 福建自贸区发展研究中心. “福建自贸试验区创新实践探索” [Fujian Provincial Pilot Free Trade Zone Administration, Fujian Provincial Pilot Free Trade Zone development research center: study on practical innovation experience of Fujian Pilot Free Trade Zone, Fuzhou]. 福州: 福建人民出版社, 2016. (In Chin.).
- 蒋巧玲, 潘肖升. “福建自贸试验区晒三年“成绩单” 已推出创新举措310项” [Jiang Qiaoling, Pan Xiaosheng. Fujian Pilot Free Trade Zone developed 310 innovative measures as a result of 3 years of operation]. 载福建自贸区门户网. 12.06.2018. URL: <http://www.china-fjftz.gov.cn/article/index/aid/9075.html/> (accessed: 13.02.2020). (In Chin.).
- 福建省交通厅. 2020年福建省交通运输行业发展统计公报 [Fujian Department of Transportation: Fujian provincial transport sector development statistical bulletin 2020]. 03.06.2021. URL: https://jtyst.fujian.gov.cn/zwgk/tjxx/gbyjd/202106/t20210603_5607242.htm (accessed: 15.01.2022). (In Chin.).

- 福建统计年鉴 — 2021 [Fujian Provincial Statistical Yearbook 2021]. 北京: 中国统计出版社, 2021. (In Chin.).
- 卢金福, 林先昌: “福建自贸试验区累计推出实施480项创新举措 34项创新成果在全国推广” [Lu Jinfu, Lin Xianchang. Fujian FTZ launched 480 innovative measures, of which 34 were rolled out nationwide]. 福建自贸区门户网. 14.07.2021. URL: <http://ftz.fujian.gov.cn/article/index/aid/16878.html> (accessed: 13.02.2020). (In Chin.).
- 上海社会科学院经济研究所: “福建自贸试验区六周年对台服务特色鲜明” [Institute of Economics, Shanghai Academy of Social Sciences. 6th anniversary of the establishment of the Fujian FTZ with special emphasis on cooperation with Taiwan]. 厦门广电网. 22.08.2021. URL: <https://2020.xmtv.cn/xmtv/2021-08-22/ae77aa92b881c93f.html> (accessed: 20.01.2022). (In Chin.).
- 廖丽萍: 253项省级行政许可事项将可由自贸试验区厦门片区办结” [Liao Liping. Province delegated 253 administrative functions to Xiamen FTZ]. 福建日报. 16.11.2015. (In Chin.).
- 卢金福: “福建自贸试验区深化改革推出“组合拳”打造优良营商环境” [Lu Jinfu. Fujian province undertakes a series of measures to create a favorable environment for business development in Pilot Free Trade Zone]. 福建自贸区门户. 23.07.2021. URL: <http://ftz.fujian.gov.cn/article/index/aid/16889.html> (accessed: 16.01.2022). (In Chin.).
- 李慧颖: “福建自贸区新增台资企业逾1400家” [Li Huiying. Fujian Free Trade Zone opens 1,400 new businesses with Taiwanese capital]. 福建日报. 17.04.2017. (In Chin.).
- 陈德提: “福建自贸试验区: 在服务和融入新发展格局中走前头迈大步” [Chen Deti. Fujian FTZ: the first step towards the transition to a new development model]. 福建自贸区门户网. 26.05.2021. URL: <http://ftz.fujian.gov.cn/article/index/aid/17128.html> (дата обращения: 16.01.2022). (In Chin.).
- 福建自贸试验区领导小组办公室 “福建自贸试验区敢闯敢试敢改全力构建全方位推进高质量发展超越示范区” [Fujian Province Pilot Free Trade Zone Administration. Fujian FTZ takes bold steps to develop beyond Pilot Zone]. 福建日报. 10.08.2020. (In Chin.).
- 崔昊: “厦门自贸片区创新推行“信用三公示” 护航经济发展” [Cui Hao. Xiamen Free Trade Zone introduces innovative credit risk disclosure system]. 福建自贸区门户网. 14.01.2019. URL: <http://www.china-fjftz.gov.cn/article/index/aid/11112.html> (accessed: 15.02.2020). (In Chin.).
- 刘祺、马长俊: “自贸区“放管服”改革的成效、困境及对策—以上海、广东、福建, 天津自贸区为分析蓝本” [Liu Qi, Ma Changjun. Results, challenges, and countermeasures of the reforms of "reducing the administrative apparatus" in the Free Trade Zones — an analysis of the Free Trade Zones of Shanghai, Guangdong, Fujian and Tianjin]. 新视野. 2020. (In Chin.).

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Развитие городов Китая в рамках госпрограммы «урбанизации нового типа»

© 2021

DOI: 10.31857/S013128120017798-8

Чубаров Илья Георгиевич

Кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-4672-6566.

E-mail: ilya.chubarov@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 23.11.2021.

Аннотация:

Проведение 7-й Всекитайской переписи населения в конце 2020 г. по времени совпало с завершением планового периода действия госпрограммы «урбанизации нового типа». Повышение уровня жизни и социальной защищенности внутренних мигрантов является важным аспектом снижения социально-экономического неравенства и развития человеческого капитала. Анализ данных переписи показывает, что правительству удалось не только поддержать рост числа горожан в стране, но и улучшить качество процесса. Доля горожан в населении страны увеличилась с 54,3% в 2014 г. до 61,4% в 2020 г., число городов крупнее 5 млн жителей достигло 21. Были отменены ограничения по оформлению постоянной регистрации (прописки) в городах с численностью населения менее 3 млн жителей, выдано более 100 млн регистрационных документов промежуточного типа (вид на жительство). В крупных городах введены прозрачные и унифицированные балльно-квотные правила оформления прописки, которые обычно учитывают возраст, образование, длительность проживания, налоговую историю и другие параметры претендентов. Благодаря облегчению получения местной прописки удалось расширить охват сельских и иногородних мигрантов и их детей системой соцзащиты. В то же время, вопреки установкам «урбанизации нового типа», продолжился быстрый рост населения большинства крупнейших городов, сохраняются значительные межрегиональные и внутрирегиональные дисбалансы. Продолжилось сокращение доли северо-восточной части в городском населении Китая. О продолжении госпрограммы формально не объявлялось, однако понятно, что городская система КНР следующее десятилетие будет развиваться в русле целевых установок «урбанизации нового типа».

Ключевые слова:

Китай, урбанизация, городская система, внутренние миграции.

Для цитирования:

Чубаров И.Г. Развитие городов Китая в рамках госпрограммы «урбанизации нового типа» // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 139–148. DOI: 10.31857/S013128120017798-8.

Урбанизация Китая как один из важнейших комплексных социально-экономических процессов неоднократно попадала в поле зрения отечественных экономистов и географов¹. После прихода к власти Си Цзиньпина государственная политика в этой сфере претерпела значительные изменения. Новый курс был сформулирован в 2014 г. в «Национальном плане урбанизации нового типа». Основные целевые параметры этой госпрограммы были рассмотрены на страницах нашего журнала². В конце 2020 г. со-

1. Самбулова Е.Н., Слукa Н.А., Сюэ Л. КНР на пути к «урбанистической революции» // Региональные исследования, 2009. № 2. С. 51-58; Кондрашова Л.И., Островский А.В. Урбанизация в Китае // Проблемы Дальнего Востока, 2000. № 3. С. 82–97.
2. Чубаров И.Г. «Урбанизация нового типа» – новый этап развития городской системы КНР // Проблемы Дальнего Востока, 2015. № 5. С. 23–30.

стоялась 7-я Всекитайская перепись населения (проводятся раз в десятилетие), которая дала уточненные данные о размещении населения страны (подробный анализ результатов переписи см.³). Данная статья посвящена рассмотрению промежуточных итогов урбанистических реформ, а также обзору основных тенденций и проблем развития китайских городов за последние 5–10 лет.

К концу 2000-х годов урбанизация в Китае подошла с рядом проблем, накопившихся за десятилетия стремительного развития и не всегда системного регулирования⁴. За период с 1980 по 2015 гг. число городских жителей в КНР увеличилось более чем в 4 раза: с 190,5 до 779,5 млн чел. Переезд такого количества жителей в города значительно увеличивает потребление базовых ресурсов и вызывает загрязнение окружающей среды. По подсчетам, в 1985–2005 гг. повышение уровня урбанизации на 1 процентный пункт (п.п.) вызывало в среднем увеличение потребления воды на 1,7 млрд м³ (как результат, с 1980 по 2009 гг. объем потребляемой воды увеличился в 2 раза) и угля на 70 млн т. Индустриализация и увеличение автопарка привели к сильному загрязнению воздуха во многих городах, особенно в северной части страны. Главными выгодоприобретателями урбанизации стали крупные девелоперские компании (отрасль по строительству недвижимости), заработавшие огромные средства. Однако уровень цен в крупных городах продолжает оставаться «заградительным», в особенности для молодежи и сельских жителей. Средства от продажи земли стали важной составляющей дохода региональных бюджетов. Тем не менее, строительство новых жилых комплексов часто происходило на реквизируемой у крестьян земле, что увеличивало социальную напряженность⁵.

Несмотря на перечисленные сложности, альтернативы урбанизации как двигателю внутреннего потребления, роста доходов и качества человеческого капитала не имеется. Китайские исследователи отмечают, что единственным выходом повышения уровня жизни в сельской местности является сокращение количества крестьян, их отъезд на ПМЖ в города⁶. Такая ситуация вызвана чрезвычайно высокой плотностью сельского населения, и, соответственно, очень низким средним показателем величины пашни на душу населения. Это делает невозможным получение деревенскими жителями достойного заработка в сельском хозяйстве. Драйвером роста их доходов и искоренения сельской бедности выступает интенсификация и модернизация сельского хозяйства. Только укрупнение хозяйств и внедрение на них современных «малолюдных» сельхозтехнологий смогут обеспечить достойный уровень жизни для их сотрудников.

Главным препятствием для роста числа городских жителей являются сложности с оформлением постоянной регистрации (по советской традиции часто переводится как «прописка», в этой статье оба термина используются на равных правах) приезжими из других городов. Из-за этого, несмотря на длительный срок проживания на новом месте, иногородние мигранты лишены полноценного доступа к социальной защите и государственным услугам. Экономические стимулы, а также городской образ жизни оставались факторами привлекательности для мигрантов из других регионов, однако разрыв между горожанами, имеющими и не имеющими местную прописку, продолжал увеличиваться. Помимо идеологической неприемлемости (социалистическая страна должна обеспечить условия для достойной жизни каждого гражданина, а не только из-

3. Баженова Е.С., Островский А.В. Сколько людей живет в Китае: итоги 7-й Всекитайской переписи населения 2020 года // *Проблемы Дальнего Востока*, 2021. № 4. С. 66–83.
4. Fang Chuanling, Yu Danlin. China's New Urbanization: Developmental Paths, Blueprints and Patterns. Beijing: Science Press, Springer, 2016. 329 p.
5. Китайские исследователи приводят данные, что только за период с октября 2009 г. по май 2011 г. было зафиксировано 22 случая самосожжения из-за земельных конфликтов, в которых погибли более 20 чел. [Fang, Yu, стр. 17].
6. 蔡继明: 中国的城市化: 功能定位、模式选择与发展趋势 [Цай Цзимин. Урбанизация в Китае: функции, выбор модели и тенденции развития]. 上海: 东方出版中心, 2019.

бренных), такое положение дел тормозило формирование среднего класса и развитие потребительской экономики на основе внутреннего спроса.

При этом китайские планировщики исходят из того, что одномоментное снятие ограничений по получению прописки невозможно, так как это вызовет серьезный общественный кризис и перегрузку городской социальной инфраструктуры. Необходимо проводить постепенное преобразование этих ограничительных социально-правовых норм, введенных ещё в 1950-е гг. для предотвращения скопления избыточного населения в городах. Полномочия по конкретным способам стимулирования урбанизации переданы с центрального и провинциального на городской уровень при общей координации центральным правительством. Каждый крупный город в экспериментальном порядке внедряет свои правила предоставления прописки, основываясь на местной обстановке и бюджетных возможностях. Важным инструментом, обеспечившим успешную реализацию программы, стали многочисленные эксперименты и пилотные программы на местах. За период действия программы пилотные города и районы предложили 180 успешных практик, которые были разосланы по остальным регионам, а 30 практик в дальнейшем попали в общенациональные нормативные документы⁷.

К настоящему времени среди наиболее значимых результатов урбанистической реформы 2010-х можно назвать следующие:

Во-первых, окончательно ушло в прошлое существовавшее на протяжении десятилетий деление жителей Китая на обладателей сельскохозяйственной и несельскохозяйственной «прописки». Последним из регионов это разделение было отменено в Тибете в 2016 г. Теперь все жители имеют одинаковое право претендовать на получение постоянной регистрации в другом регионе.

Во-вторых, в качестве промежуточной «ступеньки» перед получением полноценной постоянной регистрации был введен в общенациональном масштабе «вид на жительство» (居住证). Функционал и сфера применения этого документа установлены центральным правительством, но конкретные правила выдачи могут отличаться в разных городах. К примеру, в Пекине для оформления этого документа необходимо проживать в городе не менее 6 месяцев и обладать легальным стабильным местом работы, местом жительства или находиться на учебе (одно из трех). Получение вида на жительство дает ограниченный доступ к госуслугам, например, возможность оформлять местные автомобильные номера, участвовать в социальном страховании, жилищных фондах и другие социальные права. Сходные условия требуются и в других городах. С начала действия программы этот документ получили 110 млн жителей городов.

В-третьих, были последовательно сняты ограничения на получение прописки в городах с населением сначала менее 1 млн жителей (2019 г.), затем — 3 млн (2021 г.). Крупнейшие города с населением свыше 5 млн человек начали применять квотирование и балльную систему оценки заявителей. Такой подход отвечает требованиям прозрачности и общедоступности и позволяет повышать качество человеческого капитала.

В Пекине, к примеру, процесс организован следующим образом⁸. Для подачи документов на оформление постоянной прописки необходимо: 1) иметь местный вид на жительство; 2) возраст (не более 60 лет для мужчин и 50 для женщин); 3) не менее 7 лет выплачивать взносы в городской фонд социального страхования; 4) не иметь уголовной

7. 关于推广第三批国家新型城镇化综合试点等地区经验的通知 [Уведомление о распространении опыта третьей группы комплексных пилотных регионов урбанизации нового типа] // 中华人民共和国国家发展和改革委员会. 26.08.2021. URL: https://www.ndrc.gov.cn/xwdt/ztl/xxczhjs/ghzc/202108/t20210830_1295293.html (дата обращения: 25.11.2021).

8. 北京市积分落户操作管理细则 [Положение о порядке работы балльной системы оформления постоянной регистрации в г. Пекине] // 首都之窗-北京市人民政府. 15.07.2020. URL: http://www.beijing.gov.cn/zhengce/zhengcefagui/202007/t20200716_1950475.html (дата обращения: 25.11.2021).

судимости; 5) стабильная работа на территории Пекина; 6) стабильное жилье на территории Пекина. Если житель удовлетворяет всем 6 критериям, то его заявку берут в обработку. Далее присвоение баллов каждому заявителю идет по следующему принципу:

- 3 балла за каждый год трудового стажа на территории Пекина (согласно выплатам в фонд социального страхования);
- 1 балл за каждый год проживания в собственном жилье; 0,5 балла за каждый год проживания в арендованном жилье либо общежитии;
- 2 балла за каждый год проживания в собственном жилье и 3 балла за каждый год работы за пределами 6 центральных районов (суммарно не более 12 баллов);
- Уровень образования: профессиональное — 10,5 баллов, бакалавр — 15 баллов, магистр — 26 баллов, PhD — 37 баллов;
- Премии в сфере инноваций, искусства, науки, призовые места в технологических соревнованиях, создание компаний-стартапов с капитализацией свыше определенного уровня и т.д. — не более 12 баллов;
- Почетные звания в сфере труда, морали, волонтерской деятельности и т.п. — не более 20 баллов;
- 2 балла за каждый год уплаты в городской бюджет налогов на сумму свыше 100 тыс. юаней — не более 6 баллов;
- Минус 12 баллов за каждый штраф, связанный с неоплатой налогов на сумму свыше 50 юаней в предыдущие 5 лет;
- Возраст: младше 45 лет — 20 баллов, 45–46 лет — 16 баллов, 46–47 лет — 12 баллов, 47–48 лет — 8 баллов, 48–49 лет — 4 балла, свыше 50 лет — 0 баллов.

Таким образом, каждый претендент получает определенное число баллов. На их основании из всех полученных заявок составляется рейтинг и определяется минимальное количество для прохождения. Претенденты, набравшие это количество баллов, получают право оформить постоянную регистрацию. По имеющимся данным, в Пекине ежегодная квота установлена на уровне около 6 тыс. человек⁹. Вместе с детьми это около 28 тыс. жителей за всё время действия программы (данные на конец 2020 г.). Помимо этого, предприятия имеют квоты для оформления постоянной регистрации своим сотрудникам из числа молодых выпускников, прошедших обучение за границей. Схожие балльно-квотные правила оформления постоянной регистрации применяются и в других крупных городах¹⁰.

Три вышеуказанные меры (отмена двух видов прописки, введение вида на жительства, отмена ограничений на регистрацию в малых и средних городах) позволили поддержать здоровый рост числа городских жителей. По статистике, их доля в населении страны продолжила увеличиваться примерно на 1 п.п. в год, а именно с 54,3% в 2014 г. до 61,4% в 2020 г. Это темп урбанизации на уровне более 20 млн новых горожан в год. В абсолютных значениях это рост с 740 до 860 млн жителей. Согласно расчетам ООН, доля КНР среди всех горожан мира за этот период увеличилась с 19,1% до 19,8%. Однако из указанного числа, лишь обладатели постоянной регистрации имеют доступ ко всем социальным услугам в данном городе, что делит горожан на две неравноценные группы.

Говоря об уровне урбанизации, нужно упомянуть о том, что все проведенные переписи в КНР учитывали городское население по-разному, в результате создаются слож-

9. 北京市新版积分落户政策今起发布实施 [Сегодня опубликован и вступает в силу новый порядок начисления баллов при оформлении постоянной регистрации в Пекине] // 北京市发展和改革委员会. 16.07.2020. URL: http://fgw.beijing.gov.cn/fgwzgw/gk/zcjd/202007/t20200716_1950460.htm (дата обращения: 25.11.2021).

10. Чубаров И.Г. Реформа прописки в рамках курса «новой урбанизации» в КНР // *Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии* / отв. ред. Захарова Л.В. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 140–146.

ности при сопоставлениях. Кроме того, в китайской системе административного распределения ресурсов уровень урбанизации мог выступать как дополнительное административное преимущество и KPI (Key Performance Indicators) региональных властей, что нередко приводило к манипуляциям с цифрами и «урбанизации на бумаге». Проблемы со статистическим учетом вынудили Государственное статистическое управление (ГСУ) КНР в 2014 г. выпустить отдельный документ. Он посвящен совершенствованию статистической системы для более адекватной фиксации процесса переезда сельских мигрантов из сел в города и изменений городской среды в населенных пунктах¹¹.

Для оценки доли жителей, имеющих доступ к городской системе госуслуг и соцобеспечения, используется специфический китайский показатель «доля городских жителей с постоянной местной регистрацией в общем населении» (户籍人口城镇化率). Этот показатель, ранее чисто аналитический, в 2014 г. был включен в план «новой урбанизации» и с тех пор стал одним из важнейших критериев динамики качества урбанизации¹². По официальным данным, в 2014 г. в китайских городах проживало 53,7% жителей страны, однако постоянную регистрацию в своем городе имели лишь около 36%. Перед властями городов была поставлена задача увеличивать количество жителей с постоянной регистрацией. «План» предусматривал к 2020 г. поднять уровень урбанизации до 60%, а долю горожан с постоянной регистрацией до 45%, т.е. сократить разрыв между двумя показателями на 3 п.п. Этого удалось достичь лишь наполовину: доля горожан с постоянной регистрацией по итогам 2020 г. превысила целевой показатель (составив 45,4%), однако разрыв с быстро выросшим уровнем урбанизации практически не сократился¹³.

Новые тенденции проявились за последние годы на региональном уровне. По данным переписи, в 2020 г. уровень урбанизации в 12 регионах превысил средний по стране, из них в 7 — превысил уровень в 70%. Помимо трех городов центрального подчинения — Шанхая, Пекина и Тяньцзиня, это наиболее развитые приморские провинции Гуандун, Цзянсу, Чжэцзян и Ляонин. Такой уровень урбанизации в принципе соответствует крупным среднеразвитым странам. Наименее урбанизирован по-прежнему Тибет, где в городах проживает лишь треть населения (см. Табл. 1).

Благодаря новому курсу темпы прироста городского населения начали соответствовать уровню урбанизации, в целом по стране доля горожан за 10 лет увеличилась на 14,2 п.п. За счет эффекта низкой базы наибольшие темпы урбанизации в последнее десятилетие наблюдались в провинциях западного и центрального Китая, из которых выделяются Тибет и Гуйчжоу. Также это связано с госполитикой по борьбе с бедностью среди наименьшинств в этих районах, которых стимулировали переезжать в благоустроенные поселки. В противоположность этим регионам, наименьшими темпами увеличивается городское население высокоурбанизированных приморских и северо-восточных провинций. Почти не увеличивается уровень урбанизации в Шанхае, Пекине и Тяньцзине, поэтому их отрыв от наиболее урбанизированных провинций значительно сократился. Между двумя этими полюсами располагаются остальные регионы, где наблюдаются схожие темпы роста.

-
11. 国家统计局提出2020年基本建成城镇化统计指标体系 [ГСУ КНР распорядился к 2020 г. создать систему статистических индикаторов урбанизации] // 国家统计局. 12.09.2014. URL: http://www.stats.gov.cn/tjgz/tjdt/201409/t20140912_608701.html (дата обращения: 25.11.2021).
 12. 威伟, 刘盛和, 金浩然: 中国户籍人口城镇化率的核算方法与分布格局 [Ци Вэй, Лю Шэнхэ, Цзинь Хаожань. Метод исчисления и территориальное распределение уровня урбанизации зарегистрированного населения] // 地理研究, 2017. No. 36 (4). 第616–632页.
 13. 去年底全国户籍人口城镇化率达到45.4% [Уровень урбанизации зарегистрированного населения в конце прошлого года достиг 45,4%] // 人民日报. 10.05.2021. URL: <https://cn.chinadaily.com.cn/a/202105/10/WS6098c640a3101e7ce974e57d.html> (дата обращения: 25.11.2021).

Таблица 1 / Table 1

Урбанизация регионов Китая
Urbanization of the regions of China

№	Регион	Городские жители в 2020 г.		Динамика с 2010 по 2020 гг.	
		Доля, %	Численность, млн чел.	млн чел.	п.п.
1	Шанхай	89,3%	22,2	+1,6	0
2	Пекин	87,5%	19,2	+2,3	+1,5
3	Тяньцзинь	84,7%	11,7	+1,5	+5,3
4	Гуандун	74,15%	93,4	+24,4	+8,0
5	Цзянсу	73,44%	62,2	+14,9	+13,2
6	Чжэцзян	72,17%	46,6	+13,0	+10,6
7	Ляонин	72,14%	30,7	+3,6	+10,0
8	Чунцин	69,46%	22,3	+7,0	+16,4
9	Фуцзянь	68,75%	28,6	+7,5	+11,7
10	Внутренняя Монголия	67,48%	16,2	+2,5	+12,0
11	Хэйлунцзян	65,61%	20,9	-0,4	+10,0
12	Нинся	64,96%	4,7	+1,7	+17,1
13	Шаньдун	63,05%	64,0	+16,4	+12,0
14	Хубэй	62,89%	36,3	+7,9	13,2
15	Шэньси	62,66%	24,8	+7,7	+17,0
16	Цзилинь	62,64%	15,1	+0,4	+9,3
17	Шаньси	62,53%	21,8	+4,7	+14,5
18	Цинхай	60,08%	35,6	+1,0	+15,4
19	Цзянси	60,44%	27,3	+7,7	+16,4
20	Хайнань	60,27%	6,1	+1,8	+10,6
21	Хэбэй	60,07%	44,8	+13,2	+16,1
22	Хунань	58,76%	39,0	+10,6	+15,5
23	Аньхой	58,33%	35,6	+10,0	+15,3
24	Сычуань	56,73%	47,5	+15,2	+16,6
25	Синьцзян	56,53%	14,6	+5,3	+13,7
26	Хэнань	55,43%	55,1	+18,9	+16,9
27	Гуйчжоу	53,15%	20,5	+8,7	+19,3
28	Гуанси	54,2%	27,2	+8,8	+14,2
29	Ганьсу	52,23%	13,1	+3,8	+16,1
30	Юньнань	50,05%	23,6	+7,4	+14,9
31	Тибет	35,73%	1,3	+0,6	+13,1

Составлено по: данные 6-й и 7-й Всекитайских переписей населения. 中国统计年鉴—2019 [Китайский статистический ежегодник – 2019]. 北京: 中国统计出版社, 2019.

Окончательно ушло в прошлое исторически обусловленное лидерство северо-восточных провинций в рейтинге наиболее урбанизированных регионов Китая: за 5 лет пров. Ляонин опередили восточно-китайские Цзянсу и Чжэцзян. Цзилинь пропустил вперед Шэньси и Нинся. Примечательно, что рост доли городских жителей на Северо-Востоке происходит на фоне быстрой депопуляции. К примеру, в пров. Хэйлунцзян доля горожан с 2010 по 2020 гг. увеличилась с 58,0% до 65,6%, однако в абсолютном выражении их число сократилось на 400 тыс. чел. Доля Северо-Восточного макрорегиона среди горожан Китая сократилась, а Центрального и Западного — выросла (см. Табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Доли макрорегионов в городском населении КНР, 2010–2020 гг. (в %)
Before macroregions in the urban population of China, 2010–2020 (in %)

	2020	2010
Северо-Восточный	7,2	9,0
Восточный (приморский)	42,8	43,0
Центральный	23,0	22,1
Западный	27,0	25,9

Составлено по: данные 7-й Всекитайской переписи населения по регионам

Одной из задач «новой урбанизации» является повышение привлекательности средних и малых городов в центральной и западной частях страны. Это делается с целью исправления территориального дисбаланса развития и создания новых точек роста. Для этого почти во всех городах в этих регионах, за исключением административных центров, были отменены ограничения на получение постоянной регистрации (на несколько лет раньше, чем в целом по стране). Эти меры способствовали ускорению урбанизации в наименее развитых частях страны. На этом фоне показательны данные по крупнейшим городам страны (см. Табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Города КНР с населением свыше 5 млн жителей, 2020 г.
PRC cities with over 5 million inhabitants, 2020

N	Населенный пункт	Провинция	Численность населения, млн чел.			
			основной территории	всей территории		
				2020 г.	2010 г.	2000 г.
1	Шанхай	—	19,9	24,9	23,0	16,7
2	Пекин	—	17,8	21,9	19,6	13,6
3	Шэньчжэнь	Гуандун	17,4	17,5	10,4	7,0
4	Чунцин	—	16,3 (10,3*)	32,1	28,8	24,6
5	Гуанчжоу	Гуандун	14,9	18,7	12,7	9,9
6	Чэнду	Сычуань	13,3	20,9	14,0	11,2
7	Тяньцзинь	—	10,9	13,9	12,9	10,0
8	Ухань	Хубэй	9,9	12,5	9,8	8,0
9	Дунгуань	Гуандун	9,6	10,5	8,2	6,4
10	Сиань	Шэньси	9,3	12,2	8,5	7,4
11	Ханчжоу	Чжэцзян	8,7	11,9	8,7	6,9
12	Фошань	Гуандун	8,5	9,5	7,2	5,3
13	Нанкин	Цзянсу	7,9	9,3	8,0	6,2
14	Шэньян	Ляонин	7,1	9,1	8,1	7,2
15	Циндао	Шаньдун	6,0	10,0	8,7	7,5
16	Цзинань	Шаньдун	5,9	9,2	6,8	5,9
17	Чанша	Хунань	5,6	10,1	7,0	6,1
18	Харбин	Хэйлуцзян	5,5	10,0	10,6	9,4
19	Чжэнчжоу	Хэнань	5,3	12,6	8,6	6,7
20	Куньмин	Юньнань	5,3	8,5	6,4	5,8
21	Далянь	Ляонин	5,2	7,5	6,7	5,9
ИТОГО			210,3 (194,0)	292,8	234,7	187,8

Примечание: * — население центральной городской территории Чунцина

Составлено по: 经济社会发展统计图表: 第七次全国人口普查超大、特大城市人口基本情况 [Статистическая таблица социально-экономического развития: основная информация о сверхкрупных и особо крупных городах]. 求是网. 16.09.2021. URL:

http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2021-09/16/c_1127863567.htm (дата обращения: 25.11.2021.); результаты переписей разных лет.

По данным 7-й Всекитайской переписи в 2020 г. был выделен 21 населенный пункт крупнее 5 млн жителей (см. Табл. 3). Эти крупнейшие города играют огромную роль в жизни Китая. В них проживает пятая часть всего населения и производится треть ВВП страны. Третья часть их населения (почти 100 млн жителей) — внутренние мигранты из других регионов, при этом в городах дельты реки Чжуцзян их более половины.

Из таблицы 3 видно, что курс «новой урбанизации» пока не вполне смог затормозить рост наиболее крупных городов. В 14 из 21 города население за период 2010–2020 гг. выросло больше, чем за 2000–2010 гг. По данным текущего учета, большая часть прироста населения пришлась на период после 2014 г. Исключение составляют 4 города центрального подчинения, а также Нанкин, Далянь и Харбин (в последнем даже наблюдается убыль населения). Наиболее эффективно удалось ограничить рост жителей двух крупнейших городов, а именно Пекина и Шанхая. Так, с 2010 по 2014 гг. население Пекина увеличилось с 19,6 млн до 21,5 млн, а к 2020 г. достигло 21,9 млн жителей. Аналогичные цифры для Шанхая составили 23,0 млн, 24,3 млн и 24,9 млн. В 2017 г. впервые в своей новейшей истории оба мегаполиса даже зафиксировали незначительное снижение числа жителей.

В генпланах главных мегаполисов Китая, обновленных за последнюю пятилетку, установлены «красные линии» максимально допустимой численности населения. Для Шанхая и Чэнду это 25 млн, Пекина — 23 млн, Гуанчжоу и Тяньцзиня — 20 млн, Шэньчжэня — 19 млн, Уханя — 17 млн, Ханчжоу — 15 млн, Нанкина — 13 млн, Дунгуаня — 11 млн и т.д. Указанные ограничения различаются по уровню строгости их исполнения, однако в целом многие из указанных городов уже приблизились к верхнему пределу. Несмотря на успехи в Шанхае и Пекине, почти не удалось остановить стягивание населения в другие крупные города. Так, в пров. Гуандун доля центральной агломерации (9 городских округов, составляющие регион дельты реки Чжуцзян) в населении провинции увеличилась с 54% в 2010 г. до 62% в 2020 г., Харбина в населении пров. Хэйлуцзян — с 28% до 31%, Уханя в населении пров. Хубэй — с 17% до 21%, Чэнду в населении пров. Сычуань — с 19% до 25%, Ханчжоу в населении пров. Чжэцзян — с 16% до 18% и т.д.

Ключевым компонентом «новой урбанизации» является решение социальных проблем, возникающих при переезде в города. Одним из важных направлений стала реформа, позволившая детям мигрантов пользоваться на новом месте образовательными субсидиями (на покупку учебников, проживание в общежитиях), на которые они имели право по месту жительства. Согласно опубликованным данным, этим воспользовались около 14 млн школьников, детей внутренних трудовых мигрантов. Другой аспект — занятость. Правительство финансирует программы переподготовки и повышения квалификации, с 2014 г. в них приняли участие около 100 млн чел. Создается единая система базовой пенсионной страховки, в ней участвуют 63 млн чел.¹⁴

* * *

Урбанистический переход в Китае находится сейчас в своей быстрой фазе, проблемы развития городов остаются в фокусе внимания руководства страны. Госполитика «урбанизации нового типа» представляет собой дальнейшее стимулирование переезда сельских жителей в городские поселения за исключением наиболее крупных. С экономической точки зрения основная задача «урбанизации нового типа» — развитие внутреннего рынка за счет поддержания спроса, а также модернизация сельского

14. 城镇化率44.38%: 我国提前完成一亿人口落户目标 [Уровень урбанизации 44,38%: Китай досрочно достиг цели по оформлению постоянной регистрации для 100 млн жителей] // 新华社. 07.10.2020. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-10/07/c_1126580082.htm (дата обращения: 25.11.2021).

хозяйства. В последние годы на первый план вышел мотив социальной справедливости — сокращение разрыва в уровне жизни и доходов, улучшение доступа к качественному образованию и здравоохранению. Также государство стремится смягчить дисбаланс между приморскими, центральными и западными регионами, между крупными и малыми городскими поселениями. О продолжении программы формально не объявлено, однако понятно, что городская система КНР в ближайшее десятилетие будет развиваться в соответствии с целевыми установками «урбанизации нового типа». При сохранении нынешних темпов до 2030 г. Китай достигнет показателя в 70% городских жителей, а наиболее развитые приморские регионы приблизятся к 80%. Помимо давних проблем несбалансированности территориального развития, непропорционального роста крупнейших городов и плохой экологии Китая, по всей вероятности, столкнется и с новыми вызовами в этой сфере. Властям нужно будет принимать энергичные меры в связи со старением населения, особенно сельского, сокращением числа рабочих-мигрантов, искать способы эффективного управления «сжатием» (сокращением числа жителей и границ обитаемой местности) многих малых городов.

Литература

- Баженова Е.С., Островский А.В. Сколько людей живет в Китае: итоги 7-й Всекитайской переписи населения 2020 года // *Проблемы Дальнего Востока*, 2021. № 4.
- Кондрашова Л.И., Островский А.В. Урбанизация в Китае // *Проблемы Дальнего Востока*, 2000. № 3.
- Самбурава Е.Н., Слука Н.А., Сюэ Л. КНР на пути к «урбанистической революции» // *Региональные исследования*, 2009. № 2.
- Чубаров И.Г. Проблемы и решения в сфере развития городов в Китае (по итогам XIX съезда КПК) // *Экономика КНР в свете решений XIX съезда КПК* / отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2019.
- Чубаров И.Г. Реформа прописки в рамках курса «новой урбанизации» в КНР // *Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии* / отв. ред. Захарова Л.В. М.: ИДВ РАН, 2017.
- Чубаров И.Г. «Урбанизация нового типа» — новый этап развития городской системы КНР // *Проблемы Дальнего Востока*, 2015. № 5.
- Fang Chuanling, Yu Danlin. China's New Urbanization: Developmental Paths, Blueprints and Patterns. Beijing: Science Press, Springer, 2016.
- 国家新型城镇化报告2019 [Национальный доклад о новой урбанизации — 2019]. 国家发展和改革委员会编. 北京: 人民出版社, 2020.
- 戚伟, 刘盛和, 金浩然: 中国户籍人口城镇化率的核算方法与分布格局 [Ци Вэй, Лю Шэнхэ, Цзинь Хаожань. Метод исчисления и территориальное распределение уровня урбанизации зарегистрированного населения] // *地理研究*, 2017. No. 36 (4).
- 蔡继明: 中国的城市化: 功能定位、模式选择与发展趋势 [Цай Цзимин. Урбанизация в Китае: функции, выбор модели и тенденции развития]. 上海: 东方出版中心, 2019.
- 中国统计年鉴—2019 [Китайский статистический ежегодник – 2019]. 北京: 中国统计出版社, 2019.

STATE AND SOCIETY

Chinese Urban Development under the “New Type Urbanization” Policy

Ilya G. Chubarov

Ph.D. (Geography), Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4672-6566. E-mail: ilya.chubarov@gmail.com.

Received 23.11.2021.

Abstract:

The Chinese 7th national population census (2020) was held in the recent year of the "urbanization of a new type" state program. The successful management of the entire complex of urbanization processes becomes an important social and political task. Improving the living standards and social security of migrants acts as important components of the reduction of inequality and devel-

opment of human capital. Census data shows that the program helped the government not only to support the growth of the number of urban dwellers but also to improve the quality of the process. The share of urban dwellers in Chinese population increased from 54.3% in 2014 to 61.4% in 2020, the number of cities larger than 5 million inhabitants reached 21. The Government lifted restrictions on obtaining permanent registration in cities less than 3 million inhabitants and issued more than 100 million intermediate type registration documents (juzhuzheng). Transparent and unified point-quota registration rules have been introduced in large cities, which usually rank applicants according to their age, education, length of residence, tax history and other parameters. These measures made possible expansion of the coverage of rural and nonresident migrants and their children by the social protection system. At the same time, contrary to the program's guidelines, population of the largest cities continued to grow rapidly, and significant interregional and intraregional imbalances remained sharp. Share of the north-eastern part in the urban population of China continued to decline. The continuation of the program "urbanization of a new type" was not formally announced, however it is clear, that the urban system of the PRC will develop in line with the program's guidelines in the next decade.

Key words:

China, urbanization, urban system, internal migrations.

For citation:

Chubarov I.G. Chinese Urban Development under the "New Type Urbanization" Policy // Far Eastern Studies. 2022. No. 1. Pp. 139–148. DOI: 10.31857/S013128120017798-8.

References

- Bazhenova E.S., Ostrovskij A.V. Skol'ko lyudej zhivet v Kitae: itogi 7-j Vsekitajskoj perepisi naseleniya 2020 goda [How Many People Live in China? The Results of the 2020 Population Census]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2021. № 4. (In Russ.).
- Chubarov I.G. Problemy i resheniya v sfere razvitiya gorodov v Kitae (po itogam XIX s'ezda KPK) [Problems and solutions in the sphere of urban development in China (based on the results of the 19th CPC Congress)]. *Ekonomika KNR v svete reshenij XIX s'ezda KPK* [PRC economy in the lights of the 19th CPC Congress] / otv. red. A.V. Ostrovskij. M.: IDV RAN, 2019. (In Russ.).
- Chubarov I.G. Reforma propiski v ramkah kursa «novoju urbanizacii» v KNR [Registration reform under the "new urbanization" policy in China]. *Arhitektura bezopasnosti i sotrudnichestva v Vostochnoj Azii* / otv. red. Zaharova L.V. M.: IDV RAN, 2017. (In Russ.).
- Chubarov I.G. «Urbanizaciya novogo tipa» — novyj etap razvitiya gorodskoj sistemy KNR ["New type urbanization" as new stage of PRC city system development]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2015. No. 5. (In Russ.).
- Fang Chuanling, Yu Danlin. China's New Urbanization: Developmental Paths, Blueprints and Patterns. Beijing: Science Press, Springer, 2016.
- Kondrashova L.I., Ostrovskij A.V. Urbanizaciya v Kitae [Urbanization in China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2000. No. 3. (In Russ.).
- Samburova E.N., Sluka N.A., Xue L. KNR na puti k «urbanisticheskoi revolyucii» [PRC on its way to "urban revolution"]. *Regional'nye issledovaniya*, 2009. No. 2. (In Russ.).
- 国家新型城镇化报告2019 [National report on New Urbanization — 2019]. 国家发展和改革委员会编. 北京: 人民出版社, 2020. (In Chin.).
- 戚伟, 刘盛和, 金浩然: 中国户籍人口城镇化率的核算方法与分布格局 [Qi Wei, Liu Shenghe, Jin Haoran. Calculation method and spatial pattern of urbanization rate of registered population in China]. *地理研究*, 2017. No. 36 (4). (In Chin.).
- 蔡继明: 中国的城市化: 功能定位、模式选择与发展趋势 [Cai Jiming. Urbanization in China: Functional Orientation, Mode Selection and Development Trend]. 上海: 东方出版中心, 2019. (In Chin.).
- 中国统计年鉴—2019 [Chinese Statistical Yearbook – 2019]. 北京: 中国统计出版社, 2019. (In Chin.).

Проблемы детей трудовых мигрантов в КНР на современном этапе: обзор китайских и зарубежных исследований

© 2021

DOI: 10.31857/S013128120017797-7

Селиверстова Юлия Андреевна

Кандидат исторических наук, доцент Департамента зарубежного регионоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20). ORCID: 0000-0002-7864-4274.

E-mail: yukurpiyanova@hse.ru.

Статья поступила в редакцию 20.09.2021.

Аннотация:

Работа посвящена уточнению характеристик многочисленной группы деревенских детей Китая, затронутых влиянием внутренней трудовой миграции на современном этапе. Автором определены ключевые направления международных исследований по проблеме воздействия трудовой миграции на умственное, физическое и психологическое развитие детей сельских мигрантов в КНР. Показано, что изменение форм трудовой миграции от одиночной к парной и далее к семейной привело к значительным сдвигам в положении сельских детей, выдвинув на повестку дня новые исследовательские задачи. На данный момент численность детей, затронутых волной сельской миграции в Китае, составляет более 100 млн человек, из которых около 70 млн продолжают проживать в деревнях, а более 35 млн переехали в город вслед за родителями. При этом переезд ребенка часто случается в возрасте 6–12 лет, что связано с поступлением на разные ступени общеобразовательной школы и особенностями процесса урбанизации в Китае. Изучаемая группа является неоднородной, нестабильной, требует многостороннего подхода при рассмотрении вопросов экологии детства. Исходя из различий среды взросления ребенка, удалось определить круг проблем, с которыми сталкиваются две выделяемые подгруппы. Для детей, проживающих без родителя/ей в сельской местности, наиболее остро стоит вопрос низкой успеваемости, девиантного поведения, ограниченности образовательных ресурсов, нарушения правильных этапов социализации. При изучении темы детей мигрантов в городской среде актуальными направлениями являются трудности адаптации в учебном заведении, культурная изоляция и психологическая уязвимость.

Ключевые слова:

КНР, трудовая сельская миграция, урбанизация, экология детства, дети сельских мигрантов, социализация подростков, образовательное неравенство, социальная адаптация, культурная изоляция.

Для цитирования:

Селиверстова Ю.А. Проблемы детей трудовых мигрантов в КНР на современном этапе: обзор китайских и зарубежных исследований // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 149–162. DOI: 10.31857/S013128120017797-7.

Особенности внутренней миграции КНР

С началом проведения политики реформ и открытости (конец 1970-х гг.) быстрое экономическое развитие страны создало предпосылки для активного притока трудовых ресурсов из деревень в города. С течением времени властями был снят ряд институциональных барьеров на пути активной миграции сельских жителей в мегаполисы и провинциальные центры, что еще больше подстегнуло урбанизацию. На данный момент Китай выступает одним из мировых лидеров по росту городов. По данным компании Euromonitor, одной из ведущих организаций, занимающихся стратегическими исследованиями рынков, к 2030 г. в Китае ожидается увеличение числа горожан с нынешних 64%

до 68%¹. Это будет стимулировать развитие сферы промышленности и услуг в городах второй и третьей линии², чья экономика выступит новым драйвером развития страны, перехватив инициативу у традиционных лидеров, таких как Пекин, Шанхай, Шэньчжэнь, Гуанчжоу³. В ближайшие 10 лет среди 61 крупного города КНР прирост населения в городах второй и третьей линии составит до 89%, что связано с целенаправленным упрощением властями получения городской прописки на этих территориях⁴.

По данным 7-й Всекитайской переписи, численность проживающих отдельно членов семей (人户分离人口) в 2020 г. составила более 492 млн чел (за десять лет рост на 89%)⁵. Из них 117 млн — это городские семьи, и почти 376 млн — деревенские. Последнюю категорию семей принято называть «мигрирующим населением» (流动人口). Такие семьи включают одного или обоих родителей-мигрантов (农民工 — сельские рабочие) и их детей (оставленных в родном крае на попечении второго родителя/родных). В последнее десятилетие число сельских мигрантов увеличивалось примерно на 3,5 млн человек в год⁶ и к 2018 г. составило 286 млн (примерно каждый пятый житель Китая)⁷. В их семьях насчитывается около 100 млн детей, которые под воздействием трудовой миграции проживают в деревне на попечении родственников без контроля родителя/родителей или переезжают в города⁸.

В конце XX в. преобладающей формой трудовой миграции в КНР была одиночная (второй супруг оставался жить по месту прописки). Характер перемещения не был однонаправленным, представлял собой «циркулирующее» круговое движение рабочих между родным домом и городом⁹. Приезжие крестьяне не стремились ассимилироваться, рассматривали город только как место работы и временного проживания ради улучшения экономического положения семьи. Для прежнего типа мигрантов были характерны изоляция, восприятие города как чуждого пространства. С начала XXI в. характер миграции стал меняться. Как показывает анализ авторов из университетов США и КНР, на современном этапе все большее число сельских семей выбирает совместный переезд в город, что способствует повышению экономического и социального статуса домохозяйства.

1. Passport analysis. Nearing the Urban Billion: How Urbanization is Changing the Face of China's Cities. 2019. URL: <https://proxylibrary.hse.ru:3617/portal/Analysis/Tab> (дата обращения: 13.03.2020).
2. К городам второй и третьей линии по внутренней китайской классификации относится около сотни крупных развитых городов, по уровню жизни и торгово-экономического развития уступающих лишь городам первой линии (19 самых развитых мегаполисов КНР).
3. Passport analysis. China in 2030: The Future Demographic. 2019. URL: <https://proxylibrary.hse.ru:3617/portal/Analysis/Tab> (дата обращения: 13.03.2020).
4. Селиверстова Ю.А. Демографическое будущее Китая // *Демографическое обозрение*, 2020. Т. 7. № 4. С. 149–165.
5. 第七次全面的人口普查主要数据情况 [The Main Data on the 7-th Population Census of the People's Republic of China]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202105/t20210510_1817176.html (дата обращения: 20.07.2021).
6. Xiao Yuanyuan, He Lipin, Chang Wei. Self-harm Behaviors, Suicidal Ideation, and Associated Factors Among Rural Left-behind Children in West China // *Annals of Epidemiology*, 2020. No. 42. P. 42–49.
7. OECD. OECD Economic surveys: China 2019. Paris: OECD Publishing, 2019.
8. Ван Лили. Пути и формы совершенствования миграции крестьян в города в Китае // *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*, 2020. № 2. С. 34–38; Инь Шааша. Дети деревенских мигрантов в Китае: исследование проблем социализации // *Общество: социология, психология, педагогика*, 2019. № 2 (58). С. 50–54.
9. У Яао. Социальная интеграция китайских внутренних мигрантов: условия жизни внутренних мигрантов (agricultural to nonagricultural) и мигрантов рабочих // *Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология*, 2018. № 4. С. 235–240.

Крестьян все сильнее привлекает городской образ жизни и возможности, которые дает местное образование для будущего поколения¹⁰. Однако наличие ряда экономических и институциональных барьеров для перемещения из села в город ведет к тому, что ребенок до определенного возраста остается в деревне на попечении родных.

Как показывает китайская исследовательница Инь Шаша, происходящее перемещение населения оказывает существенное воздействие на традиционные ценности и формы семейной жизни в деревне¹¹. Отток жителей из села меняет половозрастную структуру, ухудшает возможность социальной адаптации младшего поколения, общую атмосферу в семьях. В случае совместной супружеской миграции в город меньше страдают межличностные отношения родителей, однако наносится более существенный вред младшим членам семьи.

Аспекты умственного и психологического развития, ментальных нарушений подрастающего поколения, оставшегося без родительского контроля, привлекают огромное внимание китайского и зарубежного сообщества. В российской историографии проблема влияния китайской внутренней миграции на судьбу деревенских детей также приобретает определенную актуальность, особенно это характерно для исследователей из Сибирского и Дальневосточного ФО. За последние годы данная тематика обсуждалась в русскоязычных работах, написанных китайскими и российскими исследователями или смешанными коллективами¹². Эти исследования освещают вопросы социальной адаптации и культурной изоляции деревенских рабочих, изменения миграционной и образовательной политики властей, равных возможностей доступа к образованию в городских и деревенских школах.

Ввиду происходящих активных изменений во внутренней миграции и положении сельских детей назрела необходимость актуализировать российскую историографию научными данными из зарубежных исследований. В основу этой работы положен анализ наиболее актуальных работ по проблеме детей сельских мигрантов, оставленных в деревне на попечении родственников, опубликованных китайскими и западными авторами за последние четыре года. Выявленные подходы современных исследований позволяют понять происходящую трансформацию миграционных потоков в КНР, точнее классифицировать изучаемую группу детей, определить ключевые проблемы социализации подростков.

10. Fang Yiping, Shi Zhilei. Children of Migrant Parents: Migrating Together or Left Behind // *Habitat International*, 2018. No. 76. P. 62–68.

11. Инь Шаша. Дети деревенских мигрантов в Китае: исследование проблем социализации // *Общество: социология, психология, педагогика*, 2019. № 2 (58). С. 50–54.

12. Барлукова О.М., Пэн Лин. К вопросу о состоянии образования детей сельских мигрантов в Китае // *Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия*, 2014. № 8. С. 108–111; Ван Лили. Пути и формы совершенствования миграции крестьян в города в Китае // *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*, 2020. № 2. С. 34–38; Инь Шаша. Дети деревенских мигрантов в Китае: исследование проблем социализации // *Общество: социология, психология, педагогика*, 2019. № 2 (58). С. 50–54; Кузнецова В.В., Машкина О.А. Развитие системы образования в КНР: проблемы и пути их решения // *Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование*, 2018. № 4. С. 14–30; Понкратова Л.А., Тракова Е.В. Внутренняя миграция в Китае: что показала перепись населения 2010 года // *Россия и Китай: новый вектор развития социально-экономического сотрудничества* / под ред. Л.А. Понкратовой, А.А. Забияко. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2014. С. 109–116; У Яао. Социальная интеграция китайских внутренних мигрантов: условия жизни внутренних мигрантов (agricultural to nonagricultural) и мигрантов рабочих // *Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология*, 2018. № 4. С. 235–240.

Основные подходы к изучению проблем детей сельских мигрантов, оставленных в деревне на попечении родственников без родительской опеки

Детей, чьи родители отправляются на заработки из села в город, покидая родной дом более чем на три (шесть) месяцев подряд, в китайском обществе принято называть «оставленные на попечении дети» (留守儿童). В различных частях КНР таких детей также могут именовать как «оставленные на попечении сыновья и дочери», «оставленные на попечении школьники» и т.д. (留守儿童、留守子女、留守学生、留守幼儿、留守少年、空巢儿童)¹³. В российской историографии уже не первый год используется понятие «оставленные дети», которое созвучно с термином «left-behind children», принятым в англоязычной литературе. Однако стоит понимать, что речь идет не о брошенных детях, а чаще об опеке бабушек и дедушек (или других родственников) над внуками, чьи родители или один из родителей вынужденно работают далеко от дома. Поэтому в данной статье мы будем использовать термин «оставленные на попечении дети» как более точный, не искажающий суть проблемы детей сельских мигрантов.

Проблему «оставленных на попечении детей» (留守儿童) стали активно изучать в Китае после 2005 г., когда их число стало стремительно расти вслед за активизацией потоков внутренней миграции. По данным Министерства гражданских дел КНР, в 2018 г. число «оставленных на попечении детей» достигло почти 70 млн¹⁴. Дети трудовых мигрантов составляют более половины всех сельских школьников на уровне обязательного 9-летнего обучения¹⁵. В зависимости от попечителя, с которым продолжает жить ребенок после отъезда родителей, ученые выделяют варианты опекунства над ребенком: дедушки-бабушки, второй родитель, старшее поколение родных (дяди, тети), младшее поколение (старшие братья и сестры), самоконтроль¹⁶. Инь Шаша особо выделяет категорию детей, оба родителя которых уехали на заработки, — дети без родительской опеки. По различным оценкам, 30–34 млн (43–48%) детей мигрантов в сельской местности растут без обоих родителей¹⁷. Исследования показывают, что у этих детей сравнительно низкие способности к межличностной коммуникации и самообслуживанию, распространено девиантное поведение, некоторые из них регулярно пропускают занятия, оставляют школу, вступают в драки или совершают серьезные правонарушения¹⁸.

-
13. 刘群, 查贵芳: 留守儿童与流动儿童社会性发展研究的现状、问题与前瞻 [Лю Цюнь, Чжа Гуйфан. Состояние, проблемы и перспективы исследований социального развития детей, оставшихся без попечения родителей, и детей-мигрантов] // 天津市教科院学报, 2020. 第6期.
 14. Инь Шаша. Дети деревенских мигрантов в Китае: исследование проблем социализации // *Общество: социология, психология, педагогика*, 2019. № 2 (58). С. 50–54.
 15. Кузнецова В.В., Машикина О.А. Развитие системы образования в КНР: проблемы и пути их решения // *Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование*, 2018. № 4. С. 14–30.
 16. Инь Шаша. Дети деревенских мигрантов в Китае: исследование проблем социализации // *Общество: социология, психология, педагогика*, 2019. № 2 (58). С. 50–54; Zhao Xinyi, Fu Fang, Zhou Luqing. The Mediating Mechanism Between Psychological Resilience and Mental Health Among Left-Behind Children in China // *Children and Youth Services Review*, 2020. No. 110.
 17. Инь Шаша. Дети деревенских мигрантов в Китае: исследование проблем социализации // *Общество: социология, психология, педагогика*, 2019. № 2 (58). С. 50–54.
 18. Барлукова О.М., Пэн Лин. К вопросу о состоянии образования детей сельских мигрантов в Китае // *Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия*, 2014. № 8. С. 108–111.

Вместе с этим примерно половина «оставленных на попечении детей» продолжает проживать в деревне с одним из родителей (в 92% случаев с матерью)¹⁹. Ситуация, когда ребенок растет в неполной семье, достаточно распространена и в других странах, но она обычно не является актуальной проблемой социологических исследований. Более того, китайские отцы-мигранты не покидают семью полностью, они возвращаются в деревню минимум один-два раза в год на праздники, поддерживают материально. Однако, по мнению китайских исследователей, постоянное отсутствие отца становится важным фактором во взрослении ребенка из-за масштаба проблемы (36–40 млн детей) и особенностей социально-экономического положения крестьян. Как показано в недавнем американском исследовании, для таких детей характерно ослабление функций и значения семьи. Отсутствие одного из родителей и занятость второго способствуют неправильному психологическому развитию ребенка, провоцируют эмоциональное отчуждение, что проявляется в постоянном ощущении тревоги, чувстве одиночества и неполноценности²⁰. Такие дети в сравнении со сверстниками испытывают больше социально-личностных проблем (тревожность, депрессия, одиночество), подвержены интернет-зависимости, проявлению агрессии в свой адрес или сексуальному насилию. Они также чаще сообщают о том, что несчастны, хотят уйти из дома или у них есть суицидальные мысли²¹. Результаты исследования 2020 г. коллектива китайских авторов из провинции Юньнань демонстрируют, что эти дети в среднем медленнее развиваются физически, имеют повышенный риск непреднамеренных травм, более серьезный дефицит питательных веществ²².

У многих детей, оставшихся в деревне, имеются значительные проблемы с учебой. Совокупность нескольких факторов современного развития КНР ведет к тому, что «оставленные на попечении дети» уступают своим городским сверстникам по уровню успеваемости. Значительная часть современных зарубежных исследований посвящена выявлению механизмов, которые определяют траекторию развития академических навыков у различных групп китайских детей: городских, сельских, «оставленных на попечении» (включая группу детей, проживающих без обоих родителей), сельских детей, мигрирующих в город с родителями²³. Проведенные сравнения показывают, что в силу объ-

-
19. Yang Chenlu, Liu Xiaoli, Yang Yuning, Huang Xiaona, Song Qiying, Wang Yan, Zhou Hong. Violent Disciplinary Behaviors Towards Left-behind Children in 20 Counties of Rural China // *Children and Youth Services Review*, 2020. No. 114.
 20. *Инь Шаоа*. Дети деревенских мигрантов в Китае: исследование проблем социализации // *Общество: социология, психология, педагогика*, 2019. № 2 (58). С. 50–54.
 21. Liu Mengqi, Villa Kira M. Solution or Isolation: is Boarding School a Good Solution for Left behind Children in Rural China? // *China Economic review*, 2020. No. 61.
 22. Xiao Yuanyuan, He Lipin, Chang Wei. Self-harm Behaviors, Suicidal Ideation, and Associated Factors Among Rural Left-behind Children in West China // *Annals of Epidemiology*, 2020. No. 42. P. 42–49.
 23. Liu Mengqi, Villa Kira M. Solution or Isolation: is Boarding School a Good Solution for Left behind Children in Rural China? // *China Economic review*, 2020. No. 61; Yang Guanyi, Bansak C. Does Wealth Matter? An Assessment of China's Rural-urban Migration on the Education of Left-behind Children // *China Economic Review*, 2020. No. 59; Hu Bi Ying, Wu Huiping, Winsler Adam, Fan Xitao, Song Zhanmei. Parent Migration and Rural Preschool Children's Early Academic and Social Skill Trajectories in China: Are 'Left-behind' Children Really Left behind? // *Early Childhood Research Quarterly*, 2020. No. 51. P. 317–328; Wei Yanning, Gong Yue. Understanding Chinese rural-to-urban migrant children's education predicament: A dual system perspective // *International Journal of Educational Development*, 2019. No. 69. P. 48–57; Ma Gaoming, Wu Qiaobing. Social Capital and Educational Inequality of Migrant Children in Contemporary China // *Children and Youth Services Review*, 2019. No. 99. P. 165–171; Liu Zhiqiang, Yu Li, Zheng Xiang. No longer left-behind: The Impact of Return Migrant Parents on Children's Performance // *China Economic Review*, 2018. No. 49. P. 184–196; Xu Limin, Cheung Monit, Leung Patrick, Xu Yongxiang. Migrant Child Phenomenon in China: Subjective Happiness Factors for Assessing Service Needs // *Children and Youth Services Review*, 2018. No. 90. P. 66–73.

активных и субъективных факторов третья группа детей оказывается в наименее выгодном положении, особенно это касается детей, проживающих без обоих родителей. С одной стороны, слабое материальное, кадровое обеспечение и переполненность деревенских школ изначально создают предпосылки для углубления разрыва между образовательными возможностями сельских и городских учащихся. В начальных школах бедных уездов расходы на учебный семестр на одного ребенка составляют 100–200 юаней, в то время как в провинциальных городских школах — 5000–10000 юаней²⁴. Авторы одного из недавних исследований из КНР и США указывают на существование двойственной соподчиненной образовательной системы село-город, в рамках которой на бюджетном уровне дети мигрантов по-прежнему привязаны к образовательным ресурсам деревни, невзирая на то, что налоги их родители платят в городах. Сельские школы остаются плохо оснащенными и мало финансируемыми. Они служат развитию города, направляя туда лучших учеников, при этом удерживая основную массу учащихся в рамках села как резервные трудовые ресурсы²⁵.

С другой стороны, обучаясь в сходных условиях с обычными сельскими школьниками, «оставленные на попечении дети» в силу особенностей социализации уступают по академическим достижениям детям, чьи родители не являются трудовыми мигрантами. Исследования китайских авторов, проведенные среди малышей дошкольного возраста, показывают, что дети мигрантов отстают от сверстников из городских и сельских районов по всем показателям развития, включая социальные, когнитивные, языковые навыки, уровень словарного запаса, умение читать иероглифы²⁶. Одним из объяснений этого следует считать социально-экономический уровень домохозяйств, в которых проживают такие дети. Их попечители в среднем имеют более низкий уровень образования и доходов. Они вынуждены тратить много сил на содержание хозяйства и не могут или не хотят оказывать должное внимание оставленным юным родственникам. Недавнее междисциплинарное китайское исследование на тему суровости воспитательных методов показало, что дети этой категории оказываются наиболее подвержены чрезмерно строгому отношению со стороны попечителей. Жесткие меры воспитания ведут к негативным последствиям для раннего развития малышей, применяемые физические наказания обратно коррелируются с уровнем обучаемости дошкольников. Например, проведенный анализ показал, что шлепки ребенка в возрасте одного года ведут к более низким оценкам умственного развития при контроле в возрасте трех лет²⁷.

Часть исследователей в своих работах опирается на концепцию рационального выбора домохозяйства, рассматривая проблему детей мигрантов в рамках экономической теории. Проведенный анализ показывает, что отправляющиеся в город сельские рабочие за счет увеличения расходов на образование оставленного ребенка способны до определенной степени смягчить негативные последствия своего отсутствия, открыв для младших членов семьи новые перспективы развития. Исследователи из США Ян Гуаньи и

24. Кузнецова В.В., Машикина О.А. Развитие системы образования в КНР: проблемы и пути их решения // *Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование*, 2018. № 4. С. 14–30.

25. *Wei Yanning, Gong Yue*. Understanding Chinese rural-to-urban migrant children's education predicament: A dual system perspective // *International Journal of Educational Development*, 2019. No. 69. P. 48–57.

26. *Hu Bi Ying, Wu Huiping, Winsler Adam, Fan Xitao, Song Zhanmei*. Parent Migration and Rural Pre-school Children's Early Academic and Social Skill Trajectories in China: Are 'Left-behind' Children Really Left behind? // *Early Childhood Research Quarterly*, 2020. No. 51. P. 317–328.

27. *Yang Chenlu, Liu Xiaoli, Yang Yuning, Huang Xiaona, Song Qiying, Wang Yan, Zhou Hong*. Violent Disciplinary Behaviors Towards Left-behind Children in 20 Counties of Rural China // *Children and Youth Services Review*, 2020. No. 114.

Синтия Бансак попытались разобраться, превосходит ли эффект от увеличения материального достатка домохозяйства потенциальные неблагоприятные последствия для взросления школьников в сельской местности в отсутствие родителей. Они проанализировали, происходит ли зачисление детей в учебные заведения соответственно возрасту, и пришли к выводу, что трудовая миграция родителей оказывает положительное влияние на поступление в школу, только если ребенок происходит из малообеспеченной семьи. Поскольку бедные домохозяйства обычно не могут тратить достаточно средств на образование детей, дополнительное финансирование, которое они могут получить за счет миграции в город, способно обеспечить лучшие условия для обучения ребенка. Однако, чем богаче была семья (переменной выступал размер домохозяйства), тем сильнее снижался данный положительный эффект²⁸.

Более раннее американское исследование 2014 г. показало, что повышение экономического статуса домохозяйства после отъезда родителей может иметь и отрицательное влияние на желание ребенка учиться. Денежные переводы из города способствуют усвоению неверного паттерна, побуждая часть детей не к продолжению образования, а к скорейшему повторению судьбы трудового мигранта²⁹. Учитывая, что сельские школьники изначально демонстрируют меньшие академические успехи, чем их городские сверстники, миграция родителей может только усилить неравенство, которое существует в среде «оставленных на попечении детей». Результаты обследования сельских детей показали, что только 35% детей мигрантов получили среднее образование, а в колледжи или университеты поступили только 8% из них. Аналогичные показатели для сельских детей, которые остались в деревне с обоими родителями, были выше — 43% и 15% соответственно³⁰.

Дети трудовых мигрантов в городах

Усложнение структуры семейных отношений трудовых мигрантов привело к активному росту группы сельских детей, мигрирующих в города совместно с родителями. При изучении вопросов их проживания исследователи часто используют социо-географический подход, который предполагает определение влияния на детей социального и физического пространств³¹. В данном случае речь идет о пространстве города, которое формирует особую среду взросления сельских детей. Активный приток детей мигрантов в города КНР в последние годы способствовал появлению большого числа работ китайских, а позднее и зарубежных авторов, исследующих проблемы социализации подростков в новом пространстве. Это частично снизило актуальность темы сельских детей без родительской опеки, выдвинув вперед новую проблему китайского общества. Интерес ученых объясняется не только новизной социального явления, но и его масштабами. В китайском обществе существует несколько терминов для обозначения этого явления, чаще других можно встретить выражение «дети в движении» (流动儿童 или 随迁子女)³².

28. *Yang Guanyi, Bansak C.* Does Wealth Matter? An Assessment of China's Rural-urban Migration on the Education of Left-behind Children // *China Economic Review*, 2020. No. 59.

29. *Hu Hongwei, Lu Shuang, Huang Chien-Chung.* The Psychological and Behavioral Outcomes of Migrant and Left-Behind Children in China // *Children and Youth Services Review*, 2014. No. 46. P. 1–10.

30. *Hu Bi Ying, Wu Huiping, Winsler Adam, Fan Xitao, Song Zhanmei.* Parent Migration and Rural Pre-school Children's Early Academic and Social Skill Trajectories in China: Are 'Left-behind' Children Really Left behind? // *Early Childhood Research Quarterly*, 2020. No. 51. P. 317–328.

31. *Lynch K.* Growing up in cities. Cambridge: MIT Press, 1977.

32. 刘群, 查贵芳: 留守儿童与流动儿童社会性发展研究的现状、问题与前瞻 [Лю Цюнь, Чжа Гуйфан. Состояние, проблемы и перспективы исследований социального развития детей, оставшихся без попечения родителей, и детей-мигрантов] // 天津市教科院学报. 2020. 第6期.

Уже сейчас число сельских детей в городах превышает 35 млн, эта цифра будет увеличиваться и дальше. По прогнозу китайской исследовательницы Ван Лили, к 2025 г. мигранты и их дети могут составить до 40% от числа городских жителей Китая³³.

Группы «детей в движении» и «оставленных на попечении детей» не являются обособленными, в зависимости от жизненной траектории семьи, ребенок из сельской местности может неоднократно переезжать в город с родителями и возвращаться обратно. Однако можно с уверенностью говорить о стабильном увеличении потока детей, мигрирующих в города совместно с родителями. В последнее десятилетие в Китае циркулирующие между домом и работой крестьяне стали чаще оседать в городах, стремясь как можно скорее перевести всю семью из деревни. «Сельские мигранты» нового типа, в отличие от традиционных, воспринимают городское пространство как свой будущий дом. Как показывают в своем исследовании Фан Ипин и Ши Чжилэй, оставленные в деревне дети по достижении возраста 6–12 лет все чаще отправляются вслед за родителями³⁴. Подобная ситуация объясняется особенностями системы прописки хукоу (户口)³⁵, которая до определенной степени ограничивает доступ городских мигрантов к социальному обеспечению, а также отсутствием возможности отдать ребенка более раннего возраста в местное дошкольное учреждение. Тем самым, изменение характера миграции ведет к снижению доли «оставленных на попечении детей» старшего возраста, но по-прежнему наблюдается рост числа дошкольников, проживающих в селах под опекой других родственников³⁶.

По мнению китайских и зарубежных авторов, происходящая трансформация потока трудовых ресурсов из села в город важна для здорового и правильного развития китайского общества. Если родители вынуждены покидать свои деревни в поисках работы, то для детей любого возраста совместная миграция в город представляется лучшим вариантом с точки зрения развития ранних социальных и академических навыков³⁷. Поэтому немалое число исследований последних лет посвящено анализу стратегии родителей, отправляющихся в город на заработки. В работе 2018 г. Фан Ипина и Ши Чжилэя под названием «Дети родителей-мигрантов: мигрировать вместе или оставить» исследуются факторы, влияющие на решение мигрантов забрать ребенка в город. Ученые показывают, что ранее причины воссоединения семьи носили в основном экономический характер, но сейчас многих мигрантов привлекает именно городской образ жизни³⁸, что связано с улучшением социально-экономического положения крестьян и недавними мерами поддержки городских властей. Проведенный анализ показал, что сельские мигранты, работающие в пределах родной провинции, чаще других забирают детей из деревни, особенно это касается оставленных сыновей. Матери оказываются более настойчивыми в стремлении объединить

-
33. Ван Лили. Пути и формы совершенствования миграции крестьян в города в Китае // *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*, 2020. № 2. С. 34–38.
 34. Fang Yiping, Shi Zhilei. Children of Migrant Parents: Migrating Together or Left Behind // *Habitat International*, 2018. No. 76. P. 62–68.
 35. Система хукоу — система дифференцированной регистрации по месту проживания, которая определяется местом рождения человека и остается неизменной на протяжении жизни, разделяя все население КНР на городских и сельских жителей. В настоящий момент активно реформируется властями.
 36. Hu Bi Ying, Wu Huiping, Winsler Adam, Fan Xitao, Song Zhanmei. Parent Migration and Rural Pre-school Children's Early Academic and Social Skill Trajectories in China: Are 'Left-behind' Children Really Left behind? // *Early Childhood Research Quarterly*, 2020. No. 51. P. 317–328.
 37. Hu Bi Ying, Wu Huiping, Winsler Adam, Fan Xitao, Song Zhanmei. Parent Migration and Rural Pre-school Children's Early Academic and Social Skill Trajectories in China: Are 'Left-behind' Children Really Left behind? // *Early Childhood Research Quarterly*, 2020. No. 51. P. 317–328.
 38. Fang Yiping, Shi Zhilei. Children of Migrant Parents: Migrating Together or Left Behind // *Habitat International*, 2018. No. 76. P. 62–68.

семью. Однако на момент проведения опроса в г. Ухань и его пригородах три четверти респондентов сообщали, что их дети проживают по месту прописки без обоих родителей, то есть относятся к категории «оставленных на попечении детей без родительской опеки».

В китайском исследовании 2020 г. оценивалось воздействие субъективного и объективного социально-экономического статуса (СЭС) мигранта на стратегию переезда семьи³⁹. Учеными были проанализированы данные обследования 2014 г., проведенного среди 6748 мигрантов в возрасте 15–59 лет касательно планов их будущего проживания. Показано, что ранее ключевую роль в вопросе городской оседлости и воссоединения семьи играло наличие прописки, но проведенные реформы изменили ситуацию. Теперь определяющими барьерами стали не институциональные, а экономические. Высокая стоимость городской жизни регулирует процесс семейной миграции, поэтому главными факторами являются уровень дохода, наличие собственного жилья и стабильной работы. Чем выше объективный СЭС, тем вероятнее воссоединение семьи. Результаты исследования демонстрируют, что суммарный доход семей, выбирающих совместное проживание в городе выше, чем у тех, кто предпочитает жить отдельно (7250 юаней против 6115 юаней). Помимо этого, немаловажным оказывается и субъективный СЭС мигранта (ощущение благополучия, сопоставление себя с односельчанами и городскими жителями). Культурная изоляция, пренебрежительное отношение со стороны местных в городской среде может играть негативную роль в вопросе воссоединения семьи крестьянских рабочих.

Другой интернациональный коллектив авторов, проанализировав данные по миграции в 15 городах в различных частях КНР, пришел к выводу, что наличие ребенка в семье значительно повышает степень городской оседлости приезжих⁴⁰. Родители с детьми в полтора раза сильнее ориентированы на долгосрочное закрепление в городе. Ученые отмечают, что совместная миграция детей и родителей важна для устойчивого развития страны, что связано не только с меньшими психологическими травмами, но и с образовательным эффектом для будущего поколения. Исследование показало, что семьи мигрантов, чьи дети обучаются в городских школах, больше инвестируют в образование и развитие ребенка, чем родители учеников, оставшихся в деревне⁴¹.

В контексте инклюзивности⁴² вопрос равного доступа к образованию является важной темой исследований последних лет. Зачисление в муниципальную школу вызывает множество сложностей в семьях мигрантов в связи с их особым социальным статусом⁴³. Существует и проблема внутригородской образовательной сегрегации, при которой городские школы с наибольшим числом детей-мигрантов, расположенные на окраи-

39. *Chen Hongsheng, Wang Xingping, Liu Ye, Liu Yuqi.* Migrants' Choice of Household Split or Reunion in China's Urbanisation Process: The Effect of Objective and Subjective Socioeconomic Status // *Cities*, 2020. No. 102.

40. *Wang Chunchao, Zhang Chenglei, Ni Jinlan, Zhang Haifeng, Zhang Junsen.* Family Migration in China: Do Migrant Children Affect Parental Settlement Intention? // *Journal of Comparative Economics*, 2019. No. 47. P. 416–428.

41. *Wang Chunchao, Zhang Chenglei, Ni Jinlan, Zhang Haifeng, Zhang Junsen.* Family Migration in China: Do Migrant Children Affect Parental Settlement Intention? // *Journal of Comparative Economics*, 2019. No. 47. P. 416–428.

42. Инклюзивность в образовании (от англ. inclusion — «включение») — в широком смысле это форма обучения, при которой любому индивиду, независимо от его социальных, физических, интеллектуальных, языковых и других особенностей, предоставляется возможность обучаться в общеобразовательном учреждении.

43. *Xu Limin, Cheung Monit, Leung Patrick, Xu Yongxiang.* Migrant Child Phenomenon in China: Subjective Happiness Factors for Assessing Service Needs // *Children and Youth Services Review*, 2018. No. 90. P. 66–73.

нах и в промышленных районах, остаются хуже оснащены материальными и педагогическими ресурсами⁴⁴.

Другое актуальное направление исследований по проблемам детства в КНР — вопросы психологической адаптации подростков в городской среде. По мнению китайской исследовательницы Инь Шаша, острота проблемы связана с неверно происходящим процессом социализации⁴⁵. Когда отношения с отцом и матерью являются определяющими для развития, дети младшего возраста часто проживают в деревне под опекой других членов семьи (или с одним родителем), относятся к категории «оставленных на попечении детей». После 7 лет, когда школа и общение со сверстниками становятся более важны, младшеклассники могут оказаться в чуждом городском пространстве, переходя в категорию «детей в движении» и теряя привычные связи. Нарушение правильной последовательности в этапах социализации ведет к ослабеванию функции семьи, неспособности ребенка ощущать себя полноценным членом коллектива. Наличие дискриминации со стороны горожан по отношению к приезжим также усугубляет их психологическое состояние. В результате дети трудовых мигрантов демонстрируют агрессию, низкую успеваемость, становятся склонны к проявлению буллинга^{46,47}.

* * *

Исследования последних лет по проблеме детей трудовых мигрантов в КНР меняют традиционные представления о данном явлении и демонстрируют новые подходы ученых. Анализ работ позволяет выделить ряд особенностей современного китайского общества, оказывающих влияние на положение оставленных на попечении без родительской опеки детей.

Во-первых, изменение форм сельской миграции от одиночной к парной (супружеской) и на последнем этапе к семейной привело к усложнению понятия «оставленные на попечении дети». Группа таких детей в работах современных ученых перестала быть единой. В зависимости от вида опекунов и места проживания ребенка выделены три подгруппы сельских детей: оставшиеся в деревне с одним из родителей (чаще с матерью) (около 40 млн); оставшиеся без обоих родителей на попечении родных или самоконтроле (около 30 млн); переезжающие в города «дети в движении» (около 35 млн). Для первых двух групп характерны эмоциональная незрелость, замедление физического развития, повышенная тревожность. Исследования показывают, что дети из второй группы характеризуются девиантным поведением и значительным отставанием от сверстников по развитию когнитивных навыков. Для третьей группы, которая переезжает в города вслед за родителями, более характерны проблемы не детского, а подросткового периода. Это обусловлено наступлением этапа зачисления в начальную или среднюю школу, когда родители решаются забрать ребенка из деревни для совместного проживания. Дети из третьей подгруппы сталкиваются с проблемами социализации в чуждой городской среде, адаптации в учебном заведении, пренебрежительного отношения со стороны коренных жителей.

Во-вторых, в работах исследователей можно выделить три основных подхода, которые используются при рассмотрении проблемы детей трудовых мигрантов. Оценка когнитивных и социальных навыков, достижений в школе, учебной траектории формиру-

44. *Ma Gaoming, Wu Qiaobing. Social Capital and Educational Inequality of Migrant Children in Contemporary China // Children and Youth Services Review, 2019. No. 99. P. 165–171.*

45. *Инь Шаша. Дети деревенских мигрантов в Китае: исследование проблем социализации // Общество: социология, психология, педагогика, 2019. № 2 (58). С. 50–54.*

46. Буллинг (англ. bullying) — это агрессивная травля одного из представителей группы другим её представителем, имеющая постоянный характер.

47. *Fang Lue. The Well-Being of China's Rural to Urban Migrant Children: Dual Impact of Discriminatory Abuse and Poverty // Child abuse and Neglect, 2020. No 99.*

ет общий образовательный подход, где основное внимание ученых направлено на установление связи между тяжелыми условиями проживания и возможностью накопления человеческого капитала через получаемое образование. Экономический подход позволяет выявить положительные и отрицательные последствия миграции родителей с точки зрения изменения материальных условий жизни их детей. Влияние городской культуры и быта на сельских подростков, разрыв привычных социальных связей рассматриваются в рамках географического подхода.

В-третьих, анализ современных исследований позволяет увидеть перспективы решения существующих проблем и выделить направления для будущих работ. По мнению ряда ученых усилия правительства должны быть направлены в первую очередь на улучшение условий жизни сельских детей, проживающих без обоих родителей. Среди подобных мер можно выделить модернизацию сельских интернатов⁴⁸, поощрение части крестьянских рабочих к возвращению в деревню для совместного проживания с ребенком⁴⁹, создание более современной системы дошкольных образовательных учреждений в деревнях⁵⁰. Другим способом решения проблемы «оставленных на попечении детей» в современном Китае стоит считать стимулирование семейной миграции из деревни в город, которая, по мнению китайских и зарубежных авторов, является положительной тенденцией. Проведенный анализ показывает, что для сельских малышей, чьи родители вынуждены покинуть домохозяйство в поисках работы, совместная миграция представляется лучшим вариантом для развития ранних социальных и академических навыков, нежели проживание с одним из родителей или другими опекунами в сельской местности⁵¹.

Наблюдаемый сейчас масштабный приток крестьян с детьми в города требует от государства обеспечения полноценных условий проживания, образования, медицинского обслуживания для категории «сельских мигрантов». Для «новых горожан» должна быть создана уникальная система поддержки и адаптации. На фоне активной урбанизации исследование вопросов миграции становится актуальнее, чем изучение жизни «оставленных на попечении детей», число которых будет сокращаться. В этой связи перспективными направлениями исследований являются выявление экономических и институциональных барьеров для семей мигрантов в городе, образовательная инклюзия школьников-мигрантов, проблемы культурной изоляции и ментальных расстройств подростков.

Литература

- Барлукова О.М., Пэн Лин. К вопросу о состоянии образования детей сельских мигрантов в Китае // *Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия*, 2014. № 8.
- Ван Лили. Пути и формы совершенствования миграции крестьян в города в Китае // *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*, 2020. № 2.
- Инь Шаша. Дети деревенских мигрантов в Китае: исследование проблем социализации // *Общество: социология, психология, педагогика*, 2019. № 2 (58).
- Кузнецова В.В., Машкина О.А. Развитие системы образования в КНР: проблемы и пути их решения // *Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование*, 2018. № 4.

-
48. Liu Mengqi, Villa Kira M. Solution or Isolation: is Boarding School a Good Solution for Left behind Children in Rural China? // *China Economic review*, 2020. № 61.
49. Liu Zhiqiang, Yu Li, Zheng Xiang. No longer left-behind: The Impact of Return Migrant Parents on Children's Performance // *China Economic Review*, 2018. No. 49. P. 184–196.
50. Hu Bi Ying, Wu Huiping, Winsler Adam, Fan Xitao, Song Zhanmei. Parent Migration and Rural Pre-school Children's Early Academic and Social Skill Trajectories in China: Are 'Left-behind' Children Really Left behind? // *Early Childhood Research Quarterly*, 2020. No. 51. P. 317–328.
51. Hu Bi Ying, Wu Huiping, Winsler Adam, Fan Xitao, Song Zhanmei. Parent Migration and Rural Pre-school Children's Early Academic and Social Skill Trajectories in China: Are 'Left-behind' Children Really Left behind? // *Early Childhood Research Quarterly*, 2020. No. 51. P. 317–328.

- Понкратова Л.А., Тракова Е.В. Внутренняя миграция в Китае: что показала перепись населения 2010 года // *Россия и Китай: новый вектор развития социально-экономического сотрудничества* / под ред. Л.А. Понкратовой, А.А. Забияко. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2014.
- Селиверстова Ю.А. Демографическое будущее Китая // *Демографическое обозрение*, 2020. Т. 7. № 4.
- У Яао. Социальная интеграция китайских внутренних мигрантов: условия жизни внутренних мигрантов (agricultural to nonagricultural) и мигрантов рабочих // *Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология*, 2018. № 4.
- Chen Hongsheng, Wang Xingping, Liu Ye, Liu Yuqi. Migrants' Choice of Household Split or Reunion in China's Urbanisation Process: The Effect of Objective and Subjective Socioeconomic Status // *Cities*, 2020. No. 102.
- Cui Kunjie, To Siu-ming. Migrant Status, Social Support, and Bullying Perpetration of Children in Mainland China // *Children and Youth Services Review*, 2019. No. 7.
- Fang Lue. The Well-Being of China's Rural to Urban Migrant Children: Dual Impact of Discriminatory Abuse and Poverty // *Child abuse and Neglect*, 2020. No. 99.
- Fang Yiping, Shi Zhilei. Children of Migrant Parents: Migrating Together or Left Behind // *Habitat International*, 2018. No. 76.
- Hu Bi Ying, Wu Huiping, Winsler Adam, Fan Xitao, Song Zhanmei. Parent Migration and Rural Preschool Children's Early Academic and Social Skill Trajectories in China: Are 'Left-behind' Children Really Left behind? // *Early Childhood Research Quarterly*, 2020. No. 51.
- Hu Hongwei, Lu Shuang, Huang Chien-Chung. The Psychological and Behavioral Outcomes of Migrant and Left-Behind Children in China // *Children and Youth Services Review*, 2014. No. 46.
- Liu Mengqi, Villa Kira M. Solution or Isolation: is Boarding School a Good Solution for Left behind Children in Rural China? // *China Economic review*, 2020. No. 61.
- Liu Zhiqiang, Yu Li, Zheng Xiang. No longer left-behind: The Impact of Return Migrant Parents on Children's Performance // *China Economic Review*, 2018. No. 49.
- Lynch K. Growing up in cities. Cambridge: MIT Press, 1977.
- Ma Gaoming, Wu Qiaobing. Social Capital and Educational Inequality of Migrant Children in Contemporary China // *Children and Youth Services Review*, 2019. No. 99.
- OECD. OECD Economic surveys: China 2019. Paris: OECD Publishing, 2019.
- Passport analysis. China in 2030: The Future Demographic. 2019.
URL: <https://proxylibrary.hse.ru:3617/portal/Analysis/Tab> (дата обращения: 13.03.2020).
- Passport analysis. Nearing the Urban Billion: How Urbanization is Changing the Face of China's Cities. 2019. URL: <https://proxylibrary.hse.ru:3617/portal/Analysis/Tab> (дата обращения: 13.03.2020).
- Wang Chunchao, Zhang Chenglei, Ni Jinlan, Zhang Haifeng, Zhang Junsen. Family Migration in China: Do Migrant Children Affect Parental Settlement Intention? // *Journal of Comparative Economics*, 2019. No. 47.
- Wei Yanning, Gong Yue. Understanding Chinese rural-to-urban migrant children's education predicament: A dual system perspective // *International Journal of Educational Development*, 2019. No. 69.
- Xiao Yuanyuan, He Lipin, Chang Wei. Self-harm Behaviors, Suicidal Ideation, and Associated Factors Among Rural Left-behind Children in West China // *Annals of Epidemiology*, 2020. No. 42.
- Xu Limin, Cheung Monit, Leung Patrick, Xu Yongxiang. Migrant Child Phenomenon in China: Subjective Happiness Factors for Assessing Service Needs // *Children and Youth Services Review*, 2018. No. 90.
- Yang Chenlu, Liu Xiaoli, Yang Yuning, Huang Xiaona, Song Qiyong, Wang Yan, Zhou Hong. Violent Disciplinary Behaviors Towards Left-behind Children in 20 Counties of Rural China // *Children and Youth Services Review*, 2020. No. 114.
- Yang Guanyi, Bansak C. Does Wealth Matter? An Assessment of China's Rural-urban Migration on the Education of Left-behind Children // *China Economic Review*, 2020. No. 59.
- Zhao Xinyi, Fu Fang, Zhou Luqing. The Mediating Mechanism Between Psychological Resilience and Mental Health Among Left-Behind Children in China // *Children and Youth Services Review*, 2020. No. 110.
- 第七次全面的人口普查主要数据情况 [Основные показатели 7-й Всекитайской переписи населения]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202105/t20210510_1817176.html (дата обращения: 20.07.2021).
- 刘群, 查贵芳: 留守儿童与流动儿童社会性发展研究的现状、问题与前瞻 [Лю Цюнь, Чжа Гуифан. Состояние, проблемы и перспективы исследований социального развития детей, оставшихся без попечения родителей, и детей-мигрантов] // *天津市教科院学报*, 2020. 第6期.

Problems of Children of Internal Labor Migrants in Modern China: Analysis of Recent Studies

Yulia A. Seliverstova

Ph.D. (History), Associate Professor, School of International Regional Studies, HSE University (address: 20, Myasnikskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7864-4274. E-mail: yukupriyanova@hse.ru.

Received 20.09.2021.

Abstract:

With China's urbanization and its development in market economy, mass rural-to-urban migration expanded over the past 35 years. The change in the forms of parental migration (from single to pair and then family) has led to significant shifts in the situation with rural children, putting forward new research issues. Consequently, children affected by internal labor migration have greatly increased in number, reaching over 100 million people (about 70 million continue to live in villages, and more than 35 million have moved to cities with their parents). Using data from international research published for the past 3 years, we more accurately determined main characteristics of left-behind and migrant-children. Being a vulnerable group in rural China, these children now are facing many problems in mental, physical and psychological development. Due to the differences in the environment in which children grow up we examined the existing approaches of scholars on the impact of internal labor migration on each group. For rural left-behind children the most acute issues are low academic performance, limited educational resources, and disruption in the process of socialization. While urban migration is related to the issues of inclusion in education, cultural isolation, and other psychological problems.

Key words:

China, labor migration, urbanization, migrant children, educational inequality, social adaptation, cultural isolation.

For citation:

Seliverstova Yu.A. Problems of Children of Internal Labor Migrants in Modern China: Analysis of Recent Studies // *Far Eastern Studies*. 2022. No. 1. Pp. 149–162.
DOI: 10.31857/S013128120017797-7.

References

- Barlukova O.M., Peng Ling.* K voprosu o sostojanii obrazovanija detej sel'skih migrantov v Kitae [On the Issue of the State of Education of Children of Rural Migrants in China]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya*, 2014. No. 8. (In Russ.).
- Chen Hongsheng, Wang Xingping, Liu Ye, Liu Yuqi.* Migrants' Choice of Household Split or Reunion in China's Urbanisation Process: The Effect of Objective and Subjective Socioeconomic Status. *Cities*, 2020. No. 102.
- Cui Kunjie, To Siu-ming.* Migrant Status, Social Support, and Bullying Perpetration of Children in Mainland China. *Children and Youth Services Review*, 2019. No. 7.
- Fang Lue.* The Well-Being of China's Rural to Urban Migrant Children: Dual Impact of Discriminatory Abuse and Poverty. *Child abuse and Neglect*, 2020. No. 99.
- Fang Yiping, Shi Zhilei.* Children of Migrant Parents: Migrating Together or Left Behind. *Habitat International*, 2018. No. 76.
- Hu Bi Ying, Wu Huijing, Winsler Adam, Fan Xitao, Song Zhanmei.* Parent Migration and Rural Preschool Children's Early Academic and Social Skill Trajectories in China: Are 'Left-behind' Children Really Left behind? *Early Childhood Research Quarterly*, 2019. No. 51.
- Hu Hongwei, Lu Shuang, Huang Chien-Chung.* The Psychological and Behavioral Outcomes of Migrant and Left-Behind Children in China. *Children and Youth Services Review*, 2014. No. 46.
- Kuznecova V.V., Mashkina O.A.* Razvitie sistemy obrazovanija v KNR: problem i puti ih reshenija [Development of the Education System in the PRC: Problems and Ways to Solve Them]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*, 2018. No. 4. (In Russ.).
- Liu Mengqi, Villa Kira M.* Solution or Isolation: is Boarding School a Good Solution for Left behind Children in Rural China? *China Economic review*, 2020. No. 1.
- Liu Zhiqiang, Yu Li, Zheng Xiang.* No longer left-behind: The Impact of Return Migrant Parents on Children's Performance. *China Economic Review*, 2020. No. 49.

- Lynch K. Growing up in cities. Cambridge: MIT Press, 1977.
- Ma Gaoming, Wu Qiaobing. Social Capital and Educational Inequality of Migrant Children in Contemporary China. *Children and Youth Services Review*, 2019. No. 99.
- OECD. OECD Economic surveys: China 2019. Paris: OECD Publishing, 2019.
- Passport analysis. China in 2030: The Future Demographic. 2019.
URL: <https://proxylibrary.hse.ru:3617/portal/Analysis/Tab> (accessed: 13.03.2020).
- Passport analysis. Nearing the Urban Billion: How Urbanization is Changing the Face of China's Cities. 2019. URL: <https://proxylibrary.hse.ru:3617/portal/Analysis/Tab> (accessed: 13.03.2020).
- Ponkratova L.A., Trakova E.V. Vnutrennjaja migracija v Kitae: chto pokazala perepis' naselenija 2010 goda [Internal Migration in China: What the 2010 Census Showed]. *Rossija i Kitaj: novyj vector razvitiija social'no-jekonomicheskogo sotrudnichestva* / Ed. by L.A. Ponkratova, A.A. Zabiako. Blagoveshchensk: Amur State University, 2014. (In Russ.).
- Seliverstova Yu.A. Demograficheskoe budushhee Kitaja [The Demographic Future of China]. *Demographic review*, 2020. No. 7 (4). (In Russ.).
- Wang Chunchao, Zhang Chenglei, Ni Jinlan, Zhang Haifeng, Zhang Junsen. Family Migration in China: Do Migrant Children Affect Parental Settlement Intention? *Journal of Comparative Economics*, 2019. No. 47.
- Wang Lili. Puti i formy sovershenstvovaniija migracii krest'jan v goroda v Kitae [Ways and forms of Improving the Migration of Peasants to Cities in China]. *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya*, 2020. No. 2. (In Russ.).
- Wei Yanning, Gong Yue. Understanding Chinese rural-to-urban migrant children's education predicament: A dual sistem perspective. *International Journal of Educational Development*, 2019. No. 69.
- Wu Yao. Social'naja integracija kitajskih vnutrennih migrantov: usloviija zhizni vnutrennih migrantov (agricultural to nonagricultural) imigrantov rabochih [Social integration of Chinese Internal Migrants: Living Conditions of Internal Migrants (agricultural to nonagricultural) and Migrant Workers]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya*, 2018. No. 4. (In Russ.).
- Xiao Yuanyuan, He Lipin, Chang Wei. Self-harm Behaviors, Suicidal Ideation, and Associated Factors Among Rural Left-behind Children in West China. *Annals of Epidemiology*, 2020. No. 42.
- Xu Limin, Cheung Monit, Leung Patrick, Xu Yongxiang. Migrant Child Phenomenon in China: Subjective Happiness Factors for Assessing Service Needs. *Children and Youth Services Review*, 2018. No. 90.
- Yang Chenlu, Liu Xiaoli, Yang Yuning, Huang Xiaona, Song Qiying, Wang Yan, Zhou Hong. Violent Disciplinary Behaviors Towards Left-behind Children in 20 Counties of Rural China. *Children and Youth Services Review*, 2020. No. 114.
- Yang Guanyi, Bansak C. Does Wealth Matter? An Assessment of China's Rural-urban Migration on the Education of Left-behind Children. *China Economic Review*, 2020. No. 59.
- Yin Shasha. Deti derevenskih migrantov v Kitae: issledovanie problem socializacii [Children of Rural Migrants in China: Research on the Socialization Problems]. *Obschestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2019. No. 2 (58). (In Russ.).
- Zhao Xinyi, Fu Fang, Zhou Luqing. The Mediating Mechanism Between Psychological Resilience and Mental Health Among Left-Behind Children in China. *Children and Youth Services Review*, 2020. No. 110.
- 第七次全面的人口普查主要数据情况 [The Main Data on the 7-th Population Census of the People's Republic of China]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202105/t20210510_1817176.html (accessed: 20.07.2021). (In Chin.).
- 刘群, 查贵芳. 留守儿童与流动儿童社会性发展研究的现状、问题与前瞻 [Liu Qun, Cha Guifang. A Study on the Current Situation, Issues and Prospect of Left-Behind Children and Migrant Children in Social Development]. 天津市教科院学报, 2020. 第6期.

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Советская военная администрация и создание органов охраны правопорядка в Северной Корее в 1945 году

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120018311-3

Лебедев Василий Владимирович

Докторант Токийского университета, Япония (адрес: 113–0024, Япония, Токио, Бункё-ку, Нисиката 2–16–12, Досикай 104). ORCID: 0000–0002–1969–9443.

E-mail: kutuzkin21@hanmail.net.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021.

Аннотация:

Освобождение Кореи от японского колониального господства Красной Армией в августе 1945 г. открыло новую страницу в истории этой страны. Вместе с тем, обстоятельства, при которых страна обрела независимость, оказали судьбоносное влияние на всю её дальнейшую историю. Раскол некогда единой страны на два лагеря, формировавшихся при содействии образовавшихся на полуострове военных администраций СССР и США, привёл к братоубийственной Корейской войне, последствия которой не преодолены до сих пор.

В данной статье рассматривается один из самых важных аспектов деятельности советской военной администрации в Северной Корее — установление системы охраны правопорядка и создание полиции. Полиция станет важным инструментом для установления контроля за Северной Кореей и обеспечения стабильности проходивших в ней политических процессов, однако цели и процесс её создания недостаточно отражены в научных работах. На основе преимущественно советских архивных материалов с привлечением корейских источников в данной статье отмечается, что изначально этот орган создавался не с политическими или военными целями, как это часто утверждается в западной и южнокорейской литературе. Несмотря на фактически прямой характер советского контроля за процессами в Северной Корее, создание полиции в 1945 г. представляло собой не что иное, как практический ответ на целый комплекс проблем, возникших в результате внезапного освобождения страны от японского колониального господства.

Как часть процесса становления системы охраны правопорядка в статье освещается деятельность самого базового органа советской военной администрации — военных комендатур. В статье отмечается, что помимо своей основной функции проводника политики советской военной администрации военные комендатуры играли самую позитивную роль в деле борьбы с преступлениями, совершаемыми отдельными военнослужащими Красной Армии.

Ключевые слова:

СССР, Северная Корея, Красная Армия, гражданская администрация, полиция, фракционная борьба, белый террор.

Для цитирования:

Лебедев В.В. Советская военная администрация и создание органов охраны правопорядка в Северной Корее в 1945 году // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 163–179.

DOI: 10.31857/S013128120018311-3.

История политического и военного строительства в Северной Корее сразу после освобождения страны Красной Армией от японского колониального господства в 1945 г. является одной из самых малоизученных в историографии. В советское время детальному изучению этой темы препятствовало отсутствие доступа к архивным документам, а также сильная политизированность истории КНДР. В результате советская историография в той или иной степени описывала процессы 1945–1948 гг. через призму антифеодалной, национально-освободительной и народно-демократической революций¹.

Распад СССР и последовавшее за этим частичное открытие архивов создали предпосылки для более глубокого изучения роли СССР в становлении КНДР. В современной отечественной историографии одну из первых серьёзных попыток пересмотреть ход истории Северной Кореи 1945–1948 гг. предпринял Ю.В. Ванин².

Вместе с тем широкий тематический охват — от советской военной администрации и народных комитетов до экономики и культуры — предопределил наличие определённых ограничений. Так, процессу закладывания основ будущей силовой структуры в 1945 г. посвящено буквально несколько строк. Не полностью раскрыты причины, побудившие советское командование проводить политику жёсткого контроля за деятельностью северокорейских органов охраны порядка и пр.

Отдельно нужно отметить, как освещается данная тема в зарубежной историографии. В период холодной войны западная, а вместе с ней и южнокорейская историография испытывали влияние идеологической конфронтации со странами социалистического лагеря. Необходимость поиска «коварных планов» у идеологического противника привела к доминированию т.н. «традиционалистского» взгляда на историю ранней Северной Кореи. Согласно этому взгляду, руководство СССР изначально рассматривало Корею как зону своего влияния и, начиная с самого первого дня оккупации, целенаправленно проводило политику «советизации», т.е. превращения Северной Кореи в «марионеточное государство»³. Реакцией на этот подход стало появление так называемого «ревизионистского» подхода. Его представители начали вводить в научный оборот источники на корейском языке, в том числе северокорейские, что позволило обратить внимание на внутренний аспект происходивших в Корее процессов. Вместе с критической переоценкой политики США, послевоенных интересов СССР это, а также открытие советских архивов после окончания холодной войны позволило по-новому взглянуть на корейский вопрос⁴.

Особое место в этой дискуссии занимает история строительства полицейских органов Северной Кореи как предтечи Корейской Народной Армии. Исследователи-«традиционалисты» рассматривают создание централизованного полицейского органа в рам-

1. См. н-р. *Шабшина Ф.И.* Очерки новейшей истории Кореи (1945–1953 гг.). М.: Политиздат, 1958; *Ким Г.Ф.* Рабочий класс Кореи в революционном движении и социалистическом строительстве. М.: Наука, 1965; *История Кореи (с древнейших времен до наших дней): в 2-х томах / Ред. кол. Гафуров Б. Г. и др.* М.: Наука, 1974; *Корейская Народно-Демократическая Республика / под. ред. Тригубенко М.Е.* М.: Наука, 1985; СССР и Корея / Отв. ред. Ванин Ю.В. М.: Наука, 1988.
2. *Ванин Ю.В.* Советский Союз и Северная Корея. 1945–1948. М.: ИВ РАН, 2016.
3. North Korea: a case study in the techniques of takeover. United States. Department of State. Washington, 1961; *Erik van Ree.* Socialism in one zone: Stalin's policy in Korea 1945–1947. Oxford: Berg, 1989.
4. *Bruce Cumings.* Origins of the Korean War, Vol. 1: Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945–1947. Princeton: Princeton University, 1981; *Kathryn Weathersby.* Soviet aims in Korea and the origins of the Korean War, 1945–1950: New evidence from Russian archives. Washington, DC: Cold War International History Project, Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1993.

ках политики СССР по усилению коммунистических сил в Северной Корее. В качестве одного из основных аргументов из исследования в исследование «гуляет» аргумент, что основанию новой полиции предшествовал отбор советским командованием «2000 последовательных [приверженцев] коммунистической идеологии»⁵. Также встречается описание северокорейской полиции как «подразделения, по характеру схожего с внутренними войсками МВД СССР или боевой полицией (*чонтху кёнчхаль*) Южной Кореи»⁶.

Среди исследователей-«ревизионистов» в настоящее время популярностью пользуется концепция «Северокорейской революции». Её сторонники подчёркивают «исконно корейские» корни произошедших в Северной Корее преобразований, отводя деятельности советской администрации лишь роль исторического фона. Фокусировка внимания на корейской политической культуре как основном факторе политического строительства в Северной Корее в 1945–1948 гг. приводит к таким спорным выводам, как, например, что «фактический масштаб ответственности СССР за создание местных полицейских органов был довольно ограниченным», а создание Департамента полиции Северной Кореи являлось результатом деятельности в первую очередь самих корейцев⁷. В одном из исследований даже утверждалось, что СССР «не устанавливал в Северной Корее военной администрации, а управлял Северной Кореей через корейцев»⁸.

В настоящей работе на основании анализа доступных архивных источников мы постараемся представить картину формирования полицейских органов в Северной Корее через призму политики советского военного командования в области обеспечения общественного порядка в стране, а также определить масштаб вовлечённости в этот процесс советской военной администрации и указать на причины, по которым был избран именно такой подход к решению поставленной задачи.

Вакуум власти и его последствия для общественного порядка

Вступление СССР в войну 9 августа 1945 г. стало для Японии полной неожиданностью⁹. И хотя основной удар приходился на Маньчжурию, в направлении Корейского полуострова наносился вспомогательный удар с целью изолирования Квантунской армии путём

- 張浚翼. 北韓人民軍隊史 [Чан Чжуник. История Народной Армии Северной Кореи]. 서울: 瑞文堂, 1991; 장학근외기획편집. 북한군사관계사료집 1. 6 • 25전쟁북한군전투명령 [Чан Хаккын и др. Сборник документов, связанных с армией Северной Кореи. Т. 1. Боевые приказы Северной Кореи во время Корейской войны]. 國防部軍史編纂研究所, 2001.
- «Боевая полиция» Южной Кореи — это собирательное название полицейских формирований, которые в период Корейской войны выполняли карательные функции в тылу. 김행복외집필. 6 • 25전쟁사 1. 전쟁의배경과원인 [Ким Хэнбок. История Корейской войны. Т. 1. Исторический фон и причины войны]. 서울: 국방부군사편찬연구소, 2004. 304쪽.
- Charles K. Armstrong. The North Korean Revolution, 1945–1950. Cornell University Press, 2004. Pp. 205–206; 김선호. 조선인민군: 북한무력의형성과유일체제의기원 [Ким Сонхо. Народная Армия Кореи: формирование вооружённых сил Северной Кореи и происхождение единой системы]. 서울: 한양대학교출판부, 2020. 146쪽.
- Youngjun Kim. Origins of the North Korean Garrison State. Routledge, 2018. P. 93.
- Известна хлёсткая ремарка исполняющего обязанности начальника 12 отдела (руководство войной) японского генштаба Танэмура Сукэтакэ (種村佐孝, 1904–1966), который на все тревожные сигналы ответственного за разведку на советском направлении 5 отдела заявил: «Это всё — [излишняя] нервозность. Сталин не такой дурак, чтобы сломя голову броситься в войну против Японии. Он будет наблюдать в стороне, пока государственная и военная мощь Японии не ослабнет, и будет постепенно начинать [подниматься на войну] только после того, как начнётся высадка на основную территорию [Японии]». 防衛庁防衛研修所戦史室『関東軍2—関特演・終戦時の対ソ戦』[Институт изучения военной истории Министерства обороны. Квантунская армия 2. Кантокуэн и бои с СССР под конец войны]. 朝雲新聞社, 1974年. 332頁.

установления контроля за побережьем Северной Кореи. Авианалёты на японские военные объекты в Корее начались в первый же день войны, а 13 августа развернулись кровопролитные бои за крупный портовый город Чхонджин, которые закончились лишь 16 августа¹⁰.

Сразу после капитуляции Японии 15 августа 1945 г. по всей Корее начались демонстрации, которые в отдельных местах перетекали в беспорядки. В докладе о положении в Корее генконсул СССР в Сеуле Полянский отмечал: «На окраинах Сеула корейцы врывались в японские дома, отбирали у них деньги и вещи. Однако в центре города этого не было. Имелись случаи, когда японские офицеры наносили раны корейцам своими саблями.... Демонстрация 16 августа показала, что корейский народ не имеет руководителей и партии, которая могла бы возглавить его и направить на быстрейшее изгнание из Кореи японцев.... Корейский народ был без оружия и не было такой силы, которая могла бы возглавить его, чтобы добыть это оружие, отобрав его у японцев»¹¹.

Вместе с тем прямая близость войны делала своё дело, и если на Юге, как отмечал Полянский, колониальная администрация сохранила рычаги управления и смогла взять ситуацию под контроль, то к северу от 38-й параллели остановить захват власти местным населением оказалось сложнее. Практически на следующий день после объявления о капитуляции во многих местах колониальная администрация и руководство предприятий, опасаясь как прихода Красной Армии, так и мести со стороны бывших подданных, бежали на юг Кореи, образовав на Севере политический вакуум.

Этот вакуум вызвал резкий рост политической активности корейского населения. Организации, претендовавшие на власть на местах, появлялись повсеместно практически сразу после освобождения, причём идеологический и классовый характер этих организаций мог сильно отличаться даже в рамках одного города, что зачастую приводило к конфликтам¹². По результатам борьбы в провинциях формировались органы власти, впоследствии получившие общее название «народные комитеты».

Последовавший за освобождением хаос не мог не вызвать негативных последствий. Советские войска отмечали серьёзный урон экономике, прежде всего путям сообщения, понесённый не только в результате боевых действий, но и из-за действий местного населения. В частности, из-за того, что корейские органы самоуправления не смогли взять в свои руки управление железными дорогами, железнодорожная связь оказалась абсолютно дезорганизована, «внутреннее оборудование парка пассажирских вагонов оказалось полностью растащено и уничтожено местным населением»¹³. Похожая ситуация наблюдалась и в сферах автомобильного и водного транспорта, причём и там, и там особо подчёркивалась невозможность корейских органов власти справиться с наступившими трудностями¹⁴.

Основной задачей в освобождённой Северной Корее стало поддержание общественного порядка. Большинство политических организаций как левого, так и правого толка имели свои военизированные подразделения, носившие разные названия: «Отряд поддержания порядка (치안대)», «Отряд защиты порядка (보안대)»¹⁵, «Народный охранный отряд (민경대)», «Красная гвардия (적위대)»¹⁶ и пр. Эти отряды не только занимались охраной правопорядка, но и активно участвовали в политической борьбе. Например, 16

10. Ю.В. Ванин. Советский Союз и Северная Корея. 1945–1948. М.: ИВ РАН, 2016. С. 22–26.

11. РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 47, л. 3–4.

12. Suzy Kim. Everyday Life in the North Korean Revolution, 1945–1950. Cornell University Press, 2016. Pp. 47–48.

13. АВПРФ, ф. 0480, оп. 2, п. 2, д. 7, л. 99.

14. АВПРФ, ф. 0480, оп. 4, п. 14, д. 47, л. 124.

15. Suzy Kim. Everyday Life in the North Korean Revolution, 1945–1950. Cornell University Press, 2016. P. 44.

16. Charles K. Armstrong. The North Korean revolution, 1945–1950. Cornell University Press, 2004. Pp. 205–206.

сентября 1945 г. в результате обострения борьбы в провинции Хванхэдо «Отряд защиты порядка», состоявший из членов правой политической организации, с целью захвата власти совершил вооружённый налёт на контролировавшийся левыми Народный комитет¹⁷.

Политические организации Северной Кореи проявляли большое рвение в том, чтобы расквитаться с оставшимися японцами, сторонниками колониального режима и просто со своими политическими противниками. Наиболее показательным является инцидент с «народным судом» в Косоне и Яньяне, когда в середине сентября по обвинению в «национальном предательстве» к смертной казни приговорили 11 человек, среди которых было 10 японцев и один кореец. От расправы в виде публичной казни через повешение арестованных спасло лишь вмешательство Красной Армии, уполномоченные которой забрали японцев и приказали провести повторное следствие в отношении корейца, который, однако, вскоре «скончался от болезни»¹⁸.

Одновременно с этим в Северной Корее произошёл первый крупный акт «белого террора». 3 сентября 1945 г. по дороге домой после встречи с представителем советского командования в Пхеньяне был застрелен один из видных руководителей корейских коммунистов Хён Чжунхёк, советское командование практически сразу выяснило, что убийство было совершено правыми националистами¹⁹.

В южнокорейской историографии это убийство долго считалось делом рук отрядов левой «Красной гвардии» и датировалось 28 сентября 1945 г.²⁰. Советские документы, а также признания самих участников событий²¹ не оставляют и тени сомнения в том, что это убийство было совершено корейскими правыми националистами. Убийство положило начало трагической цепи событий, ставшей своего рода прелюдией к братоубийственной Корейской войне. Оно было совершено крайне правой террористической организацией *Тэдондан*, члены которой сразу после преступления бежали в Сеул, где в ноябре 1945 г. основали новую организацию под названием «Общество белорубашечников (백의사)» по аналогии с «коричневорубашечниками» в нацистской Германии и «синерубашечниками» (藍衣社) в чанкайшистском Китае. Впоследствии члены этой организации окажутся на острие политической и террористической борьбы против левых, а также примут самое активное участие в Корейской войне²².

Помимо этого случая военными комендантами и органами контрразведки часто вскрывались организации, готовившие террористические акты против коммунистов и Красной Армии. Так, по сообщениям комендантов, в начале декабря 1945 г. было арестовано 22 члена Демократической партии, которые вели агитацию среди населения с призывом «убивать русских». В граничащей с Южной Кореей провинции Хванхэдо была раскрыта группа из 16 человек, готовившая убийство коммунистов и управлявшаяся из

17. 김행복외집필. 6·25전쟁사 1. 전쟁의배경과원인 [Ким Хэнбок. История Корейской войны. Т. 1. Исторический фон и причины войны]. 서울: 국방부군사편찬연구소, 2004. 71–72쪽.

18. 國史編纂委員會編. 北韓關係史料集IX [Комитет по составлению государственной истории. Сборник материалов по Северной Корее. Т. 9]. 國史編纂委員會, 1990. 10쪽.

19. ЦАМО, ф. УСГАСК, оп. 433847, д. 1, л. 47.

20. 김행복외집필. 6·25전쟁사 1. 전쟁의배경과원인 [Ким Хэнбок. История Корейской войны. Т. 1. Исторический фон и причины войны]. 서울: 국방부군사편찬연구소, 2004. 226쪽.

21. Расшифровку интервью с членами право-террористической организации «белорубашечников» см. в 문화방송시사제작국. MBC특별기획이제는말할수있다. 2002년. 46회 — 비밀결사白衣社 [Отдел производства по текущим делам Эм-би-си. Спецвыпуск передачи Эм-би-си «Теперь можно говорить» № 46, 2002 год. — Тайная организация «Пэгыйса»]. 문화방송시사제작국, 2002.

22. 도진순. 한국민족주의와남북관계. 이승만·김구시대의정치사 [То Чжинсун. Корейский национализм и отношения Севера и Юга. Политическая история эпохи Ли Сынмана и Ким Гу]. 서울: 서울대학교출판부, 1997. 77–78쪽.

Сеула. В другом уезде той же провинции 19 ноября группа корейцев попыталась поднять вооружённое восстание и даже открыла стрельбу по зданию полиции. В провинции Пхёнан-пукто группа корейцев совершила нападение на полицейский участок. Похожая ситуация была и в провинции Хамгён-пукто, где 6 ноября была раскрыта организация, ставившая своей целью уничтожение коммунистов, разоружение полиции и нападение на военную комендатуру²³.

Помимо хаоса и всплеска политического насилия серьёзным препятствием на пути установления порядка стала обострившаяся фракционная борьба, в первую очередь среди коммунистов. После освобождения в Сеуле с разницей в несколько дней были созданы сразу две организации, провозгласившие себя Коммунистической партией²⁴. Отсутствие единой партии привело к тому, что разные организации начали «соревнование», чтобы объединить вокруг себя других. Например, партийная организация уезда Канге провинции Пхёнан-пукто работала, получая указания и из Пхеньяна, и из Синийджу. Для того чтобы разрешить конфликт, местному военному коменданту приходилось просматривать эти инструкции и самому давать указания по работе этой уездной организации²⁵.

Одним из самых курьёзных моментов фракционного противостояния стала публикация документа под названием «Основные положения создания Народного Правительства», опубликованного от имени некоего «члена политотдела командования Советской армии Кырычхары (蘇聯軍司令部政治部員 그르차르)». В зарубежной научной литературе встречаются различные даты его публикации: начало сентября²⁶, конец сентября²⁷ или 4 октября²⁸. Содержание этого документа представляет собой программу действий «советской армии» из 6 пунктов, включавшую формирование независимого государства с привлечением всех «неяпонских» слоёв общества с последующим провозглашением рабоче-крестьянского правительства, решение земельного вопроса посредством конфискации, передачу управления на японских заводах корейцам, репрессии в отношении всех «непокорных» элементов, национализацию культурных, медицинских и образовательных учреждений с разрешением частных учреждений технического характера при постановке их под наблюдение, а также передачу контроля над банками в руки Народных комитетов, запрет на выдачу кредитов японцам²⁹.

Несмотря на очевидную фальшивость данного документа, во многих современных южнокорейских и некоторых западных работах его подлинность не подвергается сомнению³⁰.

23. ЦАМО, ф. УСГАСК, оп. 102038, д. 2, лл. 90–93.

24. Подробное см. 이주환. 朝鮮共產黨의路線對立研究 [Ли Чжухван. Исследование противостояния линий Коммунистической партии Кореи]. 국내석사학위논문 東國大學校大學院 서울, 1998.

25. ЦАМО, ф. Военной комендатуры провинции Пхеньян-пукто, оп. 536317, д. 19, л. 203.

26. 김기석. 북조선의현상과장래 [Ким Гисок. Положение дел и будущее Северной Кореи]. 서울: 조선정경연구사, 1947. 81–82쪽.

27. 김선호. 조선인민군: 북한무력의형성과유일체제의기원 [Ким Сонхо. Народная Армия Кореи: формирование вооружённых сил Северной Кореи и происхождение единой системы]. 서울: 한양대학교출판부, 2020. 96 쪽.

28. Bruce Cumings. Origins of the Korean War, Vol. 1: Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945–1947. Princeton: Princeton University, 1981. P. 387.

29. 蘇聯軍이發表한人民政府樹立要綱 [Основные положения создания Народного Правительства, опубликованные Советской Армией] // 漢城時報. 1945.10. 제7면.

30. См н-р. 김선호. 조선인민군: 북한무력의형성과유일체제의기원 [Ким Сонхо. Народная Армия Кореи: формирование вооружённых сил Северной Кореи и происхождение единой системы]. 서울: 한양대학교출판부, 2020; 김광운총괄. 북조선실록. 년표와사료 1945.08.15~1945.12.31 [Ким Гванун отв. сост. Подлинные записи Северной Кореи. Хронологическая таблица и исторические документы]. 코리아데이터프로젝트, 2018; Bruce Cumings. Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945–1947. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981.

Таким образом, рухнувшая в Северной Корее сразу после освобождения система колониального управления не была тут же заменена единой администрацией. Вакуум власти заполнялся по-разному от провинции к провинции и иногда приводил к кровопролитию. Высокий уровень дезорганизации приводил к ухудшению ситуации в области общественного порядка, поэтому основная работа по его обеспечению не могла не лечь целиком на плечи советского командования.

Военные комендатуры и организация полиции Северной Кореи

Первые шаги по восстановлению порядка на территории Северной Кореи происходили на фоне отсутствия директив со стороны Верховного командования Красной Армии. Изначально Корея не рассматривалась советским командованием как основное направление действий. Приказ о вводе войск в Северную Корею был получен только 17 августа 1945 г. и был предельно лаконичен: командующему 25-й Армией предписывалось с 18 числа начать ввод войск в Корею, распространив ее действия на территорию до линии Кайсю (кор. Хэчжу), Сянанри (кор. Чхатханни, совр. Ёнхон), Дэйюйю (кор. Яньянъ), и таким образом установить контроль над Кореей к северу от 38-й параллели³¹.

Вместе с тем определение перечня конкретных задач и мероприятий для занявших Маньчжурию и Корею советских войск было необходимо. Командующий 25 Армией И.М. Чистяков вспоминал, что для оказания помощи местному населению и восстановления порядка его частям приходилось организовывать комендатуры, инструкцию об обязанностях которых было поручено написать начальнику штаба В.А. Пеньковскому³².

Копия данного документа, которая хранится в ЦАМО, представляет собой инструкцию для комендантов в Маньчжурии³³. Однако тот факт, что в одном деле с ней хранится изданный в том же году Карманный справочник офицера по Корее и то, что содержание данных инструкций в основном согласуется с фактическими мерами, которые предпринимали коменданты в Северной Корее, позволяет утверждать, что этот документ с известными поправками применялся и там.

Военная комендатура представляла собой низовой орган советской военной администрации. Являясь «первым представителем советской военной власти»³⁴ в населённом пункте, военный комендант был ответственен за все мероприятия, связанные с обеспечением порядка. Он должен был организовывать внутренний порядок и охрану имущества жителей, разминирование важных объектов города, в первую очередь дорог, организовывать противопожарные и санитарные мероприятия и пр. Недавнее окончание войны также предполагало наличие в городе и его окрестностях вражеских диверсантов. В рамках борьбы с ними проводилось изъятие у населения оружия и радиоаппаратуры, проведение учёта населения, содействие органам СМЕРШ в поиске агентуры противника. Для этого военный комендант мог издавать приказы и распоряжения, которые имели силу закона, а также привлекать к ответственности за их невыполнение³⁵.

Управление и контроль за выполнением распоряжений и работа с населением осуществлялись посредством местных корейцев, которые шли на сотрудничество с советской администрацией — активом. Актив набирался военным комендантом из числа репрессированных японцами лиц или демократических деятелей, которые не запятнали себя сотрудничеством с колониальной администрацией. Предпочтение отдавалось анти-японским партизанам, которые сотрудничали с Красной Армией. Набор предписывалось

31. ЦАМО, ф. 234, оп. 3213, д. 126, л. 131.

32. И.М. Чистяков. Служим отчизне. М: Воениздат, 1975. С. 292.

33. ЦАМО, ф. 32, оп. 11318, д. 196, лл. 90–102 об.

34. ЦАМО, ф. 32, оп. 11318, д. 196, л. 94.

35. ЦАМО, ф. 32, оп. 11318, д. 196, лл. 94–94об, 98об-99.

осуществлять после проверки органами СМЕРШ³⁶. Активисты были глазами и ушами военного коменданта, помимо проведения официальных мероприятий они зачастую занимались выявлением граждан, которые не сдали оружие коменданту, проверкой слухов и сбором иной полезной информации³⁷.

Отдельно оговаривались меры в отношении частей Красной Армии, расквартированных в зоне ответственности комендатуры. Командование требовало от комендантов принимать активное участие в процессе расквартирования частей Красной Армии, проводить их регистрацию и, в отдельных случаях, стараться изолировать их от местного населения³⁸.

Комендатуры создавались на трёх уровнях: провинциальном, городском и уездном. Штат комендатур разнился, но, как правило, включал военного коменданта, заместителя по политической части, заместителя или помощника по строевой части, переводчика, делопроизводителя, взвод или роту охраны. Создание комендатур началось в сентябре, в Северной Корее в общей сложности имелось 6 провинциальных, 85 уездных и 7 городских комендатур³⁹.

Каждая комендатура, как правило, раз в 15 дней должна была отправлять в вышестоящую комендатуру отчёт, из которого на уровне провинциальной комендатуры составлялась общая сводка для представления командованию 25-й Армии. Отчёт составлялся по типовой схеме из нескольких частей. В самом начале от коменданта требовалось осветить положение дел с политическими настроениями населения, а также их отношение к проводимым советским командованием мероприятиям. Следом должно было идти краткое описание деятельности местных партий и организаций, оценка соответствия их деятельности «современному положению в Корее». Под этим в первую очередь понималась борьба с проявлениями левого радикализма, который был свойственен многим деятелям освобождённой Северной Кореи. Далее следовало описание ситуации с печатью, радио и религиозными учреждениями. Затем шёл отчёт об экономическом положении региона и о народном просвещении.

Отдельным пунктом шли сведения о поведении советских военнослужащих. Это был отчёт о нарушениях воинской дисциплины и преступлениях военнослужащих в зоне деятельности комендатуры с кратким описанием вопиющих случаев, в первую очередь фактов мародёрства и насилия по отношению к гражданскому населению, требовалось отмечать, «где и какие имелись аморальные факты, что сделано по их предупреждению». Из такой постановки задачи можно сделать вывод, что командование понимало опасность излишнего соприкосновения советских военнослужащих с местным населением и старалось работать на опережение⁴⁰.

На первых порах проблема преступлений, совершаемых красноармейцами, стояла крайне остро. Так, начальник Административно-политического отдела советской администрации полковник Игнатъев отмечал, что «за вторую половину ноября и декабря военными комендатурами было задержано большое количество военнослужащих Красной Армии за пьянку, мародёрство и насилие над корейским населением». Только комендатурой города и провинции Сев. Пхеньян (пров. Пхеньян-Пукто — Л.В.) за вторую половину ноября было задержано 102 человека. В качестве отдельных фактов в отчёте приводятся вооружённые ограбления, иногда сопровождающиеся убийствами, изнасилования корейских женщин, стрельба по корейцам в состоянии опьянения⁴¹.

36. ЦАМО, ф. 32, оп. 11318, д. 196, лл. 100–100об.

37. ЦАМО, ф. Военной комендатуры провинции Пхеньян-пукто, оп. 536317, д. 19, л. 46об.

38. ЦАМО, ф. 32, оп. 11318, д. 196, лл. 99–99об.

39. АВПРФ, ф. 0480, оп. 4, п. 14, д. 46, лл. 4–5.

40. ЦАМО, ф. УСГАСК, оп. 343254, д. 2, лл. 86–87.

41. ЦАМО, ф. УСГАСК, оп. 102038, д. 2, лл. 93–95.

Необходимо отметить, что в случае возникновения подобных инцидентов военная комендатура реагировала на них быстро и нарушителей часто задерживали. Так, например, во всех случаях мародёрства, фигурирующих в отчёте за вторую половину ноября 1945 г. комендатуры провинции Пхёнан-пукто, располагавшейся в городе Синьчжу, совершившие преступления военнослужащие были задержаны и переданы в свои части для привлечения к ответственности, а украденное имущество было возвращено владельцам⁴².

Организованная работа по выстраиванию новой системы охраны правопорядка началась лишь в конце сентября – начале октября 1945 г. 21 сентября 1945 г. была опубликована Директива Ставки Верховного Главнокомандования, которая определила задачу советских войск как содействие «установлению в Северной Корее буржуазно-демократической власти на базе широкого блока всех антияпонских демократических партий и организаций»⁴³. Руководствуясь новыми директивами, 10 октября штаб Приморского военного округа направил командованию 25-й Армии текст Приказа № 7, в котором предписывалось «все имеющиеся вооружённые отряды распустить», а на их месте «разрешить временным провинциальным комитетам создать полицию»⁴⁴.

Военные комендатуры стали основным инструментом проведения этой политики. Так, военным комендантом уезда Канге за месяц с 24 сентября по 30 октября 1945 г. была разоружена как местная полиция, так и левая организация «Красная гвардия», изъято около тысячи единиц стрелкового, холодного оружия и гранат, а также до 80000 патронов⁴⁵. В ходе работы с органами СМЕРШ по выявлению лиц, ранее работавших на японцев, был разоблачён «японский ставленник» – начальник уезда. По окончании этих мероприятий в городе и уезде была создана новая полиция в составе 150 человек⁴⁶. Похожим образом положение обстояло в уезде Часон. После изъятия оружия у населения комендантом была обнаружена организация, которая занималась военной подготовкой молодёжи. Организация была распущена, а оружие изъято⁴⁷.

Новые органы полиции, однако, не могли удовлетворить советское командование. Несмотря на разоружение и роспуск местных вооружённых отрядов и создание на месте новой полиции, которая формально должна была подчиняться местному народному комитету, в реальности она зачастую состояла либо из тех же людей, что были при японцах, но успели вовремя переменить сторону, либо из приверженцев одной из легитимизировавшихся на местах политических групп. Работа по созданию новой полиции требовала более детального изучения положения дел, в связи с чем во второй половине октября командование 25-й Армии поручило начальнику отдела контрразведки СМЕРШ Н.А. Анохину провести проверку деятельности полиции. Приказание было выполнено, и уже 22 октября докладная записка легла на стол И.М. Чистякову.

Записка свидетельствовала о том, что обстановка в полицейских органах была крайне неблагоприятной. Помимо следственного и уголовного отделов в полицейских управлениях провинций существовал так называемый «особый отдел», который занимался борьбой с «политическими преступлениями» и осуществлял «контрразведывательные функции». Отдельно корейцами был создан «отдел по работе среди иностранцев и беженцев», который вёл «работу среди японцев». Фактически функции этих двух отде-

42. ЦАМО, ф. УСГАСК, оп. 343254, д. 2, лл.201–201об.

43. Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы: Документы и материалы: В 2 т. Т. 18 (7–2). М.: ТЕРРА, 2000. С. 171–172.

44. ЦАМО, ф. 234, оп. 3213, д. 524, л. 161.

45. ЦАМО, ф. Военной комендатуры провинции Пхеньян-пукто, оп. 536317, д. 19, л. 11.

46. ЦАМО, ф. Военной комендатуры провинции Пхеньян-пукто, оп. 536317, д. 19, л. 12.

47. ЦАМО, ф. Военной комендатуры провинции Пхеньян-пукто, оп. 536317, д. 19, л. 168 об.

лов были направлены не столько на обеспечение общественного порядка, сколько на репрессии в отношении неугодных. Тщательная проверка работы полицейских органов одного лишь Пхеньяна выявила, что по состоянию на 19 октября 1945 г. из 1090 человек задержанных и арестованных более 65% составляли японцы, а количество политических и «военных» преступников (офицеров и солдат японской армии, а также сотрудников японской полиции) более чем вдвое превышало количество задержанных и арестованных за уголовные преступления.

Такой произвол, как данную ситуацию охарактеризовал сам Анохин, требовал немедленного вмешательства. В результате отделом СМЕРШ 25-й Армии был принят комплекс мер по ознакомлению и пересмотру дела каждого задержанного и арестованного, а командованию было предложено запретить органам полиции проводить аресты по политическим преступлениям, создать органы прокуратуры, которые следили бы за работой полиции, а существующую полицию полностью реорганизовать. Более того, недоверие к корейской полиции было так велико, что Анохин предложил учредить в организации полиции пост постоянных представителей военного командования из сотрудников СМЕРШ или НКГБ. В конце записки он отдельно подчеркнул невозможность её решения силами одного лишь отдела СМЕРШ и попросил поставить данный вопрос на разрешение Военного Совета Округа⁴⁸.

Все выявленные военными комендантами и Н.А. Анохиным факты показали потенциальную взрывоопасность и неуправляемость существующей системы охраны порядка в Северной Корее. Это сделало необходимым создание новой полицейской системы, которая была бы централизованной и подчинённой советскому командованию. Таким органом стал основанный в начале ноября 1945 г. Департамент полиции Северной Кореи.

Департамент полиции Северной Кореи

Создание комендатур и расширение роли советских войск в освобождённой Северной Корее требовали всё большей отдачи от штаба 25-й Армии. Поэтому в рамках оптимизации системы управления советской зоной ответственности было принято решение о выделении гражданской администрации — органа советской военной администрации по контролю за ключевыми областями жизни Северной Кореи. После согласования мер между НКВД и Генштабом⁴⁹ в начале ноября 1945 г. началось создание структуры из 10 департаментов при командующем 25 Армией⁵⁰, причём для создания облика именно гражданской администрации в качестве формального главы каждого из них был поставлен кореец. Среди них был Департамент полиции.

Департамент полиции Северной Кореи (ДПСК) был создан в начале ноября 1945 г. В качестве формального главы был выбран кореец Чхве Ёнгон. Ветеран борьбы с японцами в Маньчжурии и соратник будущего руководителя Северной Кореи Ким Ирсена, Чхве Ёнгон был единственным из числа корейских партизан «группы Ким Ирсена», которому была предоставлена высшая должность в первом составе руководства Северной Кореи. Сам этот факт нередко подчёркивается корейскими исследователями как левого толка, которые указывают на «непрямой» характер советского управления Северной Кореей, так и правого толка, которые видят в нём проявление «планов советского командования по советизации Северной Кореи». Однако даже беглое рассмотрение основополагающих документов не оставляет сомнений в том, как на самом деле была устроена цепочка управления ДПСК.

48. ЦАМО, ф. УСГАСК, оп. 343253с, д. 3, лл. 48–51.

49. АВПРФ, ф. 0102, оп. 1, п. 1, д. 15, лл. 7–8.

50. АВПРФ, ф. 0480, оп. 4, п. 14, д. 46, л. 6.

Основным документом, регулировавшим работу ДПСК, был документ под названием «Основная инструкция об организации и работе полицейских органов в Северной Корее» от 2 ноября 1945 г. Первые два пункта этого документа отчётливо отражают характер работы как самого ДПСК, так и советской гражданской администрации. В частности, в нём говорится:

«Для поддержания общественного порядка и спокойствия, а также для проведения борьбы с преступностью гражданского населения Северной Кореи при народных комитетах провинций, уездов, волостей и муниципалитетов городов организуется полиция, которая управляется департаментом полиции Северной Кореи и одновременно подчиняется соответствующим народным комитетам.

Департамент полиции Северной Кореи работает по указаниям Советского Военного командования, имеющего при департаменте своего военного представителя. Начальник департамента обязан выполнять все распоряжения и приказания советского военного представителя»⁵¹.

Советским военным представителем в ДПСК был назначен полковник Н.Я. Загрузин. В составе Северо-Западного и Степного фронтов Н. Загрузин прошёл всю Великую Отечественную Войну, после чего был переброшен на Дальний Восток, где совместно с 13-й бригадой морской пехоты ТОФ принимал участие в одном из самых кровопролитных сражений в Корее — высадке в Чхончжине, организовывал занятие обороны полком, а также борьбу с мелкими группами японцев⁵². Имея за плечами боевой опыт и незаурядные организаторские качества, Н. Загрузин несомненно был подходящей фигурой для занятия такого важного поста.

В момент создания ДПСК имел 8 отделов. Отдел общественного порядка и спокойствия отвечал за экономическую безопасность. В его функции входила охрана частной собственности граждан, а также «государственной» и общественной собственности, борьба с незаконным повышением цен во избежание возникновения беспорядков на фоне нехватки продовольствия. Отдельными пунктами шла регистрация и разрешение на открытие ресторанов и гостиниц, а также учёт публичных домов и надзор за проститутками.

Отдел по борьбе с уголовной преступностью проводил задержание преступников, в тексте было специально оговорено, что под ними понимаются прежде всего воры, убийцы и др. Арест разрешался только с санкции прокурорского надзора при местном департаменте юстиции, а если такой санкции не будет получено в течение 24 часов, то задержанного предписывалось немедленно освободить.

Отдел мест заключения руководил работой тюрем, общий отдел вел канцелярскую работу и распределял кадры. Изначально проект предусматривал создание отдела по учёту передвижения населения, который должен был выдавать разрешения на перемещение по территории Северной Кореи, но впоследствии от этой идеи отказались. Существовали также хозяйственный отдел, выдававший зарплату и вещевое довольствие, отдел санитарного надзора, ведавший вопросами гигиены и хранением ядовитых веществ в аптеках и на предприятиях, отдел пожарной охраны⁵³.

Работа сотрудников новой полиции регламентировалась Приказом Начальника Департамента полиции № 1 от 5 ноября 1945 г. за подписью Чхе Ёнгона и приложенной к нему временной инструкцией. Приказ начинался с причин, сделавших необходимым создание единого департамента, а именно с перечисления проблем, которые были выявлены в ходе работы комендантов и проверки Анохина. Разумеется, всё это привело к недоверию населения полицейским органам.

51. ЦАМО, ф. УСГАСК, оп. 343253с, д. 3, л. 13.

52. ЦАМО, ф. 33, оп. 687572, д. 2570, л. 41.

53. ЦАМО, ф. УСГАСК, оп. 343253с, д. 3, лл. 13–16.

Для того чтобы это исправить, на основании указания Советского Военного Командования вводился комплекс мер. Во-первых, было приказано «категорически запретить впредь применять физические меры допросов и вообще избивать кого бы то ни было». Понимая, что установление централизованного контроля над полицейской системой Северной Кореи может саботироваться, пунктом 2 Приказа было предусмотрено проведение чисток среди полицейских рядов. Начальникам провинциальных полиций в срок до 20 ноября 1945 г. предписывалось «пересмотреть кадры полицейских работников» и освободиться прежде всего от «прояпонски настроенного элемента» и «неспособных выполнять работу, связанную с обеспечением спокойствия корейского народа». Третьим пунктом приказа подчёркивалось, что до получения особых указаний задержания и арест проводить можно только в отношении уголовных преступников. Отдельно отмечалось: «арест[овывать] за политические преступления имеет право только Военное Командование». Следующим пунктом устанавливался 24-часовой срок для ведения расследования по задержанным лицам, а для арестованных по серьёзным преступлениям срок разбирательства устанавливался в 30 дней. Ознакомлению с данным приказом и инструкцией подлежал весь начальствующий и рядовой состав полиции, а его невыполнение каралось строго вплоть до предания суду⁵⁴.

Прилагаемая к Приказу № 1 временная инструкция содержала подробные указания относительно того, кого и при каких обстоятельствах можно задерживать, как следует оформлять арест и проводить обыск, составлять протоколы допроса, вести следствие и составлять обвинительные акты⁵⁵. Следом шли формы актов, приказов и прочей производственной документации⁵⁶.

В отличие от многих других русских версий корейских документов, ни один из вышеперечисленных документов, формально подписанных корейцем и имеющих *определённые* признаки, присущие корейскому документу (например, формат даты год-месяц-день), не имеет необходимой приписки «перевод с корейского». Более того, в форме акта о задержании помимо фамилии и имени предлагалось записать отчество, которого не существует в корейском именном комплексе. Всё это позволяет с уверенностью говорить о том, что вся важнейшая документация изначально составлялась на русском языке и только потом переводилась на корейский, что исключает всякую возможность «непрямого управления», о которой часто говорится в зарубежной литературе.

Такой строгий контроль не мог не вызвать недовольство со стороны корейцев. С целью выяснения обстановки на местах 11 ноября 1945 г., менее чем через неделю после создания ДПСК, Чхве Ёнгон созвал совещание начальников отделений полиции г. Пхеньяна. На совещании он узнал, что меры по «перетряхиванию» полиции дают успехи: большинство дел было пересмотрено, и от упомянутой Анохиным цифры в 1090 задержанных и арестованных в каждом из отделений осталось всего по 10 человек, в основном это были подозреваемые в убийстве, разбойном нападении и пр. Когда в конце двухчасового заседания Чхве Ёнгон спросил у собравшихся относительно пожеланий, ему прямо заявили, что «в административном плане вмешательство Советской Армии слишком сильное, [что] создаёт немало препятствий, [поэтому] желательно, чтобы с Советской Армией была [достигнута в этом отношении] договорённость»⁵⁷.

Для обеспечения более быстрого и плавного установления контроля за правоохранительной системой Северной Кореи советское командование начало проводить массовые чистки. Уже во второй половине ноября в каждой провинции были созданы комиссии под председательством «военного представителя провинции», под которым, скорее всего, имелся в виду военный комендант провинциальной комендатуры, в них входили также

54. ЦАМО, ф. УСГАСК, оп. 343253с, д. 3, лл. 1–3.

55. ЦАМО, ф. УСГАСК, оп. 343253с, д. 3, лл. 4–7.

56. ЦАМО, ф. УСГАСК, оп. 343253с, д. 3, лл. 8–12.

57. ЦАМО, ф. УСГАСК, оп. 343253с, д. 3, лл. 38–44.

представители СМЕРШ и 3–5 корейцев от общественных организаций. Работу комиссий предполагалось закончить к ноябрю 1946 г.⁵⁸ Эта работа была выполнена точно в срок, согласно итоговому докладу, из полицейских органов было «вычищено» до 41,5% от общего числа полицейских, а из тюрем была освобождена почти половина всех заключённых⁵⁹.

Имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что советская администрация в Северной Корее имела характер прямого управления, при котором основную роль играли приказы, издаваемые советским командованием, и распоряжения военных представителей при департаментах.

Исключением, во многом подтверждающим правило, стал вопрос о корейском наименовании новых органов полиции. На основании директивы от 21 сентября, которая требовала от Красной Армии содействия «установлению в Северной Корее буржуазно-демократической власти», их было решено объединить под общим названием «полиция». Вместе с тем данное название, в переводе на корейский язык *кёнчхаль*, вызывало у корейцев негативные ассоциации, связанные с бывшей японской колониальной полицией *кэйсацу*, название которой записывалось теми же иероглифами.

Для того чтобы разрешить этот вопрос, корейские переводчики использовали более нейтральный термин *поан* (охрана правопорядка), а сами полицейские отряды получили название *поандэ*. Это быстро заметили коменданты, которые однозначно переводили это слово как «милиция». Считая это нарушением Директивы Верховного Главнокомандующего, с ноября по декабрь 1945 г. во многих провинциях коменданты провели борьбу с данным термином, доходившую до прямых запретов на его использование⁶⁰.

В конечном счёте термин *поан* прижился, однако не совсем понятно, почему советское командование решило прекратить с ним борьбу. Исследователь Ким Гукху в своём труде приводит свидетельство советского переводчика Пак Кирёна, который вспоминал, что председатель Народного комитета Пхеньяна Чо Мансик, узнав о том, что советское командование решило использовать слово *кёнчхаль*, пошёл к Загрузину и потребовал отказаться от него, однако Загрузин оказался непреклонен. Недовольный отказом Чо Мансик направился в штаб 25-й Армии и стал расспрашивать советских переводчиков-корейцев, можно ли перевести русское слово «полиция» как «*поан*». После настойчивых расспросов переводчики согласились, что это теоретически возможно. Тогда Чо Мансик пошёл к заместителю командующего 25-й Армии генералу-майору А.А. Романенко и в категорической форме потребовал изменить название⁶¹. Анализ доступных источников показывает, что борьба с терминологией к началу 1946 г. прекратилась, однако в советских документах на русском языке до самого конца пребывания советских войск на территории Северной Кореи продолжало использоваться слово «полиция».

Таким образом, к концу ноября 1945 г. создание органов полиции Северной Кореи было фактически завершено. Основным мотивом централизации контроля за полицией Северной Кореи стала изначальная её разрозненность и дезорганизованность, а также сильное вовлечение в политическую борьбу. Все эти факторы мешали советскому командованию выполнять поставленные перед ним задачи, поэтому при создании единой структуры было принято решение ограничить сферу действия полиции исключительно охраной правопорядка и запретить ей любое преследование по политическим мотивам. Отсутствие единства среди корейцев, а также необходимость более строгого контроля за выполнением инструкций вынудили советское командование поставить корейского главу Департамента фактически в прямое подчинение советскому военному представителю при департаменте.

58. ЦАМО, ф. УСГАСК, оп. 343253, д. 9, лл. 143–143об.

59. АВПРФ, ф. 0480, оп. 4, п. 14, д. 46, л. 250.

60. См. н-р: ЦАМО, ф. УСГАСК, оп. 343253, д. 9, лл. 48–48об, 94.

61. 김국후. 평양의카레이스키엘리트들 [Ким Гукху. Элиты Пхеньяна из советских корейцев]. 서울: 한울아카데미, 2013. 41쪽.

* * *

Известный христианский деятель Южной Кореи и свидетель событий в Северной Корее Хам Сокхон сравнивал внезапность освобождения с «приходом в дом вора»⁶². Действительно, политическая неподготовленность Кореи к краху японского колониального режима привела к резкому всплеску политической активности самых разных сил. В особенности это ощущалось на севере страны, где произошел коллапс всей системы охраны правопорядка.

Хаос, воцарившийся в этот период внезапной свободы, некоторое время оставался необузданным. Вступающие в Корею советские войска отмечали грабёж и порчу важного имущества со стороны местного населения, а приходившие к власти на местах политические силы использовали беспорядок для того, чтобы расправиться с не успевшими убежать на юг японцами и своими политическими противниками. Первый выстрел «белого террора», а также фракционная борьба среди, казалось бы, однородных сил ещё больше подливали масла в огонь недоверия советского командования корейским политическим силам.

Для того чтобы взять ситуацию под контроль, командованием 25 Армии была создана покрывшая всю Северную Корею сеть военных комендатур. Назначение военных комендатур было двояким: с одной стороны, перед ними ставилась задача охраны имущества и поддержания общественного порядка в районе их деятельности, для чего предпринимались меры по созданию актива, а также осуществления контроля за деятельностью местной полиции. С другой стороны, преступления, совершаемые военнослужащими Красной Армии, также представляли серьёзный источник озабоченности советского командования. Предотвращение и борьба с ними были вторым важным элементом деятельности военных комендатур.

Однако всех этих мер оказалось недостаточно, и проведённая в октябре 1945 г. проверка показала всю критичность сложившейся ситуации в области полицейского провозгла. Для исправления этого положения советским командованием был создан ДПСК. Формально возглавлявшийся корейцем департамент фактически полностью подчинялся советскому военному представителю. Под его руководством с привлечением сотрудников СМЕРШ по всей Северной Корее стали проводиться «чистки» в рядах полиции, в ходе которых полицейский аппарат был сильно сокращён и стал гораздо более управляемым.

Рассмотренные выше факты позволяют сделать вывод о том, что характер советской администрации в Северной Корее носил характер прямого управления. Основной причиной этого можно назвать как внезапность краха системы колониального управления, так и отсутствие в Северной Корее на момент освобождения единой политической силы, которая могла бы быстро взять под контроль ситуацию на местах. Это вынуждало советское командование принимать радикальные меры вплоть до прямого запрета на ведение преследований по политическим мотивам. Такая политика станет почвой для возникновения кризиса в области безопасности Северной Кореи в марте 1946 г., мрачной прелюдии к событиям, в итоге разорвавшим полуостров и один народ на две части.

Литература

- Ванин Ю.В. Советский Союз и Северная Корея. 1945–1948. М.: ИВ РАН, 2016.
 История Кореи (с древнейших времен до наших дней): в 2-х томах / Ред. кол. Гафуров Б.Г. и др. М.: Наука, 1974.
 Ким Г.Ф. Рабочий класс Кореи в революционном движении и социалистическом строительстве. М.: Наука, 1965.
 Корейская Народно-Демократическая Республика / под ред. Тригубенко М.Е. М.: Наука, 1985.

62. 咸錫憲. 뜻으로 본 韓國歷史 [Хам Сокхон. История Кореи в смысле]. 서울: 崇義社, 1963. 358쪽.

- Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы: Документы и материалы: В 2 т. Т. 18 (7–2). М.: ТЕРРА, 2000.
- СССР и Корея / Отв. ред. *Ванин Ю.В.* М.: Наука, 1988.
- Чистяков И.М.* Служим отчизне. М: Воениздат, 1975.
- Шабина Ф.И.* Очерки новейшей истории Кореи (1945–1953 гг.). М.: Политиздат, 1958.
- Bruce Cumings.* Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945–1947. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981.
- Bruce Cumings.* Origins of the Korean War, Vol. 1: Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945–1947. Princeton: Princeton University, 1981.
- Charles K. Armstrong.* The North Korean Revolution, 1945–1950. Cornell University Press, 2004.
- Erik van Ree.* Socialism in one zone: Stalin's policy in Korea 1945–1947. Oxford: Berg, 1989.
- Kathryn Weathersby.* Soviet aims in Korea and the origins of the Korean War, 1945–1950: New evidence from Russian archives. Washington, DC: Cold War International History Project, Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1993.
- North Korea: a case study in the techniques of takeover. United States Department of State. Washington, 1961.
- Suzy Kim.* Everyday Life in the North Korean Revolution, 1945–1950. Cornell University Press, 2016.
- Youngjun Kim.* Origins of the North Korean Garrison State. Routledge, 2018.
- 장학근외기획편집. 북한군사관계사료집 1. 6 · 25전쟁북한군전투명령 [*Чан Хаккын* и др. Сборник документов, связанных с армией Северной Кореи. Т. 1. Боевые приказы Северной Кореи во время Корейской войны]. 國防部軍史編纂研究所, 2001.
- 김광운총괄. 북조선실록. 년표와사료 1945.08.15~1945.12.31 [Отв. сост. *Ким Гванун*. Подлинные записи Северной Кореи. Хронологическая таблица и исторические документы]. 코리아데이터프로젝트, 2018.
- 蘇聯軍이發表한人民政府樹立要綱 [Основные положения создания Народного Правительства, опубликованные Советской Армией] // 漢城時報. 10.1945. 제7면.
- 國史編纂委員會編.北韓關係史料集 IX [Комитет по составлению государственной истории. Сборник материалов по Северной Кореи. Т. 9]. 國史編纂委員會, 1990.
- 김국후. 평양리카레이스키엘리트들 [*Ким Гукху*. Элиты Пхеньяна из советских корейцев]. 서울: 한울아카데미, 2013.
- 김기석. 북조선의현상과장래 [*Ким Гисок*. Положение дел и будущее Северной Кореи]. 서울: 조선정경연구소, 1947.
- 김선호. 조선인민군: 북한무력의형성과유일체제의기원 [*Ким Сонхо*. Народная Армия Кореи: формирование вооружённых сил Северной Кореи и происхождение единой системы]. 서울: 한양대학교출판부, 2020.
- 김행복외집필. 6 · 25전쟁사 1. 전쟁의배경과원인 [*Ким Хэнбок*. История Корейской войны. Т. 1. Исторический фон и причины войны]. 서울: 국방부군사편찬연구소, 2004.
- 도진순. 한국민족주의와남북관계. 이승만 · 김구시대의정치사 [*То Чжинсун*. Корейский национализм и отношения Севера и Юга. Политическая история эпохи Ли Сынмана и Ким Гу]. 서울: 서울대학교출판부, 1997.
- 문화방송시사제작국. MBC특별기획이제는말할수있다. 2002년. 46회 — 비밀결사白衣社 [Отдел производства по текущим делам Эм-би-си. Спецвыпуск передачи Эм-би-си «Теперь можно говорить» № 46, 2002 год. — Тайная организация «Пэгыйса»]. 문화방송시사제작국, 2002.
- 이주환. 朝鮮共產黨의路線對立研究 [*Ли Чжухван*. Исследование противостояния линий Коммунистической партии Кореи]. 국내석사학위논문 東國大學校大學院, 1998. 서울.
- 張浚翼. 北韓人民軍隊史 [*Чан Чжунник*. История Народной Армии Северной Кореи]. 서울: 瑞文堂, 1991.
- 咸錫憲. 뜻으로본韓國歷史 [*Хам Сокхон*. История Кореи в смыслах]. 서울: 崇義社, 1963.
- 防衛庁防衛研修所戦史室『関東軍2—関東特演・終戦時の対ソ戦 [Институт изучения военной истории Министерства обороны. Квантунская армия 2. Кантокуэн и бои с СССР под конец войны]. 朝雲新聞社, 1974年.

MILITARY BUILD-UP**The Soviet Military Administration and the Creation of the North Korean Police in 1945***Vasilii V. Lebedev*

Ph.D. student, The University of Tokyo, Japan (address: 113–0024, Japan, Tokyo, Bunkyo-ku, Nishikata 2–16–12, Doushikai 104). ORCID: 0000–0002–1969–9443.

E-mail: kutuzkin21@hanmail.net.

Received 15.12.2021.

Abstract:

The liberation of Korea by the Red Army in August 1945 brought an end to the Japanese colonial rule and opened a new page in the history of Korea. However, the circumstances in which Korea met its liberation played a fateful role in the developments after the liberation. Division of the country into Soviet and American occupation zones became an essential background for the creation of two different political regimes. Their confrontation eventually led to the devastating Korean war, the consequences of which still vividly felt today across the 38th parallel.

This article focuses on the creation of the North Korean police force by the Soviet military administration. The police would become an important tool for establishing control over North Korea and will play important role in its political unification. Drawing from the Soviet archival evidence as well as several Korean-language sources this article argues that the creation of the North Korean police was not initially driven by political goals or goals of creating a military for the future North Korean regime. The evidence suggests that despite the direct nature of the Soviet control over North Korea, the creation of the police was primarily guided by the practical need of the Soviet command to overcome a number of serious issues that plagued North Korea from the very first days after the liberation.

One of the primary tools for the creation of the North Korean police force was the commandant offices. As the grassroots level organisation of the Soviet military administration tasked with implementing its policies, the commandant offices were directly responsible for monitoring and controlling the work of the police. Equally important, however, was their role in fighting the crimes committed by the soldiers and officers of the Red Army.

Key words:

USSR, North Korea, Red Army, Civil Administration, police, factional struggle, white terror.

For citation:

Lebedev V.V. The Soviet Military Administration and the Creation of the North Korean Police in 1945 // *Far Eastern Studies*. 2022. No. 1. Pp. 163–179. DOI: 10.31857/S013128120018311-3.

References

- Bruce Cumings*. Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945–1947. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981.
- Bruce Cumings*. Origins of the Korean War. Vol. 1: Liberation and the emergence of Separate Regimes, 1945–1947. Princeton: Princeton University, 1981.
- Charles K. Armstrong*. The North Korean Revolution, 1945–1950. Cornell University Press, 2004.
- Chistyakov I.M.* Sluzhim otchizne [Serving the fatherland]. M: Voenizdat, 1975. (In Russ.).
- Erik van Ree*. Socialism in one zone: Stalin's policy in Korea 1945–1947. Oxford: Berg, 1989.
- Istoriya Korei (s drevnejshih vremen do nashih dnei): v 2-h tomah [History of Korea (from ancient times to present days)] / Red. kol. *Gafurov B.G.* i dr. M.: Nauka, 1974. (In Russ.).
- Kathryn Weathersby*. Soviet aims in Korea and the origins of the Korean War, 1945–1950: New evidence from Russian archives. Washington, DC: Cold War International History Project, Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1993.
- Kim G.F.* Rabochij klass Korei v revolyucionnom dvizhenii i sotsialisticheskom stroitel'stve [The working class of Korea in the revolutionary movement and the socialist construction] M.: Nauka, 1965. (In Russ.).
- Korejskaya Narodno-Demokraticeskaya Respublika [The Democratic People's Republic of Korea] / pod red. *Trigubenko M.E.* M.: Nauka, 1985. (In Russ.).
- North Korea: a case study in the techniques of takeover. United States. Department of State. Washington, 1961.

- Russkij arhiv: Velikaya Otechestvennaya. Sovetsko-yaponskaya vojna 1945 goda: istoriya voenno-politicheskogo protivoborstva dvuh derzhav v 30–40-e gody: Dokumenty i materialy: V 2 t. T. 18 (7–2). [Russian archive: The Great patriotic war. The Soviet-Japanese war of 1945: the history of the military and political confrontation of the two powers in the 30-s and 40-s. Documents and materials in 2 vols. Vol. 18 (7–2)]. M.: TERRA, 2000. (In Russ.).
- Shabshina F.I.* Ocherki novejshej istorii Korei (1945–1953 gg.) [Outline of the Modern history of Korea (1945–1953)]. M.: Politizdat, 1958. (In Russ.).
- SSSR i Koreya [USSR and Korea] / Otv. red. *Vanin Yu. V.* M.: Nauka, 1988. (In Russ.).
- Suzy Kim.* Everyday Life in the North Korean Revolution, 1945–1950. Cornell University Press, 2016.
- Vanin Yu. V.* Sovetskij Soyuz i Severnaya Koreya. 1945–1948 [USSR and North Korea. 1945–1948]. M.: IV RAN, 2016. (In Russ.).
- Youngjun Kim.* Origins of the North Korean Garrison State. Routledge, 2018.
- 장학근외기획편집. 북한군사관계사료집 1. 6·25전쟁북한군전투명령 [*Chang Hakkūn et al.* The collection of documents on the North Korean Army. Vol. 1. Military orders of the North Korean Army during the Korean war]. 國防部軍史編纂研究所, 2001. (In Kor.).
- 김광운총괄. 북조선실록. 년표와사료 1945.08.15~1945.12.31 [*Kim Gwangun.* Veritable Records of North Korea. Chronological table and historical documents]. 코리아데이터프로젝트, 2018. (In Kor.).
- 蘇聯軍이發表한人民政府樹立要綱 [The Outline for the Creation of People's Government]. 漢城時報. 1945.10. 제7면. (In Kor.).
- 國史編纂委員會編. 北韓關係史料集 IX [National Institute of Korean History. Collection of Historical Materials on North Korea. Vol. 9]. 國史編纂委員會, 1990. (In Kor.).
- 김국후. 평양리카레이스키엘리트들 [*Kim Gukhu.* Soviet Korean Elites of Pyongyang]. 서울: 한울아카데미, 2013. (In Kor.).
- 김기석. 북조선의현상과장래 [*Kim Gisök.* Current State and Future of North Korea]. 서울: 조선정경연구소, 1947. (In Kor.).
- 김선호. 조선인민군: 북한무력의형성과유일체제의기원 [*Kim Sōnho.* Korean People's Army: The Making of North Korean Army and the Origin of the Kim Il-sung's Regime]. 서울: 한양대학교출판부, 2020. (In Kor.).
- 김행복외집필. 6·25전쟁사 1. 전쟁의배경과원인 [*Kim Haengbok et al.* The History of Korean War 1: Background and the Reasons of the War]. 서울: 국방부군사편찬연구소, 2004. (In Kor.).
- 도진순. 한국민족주의와남북관계. 이승만·김구시대의정치사 [*To Jinsun.* Korean Nationalism and North-South Relationship. Political History of the Era of Lee Sūng-man and Kim Gu]. 서울: 서울대학교출판부, 1997. (In Kor.).
- 문화방송 시사제/작곡. MBC 특별기획이제는말할수있다. 2002년. 46회 — 비밀결사白衣社 [MBC Special program. We can speak now. Part 46 — Secret organisation Paegūisa]. 문화방송시사제작국, 2002. (In Kor.).
- 이주환. 朝鮮共產黨의路線對立研究 [*Yi Juhwan.* Study of conflict of Lines of the Korean Communist Party: Focusing on the period immediately after the liberation]. 국내석사학위논문 東國大學校大學院, 서울, 1998. (In Kor.).
- 張浚翼. 北韓人民軍隊史 [*Chang Junik.* History of North Korean People's Army]. 서울: 瑞文堂, 1991. (In Kor.).
- 咸錫憲. 뜻으로본韓國歷史 [*Ham Sōkhōn.* The Meaning of Korean History]. 서울: 崇義社, 1963. (In Kor.).
- 防衛庁防衛研修所戦史室『関東軍 2 — 関特演・終戦時の対ソ戦 [National Institute of Defense Studies. Kwantung Army 2. Kantokuen and the War against the USSR in the end of the WW2]. 朝雲新聞社, 1974年. (In Jap.).

ИСТОРИЯ**Проблемы конфликта на КВЖД
в трудах советских ученых первой половины XX в.**

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120018309-0

Дацышен Владимир Григорьевич

Доктор исторических наук, профессор, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0000-0001-6471-8327. E-mail: dazishen@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 21.12.2021.

Аннотация:

Статья посвящена проблеме конфликта на КВЖД в работах советских экспертов-востоковедов — современников событий. Конфликтом на КВЖД называется советско-китайское противостояние на Китайско-Восточной железной дороге начиная с 1924 г. Хронологические рамки определяются историей конфликта — периодом второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. Уже в конце 1924 г. произошло первое столкновение между советской и китайской сторонами дороги. В начале 1926 г. конфликт на КВЖД перешел на качественно новый уровень, а в 1929 г. трансформировался уже в военное противостояние сторон. В 1920–1930-х гг. в советской литературе этому конфликту уделялось мало внимания. Поводом к повышению интереса общественности и специалистов-экспертов к ситуации на КВЖД стало резкое обострение конфликта и военные события 1929 г. Уже в 1929 г. в Сибири были изданы брошюры с описанием военного конфликта, в периодических изданиях появились развернутые материалы по этой проблематике. Источником для исследования явились публикации современников событий. Проанализированы работы советских востоковедов, таких как Б.Н. Мельников, С.А. Дридзо, А.А. Иванов, Г.Н. Зархин, Г.Б. Скалов, В.Я. Аболтин. Кроме того, были рассмотрены другие публикации разных авторов, посвященные советско-китайскому конфликту на КВЖД 1929 г. Анализ публикаций позволил сделать вывод о том, что в советской научной и научно-популярной литературе давалась крайне упрощенная картина событий, анализ проблем подменялся пропагандистско-идеологическими штампами, авторы сводили причины конфликта к проискам внешних врагов.

Ключевые слова:

Конфликт на КВЖД, историография советско-китайских отношений, советские эксперты-востоковеды.

Для цитирования:

Дацышен В.Г. Проблемы конфликта на КВЖД в трудах советских ученых первой половины XX в. // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 180–191.
DOI: 10.31857/S013128120018309-0.

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), строительство которой началось в конце XIX в., просуществовала до продажи ее Советским Союзом «японо-маньчжурской стороне» в 1935 г. В течение почти 40 лет КВЖД занимала ключевое место в системе русско-китайских отношений, во многом определяла геополитическую ситуацию в Восточной Азии. Уже начало строительства российской дороги на территории Северо-Восточного Китая вызвало сильнейший военно-политический кризис в двухсторонних отношениях¹. На завершающем этапе истории КВЖД отношения между странами вновь перешли в состояние военного конфликта.

1. Дацышен В.Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб.: ИПТ, 1996.

Проживавший в Тяньцзине известный сибирский ученый, общественный и политический деятель И.И. Серебренников летом 1932 г. написал: «По-видимому русская Кит[айская] Вост[осточная] ж[елезная] д[орога] доживает последние дни. Под несчастной звездой родилась эта дорога, в самый день ходынской катастрофы. 18 мая 1896 года. Витте представил на утверждение императора Николая II проект соглашения русского правительства с Русско-Китайским банком об образовании общества Китайской Восточной ж[елезной] д[ороги]. Это был день несчастный во всех отношениях. Первый председатель правления дороги Сюй Цзинчен сложил свою голову под мечом палача в Пекине в 1900 году, в тяжкие дни Боксерской смуты. Едва дорога была открыта для эксплуатации, началась русско-японская война. Едва она освободилась от эксплуатационного дефицита, как разразилась Русская революция. В 1929 году ее пытались отнять у русских китайцы, но это им не удалось»².

Таким образом, в конце XIX — первой трети XX вв. именно проблемы КВЖД были наиболее сложными в российско-китайских отношениях. Соответственно, современники, как непосредственные очевидцы и участники событий, так и исследователи той эпохи, не могли обойти своим вниманием проблем КВЖД.

Завершающий этап истории КВЖД начался в 1924 г., после подписания 20 сентября 1924 г. в Мукдене (Шэньяне) «Соглашения между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Автономных Трех Восточных Провинций Китайской Республики»³. По итогам соглашения КВЖД фактически перешла под контроль Советского Союза. 3 октября 1924 г., когда дорога перешла под советское управление, по образному выражению исследователей, стало днем «Октябрьского переворота на КВЖД»⁴. В течение нескольких лет в Харбине отмечали 3 октября как дату начала новой истории дороги. В передовице «День проверки», размещенной в харбинской газете «Молва» за 3 октября 1928 г., говорилось: «Дата 3-го октября стала исторической не только для населения района КВЖД, но и для Китая и СССР вообще. В истории взаимоотношений обеих стран 3-е октября входит как одна из лучших и ярких страниц, рисующих образец равных отношений между двумя странами. Представители СССР принесли ненависть к тем, кто годами угнетал Китай... к тем, кто считал КВЖД орудием порабощения китайского народа, к тем, кто нарушение китайского суверенитета считал основой своей царистской империалистической политики»⁵.

Несмотря на пропагандистское сопровождение становления советско-китайского сотрудничества на КВЖД, именно с 1924 г. началась история конфликта на КВЖД. Первый серьезный конфликт между Управляющим дорогой А.Н. Ивановым и Главным начальствующим Особого Района Восточных провинций (Синчжэнчжангуаньгуншу) Чжу Цинланем произошел уже в ноябре 1924 г. Всего через месяц с небольшим после оформления новой системы работы дороги китайская сторона уже потребовала увольнения советского управляющего А.Н. Иванова. В январе 1925 г. произошло новое столкновение между советской и китайской сторонами в руководстве КВЖД, известное как «конфликт на 8-м участке». В апреле 1925 г. начался новый и еще более острый конфликт. Л.М. Карахан писал в Москву: «Наиболее тяжелым является, конечно, в данное время вопрос о Маньчжурии и о Вост-Кит жел. дороге... начало новой кампании против т. Иванова, ясно указывающей, что Мукден поставил себе ближайшей задачей выживать нас...»⁶. Качест-

2. Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых. В 5 т. Т. I. М.: РОССПЭН, 2006. С. 217.

3. 中俄边界条约集 [Сборник соглашений о китайско-российской границе]. 北京, 1973. 第218页.

4. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. С. 390.

5. Молва. 1928. 3 октября.

6. Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. / Сост., отв. ред. А. И. Картунова. М.: Наталис, 2008. С. 495.

венно новый виток противостояния начался в январе 1926 г.⁷ Китайские войска захватили дорогу, а китайские власти арестовали управляющего КВЖД А.Н. Иванова. Советская сторона для демонстрации силы выдвинула к границе войска. Во время этих событий в документах закрепилось понятие «конфликт на КВЖД»⁸. Конфликт удалось урегулировать, в том числе используя военное давление, но в августе 1926 г. китайская сторона вновь продолжила политику вытеснения СССР из Маньчжурии.

Таким образом, с 1924 г. советско-китайский конфликт на КВЖД стал реальностью и важнейшим фактором двухсторонних отношений. Китайская сторона пыталась ограничить советский контроль над дорогой. В начале 1926 г. для достижения своих целей стороны использовали военную угрозу и аресты.

В данной статье рассматривается отражение и изучение конфликта на КВЖД в работах советских ученых, экспертов-востоковедов — современников событий. Хронологические рамки определяются историей конфликта — периодом второй половины 1920-х — начала 1930-х гг.

Казалось бы, в 1920-х гг. советское Китаеведение, опиравшееся на академические и университетские традиции бывшей Российской империи, должно было все расставить на свои места, сформулировать проблемы и дать сколько-нибудь убедительные и обоснованные версии. Кроме того, советские специалисты по Востоку в 1920-х гг. имели «масштабный госзаказ» советского государства и Коминтерна на изучение Китая. На деле же, уже с первых дней изучения конфликта на КВЖД исследователи подменяли анализ набором штампов. Как правило, причины конфликта всегда назывались одни — «пронски империализма». Бывший директор Центрального института живых восточных языков и советник в Китае Г.Б. Скалов утверждал: «Стремление империализма спровоцировать СССР на войну, борьба САСШ с Японией за Манчжурию... — таковы основные причины захвата КВЖД»⁹.

Несмотря на популярность китайской темы, на важность проблем советско-китайских отношений на КВЖД, в СССР практически не велось научной разработки данных вопросов. Например, в начале 1928 г. в Москве был создан Научно-исследовательский институт по Китаю. Однако среди озвученных целей создания института и пунктов программы работы НИИ не обозначалось изучения проблем КВЖД, как и вообще каких-либо вопросов советско-китайских отношений. Подконтрольные большевикам научные издания в Харбине, такие как «Вестник Маньчжурии», также обходили проблемы конфликта на КВЖД стороной. Здесь необходимо отметить, что в СССР были исследователи, которые показали динамику социально-экономического развития приграничных с Россией китайских провинций и сделали вывод: «Таким образом, Северная Маньчжурия накануне высокого экономического развития, основанного на великом переселении китайского народа, которое неизбежно послужит одной из причин величайших империалистических столкновений и катастроф»¹⁰. Однако данные исследования не проецировались на конфликт на КВЖД.

Советское Китаеведение по-разному реагировало на вызовы конфликта. Например, в 1928 г. вышла книжка П. Мифа (П.А. Фортус) «Китайская коммунистическая партия в критические дни». Но один из руководителей и лидеров «советского практического

7. Дацышен В.Г. «Конфликт на КВЖД 1926 г.» и «Конфликт на КВЖД 1929 г.»: сравнительно-исторический анализ советской политики // *Сравнительная политика*, 2018. 9(4). С. 67–82.

8. Чичерин Г.В. Статьи по вопросам международной политики. М.: Изд-во соц-экон. лит., 1961. С. 481.

9. Скалов Г. КВЖД. Империализм и китайская реакция в событиях на КВЖД. М.-Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1930. С. 36.

10. Игнатович К.И. Проблемы китайской колонизации Северной Маньчжурии и методы ее осуществления // *Северная Азия*, 1929. № 5–6. С. 23.

китаеведения», ректор Коммунистического университета трудящихся Китая вообще не упомянул о проблемах КВЖД¹¹. Однако в опубликованном в том же 1928 г. «политико-экономическом сборнике» «О Китае» под редакцией известного партийного функционера А. Лозовского (С.А. Дридзо) советско-китайскому конфликту вокруг КВЖД было уделено довольно много внимания.

В череде публикаций, посвященных проблемам советско-китайских отношений, следует выделить статью «Китай и СССР», автором которой был публиковавшийся под псевдонимом Б. Семенов известный советский разведчик и дипломат Б.Н. Мельников. Редкий случай, когда советский исследователь дает картину событий, показывая, что в основе конфликта лежали экономические противоречия между «корпорацией» КВЖД и китайским бизнесом в Харбине. Советский дипломат-китаевед показал, что китайские генералы и чиновники вступают в конфликт с советской стороной, именно защищая интересы китайского бизнеса. Б.Н. Мельников указывает, что китайской стороной конфликта являются председатель правления КВЖД Бао Гуйцзин и «местные китайские генералы, вроде Чжан Хуан-сяна — начальника штаба охранных войск»¹². Он писал: «Первый очень серьезный конфликт разыгрался вскоре после перехода дороги к совместному управлению. Поводом послужило небольшое обстоятельство, по внешности своей весьма невинное. Группа китайских коммерсантов, занимавших своими товарами... склады на 8-м участке дороги в Харбине... в силу определенной политики местных властей, направленных к захвату земель Китайско-восточной железной дороги, отказались платить аренду за свои участки... Коммерсанты, подстрекаемые местными китайскими генералами, вроде Чжан Хуан-сяна — начальника штаба охранных войск, категорически отказались платить эти сборы и подали жалобу маршалу Чжан Цзо-лину на действия управления дороги. Чжан Цзо-лин сначала встал на сторону коммерсантов. Но после категорического протеста тов. Карахана... он посоветовал коммерсантам и китайской части правления Китайско-восточной железной дороги не нарушать порядков на дороге... Через некоторое время возник новый конфликт, не менее серьезный»¹³.

Таким образом, накануне событий 1929 г. в СССР появились работы, где советские специалисты по Китаю указывали на развитие конфликта по поводу КВЖД, показывали его содержательную часть и китайскую сторону.

Летом 1929 г. советско-китайский конфликт на КВЖД перешел на качественно новый уровень и занял первое место во внешнеполитической повестке Советского Союза. В работах советских специалистов по Китаю во время развития вооруженного конфликта и сразу по его окончании эти события отражались по-разному. Во многих ведущих изданиях по Китаю по непонятным причинам вообще не упоминали о конфликте на КВЖД. Например, в журнале НИИ по Китаю при ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем «Проблемы Китая» проблема конфликта 1929 г. не поднималась¹⁴. В опубликованной в Харбине в 1934 г. работе «Маньчжурия. Экономико-географическое описание» затрагивались вопросы политической истории региона, но о конфликте на КВЖД не упоминалось¹⁵.

11. *Миф П.* Китайская коммунистическая партия в критические дни. М.-Л.: Государственное издательство, 1928.

12. *Семенов Б.* Китай и СССР // О Китае. Политико-экономический сборник. Под ред. А. Лозовского. М.-Л.: Государственное издательство, 1928. С. 156.

13. *Семенов Б.* Китай и СССР // О Китае. Политико-экономический сборник. Под ред. А. Лозовского. М.-Л., Госиздат, 1928. С. 155–156.

14. Проблемы Китая. Записки НИИ по Китаю при ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем. № 3. М.: Изд-во Комакадемии, 1930.

15. Маньчжурия. Экономико-географическое описание. Ч. 1. Харбин: Типо-литография Кит. Вост. жел. дор., 1934.

Тем не менее, в 1929–1930 гг. в СССР вышло в свет несколько работ, специально посвященных советско-китайскому конфликту на КВЖД. Уже сами названия большинства публикаций пытаются отвлечь внимание советского читателя от противоречий на КВЖД, создать искаженную картину событий. Книги и брошюры выходят под такими названиями: «Военная угроза на Дальнем Востоке. Что происходит на Советско-китайской границе»¹⁶; «Граница на замке»¹⁷; «На советско-китайской границе»¹⁸. В этой ситуации были и исключения, например, в написанной еще до Маньчжуро-Чжалайинской наступательной операции работе о советско-китайском конфликте 1929 г. говорилось лишь о проблемах противостояния на КВЖД, но не об угрозе советским территориям, как о том трубили советские газеты¹⁹.

Авторы первых публикаций, в которых были разделы с названием «конфликт на КВЖД», старательно игнорировали собственно проблемы этого конфликта. Например, в работе ведущего советского китаевода А.А. Иванова, публиковавшегося под псевдонимом Ивин, раздел «Конфликт на Китайско-Восточной железной дороге» начинается со слов: «Как известно, одним из наиболее ярых противников Советского Союза является империалистическая Великобритания»²⁰.

В советской историографии уже в 1929 г. появились публикации с описанием исторической картины событий и выделением проблем конфликта. В «Сибкрайиздате» была опубликована небольшая книжка «Захват Китайско-Восточной железной дороги»²¹. Работа начинается с параграфа «Захват КВЖД и разрыв сношений между СССР и Китаем». В ней говорится: «10-го июля, как сообщил телеграф, китайские власти произвели разбойничий налет на Кит.-Вост. жел. дорогу... было арестовано более двухсот советских железнодорожных служащих. Затем дубань провинции (губернатор) Люй-чжун-хуан предъявил управляющему КВЖД тов. Емшанову требование передать управление ставленнику дубаня...»²². Автор писал: «подоплека ясна. Китайские генералы решили захватить принадлежащее Советскому Союзу имущество»²³. Но дальше автор работы отдавал дань требованиям советской пропаганды, объясняя конфликт борьбой капиталистического мира с социализмом: «Страх перед грядущей социалистической революцией заставляет капиталистов вооружаться против общего врага — СССР, который не на словах, а на деле борется за действительный мир. Несомненно, что разбойничий налет... насилия над советскими гражданами были продиктованы китайской военщине другими, стоящими за спинами китайских генералов, империалистическими державами»²⁴. В выводах автор повторяет: «захват дороги — это есть лишь один из моментов борьбы мирового капитала против страны социалистического строи-

16. *Бутлицкий Е., Теплов Д.* Военная угроза на Дальнем Востоке. Что происходит на Советско-китайской границе. М.: ГИЗ, 1929.

17. *Костарев Н.* Граница на замке. М.: Молодая гвардия, 1930.

18. *Конев Н.* На советско-китайской границе. М., 1930.

19. *Скалов Г.* КВЖД. Империализм и китайская реакция в событиях на КВЖД. М.-Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1930.

20. *Ивин А.* За СССР, за революционный Китай. М.-Л.: Государственное изд-во. Отдел военной литературы, 1929. С. 56.

21. *Доронин М.* Захват Китайско-Восточной железной дороги. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. 48 с.

22. *Доронин М.* Захват Китайско-Восточной железной дороги. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. С. 3.

23. *Доронин М.* Захват Китайско-Восточной железной дороги. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. С. 8.

24. *Доронин М.* Захват Китайско-Восточной железной дороги. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. С. 9.

тельства»²⁵. В работе М. Доронина повторяется тезис, присутствующий в советской пропаганде до Великой Отечественной войны, который противопоставлял советскую политику политике царской России: «Царское правительство, строя Китайско-Восточную железную дорогу, ставило своей целью захват Маньчжурии в свои руки, порабощение китайского населения на этой территории»²⁶.

Не забыл автор и тему угрозы Советскому Союзу со стороны белогвардейцев: «22-го июля в Забайкалье были арестованы при переходе границы белогвардейцы Раздобреев, Тараскин, Непомнящий, в Амурском округе задержано несколько бывших офицеров Колчака... все белогвардейцы были прекрасно вооружены гранатами, револьверами и массой патронов. В Харбине начали организовываться из бывших белобандитов партизанские отряды генералов Соколова, Нечаева и других, при поддержке китайских властей. Туда же прибыл матерый белогвардеец, генерал Хорват. Китайцы, по сообщением из Харбина, приступили к организации корпуса русских белогвардейцев под начальством Семенова»²⁷. Здесь следует отметить, что автор не приводит никаких доказательств данных утверждений, а современные исследования не дают подтверждения ни одному из указанных М. Дорониным фактов.

Еще одним советским пропагандистским тезисом, озвученным в книжке М. Доронина, было утверждение о том, что не только трудящиеся китайцы поддерживают советскую сторону, но и китайские солдаты симпатизируют Красной армии. Автор пишет: «китайских солдат везут к границам в запломбированных вагонах... Патронов солдатам... не выдают из опасения, что они восстанут»²⁸; «Известия с Дальнего Востока говорят о многих случаях братания китайских солдат с нашими красноармейцами»²⁹.

Примером освещения советско-китайского конфликта в общественно-политических изданиях Советского Союза в 1929 г. является статья «Маньчжурский конфликт» (без автора), опубликованная под рубрикой «Международное обозрение» в литературно-художественном и научно-публицистическом журнале «Красная новь»³⁰. В статье утверждалось: «В 1924 г... были заключены два соглашения — пекинское и мукденское... Из новых соглашений решительно были выброшены все элементы империалистической экспансии»³¹. Далее авторы статьи констатировали: «Как мы видим, на протяжении минувшего пятилетия китайцы получили на территории Маньчжурии весьма наглядный урок политграмоты: на юге чисто-империалистическое предприятие — ЮМЖД, на севере — чуждое всякого империализма, основанное на принципе полного равноправия советско-китайское предприятие — КВЖД... При таких условиях, казалось, что китайцы должны были чрезвычайно дорожить соглашениями 1924 г. с СССР. Казалось также, что отныне исчезли всякие причины для каких-либо конфликтов на КВЖД... Действительность, однако, жестоко разочаровала эти ожидания. Пятилетнее существование соглашений 1924 г. было историей бесконечных трений, раздоров и столкновений между обоими государствами, в основе которых лежала длинная цепь самых гнусных провокаций со стороны Ки-

25. Доронин М. Захват Китайско-Восточной железной дороги. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. С. 48.

26. Доронин М. Захват Китайско-Восточной железной дороги. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. С. 14.

27. Доронин М. Захват Китайско-Восточной железной дороги. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. С. 9–10.

28. Доронин М. Захват Китайско-Восточной железной дороги. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. С. 11.

29. Доронин М. Захват Китайско-Восточной железной дороги. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. С. 12.

30. Красная новь, 1929. № 9. С. 151–157.

31. Красная новь, 1929. № 9. С. 152.

тая»³². После констатации данного «противоречия» в аналитической части советские авторы ограничились набором примитивных политических штампов: «Маньчжурские события с необыкновенной яркостью осветили истинное лицо китайской контр-революции — кроважодно-свирепое, гнусно-черносотенное, тупо-близорукое. Политический идиотизм контр-революции поистине изумителен»³³.

В 1929–1930 гг. было опубликовано несколько работ одного из главных советских экспертов по Китаю, бывшего представителя Коминтерна в Китае, директора Тихоокеанского института Г. Войтинского (Г.Н. Зархин). В 1929 г. в журнале «Красная новь» была напечатана его статья «Захват КВЖД и политика СССР»³⁴. Статья начиналась со справедливого утверждения: «Вопрос о КВЖД стал бесспорно крупнейшим вопросом мировой политики»³⁵. Причины конфликта ведущий советский эксперт по Китаю описывал так: «с лета 1927 г... Гоминдановское правительство быстро эволюционировало на своем пути превращения в оружие международного империализма против СССР. Только под этим углом зрения и следует рассматривать настоящий конфликт на КВЖД... нужно отметить, что не правы... товарищи, которые сводят вопрос о КВЖД к вопросу о нарушении Китаем договора об «общем коммерческом предприятии». Формально это так, но объективно, т.е. по существу речь идет не о том, что у СССР отнимают право на участие в управлении КВЖД, а о том, что акт 10 июля есть начало наступления на СССР со стороны империалистов...»³⁶. Как и положено советским экспертам-пропагандистам, Г. Войтинский пытался все свести к проискам внешних врагов: «Каждый день приносит сведения, подтверждающие, что империалисты, главным образом, американские, с нетерпением ждут момента для активного вмешательства с тем, чтобы ввязавшись в «разрешение» конфликта, уже не отвязаться... военные и морские атташе империалистических стран в Китае шныряют по КВЖД, знакомясь со стратегическими и военно-материальными возможностями выступления против СССР под китайским флагом»³⁷. При этом конфликт на КВЖД здесь был лишь поводом в очередной раз обрушиться с критикой на мировое социал-демократическое движение.

За пропагандистскими и идеологическими штампами можно увидеть в работе Г. Войтинского и информацию о сложных проблемах, существовавших в советско-китайских отношениях. В качестве примера можно привести такие выдержки из работы: «министр иностранных дел Ван-Чен-тин требует от своего аппарата активности в деле фабрикации сведений о насилиях над китайскими гражданами в СССР...»³⁸. Связь конфликта на КВЖД с событиями в центральном Китае подтверждается упоминанием: «Уже к марту события развивались неуклонно в сторону решительного конфликта между Нанкином и Фын-Юн-сяном... Чжан-Сюэ-лян, воспользовавшись создавшимся положением, послал войска из Маньчжурии к югу...»³⁹.

Конфликту на КВЖД Войтинский посвятил несколько работ. На следующий год после урегулирования конфликта в серии «Блокнот агитатора» вышла брошюра Г. Войтинского «Репетиция войны против СССР. КВЖД, империалисты и СССР»⁴⁰, а Коммуни-

32. Красная новь, 1929. № 9. С. 154.

33. Красная новь, 1929. № 9. С. 155.

34. Войтинский Г. Захват КВЖД и политика СССР // *Красная новь*, 1929. № 9. С. 142–150.

35. Войтинский Г. Захват КВЖД и политика СССР // *Красная новь*, 1929. № 9. С. 142.

36. Войтинский Г. Захват КВЖД и политика СССР // *Красная новь*, 1929. № 9. С. 145–146.

37. Войтинский Г. Захват КВЖД и политика СССР // *Красная новь*, 1929. № 9. С. 143.

38. Войтинский Г. Захват КВЖД и политика СССР // *Красная новь*, 1929. № 9. С. 143.

39. Войтинский Г. Захват КВЖД и политика СССР // *Красная новь*, 1929. № 9. С. 149.

40. Войтинский Г. Репетиция войны против СССР. КВЖД, империалисты и СССР. М.-Л.: Государственное издательство, 1930. 30 с.

стическая академия издала отдельной небольшой книжкой его работу «КВЖД и политика империалистов в Китае»⁴¹.

В 1930 г. в Москве вышла написанная еще до окончания конфликта брошюра «Империализм и китайская реакция в событиях на КВЖД». Автором работы был бывший советник в Китае и ректор Московского института востоковедения Г.Б. Скалов. В первой главе — «История КВЖД в связи с захватом ее китайской военщиной» — говорилось: «По мере улучшения положения дел на дороге, ее доходность все более привлекала аппетиты китайской военщины, особенно Манчжурского диктатора Чжан Цзо-лина. Япония... была заинтересована в конфликтах китайских властей с СССР. Англия стремилась включить Манчжурию в антисоветский фронт, Франция не забыла о своих претензиях на КВЖД... Америка давно искала возможность... получения контроля над дорогой. Вполне понятно поэтому, что почти на следующий день после соглашения 1924 г. на дороге начинаются непрерывные провокации против СССР»⁴². Таким образом, автор первой работы по итогам конфликта отрицает его наличие, по крайней мере — объективной его составляющей. В главе «Предпосылки и цели захвата КВЖД» говорилось: «В основе китайско-советского конфликта лежит противоречие между миром капитализма и страной пролетарской диктатуры»⁴³.

Далее автор формулирует «основные причины захвата КВЖД»: «стремление империализма спровоцировать СССР на войну», «борьба САСШ с Японией за Манчжурию», «борьба Нанкина против Мукдена», «хищная алчность мукденских милитаристов»⁴⁴. Таким образом, по утверждению одного из ведущих советских экспертов по Китаю, причина советско-китайского конфликта заключалась в противостоянии Америки и Японии, а также в конфликте между правительством Китайской Республики в Нанкине и накануне признавшей это правительство администрацией Северо-Восточного Китая. Тезис о противостоянии между Нанкином и Мукденом подтверждается тем, что треть армии Манчжурии во время советско-китайского конфликта размещалась в районе Шанхайгуаня, под Пекином, однако это никак не объясняет причину именно конфликта с СССР. Главные советские востоковеды закрывали проблему конфликта на КВЖД стандартными и ни к чему не обязывающими идеологическими шаблонами и пропагандистскими штампами.

В начале 1930-х гг. выходит двумя изданиями работа бывшего консула в Харбине, проректора Московского института востоковедения В.Я. Аварина (В.Я. Аболтин) «Империализм в Маньчжурии»⁴⁵. Здесь терминологический ряд, выраженный в названии параграфов, следующий: «Подготовка маньчжурской феодально-милитаристской клики к захвату КВЖД» и «Захват КВЖД как орудие репетиции войны против СССР». Таким образом, автор китайской стороной конфликта называет «Маньчжурскую феодально-милитаристскую клику», а в основном все объяснение конфликта ограничивается пропагандистскими штампами.

Бурные события японской экспансии в Маньчжурии и продажа КВЖД отодвинули на второй план советско-китайский конфликт. Правда, имелась проблема сравнения действий СССР и Японии. На внеочередном заседании политсекретариата ИККИ в ок-

41. *Войтинский Г.* КВЖД и политика империалистов в Китае. М.: Изд-во Коммун.акад., 1930. 72 с.

42. *Скалов Г.* КВЖД. Империализм и китайская реакция в событиях на КВЖД. М.-Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1930. С. 9.

43. *Скалов Г.* КВЖД. Империализм и китайская реакция в событиях на КВЖД. М.-Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1930. С. 12.

44. *Скалов Г.* КВЖД. Империализм и китайская реакция в событиях на КВЖД. М.-Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1930. С. 36.

45. *Аварин В.* Империализм в Маньчжурии. Т. 1. Этапы империалистической борьбы за Маньчжурию. 2-е пересмотренное и дополненное издание. М.-Л.: ОГИЗ, 1934.

тябре 1931 г. заведующий Восточным отделом Исполкома Коминтерна Г.И. Сафаров заявлял: «товарищи не хотят или не понимают необходимости разъяснить английскому рабочему, что СССР в 1929 г. давал отпор Чжан Сюэляну и белым бандитам не потому, что какое-то количество русского капитала вложено в КВЖД, а потому, что он непосредственным образом защищал, во-первых, рабочих и крестьян СССР от интервенции... и, во-вторых, он, выступая здесь, отстаивал здесь и интересы мировой революции»⁴⁶.

Интерес к конфликту на КВЖД несколько усилился в конце 1930-х гг., в условиях начала Второй мировой войны на Дальнем Востоке. В советской политико-пропагандистской литературе был закреплен тезис о том, что именно Япония была главным виновником советско-китайского конфликта на КВЖД. В работе, изданной «Партиздатом» в 1938 г., говорилось: «Японская военщина втянула Чжан-сюэляна в 1929 г. в бессмысленную попытку самовольного захвата КВЖД, закончившуюся разгромом захватчиков частями славной Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии»⁴⁷. Накануне Великой Отечественной войны в работах по военной истории вообще перестали упоминать события 1929 г. В опубликованной в 1941 г. книге «Вооруженный оплот советского государства» автор, говоря об истории вооруженных сил и военного строительства, вообще не упоминает советско-китайский конфликт на КВЖД⁴⁸.

Таким образом, важнейшей составляющей истории КВЖД в последнее десятилетие существования дороги, как и в целом советско-китайских отношений в этот период, был конфликт на КВЖД, пиком развития которого стали столкновения 1929 г. В 1920–1930-х гг. в советской литературе этому конфликту не уделялось большого внимания, в востоковедных изданиях зачастую о нем вообще не упоминали. Поводом к повышению интереса не только общественности, но и специалистов-экспертов к конфликту стали военные события советско-китайского противостояния в 1929 г. В Советском Союзе вышли в свет публикации не только пропагандистов и участников событий, но и известных экспертов по Китаю, таких как Б.Н. Мельников (Семенов), С.А. Дридзо (Лозовский), А.А. Иванов (Ивин), Г.Н. Зархин (Войтинский), Г.Б. Скалов, В.Я. Аболтин (Аварин). Однако в публикациях конца 1920-х — 1930-х гг. давалась крайне упрощенная картина событий, анализ проблем подменялся пропагандистско-идеологическими штампами, авторы сводили причины конфликта к проискам внешних врагов.

Созданная в 1920–1930-х гг. упрощенная картина событий конфликта на КВЖД, в основе которой лежали политико-пропагандистские штампы, пережила советскую эпоху и отчасти воспроизводится в современной литературе. И лишь в последние пять лет российские исследователи представили серию фундаментальных исследований, вывели степень изученности конфликта на КВЖД на современный, качественно новый уровень.

Литература

- Аварин В.* Империализм в Маньчжурии. Т. 1. Этапы империалистической борьбы за Маньчжурию. 2-е пересмотренное и дополненное издание. М.-Л.: ОГИЗ, 1934.
- Барандов Г.* Вооруженный оплот советского государства. М.: ОГИЗ, СОЦЭКГИЗ, 1941.
- Бутлицкий Е., Теплов Д.* Военная угроза на Дальнем Востоке. Что происходит на Советско-китайской границе. М.: ГИЗ, 1929.
- ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. IV. 1931–1937 / ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937. В 2-х частях. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 2003.
- Войтинский Г.* Захват КВЖД и политика СССР // *Красная новь*, 1929. № 9.

46. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. IV. 1931–1937 / ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937. В 2-х частях. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 2003. С. 83.

47. *Глебов Н.* Японские агрессоры в Китае. М.: Партиздат, 1938. С. 9.

48. *Барандов Г.* Вооруженный оплот советского государства. М.: ОГИЗ, СОЦЭКГИЗ, 1941.

- Войтинский Г.* Репетиция войны против СССР. КВЖД, империалисты и СССР. М.-Л.: Государственное издательство, 1930.
- Войтинский Г.* КВЖД и политика империалистов в Китае. М.: Изд-во Коммуна.акад., 1930.
- Глебов Н.* Японские агрессоры в Китае. М.: Партиздат, 1938.
- Дацьшэн В.Г.* Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб.: ИПЗ, 1996.
- Дацьшэн В.Г.* «Конфликт на КВЖД 1926 г.» и «Конфликт на КВЖД 1929 г.»: сравнительно-исторический анализ советской политики // *Сравнительная политика*, 2018. № 9 (4).
- Доронин М.* Захват Китайско-Восточной железной дороги. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929.
- Ивин А.* За СССР, за революционный Китай. М.-Л.: Государственное изд-во, отдел военной литературы, 1929.
- Игнатович К.И.* Проблемы китайской колонизации Северной Маньчжурии и методы ее осуществления // *Северная Азия*, 1929. № 5–6.
- Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых. В 5 т. Т. I. М.: РОССПЭН, 2006.
- Конев Н.* На советско-китайской границе. М.: Молодая гвардия, 1930.
- Костарев Н.* Граница на замке. М.: Молодая гвардия, 1930.
- Маньчжурия. Экономико-географическое описание. Ч. 1. Харбин: Типо-литография Кит. Вост. жел. дор., 1934.
- Мелихов Г.В.* Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003.
- Миц П.* Китайская коммунистическая партия в критические дни. М.-Л.: Государственное издательство, 1928.
- Молва. 1928. 3 октября.
- Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. — 1926 г. / Сост., отв. ред. *А. И. Картунова*. М.: Наталис, 2008.
- Проблемы Китая. Записки НИИ по Китаю при ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем. № 3. М.: Изд-во Комакадемии, 1930.
- Семенов Б.* Китай и СССР // О Китае. Политико-экономический сборник. Под ред. *А. Лозовского*. М.-Л.: Государственное издательство, 1928.
- Скалов Г.* КВЖД: Империализм и китайская реакция в событиях на КВЖД. М.-Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1930.
- Чичерин Г.В.* Статьи по вопросам международной политики. М.: Изд-во соц-экон. лит., 1961.
- 中俄边界条约集 [Сборник соглашений о китайско-российской границе]. 北京, 1973.

HISTORY

Problems of the Conflict on the CER in the Works of Soviet Scientists of the First Half of the XX Century

Vladimir G. Datsyshen

Dr.Sc. (History), Professor, Institute for Demographic Research—Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka St., Moscow, Russian Federation, 107031). ORCID: 0000-0001-6471-8327. E-mail: dazishen@mail.ru.

Received 21.12.2021.

Abstract:

The article is devoted to the problem of the Conflict on the Chinese Eastern Railway in the works of Soviet orientalist experts — contemporaries of the events. The Conflict on the CER is the Soviet-Chinese confrontation on the Chinese Eastern Railway, starting in 1924. The chronological framework is determined by the history of the Conflict of the Chinese Eastern Railway — the period of the second half of the 1920s — early 1930s. Already at the end of 1924, the first conflict between the Soviet and Chinese sides of the road took place. The conflict at the Chinese Eastern Railway in early 1926 moved to a qualitatively new level. The Soviet-Chinese Conflict at the CER in 1929 was already a military conflict between the two countries. In the 1920s-1930s little attention was paid to this conflict in Soviet literature. The reason for the increased interest of the public and expert experts in the Conflict at the Chinese Eastern Railroad was the sharp aggravation of the conflict and the military events of 1929. Already in 1929, brochures describing the

military conflict were published in Siberia, and detailed materials on the problems of the Conflict at the Chinese Eastern Railroad appeared in periodicals. The source for the research was the publications of the contemporaries of the events. The works of Soviet orientalists such as B.N. Melnikov, S.A. Dridzo, A.A. Ivanov, G.N. Zarkhin, G.B. Skalov, V.Ya. Aboltin. In addition, other publications by various authors devoted to the Soviet-Chinese Conflict at the Chinese Eastern Railway in 1929 were considered. Analysis of the publications made it possible to conclude that an extremely simplified picture of events was given in the Soviet scientific and popular science literature, the analysis of problems was replaced by propaganda and ideological clichés, the authors reduced the causes of the conflict to the intrigues of external enemies.

Key words:

The Conflict on the CER, the historiography of Soviet-Chinese relations, Soviet experts-orientalists.

For citation:

Datsyshen V.G. Problems of the Conflict on the CER in the Works of Soviet Scientists of the First Half of the XX Century // Far Eastern Studies. 2022. No. 1. Pp. 180–191.
DOI: 10.31857/S013128120018309-0.

References

- Avarin V.* Imperializm v Man'chzhurii. T. 1. Etapy imperialisticheskoy bor'by za Man'chzhuriyu [Imperialism in Manchuria. T.1. Stages of the imperialistic fight for Manchuria]. 2-e peresmotrennoe i dopolnennoe izdanie. M.-L.: OGIZ, 1934. (In Russ.).
- Barandov G.* Vooruzhennyj oplot sovetskogo gosudarstva [Armed stronghold of the Soviet state]. M.: OGIZ, SOCEKGIZ, 1941. (In Russ.).
- Butlickij E., Teplov D.* Voennaya ugroza na Dal'nemVostoke. Chto proiskhodit na Sovetsko-kitajskoj granice [Military threat in the Far East. What is happening on the Soviet-Chinese border]. M: GIZ, 1929. (In Russ.).
- Chicherin G.V.* Staf'i po voprosam mezhdunarodnoj politiki [Articles on questions of international politics]. M.: Izd-vosoc-ekon. lit., 1961. (In Russ.).
- Glebov N.* Yaponskie agressory v Kitae [Japanese aggressors in China]. M.: Partizdat, 1938.
- Dacyshen V.G.* Russko-kitajskaya vojna. Man'chzhuriya 1900 g. [The war between Russia and China. Manchuria 1900]. SPb.: IPZ, 1996. (In Russ.).
- Dacyshen V.G.* «Konflikt na KVZhD 1926 g.» i «Konflikt na KVZHD 1929 g.»: sravnitel'no-istoricheskij analiz sovetskoy politiki ["Conflict on the CER in 1926" and "Conflict on the CER in 1929": a comparative historical analysis of Soviet politics]. *Sravnitel'naya politika*, 2018. No. 9 (4). (In Russ.).
- Doronin M.* Zahvat Kitajsko-Vostochnoj zheleznoj dorogi [The seizure of the Chinese Eastern Railway]. Novosibirsk: Sibkrajizdat, 1929. (In Russ.).
- Ignatovich K.I.* Problemy kitajskoj kolonizacii Severnoj Man'chzhurii i metody ee osushchestvleniya [Problems of the Chinese colonization of Northern Manchuria and methods of its implementation]. *Severnaya Aziya*, 1929. No. 5–6. (In Russ.).
- Ivin A.* Za SSSR, za revolyucionnyj Kitaj [For the USSR, for revolutionary China]. M.-L.: Gosudarstvennoe izd-vo, otdel voennoj literatury, 1929. (In Russ.).
- Kitaj i russkaya emigraciya v dnevnikah I.I. i A.N. Serebrennikovyh [China and Russian emigration in the diaries of I.I. and A.N. Serebrennikovs]. V 5 t. T. I. M.: ROSSPEN, 2006. (In Russ.).
- Konev N.* Na sovetsko-kitajskoj granice [On the Soviet-Chinese border]. M.: Molodaya gvardiya, 1930. (In Russ.).
- Kostarev N.* Granica na zamke [The border is locked]. M.: Molodaya gvardiya, 1930.
- Man'chzhuriya. Ekonomiko-geograficheskoe opisanie. Ch. 1 [Manchuria. Economic and geographic description. Part 1]. Harbin: Tipo-litografiya Kit. Vost. zhel. dor., 1934. (In Russ.).
- Melihov G.V.* Belyj Harbin: Seredina 20-h [White Harbin. Mid 1920s]. M.: Russkij put', 2003. (In Russ.).
- Mif P.* Kitajskaya kommunisticheskaya partiya v kriticheskie dni [The Chinese Communist Party in critical days]. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. (In Russ.).
- Molva. 1928. 3 oktyabrya. (In Russ.).
- Perepiska I.V. Stalina i G.V. Chicherina s polpredom SSSR v Kitae L.M. Karahanom: dokumenty, avgust 1923 g. — 1926 g. [Correspondence of I.V. Stalin and G.V. Chicherin with the plenipotentiary of the USSR in China L.M. Karahan: documents, August 1923–1926]. Sost., otv. red. *A.I. Kartunova*. M.: Natalis, 2008. (In Russ.).

- Problemy Kitaya. Zapiski NII po Kitayu pri asociacii po izucheniyu nacional'nyh i kolonial'nyh problem [The problems of China. Notes of the Research Institute for China under the Association for the Study of National and Colonial Problems]. No.3. M.: Izd-vo Komakademii, 1930. (In Russ.).
- Semenov B.* Kitaj i SSSR [China and the USSR]. O Kitae. Politiko-ekonomicheskij sbornik. Pod red. *A. Lozovskogo*. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. (In Russ.).
- Skalov G.* KVZhD: Imperializm i kitajskaya reakciya v sobytyahna KVZhD [CER: Imperialism and Chinese reaction in the events on the CER]. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Otdel voennoj literatury, 1930. (In Russ.).
- VKP(b), Komintern i Kitaj: Dokumenty. T. IV. 1931–1937 [The All-Union Communist Party of Bolsheviks, the Comintern and China: Documents. T. IV. 1931–1937]. VKP(b), Komintern i sovetskoe dvizhenie v Kitae. 1931–1937. V 2-h chastyah. Ch. 1. M.: ROSSPEN, 2003. (In Russ.).
- Vojtinskij G.* Zahvat KVZhD i politika SSSR [The seizure of the CER and the policy of the USSR]. *Krasnaya nov'*, 1929. No. 9. (In Russ.).
- Vojtinskij G.* Repeticiya vojny protiv SSSR. KVZhD, imperialisty i SSSR [The rehearsal of the war against the USSR. The CER, imperialists and the USSR]. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930. (In Russ.).
- Vojtinskij G.* KVZhD i politika imperialistov v Kitae [CER and the policy of imperialists in China]. M.: Izd-vo Kommun. akad., 1930. (In Russ.).
- 中俄边界条约集 [Collection of agreements on the Chinese-Russian border]. 北京, 1973. (In Chin.).

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на учебное пособие: Политика безопасности стран современного Востока / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. 280 с.

С вступлением в третье десятилетие XXI в. мир не стал более безопасным, предсказуемым или управляемым. Напротив, повышается нестабильность как внутривнутриполитическая в пределах отдельных государств, так и в межгосударственных отношениях, интенсифицируются различного рода международные противоречия и конфликты, число разделительных линий между государствами растет, на авансцену мировой политики снова выходит блоковое мышление. Усиливающаяся конфронтация и стратегическое соперничество между великими державами (по линиям США–Китай и США–Россия) затрудняют или даже делают невозможной выработку совместных решений ключевых проблем глобальной и региональной безопасности и одновременно обуславливают стремление отдельных великих держав обеспечить собственную безопасность за счет своих конкурентов, создать им прямые или опосредованные угрозы безопасности с целью сдерживания их дальнейшего развития и усиления.

Малые и средние государства нередко оказываются заложниками растущего стратегического противостояния великих держав, вынуждены выбирать одну из противоборствующих сторон или искать пути сохранения одинаковой равноудаленности, что будет становиться все более сложной задачей. Исходя из представлений о возрастающих рисках, вызовах и угрозах, государства неизбежно приходят к необходимости наращивания своего военного потенциала, увеличения оборонных расходов, формирования или присоединения к военно-политическим объединениям и многосторонним механизмам обеспечения безопасности, в целом, к адаптации своей политики в сфере безопасности к новым условиям стратегического соперничества великих держав.

Большое число неразрешенных конфликтов и угроз безопасности присуще современному Востоку, объединяющему крупные регионы и страны Африки и Азии. При этом некоторые из конфликтов носят латентный или вялотекущий характер уже на протяжении десятилетий, а некоторые находятся в активной фазе или способны в любой момент перерастать

в «горячие точки». В отличие от Запада, где с известной долей условности можно говорить о наличии «единых ценностей» и консенсуса по поводу основ и правил общего порядка и обеспечения безопасности, на Востоке, страны которого отличаются цивилизационно-историческими, этноконфессиональными и национально-психологическими особенностями, достижение общего понимания ценностей, норм и принципов, которые могли бы лечь в основу коллективных систем безопасности, оказывается чрезвычайно сложной задачей¹. На Востоке сохраняются многочисленные конфликты, обусловленные нерешенностью пограничных вопросов, межгосударственные противоречия, вызванные неурегулированностью вопросов «исторического прошлого» и сохранением «исторических обид» (в особенности, в Восточной Азии), внутривнутригосударственные конфликты, связанные с борьбой за власть (например в Африке), межгосударственные конфликты, отражающие борьбу за региональное лидерство и пр. Ввиду высокой конфликтогенности афро-азиатского мира, постоянный мониторинг и комплексное изучение современной ситуации в области безопасности относящихся к нему регионов и стран приобретает большую теоретическую и прикладную значимость.

На этом фоне очень своевременным можно считать издание в 2021 г. под редакцией авторитетного отечественного японоведа, профессора МГИМО Д.В. Стрельцова учебного пособия, в котором представлена комплексная картина присущих афро-азиатскому миру конфликтов, проблем, угроз и вызовов безопасности, а также проанализирована политика некоторых стран современного Востока в сфере безопасности. Несмотря на то, что издание отнесено авторами к категории «учебное пособие» и имеет соответствующие атрибуты (после каждой главы следуют контрольные вопросы, рекомендуемая литература и пр.), в содер-

1. Политика безопасности стран современного Востока / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. С. 5.

жательном плане оно по праву может рассматриваться в качестве полноценной коллективной монографии, вносящей значимый вклад в углубление научных знаний о политике стран современного Востока в области безопасности.

Учебное пособие структурировано в соответствии с выделением в отдельные главы либо основных региональных конфликтных «узлов» и актуальных угроз и вызовов безопасности, либо стран с характеристикой их политики в области безопасности. Авторским коллективом были проанализированы причины и природа африканских вооруженных конфликтов в целом и Второй конголезский конфликт в частности, остро стоящие перед Ближним Востоком, Южной Азией и АСЕАН проблемы и вызовы безопасности, северокорейская ракетно-ядерная проблема, а также угрозы, исходящие от «Исламского государства» (главы 1, 2, 7, 8, 11 и 3 соответственно).

В главах, посвященных политике в области безопасности отдельных стран современного Востока (Турции, Ирана, Афганистана, Индонезии, Китая и Японии), авторы старались следовать единому подходу, выделяя институциональную, кадровую, нормативно-правовую основы политики, на основе анализа концептуальных документов соответствующих стран выявляя национальную специфику интерпретации угроз и вызовов, характеризуя основные направления и международные аспекты политики безопасности стран, а также ее особенности в условиях пандемии COVID-19. Для каждой из рассматриваемых стран были выделены основные государственные институты, занимающиеся формированием политики в области безопасности; охарактеризованы стратегические и концептуальные документы, в которых фиксируются основы соответствующей политики и выделяются угрозы; выявлены факторы, влияющие на проведение той или иной линии в обеспечении безопасности; обозначено восприятие угроз в соответствующих странах; уделено внимание международным аспектам политики стран в области безопасности. В фокусе внимания авторов были как традиционные, так и нетрадиционные угрозы и вызовы, в том числе, обусловленные борьбой с пандемией COVID-19.

Четкая, логически выстроенная структура, унифицированный подход к написанию глав, содержательность способствуют формированию системных представлений о ситуации

в различных регионах афро-азиатского мира и о политике в сфере безопасности отдельных стран современного Востока.

Несмотря на несомненные достоинства, работе присущи и некоторые недостатки. В частности, слабым «местом» учебного пособия является неполный перечень анализируемых ключевых угроз и вызовов безопасности, а также значимых стран современного Востока и их политики. Так, отсутствует анализ соответствующей проблематики в центральноазиатских странах; обрисована политика в области безопасности Турции и Ирана, но не рассмотрены другие региональные державы, например Саудовская Аравия, Израиль или Палестина. Специальная глава отведена Индонезии, но полностью проигнорированы остальные страны Юго-Восточной Азии (они рассмотрены в комплексе в главе по АСЕАН), отсутствует анализ политики безопасности Индии – важного регионального игрока и части активно продвигаемой рядом стран концепции «Индо-Тихоокеанского региона». С учетом того, что учебное пособие посвящено всему современному Востоку, а не только Восточной Азии, неоправданным с точки зрения демонстрации общей картины происходящих процессов можно считать введение в пособие главы «Роль России в сфере безопасности по отношению к региону Восточной Азии». Уместным было бы охарактеризовать роль России не только в Восточной Азии, но и на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и пр. Тем более, что роль России в области обеспечения безопасности в Центральной Азии и на Ближнем Востоке ярко выражена, в то время как в Восточной Азии она до сих пор второстепенна. Указанные замечания, однако, являются скорее пожеланием на случай планов авторского коллектива учебного пособия переиздать его в перспективе.

В целом, издание учебного пособия «Политика безопасности стран современного Востока» под редакцией Д.В. Стрельцова можно отнести к важному событию в российской научной жизни и в образовательной сфере: оно заполняет вакуум учебной и исследовательской литературы в части анализа политики в области безопасности стран Востока и станет полезным подспорьем для студентов и аспирантов, обучающихся на соответствующих профилях и образовательных программах, а также востоковедов и исследователей проблем международной безопасности.

Яна Валерьевна Лексютина,

доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9). ORCID: 0000–0001–6766–1792. E-mail: lexyana@ya.ru.

BOOK REVIEW

**Textbook Review: Security Policy of the Countries of the Modern East / ed.
D.V. Streltsov. Moscow: Publishing House “Aspect Press”, 2021. 280 p.**

Yana Valeryevna Leksyutina,

Dr.Sc. (Political Science), Professor of RAS, Professor at American Studies Department in Saint-Petersburg State University (address: 7–9, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation). ORCID: 0000–0001–6766–1792. E-mail: lexyana@ya.ru.

ЮБИЛЕЙ УЧЁНОГО / SCHOLAR JUBILEE

Юбилей Валентины Петровны Журавлёвой Anniversary of Valentina Petrovna Zhuravleva

24 января 2022 г. исполнилось 90 лет Валентине Петровне Журавлёвой, главному библиографу Синологической библиотеки ИНИОН РАН (Отдел ББО ИНИОН при ИДВ РАН), сотрудником которой она достойно трудилась до 2021 г.

По признанию отечественных востоковедов, да и многих зарубежных ученых, тех, кто хоть раз обращался к Валентине Петровне за консультацией или знаком с ее трудами, она самый авторитетный, высококвалифицированный российский специалист в области библиографии Китая.

Выпускница Восточного факультета Ленинградского государственного университета В.П. Журавлёва в 1955 г. приезжает в Москву и начинает работать в Секторе сети специальных библиотек при Президиуме АН СССР. Вскоре она поступает на работу в созданный в 1956 г. Институт китаеведения АН СССР, где происходит ее знакомство со всемирно известным китаеведом, библиографом П.Е. Скачковым. В 1958 г. она переходит на работу в только что основанную при Институте Синологическую библиотеку. Тогда же по предложению П.Е. Скачкова она занялась продолжением его всемирно известной «Библиографии Китая».

Уход из жизни П.Е. Скачкова (1964) не повлиял на решение Валентины Петровны продолжать работу над библиографией Китая. Она издавала библиографические списки, указатели в различных ежегодниках и в итоге за 25 лет опубликовала солидное собрание литературы о Китае.

В научном активе Валентины Петровны публикации статей о фондах Синологической библиотеки. Совместно с другими ею были составлены и изданы в академической серии «Материалы к биобиблиографии ученых» указатели трудов академиков С.Л. Тихвинского, М.Л. Титаренко, В.С. Мясникова, два юбилейных биобиблиографических справочника ИДВ РАН.

Главным вкладом в научную деятельность ИДВ стало участие Валентины Петровны в 6-томной энциклопедии «Духовная культура Китая», для которой она составила библиографию по всей тематике издания.

В 2011 г. энциклопедия «Духовная культура Китая» была удостоена Государственной премии РФ. В столь высокой оценке этого уникального труда есть заслуга и нашего юбиляра, Валентины Петровны Журавлёвой.

В свободное от библиотечной повседневной текучки время и в выходные дни Валентина Петровна трудилась над продолжением «Библиографии Китая», завещанной ей П.Е. Скачковым. Фундаментальный труд вышел в свет в 2015 г. (*Журавлёва В.П.* Библиография Китая. Философия и общественно-политическая мысль. Этика. Эстетика. Военная мысль. Мифология. Религия. 1958–2008 гг.). Этот щедрый дар всем китаеведам, выполненный на самом высоком уровне, юбиляр посвятила «с глубоким благоговением и благодарностью» своим наставникам Петру Емельяновичу Скачкову и его другу, китаеведу со схожей судьбой, Марку Исааковичу Казанину.

Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока РАН, коллеги из Синологической библиотеки ИНИОН РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока», Общество российско-китайской дружбы желают Вам, дорогая Валентина Петровна, доброго здоровья и неиссякаемого оптимизма.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ и базу данных RSCI. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с издательскими требованиями все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://pdv.jes.su>.

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) Пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) В меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) Можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**». Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – **Е38827**.

Возможно оформление льготной подписки в редакции. Для ее оформления с получением печатной версии в Институте Дальнего Востока РАН необходимо направить заявку на e-mail pdvjournal@mail.ru с указанием Ф.И.О. и контактов. Подписка может оформляться на полгода и на весь год. После формирования списка подписчиков заявителям направляется бланк квитанции на оплату с банковскими реквизитами. Заявители оплачивают по квитанции или реквизитам подписку и передают на вышеуказанный e-mail подтверждающие документы, после чего уже как подписчики получают журналы в ИДВ РАН (к.1115, 11 этаж) под роспись по мере выхода номеров журнала из печати.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110158 от 05.02.1993 г.)
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32;
тел. (499) 124-09-02; e-mail: pdvjournal@mail.ru
Оригинал-макет © 2022 г. Дмитрий Славинский

Подписано к печати 11.02.2022 г. Формат 70 × 100 ¹/₁₆ Уч.-изд. л.14,6.
Тираж 165 экз. Зак. 14/1а. Цена свободная.

Учредители: Российская академия наук; Институт Дальнего Востока РАН

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

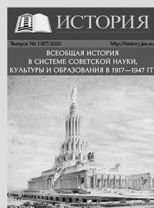
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

БАКАЛАВРИАТ

Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА

Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА

Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).